

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 1 (52) 2020

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2020

Вестник Волгоградской академии МВД России.
Выпуск 1 (52) 2020 :
науч.-метод. журнал. —
Волгоград : ВА МВД
России, 2020. — 222 с.

**Учредитель
и издатель —
Волгоградская
академия МВД России**

Журнал основан
в 2006 г.
Выходит 4 раза в год
тиражом
500 экземпляров

Журнал включен
в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты
диссертаций
на соискание
ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

Журнал включен
в систему
Российского индекса
научного цитирования.
Полнотекстовые
версии статей
и пристатейные
библиографические
списки помещаются
на сайте Научной
электронной библиотеки
(www.elibrary.ru)

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий
и массовых
коммуникаций
23 мая 2019 г.
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-75804

Подписной индекс
в каталоге
«Роспечать» — **22761**

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Состав редакционного совета

А. П. Анисимов, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

П. В. Анисимов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Волгоградского института бизнеса, доктор юридических наук, профессор.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры уголовного процесса Алматинской академии МВД Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Бужор, директор Института уголовного права и прикладной криминологии (Республика Молдова), доктор права, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

Н. И. Грачев, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

И. С. Дикарев, директор Института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминологии учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминологии учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Р. Г. Зорин, заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин факультета экономики и права Барановичского государственного университета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. М. Маркосян, начальник кафедры уголовного права и криминологии Образовательного комплекса полиции Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент.

Д. М. Мирзоев, начальник кафедры предварительного следствия и криминологии Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доцент.

С. Д. Назаров, председатель Волгоградского областного Совета ветеранов, кандидат юридических наук, профессор.

А. И. Овчинников, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, заместитель начальника Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. Я. Рыженков, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета имени В. В. Городовикова, доктор юридических наук, профессор.

Редакторы
Т. В. Рассказова,
М. В. Остертак

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400089, Волгоград,
ул. Историческая, 130.

Подписано в печать:
20.03.2020.

Дата выхода в свет:
27.03.2020.

Формат 60X84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 27,8.
Усл. печ. л. 25,8.
Тираж 500. Заказ 10.

Цена по подписке
по каталогу
«Роспечать»
513 руб. 44 коп.
(2 номера).

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400131, Волгоград,
ул. Коммунистическая, 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2020

К. К. Сейтенов, директор научно-исследовательского института судебной экспертизы Казахского гуманитарно-юридического университета (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Состав редакционной коллегии

С. М. Голятина, редактор редакторской группы редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России (ответственный секретарь).

С. В. Катков, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

Н. В. Кальченко, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

С. В. Катков, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

О. С. Колосович, заместитель начальника кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Намнясева, начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Полов, доцент кафедры теории и истории права и государства, кандидат юридических наук, доцент.

Н. Л. Радаева, начальник отделения информации и общественных связей Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

А. А. Редько, начальник научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Г. М. Семененко, заместитель начальника кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

А. А. Тихонов, начальник редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук.

Е. Н. Трофимов, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

А. Г. Фастов, ученый секретарь ученого совета Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Issue 1 (52) 2020 : scientific and methodical journal. — Volgograd : VA MVD Russia, 2020. — 222 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published

The journal is included into the system Russian index scientific citation. Full-text versions of articles and bibliographic lists are placed on the Scientific electronic library (www.elibrary.ru)

The Journal is registered at the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate number **PI № FS77-75804** as of May 23, 2019

Subscription index at the catalogue "Rospechat": **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

EDITOR-IN-CHIEF

V. I. Tretyakov, Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Academy for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

A. P. Alekseeva, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

The editorial council

A. P. Anisimov, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

P. V. Anisimov, Head of Theory and History of State and Law Department of the Volgograd Institute of Business, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Criminal Procedure of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Buzhor, Director of the Institute of Criminal Law and Applied Criminology (Republic of Moldova), Doctor of Law, Professor.

V. G. Glebov, Head of the Criminal Proceeding and Criminalistics Department of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

N. I. Grachev, Professor at the Constitutional and Administrative Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

I. S. Dikarev, Head of the Faculty of Law of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Preliminary Investigation Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

R. G. Zorin, Head of the Department of Civil and Criminal Law Disciplines of the Economics and Law Department of the Baranovichi State University of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the OVD of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. M. Markosyan, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Educational Complex of Police of the Republic of Armenia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Preliminary Investigation and Criminalistics of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. D. Nazarov, Head of the Volgograd Regional Council of Veterans, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

A. I. Ovchinnikov, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Deputy Head of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor.

Editors
T. V. Rasskazova,
M. V. Ostertak

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400089, Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
20.03.2020.

Date of publication:
27.03.2020.

Format 60X84/8.
Offset printing.
Font Arial.
Physical print sheets 27,8.
Conventional print sheets 25,8.
500 copies. Order 10.

Subscription price
by catalogue
"Rospechat"
513 ruble 44 kopeek
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the interior of Russia.
400131, Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the interior of Russia,
2020

A. Ya. Ryzhenkov, Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

K. K. Seytenov, Director of the Center for Forensic Experts' Advanced Training, Kazakh Humanitarian Law University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. P. Shkaplerov, First Deputy Chief of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The editorial board

S. M. Golyatina, Editor of the Editorial Team of the Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Executive Secretary).

Yu. P. Doronin, Senior Lecturer at the Philosophy Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Historical Sciences, Docent.

N. V. Kalchenko, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

S. V. Katkov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

O. S. Kolosovich, Deputy Head of the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Namnyaseva, Head of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Popov, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

N. L. Radaeva, Head of Department of Information and Public Relations of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

A. A. Redko, Head of the Research Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

G. M. Semenenko, Deputy Head of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Tikhonov, Head of Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Philosophical Sciences.

E. N. Trofimov, Associate Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. G. Fastov, Scientific Secretary of the Scientific Council of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

Юбилей П. В. Анисимова

9

СТАТЬЯ НОМЕРА

Батоев В. Б.

«Большие данные (Big Data)»
и предиктивная аналитика
в оперативно-разыскной деятельности:
проблемы использования и пути решения

11

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Пирожкова И. Г., Попов А. М.

Современные и исторические
квазисудебные институты
в системе судебных юрисдикций

Рыженков А. Я., Садков А. Н.
Социализация частного права:
природа и основные направления
(на примере гражданского права)

18

22

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Алексеева А. П.

Законодательные инициативы
в части реформирования норм
об уголовной ответственности
за несообщение о преступлениях

Егорова Н. А., Егоров А. Г.
Уголовная ответственность
за занятие высшего положения
в преступной иерархии: продолжение дискуссии

Жмурин Д. В.
Уголовно-правовые аспекты
антидопинговой политики в спорте

Зотов А. Ю.
Проблемные вопросы института
множественности преступлений

Лихолетов А. А.
Некоторые проблемы квалификации
незаконного осуществления
медицинской деятельности
или фармацевтической деятельности

Лукомская А. С.
Многообъектность преступных посягательств
по делам об экологических преступлениях
при принятии судами решений
о прекращении уголовного дела
по нереабилитирующим основаниям

Ничуговская О. Н.
Реализация стандартов

Европейского комитета по предупреждению пыток

29

34

45

50

55

62

68

CONTENTS

Anniversary of P. V. Anisimov

RELEASE ARTICLE

Batoev V. B.

"Big data" and predictive analytics
in operational investigative activities:
problems of use and solutions

CURRENT PROBLEMS OF STATE AND LAW

Pirozhkova I. G., Popov A. M.

Modern and historical quasijudicial institutions
in the system of judicial jurisdictions

Ryzhenkov A. Ya., Sadkov A. N.

Socialization of private law: nature and main directions
(on the example of civil law)

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Alekseeva A. P.

Legislative initiatives in terms
of reforming the norms
on criminal liability for failure to report crimes

Egorova N. A., Egorov A. G.

Criminal liability for occupying a senior position
in the criminal hierarchy: continuation of the discussion

Zhmurin D. V.

Criminal law aspects of anti-doping policy in sport

Zotov A. Yu.

Multiple crime concerns

Likholetov A. A.

Some problems of qualification while providing
illegal medical or pharmaceutical activities

Lukomskaya A. S.

The multidimensional nature of criminal assaults
in cases of environmental crimes
when the courts make decisions to terminate
the criminal case on non-rehabilitating grounds

Nichugovskaya O. N.

Implementation of the standards
of the European committee for the prevention of torture

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Александрова Л. А., Никифорова Е. Ю.
Отказ государственного обвинителя от обвинения:
некоторые вопросы правоприменительной практики
Бабушкин А. А., Белянский Е. Б.
Организационно-правовые основы
оперативно-разыскного контроля
за лицами, занимающими высшее положение
в преступной иерархии
Бакланов Л. А., Павлов А. В.
Осмотр места происшествия в жилище
с согласия проживающих в нем лиц
до возбуждения уголовного дела
Замылин Е. И., Сергеев В. В.
О критериях оценки результатов,
полученных в ходе производства
следственного эксперимента
Климова Я. А.
Прекращение уголовного дела
в связи с назначением судебного штрафа:
проблемы правоприменения
Кондрашин П. В.
Право потерпевшего на «законный суд»
и его реализация в уголовном процессе
Мелихов А. И., Истратенков А. Ю., Захаров Н. Д.
Типичные нарушения
Конвенции о защите прав человека
и основных свобод 1950 г.
в оперативно-разыскной деятельности полиции
и пути их устранения
Пупцева А. В., Закатов А. А.
Основные аспекты взаимодействия следователя
с органом дознания и экспертными учреждениями
при расследовании преступлений,
связанных с незаконным оборотом наркотиков
Сейноров А. А.
Особенности документирования преступлений,
предусмотренных статьей 232
Уголовного кодекса Российской Федерации,
совершенных в составе организованной группы
Титов П. М.
Перспективы развития частного обвинения
в уголовном судопроизводстве
Российской Федерации
Токарева Е. В., Хоршева В. С., Еремин С. Г.
Неотложные следственные действия:
современное состояние и тенденции развития
уголовно-процессуальных норм,
регулирующих их производство
Трифонова К. А., Шматов М. А.
Получение образцов
для сравнительного исследования:
проблемы нормативной регламентации
и правоприменительной практики
Янин С. А., Янина Т. Н.
О некоторых особенностях
возбуждения уголовного дела
по факту уничтожения или повреждения
объектов культурного наследия
(памятников истории и культуры)
народов Российской Федерации

**CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS
AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES**

73 *Alexandrova L. A., Nikiforova E. Yu.*
Refusal of the public Prosecutor to charge:
some issues of law enforcement practice
80 *Babushkin A. A., Belyansky E. B.*
Organizational and legal basis
of operational-search control over persons,
occupying the highest position in the criminal hierarchy
87 *Baklanov L. A., Pavlov A. V.*
Inspection of the scene in the dwelling
with the consent of the persons living in it
before the initiation of criminal proceedings
93 *Zamylin E. I., Sergeev V. V.*
On some criteria to evaluate results
of the investigative experiment
101 *Klimova Ya. A.*
Dismissal of a criminal case due to fine imposed
by the court: issues of administration of the law
111 *Kondrashin P. V.*
The right of the victim to a "legal court"
and its implementation in criminal proceedings
118 *Melikhov A. I., Istratenkov A. Yu., Zakharov N. D.*
Typical violations of the Convention for the protection
of human rights and fundamental freedoms of 1950
in operational search activities of the police
and ways to eliminate them
125 *Puptseva A. V., Zakatov A. A.*
Basic aspects of interaction of the investigator
with the inquiry body and experimental institutions
for the investigation of crimes,
related to illegal trafficking of drugs
131 *Seinoroev A. A.*
Features of documenting crimes provided article 232
of the Criminal code of Russian Federation
committed as part of an organized group
138 *Titov P. M.*
Prospects for the development of private prosecution
in criminal proceedings of the Russian Federation
145 *Tokareva Ye. V., Khorsheva V. S., Eremin S. G.*
Urgent investigative actions: modern state
and trends of development of criminal
and procedural norms
154 *Trifonova Ch. A., Shmatov M. Yu.*
regulating their proceeding
Obtaining samples for a comparative study:
problems of regulatory actions
and law-enforcement practice
166 *Yanin S. A., Yanina T. A.*
On some features of initiation of criminal proceeding
on the fact of destruction or damage
to cultural heritage objects
(historical and cultural monuments)
of the nationalities of the Russian Federation

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Стельмах В. Ю.
Предусматривает ли
современный уголовно-процессуальный закон
возвращение уголовного дела судом
для дополнительного расследования
Субботин А. М., Трусов Н. А.
Проблемы компенсации морального вреда
в связи с прекращением производства
по делу об административном правонарушении

Материалы диссертационного исследования
М. С. Колосович

SCIENTIFIC DISCUSSION

- 173 *Stelmakh V. Yu.*
Does the modern criminal procedure law provide
for the return of a criminal case by a court
for further investigation?
- 182 *Subbotin A. M., Trusov N. A.*
Problems of compensation for non-pecuniary damage
in connection with the termination of proceedings
in an administrative case
- 188 *Materials of dissertation research*
of M. S. Kolosovich

ЮБИЛЕЙ ПАВЛА ВИКТОРОВИЧА АНИСИМОВА

28 марта 2020 г. исполняется 70 лет доктору юридических наук, профессору Павлу Викторовичу Анисимову, основателю одной из известных волгоградских научных школ по теории права и государства.

Павел Викторович Анисимов родился 28 марта 1950 г. в поселке Петсамо Печенгского района Мурманской области в семье офицера Северного военно-морского флота СССР. Большая часть его трудовой деятельности связана с Волгоградской академией МВД России.

С 1980 г. он работал в должностях заместителя начальника курса по политико-воспитательной работе, начальника курса, преподавателя, старшего преподавателя, доцента, заместителя начальника учебного отдела, начальника отдела подготовки научно-педагогических кадров (аспирантура), а в 1997—2011 гг. — заместителем начальника академии по научной работе. В 1993 г. Павел Викторович защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01 «Теория и история государства и права» по теме «Обеспечение прав человека как элемент правовой культуры в деятельности сотрудника органов внутренних дел». В 2005 г. — докторскую диссертацию по теме «Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека». Проблематика прав человека стала центром его научных исследований благодаря его учителю — профессору Феликсу Михайловичу Рудинскому, усилиями которого в 1988 г. в Высшей следственной школе МВД СССР была создана первая в системе вузов МВД СССР кафедра прав человека.

Павел Викторович Анисимов, развивая научное наследие Феликса Михайловича Рудинского, не только отстаивал существующие, но и развивал новые направления науки прав человека. Это позволило Павлу Викторовичу в свое время сформировать и возглавить самую молодую научную школу академии, насчитывающую к настоящему моменту более 45 ученых, осуществляющих исследования проблем обеспечения прав человека в правовой политике и деятельности ОВД.

Особенностью научных исследований в рамках данной школы сегодня является концентрация внимания на юридических вопросах защиты прав человека, а своеобразной уникальностью этих исследований является выделение в них такого аспекта исследования проблематики прав человека, как правозащитное регулирование прав человека.

Представляется достаточно очевидной актуальность именно такой постановки вопроса о правах человека в свете не только формирования интеллектуальной, методологической основы для подготовки сотрудников органов внутренних дел, получающих высшее профессиональное образование, но и для совершенствования правоохранительной деятельности самого широкого круга субъектов в сегодняшней стратегической нестабильности. П. В. Анисимов и его ученики аргументированно полагают, что под правозащитным регулированием следует понимать воздействие всей совокупности средств правовой защиты в целях урегулирования общественных отношений, возникающих из факта осуществления права на правовую защиту прав человека. В свою очередь, система правозащитного регулирования — это целостное, внутренне согласованное и относительно самостоятельное образование, обусловленное действием прав человека на правовую защиту и включающее в себя специальные правозащитные средства воздействия на общественные отношения. Структура системы правозащитного регулирования представляет собой организацию ее внутреннего содержания, включающую в себя институционально выраженные нормативно- и индивидуально-правовые средства регулирования правозащитных отношений, а также правозащитную деятельность по осуществлению права человека на правовую защиту.

По мнению П. В. Анисимова, общей целью системы правозащитного регулирования является обеспечение правовой защищенности человека. Желаемое состояние правовой защищенности человека конкретизируется в промежуточных целях. Таковыми выступают обеспечение эффективного осуществления прав человека и пресечение их нарушений, а также восстановление нарушенных прав человека и применение мер юридической ответственности. Исходя из этого, функции системы правозащитного регулирования — это основные направления действия защиты прав человека, ориентированные на обеспечение правовой защищенности человека. Характеристика функций системы правозащитного регулирования предполагает выяснение важнейших направлений ее воздействия на общественные отношения, складывающихся в сфере осуществления права человека на правовую защиту.

Данные положения научной доктрины, сформулированные в трудах П. В. Анисимова, представ-

ляют несомненный научный интерес для отечественного правоведения и будут развиваться стараниями его учеников и коллег и в дальнейшем.

Всего по проблемам прав человека П. В. Анисимовым было опубликовано свыше 200 научных и научно-методических работ. Так, например, под грифом МВД России вышли учебники: «Теория права и государства» (2002 г.), «Административное право» (2003 г.), учебные пособия «Административная ответственность в Российской Федерации» (2002 г.), «Сравнительный анализ законодательства об административных правонарушениях Российской Федерации и Республики Беларусь» (2001 г.). Наряду с этим было опубликовано 4 монографии, посвященных правовому регулированию защиты прав человека.

Являясь много лет заместителем начальника академии по научной работе, Павел Викторович не мог работать исключительно в сфере своих научных интересов. Под его руководством активно развивалась как собственно научная, так и издательская деятельность академии, международные научные связи с зарубежными партнерами. Значительное внимание Павел Викторович уделял повышению научного потенциала сотрудников академии. Многие годы он был председателем диссертационного совета по специальностям 12.00.01 и 12.00.02. Под его непосредственным научным руководством были защищены 16 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Много сил Павел Викторович отдавал общественной работе. На протяжении более чем 10 лет он являлся председателем Волгоградской ассоциации содействия правовой реформе. За это время руководством Ассоциации были подписаны договоры о сотрудничестве с Волгоградской областной Думой и администрацией области, с Уполномоченным по правам человека и Уполномоченным по правам ребенка Волгоградской области. Кроме того, осуществлялась совместная деятельность с рядом общественных правозащитных организаций, в частности с Волгоградским общественным центром по правам человека и сотрудничеству народов. Практическим воплощением в социальную жизнь научных знаний о правах человека явился опыт работы Павла Викторовича в судебных процессах по защите прав вынужденных переселенцев в качестве представителя стороны заявителя о нарушении прав человека.

П. В. Анисимов принимал участие в разработке нескольких законов Российской Федерации («Об

уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», «Об общественных объединениях»); являлся одним из авторов Уставов Волгоградской области и города Волгограда, а также четырех принятых и вступивших в силу законов Волгоградской области.

По представлению Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за активную работу в качестве эксперта Организационно-аналитического управления Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2008 г. Павлу Викторовичу Анисимову был вручен орден Русской Православной Церкви Святого Благоверного Князя Даниила Московского III степени. За большой личный вклад в развитие юридической науки Павлу Викторовичу Анисимову Указом Президента Российской Федерации в июле 2004 г. было присвоено Почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Глубокоуважаемый Павел Викторович! От имени российской научной общественности позвольте сердечно поздравить вас со славным юбилеем!

Вы много сделали для российской науки теории права и государства, и ваши идеи всегда будут востребованы нынешним и последующими поколениями ученых-юристов! Более 40 лет своей жизни Вы отдали научно-педагогической и общественной деятельности, 30 из них — делу подготовки высокопрофессиональных кадров для правоохранительных органов. Мы знаем вас как крупного ученого — специалиста в области теории государства и права, а также истории, теории и практики прав человека, внесшего неограниченный вклад в разработку теории правозащитного регулирования. Ваши многочисленные труды, посвященные проблемам защиты прав человека, методам правозащитного регулирования, правовым и организационным основам правозащитной системы, проблемам изучения прав человека в российской юридической науке, принесли вам широкую известность и признание не только в нашей стране, но и за рубежом. Мы знаем вас как талантливого организатора вузовской науки, имеющего солидный педагогический опыт, а эрудиция, умение работать с людьми, интеллигентность, человечность и доброта снискали вам всеобщее уважение и непререкаемый авторитет у коллег. Пусть Вам и Вашим близким сопутствует удача! Желаем Вам крепкого здоровья, долголетия и жизненного оптимизма!

* * *

УДК 343.102
ББК 67.410.212

DOI 10.25724/VAMVD.MCDE

В. Б. Батоев**«БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ (BIG DATA)» И ПРЕДИКТИВНАЯ АНАЛИТИКА
В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ**

На фоне развертывания и неизбежного наступления четвертой промышленной революции автором отмечено тотальное влияние информатизации и цифровизации практически всех сфер общественных отношений на организацию и тактику противодействия преступности. Кроме появления социально-полезных благ технические инновации предопределили возникновение новых видов преступлений, способов сокрытия их следов, в корне поменяли порядок и организацию оперативно-разыскной деятельности, существенно расширив источники оперативно значимой информации, способы их добывания и фиксации, спектр применения. Автором рассмотрены понятие и сущность «больших данных» и предиктивной аналитики, освещены аспекты их использования в оперативно-разыскной деятельности, обозначены правовые, организационные и тактические проблемы применения «больших данных» и предиктивной аналитики в целях решения задач борьбы с преступностью. Кроме того, в статье актуализирована необходимость пересмотра существующих подходов в вопросах организации оперативно-разыскной деятельности, в частности правоохранительной деятельности, в части перехода от карательной модели организации к упреждающей. На основе проведенного анализа проблем правового, организационно-тактического характера предложены меры по совершенствованию данного направления деятельности.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, предиктивная аналитика, «большие данные», упреждение, превентивные формы и методы, киберпреступность, конвенция, интеграция, оперативно значимая информация, Интернет, информационные технологии, оперативные подразделения.

V. B. Batoev**"BIG DATA" AND PREDICTIVE ANALYTICS IN OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES:
PROBLEMS OF USE AND SOLUTIONS**

Against the background of the deployment and imminent onset of the fourth industrial revolution, the author notes the total impact of informatization and digitalization of almost all spheres of public relations on the organization and tactics of combating crime. In addition to the emergence of socially useful benefits, technical innovations have predetermined the emergence of new types of crimes, ways to hide their traces; we have radically changed the order and organization of operational search activities, significantly expanding the sources of operational information, methods of obtaining and fixing them, and the range of applications. The author considers the concept and essence of "Big data" and predictive Analytics, highlights aspects of their use in operational investigative activities, identifies legal, organizational and tactical problems of using big data and predictive Analytics in order to solve problems of fighting crime. The article also highlights the need to review existing approaches to the organization of operational investigative activities in particular, law enforcement in General, in terms of the transition from a punitive model of organization to a proactive one. Based on the analysis of legal, organizational and tactical problems, measures to improve this area of activity are proposed.

Key words: operational investigative activities, predictive analytics, "Big data", pre-emptive, preventive forms and methods, cybercrime, convention, integration, operationally relevant information, Internet, information technology, operational units.

В настоящее время обращают на себя внимание беспрецедентные темпы развертывания четвертой промышленной революции, в условиях которой степень и характер происходящих изменений

настолько фундаментальны, насколько это вообще возможно.

Стремительное развитие инженерно-технической мысли и цифровизация практически всех сфер

общественных отношений заметно ускорили процессы жизнедеятельности человека, связав реальную действительность с дополненной и виртуальной реальностью. Постоянно возрастающие и совершенствующиеся вычислительные возможности оказывают прямо пропорциональное влияние на генерирование цифровых данных. Их объем постоянно увеличивается и уже до такой степени огромен, что количество целей, которые можно достичь посредством их анализа и обработки, ничтожно мало.

Бурно протекающие сложные технологические процессы, мощные потоки цифровой информации, генерируемые различными интернет-сервисами (приложениями интернет-банкинга и электронной торговли, оказания государственных услуг, заказа такси, проката автомобилей, каршеринга, продажи авиа- и железнодорожных билетов; геоинформационными системами; приложениями обмена сообщениями; социальными сетями; устройствами Интернета вещей и т. п.) обеспечивают в геометрической прогрессии создание сверхбольших электронных информационных массивов и цифровых баз данных в государственных и коммерческих структурах [1, с. 81].

При автоматизированной обработке огромных по размерам объемов цифровой информации сформировался социально-экономический феномен, который среди общественности и в научно-деловых кругах получил название «Big Data» («большие данные»). В общем смысле «Big Data» («большие данные») — это совокупность структурированной и неструктурированной информации, генерируемой и поступающей из различных источников в объеме, не позволяющим ее обработать вручную, при этом обрабатываемой автоматизированным путем, хранящейся и передаваемой в электронно-цифровой форме.

Уже сейчас технологии обработки и анализа «Big Data» (Data Mining, crowdsourcing, смешение и интеграция данных, машинное обучение, искусственные нейронные сети, распознавание образов, предиктивная аналитика, имитационное моделирование, пространственный анализ, статистический анализ, визуализация аналитических данных и др.) свидетельствуют об эффективности их применения в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в деятельности правоохранительных органов и деструктивных элементов.

В настоящее время под влиянием цифровизации стала интенсивно развиваться киберпреступность, где наблюдаются процессы постоянного совершенствования форм организации и тактики,

что повлекло за собой появление новых видов преступлений и способов сокрытия следов преступной активности.

Тщательный анализ указывает на тенденции смещения вектора деятельности традиционных форм организованной преступности в киберпространство и объединения киберпреступности в организованные формы. Это свидетельствует о том, что традиционные классические формы организованной преступности и киберпреступность в чистом виде срачиваются в наиболее опасные категории организованной киберпреступности, где отчасти сформированный и уже интегрированный арсенал сил, средств и методов преступной деятельности заставляет правоохранительные органы по-иному взглянуть на риски и угрозы, исходящие от киберсинтезированного альянса криминалитета. Такого рода вызовы и угрозы предписывают оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) противопоставить преступности качественно новые формы, методы и средства. В современных быстро изменяющихся условиях подобное становится возможным только посредством совершенствования имеющегося инструментария; расширения источников добывания оперативно значимой и доказательственной информации; обеспечения соответствия уровня развития теории и практики ОРД темпам развития научно-технической мысли; пересмотра подходов к организации и тактике осуществления ОРД.

Безусловно, реализация обозначенных направлений трансформации и совершенствования ОРД непременно столкнется с рядом проблем и недостатков различного характера. В первую очередь пойдет речь об их разрешении в условиях сложнейшей геополитической ситуации в мировом сообществе, благодаря которой сформированные «барьеры» привели к недопониманию в вопросах оказания взаимной правовой помощи; обмена информацией, опытом противодействия киберпреступности, технологическими новинками, разработками и передовыми техническими решениями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Не менее важными по остроте предстают аспекты правового характера, формирования соответствующей инфраструктуры, кадрового обеспечения высококвалифицированными специалистами и др.

На фоне явного технологического отставания отечественной практики от передового международного опыта противодействия преступности первостепенное значение в развитии оперативно-разыскной теории и практики приобретает инте-

грация достижений научно-технической мысли на наднациональном уровне, предполагающая активное внедрение технологических новшеств, алгоритмы которых преимущественно основаны на использовании больших объемов цифровой информации из различных источников. В условиях высокой степени интеграции информационных систем и баз данных государственных и коммерческих структур, обработки «больших данных» уже сейчас посредством применения различных аналитических технологий становится возможным осуществлять прогноз и последующий контроль за поведением и преступной активностью лиц, представляющих оперативный интерес.

По сути, современные технологии аналитики заключаются в трансформации «больших данных» — цифровой информации из различных источников — в «знание» — извлеченных из нее признаков, использование которых позволяет с той или иной долей вероятности предсказывать наступление тех или иных криминальных явлений или событий. Этот процесс многогранен и нашел отражение в различных видах аналитики (описательной, диагностической, предписывающей, предиктивной). Описательная имеет целью получение информации о произошедшем; диагностическая объясняет его причины; предписывающая, как следует из ее названия, предписывает варианты необходимых действий для достижения того или иного результата; предиктивная прогнозирует варианты развития событий или явлений в будущем. В разнообразии форм и видов аналитики как таковой наибольший интерес представляют возможности именно предиктивной. В условиях полномасштабной цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества существенное повышение эффективности противодействия трансформирующейся преступности способна обеспечить упреждающая модель организации ОРД, предусматривающая аналитическую обработку всего объема доступной оперативно значимой информации в целях подготовки материалов для принятия решений о реализации превентивных мер оперативно-разыскного реагирования на изменения оперативной обстановки [1].

Своевременное уяснение смысла и принятие во внимание потенциала предиктивной аналитики способствует обеспечению коренного пересмотра подходов к организации ОРД, где в настоящее время посредством применения предиктивных технологий назрел вопрос перехода от карательной модели организации ОРД к упреждающей. Здесь нужно согласиться с В. С. Овчинским: «Если

говорить об „умной полиции“, то мы видим, что на некоторых полицейских участках США и Европы уже функционирует так называемая система упреждающей полиции, работа которой все меньше основывается на откликах на звонки и все больше — на патрулировании заранее известных зон с высокой степенью криминальной активности. Однако инновационность новой полиции не ограничивается этим, ведь криминогенные зоны можно было вычислять и раньше. На сегодня работа по поиску таких зон выполняется автоматически, что стало возможным благодаря развитию интеллектуальных систем по анализу „больших данных“, которые способны самостоятельно сопоставлять релевантную информацию и делать из нее выводы о повышении криминальной активности в тех или иных районах или о связях определенных людей с криминальными организациями» [2].

Применительно к отечественной системе организации ОРД формирование упреждающей модели невозможно без системности, наличия соответствующей платформы и необходимой инфраструктуры. Для этого уже сейчас необходимы модернизация имеющихся технологических и кадровых ресурсов, вливание серьезных инвестиций в данную сферу, обеспечение финансирования и т. д.

Проблемы и недостатки, препятствующие формированию инновационной модели организации ОРД, условно можно разделить на правовые, организационные, тактические, финансовые, материально-технические, кадровые.

Очевидно, что к числу основных проблем относится законодательная неурегулированность использования «больших данных», что приводит к возникновению вопросов о наличии законных оснований применения предиктивной аналитики в борьбе с преступностью.

В споре о регулировании оборота «больших данных» прежде всего встает вопрос об их законодательной регламентации. Для начала необходимо уяснить значение указанного словосочетания и использованием в нем термина «большие». Здесь важно понять, что в основном с технологической точки зрения те или иные данные, исходя из их объемов, могут быть определены как большие, средние, малые. При этом отметим, что фактически на практике отсутствует общепризнанная классификация данных, а также методика определения их размера или объема, что позволило бы поделить их на разные группы. Безусловно, этот аспект носит дискуссионный характер, но мировая практика признает применение словосочетания «большие данные» в повседневном обороте. Кроме

того, при определении его сути необходимо сопоставить термины «данные», «сведения» и «информация». Анализ их этимологического и лексического значения указывает на отсутствие единого подхода к пониманию сущности рассматриваемых терминов. Схожая ситуация прослеживается и в юридической технике при создании, оформлении и упорядочении нормативных правовых актов для обеспечения эффективности их регулятивного воздействия. Так, в п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Одновременно с этим в п. 1 ч. 1 Федерального закона «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ персональные данные — это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

Поверхностный анализ норм отечественного законодательства показывает, что при выработке и систематизации нормативных правовых актов законодателем должны быть учтены расхождения в понимании сущности представленных терминов. Они должны быть соотнесены по схеме «частное — часть общего», иными словами, сведения и данные либо предстают составными частями информации, либо информация является составной частью данных. Полагаем, что при правовом толковании сущности «больших данных» необходимо исходить из их особенностей, обусловленных электронно-цифровым выражением, большими объемами, возможностью обработки только автоматизированным путем, а также опираться на следующую концепцию: сведения в совокупности образуют информацию, а совокупность информации и есть данные, которые в зависимости от объемов и применяемой методики определения их размера и объемов могут признаваться большими, средними или малыми.

Важнейшим моментом, требующим скорейшего разрешения, является трансграничность «больших данных». Технологические принципы построения современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, сети «Интернет», приема и обмена информацией в киберпространстве основаны на их трансграничности, отсутствии каких-либо физических границ, препятствующих их перемещению. Огромные массивы информации концентрируются в информационных банках данных государственных и коммерческих структур ино-

странных государств, транснациональных корпораций и др. В действительности вопросы о порядке доступа к ним, их обработке и использовании в интересах обеспечения и развития отечественной экономики, бизнеса, безопасности и др. остаются нерешенными.

Казалось бы, выход в использовании «больших данных», генерируемых транснациональными компаниями, медиахолдингами, государственными и коммерческими структурами иностранных государств, видится в налаживании взаимовыгодного обмена информацией в рамках исполнения обязательств по заключенным международным договорам, соглашениям и т. д. На самом деле реально сложившаяся ситуация гораздо, отчасти это можно подкрепить обстоятельствами следующего характера.

В настоящее время под эгидой Организации Объединенных Наций (далее — ООН) и ее специализированных учреждений разработан ряд международных соглашений, конвенций и протоколов, направленных на борьбу с терроризмом, коррупцией, транснациональной организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и др., открытых для ратификации любым из государств. Анализ перечня действующих международных соглашений по вопросам противодействия преступности свидетельствует о том, что Россия здесь не остается в стороне. Так, на заседании Генеральной ассамблеи ООН 27 декабря 2019 г. большинством голосов была принята инициированная нашим государством резолюция «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях», с которой началась выработка международной конвенции по борьбе с киберпреступностью. При этом важно отметить, что за принятие резолюции проголосовали 79 стран, против — 60 (в том числе США, Великобритания, Грузия, страны Европейского Союза, Израиль, Канада, Украина), воздержались — 33. Кроме того, большинством стран была ратифицирована Европейская конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве) (Будапешт, 23 ноября 2001 г.).

Нормы Конвенции Совета Европы о киберпреступности охватывают различные отрасли права и оказывают влияние на нормы уголовного, уголовно-процессуального, авторского, гражданского, информационного законодательства [3]. В общем виде ее нормы ориентированы на конвергенцию взглядов и подходов к вопросу уголовно-правовой оценки преступлений в сфере компьютерной ин-

формации; сближение национальных систем уголовно-процессуальных мер, направленных на информационное обеспечение собирания доказательств при расследовании преступлений; международное сотрудничество в уголовно-процессуальной деятельности, направленной на собирание доказательств совершения подобных преступлений за рубежом.

Отдельным блоком в представленной конвенции регламентируются аспекты трансграничного доступа к компьютерным данным с согласия лица, на законном основании уполномоченного раскрыть такие данные, или когда они доступны публично (ст. 32). Нормы этой статьи стали краеугольным камнем при взаимодействии отечественных правоохранительных органов с государственными органами, коммерческими организациями, транснациональными корпорациями, юридически и физически расположенными на территории иностранных государств по вопросам оказания правовой помощи посредством предоставления различной информации, объективно образующейся и хранящейся в информационных массивах предприятий, организаций и учреждений, занимающихся оказанием информационных и информационно-коммуникационных услуг.

Можно предположить, что основным препятствием в процедурах добывания и обмена оперативно значимой и доказательственной цифровой информацией, расположенной в информационных массивах и банках данных зарубежных стран, является тот факт, что Россия не ратифицировала рассматриваемую конвенцию Совета Европы по ряду причин, некоторые из которых нашли отражение в распоряжения Президента Российской Федерации «О подписании Конвенции о киберпреступности» от 15 ноября 2005 г. № 557-рп. В соответствии с ним Министерству иностранных дел Российской Федерации было поручено отказать в ратификации данной конвенции со следующим заявлением:

«Российская Федерация заявляет, что, руководствуясь пунктом „а“ статьи 18 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., она будет воздерживаться от действий, которые лишили бы Конвенцию ее объекта и цели. Вместе с тем Российская Федерация исходит из того, что положения пункта „b“ статьи 32 Конвенции сформулированы таким образом, что не исключается возможность такого их толкования и применения, которые не соответствуют, в частности, целям и принципам, изложенным в абзацах девятом и десятом преамбулы Кон-

венции, и могут нанести ущерб суверенитету и национальной безопасности государств-участников, правам и законным интересам их граждан и юридических лиц.

В связи с изложенным Российская Федерация определится в вопросе о своем участии в Конвенции при условии возможного пересмотра положений пункта „b“ статьи 32 в порядке, предусмотренном пунктом 3 статьи 46 Конвенции, либо в ином порядке, избранном Сторонами.

Российская Федерация выражает готовность к сотрудничеству с государствами — членами Совета Европы и иными подписавшими Конвенцию государствами в решении данной проблемы на основе уважения и соблюдения целей и принципов Конвенции».

С момента отказа ратифицировать указанную конвенцию до настоящего времени позиция России и стран — участников конвенции по вопросам трансграничного доступа к информационным массивам и банкам данных и обмена цифровой информацией не урегулирована и не согласована, что влечет за собой негативные последствия в деятельности правоохранительных органов при решении задач борьбы с транснациональной преступностью, действующей в различных направлениях и осведомленной о низком уровне информационной обеспеченности оперативно значимой и доказательственной информацией субъектами оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Полагаем, что большинство запросов отечественных правоохранительных органов о данных пользователей отклоняются без объяснения каких-либо причин, Их природа настолько политизирована, что монополистические позиции США в сфере разработки информационно-коммуникационных технологий влияют на экономическую, политическую, военную инфраструктуру отдельно взятых стран, которые, будучи подведомственными «американскому» протекторату, в унисон отказывают в сотрудничестве по вопросам обмена оперативно значимой информацией.

В размышлении о вопросах транснациональности и трансграничности «больших данных» важно обозначить проблему определения обладателя прав на них. Здесь трудности обусловлены тем, что до настоящего времени не выработаны механизмы регулирования и контроля за их оборотом. «Big data» генерируются, собираются, обрабатываются, хранятся физическими и юридическими лицами, различными компаниями, предприятиями, организациями, учреждениями различных форм

собственности, в том числе находящимися за рубежом, которые также распоряжаются ими по своему усмотрению. Вместе с тем отметим, что фактически сбор «больших данных» осуществляется без какого-либо согласия пользователей информационно-коммуникационных ресурсов; «Big data» выступают объектом продажи, обмена на материальные и нематериальные блага и др.

Важно обратить внимание на правовые аспекты соотношения «больших данных» с материальными благами, для которых уже установлен и функционирует режим правового регулирования. В случае предварительного признания на законодательном уровне «больших данных» информацией возникают следующие вопросы:

— к какой категории объектов гражданских прав в соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации отнести информацию («большие данные»): 1) к вещам, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги; 2) иному имуществу, в том числе безналичным денежным средствам, бездокументарным ценным бумагам, имущественным правам; 3) результатам работ и оказания услуг; 4) охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации (интеллектуальной собственности); 5) нематериальным благам;

— какую методику при этом применять, по каким признакам отнести информацию (большие данные) к той или иной категории объектов гражданских прав?

Отдельный ряд недостатков при рассмотрении вопросов оборота «Big data» связан с неразрешенностью проблемы интеграции «больших данных», разрозненно концентрирующихся в информационных массивах государственных и частных коммерческих структур, транснациональных компаний. При этом роль регулятора в лице государства не должна сводиться к удовлетворению только государственных интересов. Здесь нужно соблюдать баланс и обеспечить соответствующий механизм правительственного контроля за интеграцией «больших данных», их обмена и использования по назначению. Ярким примером сбалансированного подхода к регулированию интеграции и оборота «больших данных» является эстонская модель централизованного управляемого распределенного механизма обмена данными между информационными системами — «X-Road». Эта система представляет собой налаженный процесс обмена «большими данными» между информационными сетями и системами через Интернет с обеспече-

нием максимальной степени конфиденциальности, целостности и совместимости информации.

Заслуживают внимания и аспекты соблюдения прав и свобод человека и гражданина при регулировании оборота «больших данных», обработке информации в рамках предиктивной аналитики. «Big data» непременно содержат в себе персональные данные граждан. Здесь снова возникают вопросы о трансграничности, добровольном согласии человека на использование тех или иных технических инноваций, указывающих уже на сформировавшийся общедоступный характер информации, программных продуктов и т. д. В связи с этим важно сделать акцент на разработке и принятии федеральных стандартов обезличивания «больших данных», что давно практикуется в США и других странах. Отечественное же законодательство о персональных данных граждан в первую очередь направлено на регулирование данных, представленных в большинстве случаев на бумажных носителях информации.

Серьезной работы требует и необходимость корректировки норм российского законодательства об ограничении различных видов тайны. Их перечень морально устарел и уступает передовым международным стандартам использования «больших данных». Понятно, что прежде всего речь идет о тайне переписки, телефонных переговоров, так как именно в деятельности операторов радиоподвижной связи и интернет-провайдеров формируется основной массив «больших данных», для обработки и анализа которых требуются пресловутые судебные решения. Отечественная практика ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина на тайну переписки и телефонных переговоров настолько усложнена, что во многих случаях нельзя точно определить, на чьей стороне находятся органы, санкционирующие самоограничение. По этой причине законодателю необходимо принять во внимание потребности правоприменителя и во взаимовыгодном сотрудничестве пересмотреть действующее законодательство в области ограничения конституционных прав человека и гражданина на тайну переписки и телефонных переговоров в сторону уменьшения бюрократических проволочек.

Следует также сделать акцент на подготовке высококвалифицированных специалистов в сфере работы с «большими данными», формировании научно-методологической базы, основанной на мониторинге и обмене передовым опытом в указанной области.

В пределах данной публикации не представляется возможным широко рассмотреть весь спектр проблем и недостатков, связанных с предиктивной аналитикой, «большими данными», их влиянием на организационно-тактические основы ОРД. Тем не менее считаем, что все изложенное является первым шагом на пути к осознанию необходимости и неизбежности трансформации ОРД на базе внедрения использования «больших данных»

и технологий предиктивной аналитики. Обозначенные недостатки и сложности требуют глубокого осмысления научным сообществом, последующей выработки научно обоснованных предложений и рекомендаций по совершенствованию оперативно-разыскной теории и практики и дальнейшей корректировки с учетом результатов применения «больших данных» и предиктивной аналитики в деятельности оперативных подразделений.

Примечание

* По информации, размещенной на портале персональных данных Уполномоченного органа по защите персональных данных, компания Google отклоняет 90—95 %.

1. Осипенко А. Л. Перспективы использования информационно-аналитических технологий в оперативно-розыскной деятельности // Общество и право. 2018. № 4 (66). С. 80—87.

2. Овчинский В. С. Технологии будущего против криминала. М.: Книжный мир. 2017.

3. Волеводз А. Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования // Правовые вопросы связи. 2007. № 2. С. 17—25.

1. Osipenko A. L. Prospects for using information and analytical technologies in operational investigative activities. Society and law. 2018; 66 (4): 80—87.

2. Ovchinsky V. S. Technologies of the future against crime. Moscow: Knizhy mir; 2017.

3. Volevodz A. G. The Convention on cyber-crime: innovations of legal regulation. Legal issues of communication. 2007; 2: 17—25.

© Батоев В. Б., 2020

© Batoev V. B., 2020

Батоев Владимир Батоевич,

начальник кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
в органах внутренних дел
Восточно-Сибирского института МВД России
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: vbatoev@mail.ru

Batoev Vladimir Batoevich,

head of department
of operative-search activity
and special equipment
in law-enforcement bodies
of the East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: vbatoev@mail.ru

* * *

И. Г. Пирожкова, А. М. Попов

СОВРЕМЕННЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КВАЗИСУДЕБНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СИСТЕМЕ СУДЕБНЫХ ЮРИСДИКЦИЙ

Статья посвящена анализу форм судебных юрисдикций, сложившихся и трансформирующихся в настоящее время в российском правовом поле. Актуализируется терминологическая определенность понятий «юрисдикция», «подсудность» и «подведомственность», сформировавшихся в судебном праве, в свете существования большого количества квазисудебных органов и институтов, выявляются их отличия и смысловое сходство. Авторы на историческом правовом материале характеризуют деятельность советских квазисудебных органов раннего периода (1920-е гг.); определяют значимые качества общей юрисдикции, суммируют положения правовой доктрины относительно выделения новых юрисдикций, которые происходят в рамках судебной реформы в России в настоящий момент. В результате анализа сложившейся правовой доктрины, выводы которой представлены тезисом об искусственности термина «специальная юрисдикция», так как юрисдикция всегда подразумевает специализацию, обосновывают принципиальную оспоримость конституционно-правового принципа об исключительности полномочий суда по осуществлению правосудия. Авторы иллюстрируют такую оспоримость наличием богатого ретроспективного опыта работы квазисудебных структур.

Ключевые слова: квазисудебные органы, подведомственность, судебная деятельность, товарищеские суды, юрисдикция

I. G. Pirozhkova, A. M. Popov

MODERN AND HISTORICAL QUASIJUDIC INSTITUTIONS IN THE SYSTEM OF JUDICIAL JURISDICTIONS

The article is devoted to the analysis of the forms of judicial jurisdictions that have developed and are currently being transformed in the Russian legal field. The terminological certainty of the concepts of "jurisdiction", "jurisdiction" and "jurisdiction", established in judicial law, in the light of the existence of a large number of quasi-judicial bodies and institutions, is updated, their differences and semantic similarities are determined. The authors on the historical legal material characterize the activities of the Soviet quasi-judicial bodies of the early period (1920s); identify significant characteristics of general jurisdiction, summarize the provisions of the legal doctrine regarding the allocation of new jurisdictions that are taking place in the context of judicial reform in Russia at the moment. Based on the analysis of the prevailing legal doctrine, the conclusions of which are presented by the thesis of the artificiality of the term "special jurisdiction", since jurisdiction always implies specialization, the fundamental disputability of the existing constitutional law principle on the exclusive power of the court to administer justice is substantiated. The authors illustrate this challenge by the presence of rich retrospective experience of the work of quasi-judicial structures.

Key words: quasi-judicial bodies, jurisdiction, judicial activity, comradesly courts, jurisdiction.

В настоящий момент судебная система России модернизируется. Составной частью реформирования является создание новых видов судебных юрисдикций (административной, трудовой, социальной, ювенальной и пр.), уже есть опыт работы судов конституционной, арбитражной (экономиче-

ской) и общей юрисдикции, а также специализированных судов.

Необходимо разобраться в правовой терминологии, отражающей разветвленную систему судов и виды судопроизводства. В юридической литературе применяют родственные термины «юрисдикция»,

«подведомственность», «подсудность», «компетенция», «полномочия». Все они определяют перечень функций, наполнение и проявление их реализации, круг дел, которыми занимается государственный орган власти и управления, орган самоуправления.

Юрисдикция — термин, происходящий от латинского и относящийся не только к судебной системе. Под ним понимаются «право производить суд, решать правовые вопросы», а также область, на которую распространяется данное право [1]. Таким образом, сначала он относится и к судебной системе, и к системе управления в целом. Русским аналогом является более узкий термин «подсудность». Он применяется в рамках судебной системы, что зафиксировано в его корне. Подсудность — разграничение компетенции между судебными органами по рассмотрению дел разного вида (может применяться и к квазисудебным органам). Так, специалисты в области судебного процесса выделяют разные виды подсудности:

— в зависимости от характера дел в соответствии с разграничениями отраслей материального и процессуального характера: уголовные, гражданские, административные и др.;

— в соответствии с «ценой иска»;

— по месту совершения правонарушения, месту нахождения сторон судебного спора.

По сравнению с термином «подсудность» термин «подведомственность» более широкий, поскольку он относится к компетенции всех органов власти, часто его используют как полный эквивалент термина «юрисдикция». Однако в русском языке слово «ведомство» и все, производные от него, чаще применяются к органам исполнительной власти, административным, распорядительным органам. Дополнительная путаница, размывающая значение термина «подсудность», заложена в определении юридического смысла квазисудебности, воплощающей смешение функциональности органов судебной власти и административно-распорядительных органов власти, а также всех корпоративных, общественных по своей правовой природе институтов, которые брали на себя функции судебных органов (например, в товарищеских, дисциплинарных судах, разного рода комиссиях, существовавших в советской правовой модели). С учетом широкой исторической распространенности административной юстиции и корпоративных «судов» термин «подсудность» более далек от характеристики области деятельности конкретного государственного судебного органа, чем термин «юрисдикция».

В рамках реформирования российской судебной системы также требует теоретического осмысления терминология, связанная со специализацией судов: специализированный суд, специализированная юстиция.

В 2013 г. начал работу *специализированный суд* — Суд по интеллектуальным правам, в 2014 г. был упразднен высший суд арбитражной юрисдикции — Высший арбитражный суд. С 6 августа 2014 г. Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом нашей страны по гражданским, уголовным, административным и иным делам, а также по экономическим спорам. Многочисленные проекты создания системы административных судов (в том числе проекты Верховного Суда Российской Федерации) не получили своей реализации, но 15 сентября 2015 г., за исключением отдельных положений, вступил в силу Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, что подытожило многолетние дискуссии о необходимости их создания. В соответствии с опытом зарубежных государств (Германии, Франции) существуют основания для создания судов трудовой, социальной, земельной юрисдикции [2]. Ювенальные суды с отделенным видом юрисдикции образованы не были, однако с 2011 г. существуют *ювенальные технологии* при рассмотрении в суде дел с участием несовершеннолетних, однако это понятие еще нуждается в своем практическом наполнении.

В доктрине российского права и ее нормативном воплощении разделяются полномочия государственных органов, в том числе судов, на общую и специальные (специализированные) юрисдикции, что зафиксировано федеральными конституционными законами и федеральными законами. Вместе с тем в рамках данных юрисдикций также выделяются направления их специализаций. Здесь называют две группы оснований: институциональные (создание новых, не существовавших ранее в аппарате государства органов власти (институтов)) и функциональные (изменение — расширение, умаление, перепрофилирование — компетенций уже существующих органов власти). В рамках судебной системы специализация в институциональном (внешнем) смысле означает образование новых *видов судебных юрисдикций*, а в функциональном (внутреннем) — изменение организации работы конкретного суда на базе специализации судей по отдельным категориям дел (выделение коллегий, составов).

Принципиально значимыми характеристиками судебной юрисдикции общего характера являются:

— сфера общественных отношений, где возникают разрешаемые судом споры — компетенция суда в определенной сфере общественных отношений;

— процессуальная форма, в которой происходит рассмотрение дел (судопроизводство);

— судебные организации, структуры, созданные для решения дел в соответствующей форме (судостроительство).

Специалисты оценивают тенденции к созданию новых судебных юрисдикций как затухающие. Их пик пришелся на 2000-е гг. В настоящее время в рамках уже имеющихся юрисдикций большее значение имеет создание внутренних специализаций. Примером такой специализации выступает деятельность судов с применением ювенальных технологий. Так, к ним относится адаптация судопроизводства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Особый ювенальный подход заключается в привлечении психологов, социальных педагогов, медиаторов для экспертной оценки личности подростка, применении посреднических процедур. Используется термин «восстановительное правосудие» (в противовес карающему, наказывающему). Его суть заключается в примирении, заглаживании вреда, компенсации. Данные подходы не создают специальных судебных институтов, они уточняют, специализируют форму процесса, для реализации которой необходима функциональная специализация корпуса судей. Таким образом, полагаем, что специализацию в рамках существующих юрисдикций можно отделить от создания новых юрисдикций через критерий отсутствия/наличия новых институтов судебного права.

Несмотря на различие взглядов на природу и классификацию судебных юрисдикций, по сравнению с иными способами разрешения споров, такими как прямые переговоры, третейское разбирательство, медиация, административное рассмотрение, их объединяет главный признак и преимущество: *исключительность полномочий суда по осуществлению правосудия*, которая обуславливается тем, что эта деятельность соответствует ряду обеспечивающих справедливость принципов. Эта точка зрения устоялась в российской доктрине, высказывается в диссертационных и монографических исследованиях. Мы согласны с ней в той степени, в какой она относится к современной правовой реальности и существует в условиях реализации четко зафиксированной конституционным способом теории разделения властей. Если рассматривать данное свойство исторически,

то советская модель судебного права подобную исключительность не подтверждает. Например, уже упоминаемые нами товарищеские суды (дисциплинарные суды), не будучи государственными органами, имели юрисдикцию, никак не пересекающуюся с последними: их решения в ряде случаев нельзя было отменить, при этом в ранний период своего существования (1920-е гг.) они могли выносить существенные карательные по своей сути приговоры и оперировали внушительным списком наказаний, в том числе связанных с лишением свободы на краткий срок, который при этом позволялось толковать расширительно [3].

Существует мнение о том, что деление на общую и специализированную юрисдикции не является оправданным: юрисдикция всегда подразумевает специализацию, «поэтому нельзя говорить о специализированных юрисдикциях — каждая юрисдикция специализирована». Сторонники данного подхода считают, что «так называемая *общая юрисдикция* является искусственным обозначением для разрешающих различные дела судов и совокупности используемых ими видов судопроизводства, т. е. для такого структурного образования, которое соединяет суды без дальнейшей специализации юрисдикций» [4]. Ее выделение в правовом смысле продиктовано задачами обеспечения доступности судебной системы и экономного финансирования; в историческом — определенной неразвитостью видов судопроизводства. Появление новой юрисдикции продиктовано практическими задачами определения финансовой, кадровой, организационной эффективности судопроизводства, удобством аналитической работы с судебной практикой.

Однако выделение новой специализации тоже сталкивается с некоторыми затруднениями: привлечение финансовых и кадровых ресурсов, перераспределение подсудности дел, обеспечение доступности правосудия требуют серьезных организационных и нормативных решений. Создание новой юрисдикции или специализации влечет риски нарушения единства судебной практики, что может ставить людей, находящихся на разных территориях, в действии разных юрисдикций в неравное положение.

Таким образом, любой судебной системе необходим баланс юрисдикций. Его составной частью является создание квазисудебной юстиции. Эта тенденция прослеживается и в России, существует судебная медиация, третейские суды, международный коммерческий арбитраж. Наибольшее развитие данные формы получили в западных

странах, особенно в англо-саксонской правовой системе. В литературе встречается негативное отношение к самому понятию «квазисудебность», основанное на его прямом переводе — «псевдосуд», что ассоциируется с неправомерностью, историческими злоупотреблениями в рамках внесудебной юстиции, имевшей место в нашей стране. На уровне доктрины построение судебной системы подчиняется принципам централизации и унификации.

В завершение можно отметить, что понятие «общая судебная юрисдикция» носит, скорее, исторический характер и сформировалось в проти-

вовес существованию специализированных судов в системе государственной власти и квазисудебных органов (коммерческих, торговых судов, медиативных процедур, арбитража). В настоящий момент это понятие зафиксировано конституционным законодательством, привычно для судебного права, однако по мнению ряда специалистов теоретически нелогично, так как игнорирует сущность и цели выделения любой юрисдикции, т. е. ее специализированность в соответствии с регулируемой сферой общественных отношений, субъектным составом участников судопроизводства, организацией форм судебного процесса.

1. Барихин А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М.: Книжный мир, 2004. 720 с.

2. Замышляев Д. М. Виды судебных юрисдикций: сравнительно-правовой и исторический подход: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2016. 36 с.

3. Факурдинова А. Г. Квазисудебные органы советской системы (историографический аспект) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 113—117.

4. Замышляев Д. М. Судебная специализация: проблемы понятийного аппарата // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. С. 122—130.

1. Barikhin A. B. Large legal encyclopedic dictionary. Moscow: Knizhny mir; 2004: 720.

2. Zamyshlyayev D. M. Types of judicial jurisdictions: comparative legal and historical approach. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2016: 36.

3. Fakurdinova A. G. Quasi-judicial organs of the Soviet system (historiographic aspect). Manuscript. 2019; 12; 10: 113—117.

4. Zamyshlyayev D. M. Judicial specialization: problems of the conceptual apparatus. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2015; 2: 122—130.

© Пирожкова И. Г., Попов А. М., 2020

© Pirozhkova I. G., Popov A. M., 2020

Пирожкова Ирина Геннадьевна,

доцент кафедры конституционного и административного права Тамбовского государственного технического университета, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент; e-mail: 0_1_23456789@list.ru

Попов Алексей Михайлович

заведующий кафедрой безопасности и правопорядка Тамбовского государственного технического университета, кандидат юридических наук, доцент; e-mail: pamtambov@yandex.ru

Pyrozhkova Irina Gennadievna,

associate professor at the department of constitutional and administrative law of the Tambov State Technical University, candidate of historical sciences, candidate of juridical sciences, docent; e-mail: 0_1_23456789@list.ru

Popov Alexei Mikhailovich,

head of safety, law and order department of the Tambov State Technical University, candidate of juridical sciences, docent; e-mail: pamtambov@yandex.ru

* * *

А. Я. Рыженков, А. Н. Садков

**СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЧАСТНОГО ПРАВА: ПРИРОДА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА)**

В статье рассматриваются общее понятие и основные элементы социализации частного права на примере гражданского права. Делается вывод, что в основании традиционной цивилистической доктрины лежит идея совпадения предмета и цели правового регулирования: если гражданское право регулирует отношения частного характера, базирующиеся на личных интересах, то и первоочередной гражданско-правовой защите должны подлежать именно эти интересы. Однако такая конструкция взаимного соответствия интересов и целей правового регулирования не единственно возможная. Представляется, что допустимы и другие подходы к установлению соотношения интересов субъектов правоотношений и целей правового регулирования. Идея социализации частного права исходит из того, что если предметом регулирования являются частные отношения, это еще не означает, что в основе самой концепции регулирования должен лежать именно частный интерес. Напротив, вполне возможно построить такую модель частного права, которое останется частным только по специфике правоотношений, но будет направлено на достижение целей, имеющих общесоциальный характер.

Ключевые слова: право, социализация, принципы, договор, защита, равенство.

A. Ya. Ryzhenkov, A. N. Sadkov

**SOCIALIZATION OF PRIVATE LAW: NATURE AND MAIN DIRECTIONS
(ON THE EXAMPLE OF CIVIL LAW)**

The article deals with the General concept and main elements of the process of socialization of private law on the example of civil law. It is concluded that the traditional civilist doctrine is based on the idea of coincidence of the subject and purpose of legal regulation: if civil law regulates private relations based on personal interests, then these interests should be subject to priority civil protection. However, this construction of mutual correspondence of interests and goals of legal regulation is not the only possible one. It seems that other approaches to establishing the relationship between the interests of legal entities and the goals of legal regulation are also acceptable. The idea of socialization of private law is based on the fact that if the subject of regulation is private relations, this does not mean that the very concept of regulation should be based on private interest. On the contrary, it is quite possible to build a model of private law that will remain private only according to the specifics of legal relations, but will be aimed at achieving goals that have a General social character.

Key words: law, socialization, principles, contract, protection, equality.

Говоря о соотношении частного и публичного права, отметим, что основные положения первого опираются на политическую идеологию индивидуализма и либерализма, именно поэтому частноправовые концепции права получили новый импульс в отечественной науке в середине 90-х гг. XX в., т. е. в период интеграции в российскую науку идеологии либерализма. Однако ценность теории и практики безграничного либерализма весьма сомнительна. Представляется, что сегодня как никогда остро стоит вопрос о поиске решений, на-

правленных на согласование частноправовых постулатов (производных от либеральной концепции) с идеей социального государства, провозглашенной в ст. 7 Конституции Российской Федерации [1] (далее — Конституция РФ). В юридическом аспекте это и выглядит как социализация частного права.

Социализация все чаще обсуждается как одна из важнейших тенденций развития российского гражданского законодательства, причем идея социализации частного права примеряется как к гражданско-правовой отрасли в целом, так и к отдель-

ным институтам гражданского права. А. В. Барков обосновано полагает, что характерными признаками социализации являются рост национального благосостояния и доходов населения. Если суть рыночной экономики — подчинение общественных процессов экономическому действию, т. е. минимизация издержек и максимизация прибыли, то идеи социализации рыночной экономики обуславливают необходимость подчинения экономики общесоциальным интересам всего общества, прежде всего связанным с удовлетворением имущественных потребностей населения [2, с. 104].

Принято использование категории «социализация» в психологии и социологии, где она рассматривается как процесс обретения индивидом качеств и навыков, необходимых для полноценной интеграции в общество и выполнения своих социальных функций в рамках всего общества или отдельной его части [3, с. 212]. Что же касается сферы юриспруденции, то использование правоведом данного термина началось сравнительно недавно. Как отмечает Ш. Курильски-Ожвэн, словосочетание «правовая социализация» впервые встречается в исследованиях лишь в 1970-х гг. Под правовой социализацией изначально подразумевался процесс привития индивиду тех норм, ценностей и моделей поведения, которые приняты в обществе и подлежат усвоению. В качестве основного эффекта правовой социализации рассматривалось развитие у индивида уважения к правовым нормам, тогда как нарушение правил и законов предлагалось расценивать как признак неудачной социализации [4, с. 19].

Ю.И. Гревцов заявляет, что юридическую социализацию следует рассматривать как многогранный и сложный процесс опосредованного взаимодействия человека с той правовой культурой, правовыми ценностями, институтами и нормами общества, которые характерны для соответствующего уровня правового развития. В рамках такого взаимодействия человек постепенно осваивает способность оперировать правовыми категориями и понятиями, самостоятельно ориентироваться и действовать в юридической среде в той или иной социальной роли для достижения поставленной цели. При этом, используя возможности права, индивид может так воздействовать на социально-правовую среду, что это повлечет ее преобразование [5, с. 68]. Е. В. Резников полагает, что посредством приобретения юридического опыта и навыков юридически значимого поведения происходит постепенное формирование правового сознания личности [6, с. 110], что является важнейшим этапом правовой социализации.

В качестве внешних проявлений тенденции социализации гражданского права Э. В. Талапина указывают на увеличение в гражданском законодательстве массива императивных норм [7, с. 47], а Д. Е. Богданов пишет, что «социализация законодательства осуществляется посредством публичных норм гражданского законодательства, т. е. посредством его публикации» [8, с. 110]. О социализации гражданского права, по мнению А. В. Баркова, свидетельствует отрицание понимания прибыли в качестве главной цели экономической деятельности, а также нацеленность правового инструментария на обеспечение социальной защищенности как отдельной личности, так и объединений граждан [2, с. 104].

Парадокс общепринятой концепции частного права заключается в том, что наряду с декларируемым российским законодателем в первой статье Гражданского кодекса Российской Федерации [9] (далее — ГК РФ) приоритетом частного усмотрения в регулировании общественных отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, само гражданское право, как и любая другая отрасль права, по природе своей носит сугубо социальный характер. При этом обогащать гражданское право какими-либо дополнительными социальными элементами — совершенно излишнее занятие. Вместе с тем если понимать значение термина «социальное» не просто как нечто связанное с обществом или в контексте выражения «социально обусловленное», а вкладывать в него оттенок универсальности, т. е. подразумевать под категорией «социализация» ориентацию не только на частные (локальные) интересы, но и на общие интересы и ценности, то в этом случае уместность выражения «социализация» применительно к гражданскому праву несколько проясняется. Действительно, традиционная модель гражданского права (в силу чего оно относимо обычно к отраслям частного права) предполагает, что нормами данной отрасли права обеспечиваются те отношения, которые нацелены прежде всего на удовлетворение каких-либо личных потребностей — индивидуальных или свойственных небольшим коллективам (например, сослуживцам). При этом «социализация» в ее общепринятом понимании связана именно с тем, что индивид начинает соотносить свои персональные или микрогрупповые установки с общими нормами, т. е. учитывать законы социального целого.

На странность сугубо индивидуалистических трактовок гражданского права указывал еще Л. Дюги,

отмечая невозможность мириться далее с тем, что гражданское право, будучи продуктом общества, создаваясь его представителями, опираясь на поддержку и защиту со стороны институтов общества, продолжает строиться таким образом, как если бы никакого общества не было и все сводилось бы только к эгоистическим побуждениям отдельных лиц. Л. Дюги писал, что взятая сама по себе индивидуалистическая концепция не выдерживает критики, а представление о человеке как о существе естественном, изолированном, независимом, имеющим права, предшествующие существованию общества, и приносящим их с собою в общество, есть представление, совершенно чуждое действительности. Автор убедительно заявляет, что человек изолированный и независимый — это чистейшая фикция, ибо человек является существом общественным, которое не может обходиться без общества и всегда жило в нем [10, с. 17]. При рассмотрении социализации гражданского права в таком понимании ее нужно считать многоэтапной. Первый этап социализации происходил параллельно с самим возникновением гражданского права в древних культурах, поскольку осмысление значимости общественных нужд не могло не влиять на формирование отдельных правовых норм и институтов, часто выражаясь в нормативных изъятиях и ограничениях. Следующая волна социализации гражданского права характерна для XIX в. Она набирает силу под влиянием солидаризма и различных социалистических учений. В XX в. подлинным торжеством феномена социализации гражданского права становится гражданское право советского государства, отличающееся от привычного гражданского права буржуазных стран в такой степени, что иногда вызывала сомнения даже корректность самого наименования данной отрасли, что проявилось в формировании концепций хозяйственного права [1, с. 14; 11, с. 4].

В настоящее время социализация гражданского права формируется на фоне своеобразного процесса, охватываемого термином «деприватизация» [12, с. 108], который привел к тому, что отечественное гражданское право хотя и вернуло себе частноправовую направленность, однако характеризуется значительным числом так называемых «социальных вкраплений», чаще всего увязываемых с публично-правовым элементом в регулировании гражданско-правовых отношений.

Представляется, что сегодня социализация гражданского права проявляется как на уровне основных начал гражданского законодательства,

так и в рамках отдельных традиционных институтов гражданского права и новых гражданско-правовых институтов и субинститутов.

Говоря о социализации современного российского гражданского права на уровне основных начал гражданского законодательства, отметим, что, хотя нормы ст. 1 ГК РФ в целом содержат набор вполне типичных частноправовых принципов, декларирующих приобретение и осуществление гражданами и юридическими лицами их гражданских прав и обязанностей своей волей и в своем интересе, свободу в установлении гражданских прав и обязанностей на основании договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела и т. п., в дальнейшем в тексте данной статьи имеются положения, вполне соответствующие идее социализации права. Например, на основании ч. 2 ст. 1 ГК РФ гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. При этом помимо принципов получивших прямое формальное закрепление в кодифицированных актах гражданского законодательства, предпринимаются попытки обосновать наличие и других, вытекающих из общего смысла российского гражданского права и имеющих социальное предназначение, в частности принципа защиты слабой стороны договора. Концепция «защиты экономически слабой стороны» в развернутом виде была изложена в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) от 23 февраля 1999 г. № 4-П [14] (далее — Постановление № 4-П), в котором КС РФ была проведена скрупулезная проверка соответствия положений ч. 2 ст. 29 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» [13] от 3 февраля 1996 г. нормам Конституции РФ (далее — ФЗ «О банках и банковской деятельности»).

КС РФ было установлено, что рядом физических лиц в 1996—1997 гг. были заключены с различными кредитными организациями (в частности со Сбербанком и Инкомбанком) срочные договоры банковского вклада. Кредитные организации в период действия договоров в одностороннем порядке реализовали решение по снижению размера начисления процентов по вкладам физических лиц. Данное решение кредитными организациями обосновывалось наличием соответствующих пунктов в заключенных договорах. Исковые требования лиц, обратившихся в последующем в КС РФ,

в которых заявители требовали признать недействительными те условия договоров банковского вклада, в которых устанавливалась для кредитных организаций в одностороннем порядке снижать процентную ставку, судами были отклонены. Такое решение суды обосновывали положениями ч. 2 ст. 29 ФЗ «О банках и банковской деятельности». Проводя анализ создавшейся ситуации, КС РФ установил, что нормами ст. 838 ГК РФ (в действовавшей на момент заключения договоров банковского вклада редакции) была установлена недопустимость одностороннего уменьшения банковской организацией размера процентной ставки по договору срочного банковского вклада, стороной которого является физическое лицо, если иное не предусматривалось нормами специального закона. В то же время в ч. 2 ст. 29 ФЗ «О банках и банковской деятельности» (в редакции, действующей на момент рассмотрения дела) банку было предоставлено право в случаях, предусмотренных федеральным законом или договором, в одностороннем порядке изменять процентную ставку по кредитам и депозитам, а также размер комиссионного вознаграждения.

В ходе проверки соответствия указанных положений российского законодательства Конституции РФ КС РФ было установлено, что по своей природе договор срочного банковского вклада следует относить к категории публичных договоров присоединения, а сами гражданско-правовые конструкции договора присоединения и публичного договора являются ограничениями общецивилистического принципа свободы договора, так как граждане-вкладчики лишаются какой-либо возможности влиять на формирование условий, определяющих их взаимоотношения с банком, именно поэтому КС РФ в п. 4 мотивировочной части Постановления № 4-П указал, что гражданин как экономически слабая сторона в этих правоотношениях нуждается в особой защите его прав, что влечет необходимость в соответствующем правовом ограничении свободы договора и для другой стороны — банков. Фактически КС РФ говорит о том, что необходимо восстановить юридическое равенство сторон, и так как право граждан-вкладчиков по договору срочного банковского вклада путем использования гражданско-правовых конструкций договора присоединения и публичного договора изначально ограничены, подобные ограничения должны быть установлены и для банков, являющихся другой стороной договорных отношений.

Однако в дальнейшем КС РФ, формулируя п. 5 мотивировочной части Постановления № 4-П ука-

зал, что нахождение одной из сторон договора в более слабом экономическом положении относительно другой стороны нужно рассматривать не только как основание для обеспечения формального равенства участников договорных отношений, но и для дифференциации прав участников договора. По мнению КС РФ, российский законодатель не вправе ограничиваться формальным признанием юридического равенства участников договорных отношений, но и должен предоставить определенные преимущества экономически слабой и зависимой стороне договора с тем, чтобы не допустить в сфере банковской деятельности недобросовестную конкуренцию и реально гарантировать соблюдение принципа равенства при осуществлении предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, установленного в нормах ст. 19 и 34 Конституции РФ.

Представляется, что заслуживает самого пристального внимания утверждение Е. В. Вавилина, который обоснованно заявляет, что «слабой стороной в договорном обязательстве выступает участник, обладающий изначально меньшей ресурсной, экономической базой, статусными возможностями по отношению к своему контрагенту» [14, с. 556], причем, по мнению А. В. Ульянова, сущность категории «слабая сторона» (в данном случае) характеризуется не экономическим, а сугубо юридическим содержанием, вытекающим не из социальных обязательств государства, а из гражданско-правовой природы обязательственного отношения, ибо «слабая сторона в договоре — это сторона, в нарушение интересов которой допущен дисбаланс в объеме прав, обязанностей и ответственности по договору в пользу другой стороны, влекущий недостижение цели (каузы) договора» [15, с. 118]. Фактически в конструкции принципа «защиты слабой стороны» очевидно несоответствие данного тезиса с общей установкой гражданско-правового регулирования, состоящей в том, что права и обязанности участников правоотношений не могут зависеть от их имущественного положения. Здесь мы наблюдаем введение специального гражданско-правового режима, в рамках которого прямо учитываются доходы и материальное благополучие сторон договора.

Говоря о социализации современного российского гражданского права на уровне на уровне традиционных институтов гражданского права, обратимся к институту возмещения вреда. Так, нормы ст. 1096 ГК РФ в случае причинения вреда вследствие недостатков товара в отступление

от общих правил гражданско-правового регулирования предоставляют потерпевшему право выбора, от кого требовать возмещения вреда: от продавца (с кем потерпевший состоял в договорных отношениях) или изготовителя товара (с кем у потерпевшего договорных отношений, как правило, нет).

Рассматривая проблематику социализации современного российского гражданского права на уровне новых гражданско-правовых институтов и субинститутов, обратимся к нормам законодательства о защите прав потребителей, условно обособившимся в рамках гражданского законодательства посредством принятия специального Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 [16]. Характерно само наименование названного нормативного правового акта — защита прав потребителей. С одной стороны (с точки зрения предмета правового регулирования), это часть гражданского права, поскольку понятие «потребитель» является обобщающим для субъектов договорных гражданско-правовых отношений, включая покупателя по договору купли-продажи, заказчика по договору подряда и т. п. С другой, вопреки гражданско-правовому принципу равенства участников правоотношений законодателем даже не предполагается, что помимо прав потребителя в защите нуждаются и права другой стороны договора — продавца, услугодателя, подрядчика и т. п. В данном случае российский законодатель исходит из того, что особой защиты требуют права только одной стороны договора.

В современной российской юридической доктрине нарастающие противоречия между отдельным индивидом и коллективом пока недооценены. Лишь недавно было обращено внимание на то, что существует неразрешимый мировоззренческий конфликт социального и индивидуального начала, отразившийся в Конституции РФ, где ст. 2 отдает безусловный приоритет человеку как высшей ценности, а ст. 55 предусматривает ограничение прав человека исходя из необходимости обороны, безопасности государства и других факторов сугубо коллективного значения. Ю. Ю. Ветютнев справедливо отмечает, что, по существу, идея приоритета индивидуального блага, которая продекларирована в ст. 2 Конституции РФ, дезавуирована конституционными положениями п. 3

ст. 55, где указано, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Автор полагает, что если бы права и свободы человека действительно бы являлись высшим благом, то их ограничение было бы в принципе невозможно. Мы солидарны с Ю. Ю. Ветютневым, утверждающим, что в анализируемом случае мы имеем дело с прямо противоположной ситуацией, когда в рамках предположительного столкновения прав и свобод личности, являющихся выражением ее индивидуальных благ, с коллективными благами, отражающими общесоциальные блага (такие как конституционный строй, нравственность, оборона, безопасность, суверенитет и др.), приоритет отдается последним. Фактически декларирование Конституцией РФ в качестве высшей ценности прав и свобод человека опровергается самим конституционным текстом [17, с. 112].

Как представляется, основное содержание современного этапа социализации российского гражданского права может быть объяснено следующим образом: традиционная цивилистическая доктрина открыто или молчаливо базировалась на идее совпадения предмета и цели правового регулирования. Иначе говоря, если гражданское право регулирует отношения частного характера, базирующиеся на личных интересах, то именно эти интересы и должны подлежать первоочередной защите.

Идея социализации гражданского права демонстрирует, что конструкция взаимного соответствия интересов и целей правового регулирования не является единственно возможной. Если предметом регулирования выступают частные отношения, это еще не означает, что в основе самой концепции регулирования должен лежать именно частный интерес. Напротив, вполне возможно построить такую модель гражданского права, которое останется частным только по специфике правоотношений, но направлено будет на достижение целей, имеющих общесоциальный характер.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Барков А. В. О необходимости учета тенденции социализации частного права при совершенствовании российского гражданского права // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 4.

3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

4. Арутюнян М., Здравомыслова О., Курильски-Ожвэн Ш. Образ и опыт права: правовая социализация в изменяющейся России. М., 2008.

5. Гревцов Ю. И. Социология права. СПб., 2001.

6. Резников Е. В. Теоретические проблемы правовой идентичности. М., 2015.

7. Талапина Э. В. Публичное право и экономика: курс лекций. М., 2011.

8. Богданов Д. Е. Социализация гражданско-правовой ответственности как направление совершенствования действующего законодательства // Актуальные проблемы правоведения. 2008. № 2.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона. М., 1919.

11. Аскназий С. И. Очерки хозяйственного права СССР. Л., 1926.

12. Янкевич С. В. Правовые основы расприватизации и деприватизации в Российской Федерации // Соотношение публично-правовых и частноправовых начал в регулировании общественных отношений: сб. тезисов и науч. докладов преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов VIII междунар. науч.-практ. конф. / под ред. О. В. Тагашева. Курск, 2012.

13. О банках и банковской деятельности: федер. закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Вавилин Е. В. Принципы гражданского права // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2010.

15. Ульянов А. В. Юридическое обоснование защиты слабой стороны в договоре // Журнал российского права. 2013. № 8.

16. О защите прав потребителей: закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы. М., 2013.

2. Barkov A. V. On the need to take into account the trend of socialization of private law in improving Russian civil law. Vestnik of Nizhny Novgorod University. Named after N. I. Lobachevsky. 2015; 4.

3. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. Moscow; 1995.

4. Harutyunyan M., O. Zdravomyslova, Kourilsky-oven the sh Image and experience of law: legal socialization in a changing Russia. Moscow; 2008.

5. Grevtsov Yu. I. Sociology of law. St. Petersburg; 2001.

6. Reznikov E. V. Theoretical problems of legal identity. Moscow; 2015.

7. Talapina E. V. Public law and Economics: a course of lectures. Moscow; 2011.

8. Bogdanov D. E. Socialization of civil liability as a direction for improving the current legislation // Actual problems of jurisprudence. 2008. No. 2.

9. Civil code of the Russian Federation (Part 1) of 30 November 1994 No. 51-FZ of 30, 1994. Available from: reference and legal system "Consultant-Plus".

10. Dugi L. General transformations of civil law since the Napoleonic Code. Moscow; 1919.

11. Asknaziyy S. I. Essays on economic law of the USSR. Leningrad; 1926.

12. Yankevich S. V. Legal bases of rasprivatization and deprivation in the Russian Federation. In: Correlation of public and private law principles in the regulation of public relations. Collection of abstracts and scientific reports of teachers, students, undergraduates, and postgraduates of the VIII International scientific and practical conference. Ed. By O. V. Tagasheva. Kursk; 2012.

13. Federal law of 2 December 1990 No. 395-1. "On banks and banking activities". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

14. Vavilin E. V. Principles of civil law. Principles of Russian law: general theoretical and branch aspects. Ed. by N. I. Matuzov, A.V. Malko. Saratov; 2010.

15. Ulyanov A. V. Legal justification for the protection of a weak party in a contract. Journal of Russian law. 2013; 8.

16. Law of the Russian Federation 1 of 7 February 1992 No. 2300-1. "On consumer protection". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

17. Vetyutnev Yu. Yu. Axiology of the legal form. Moscow; 2013.

Рыженков Анатолий Яковлевич,
профессор кафедры
гражданского права и процесса
Калмыцкого государственного университета,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: 4077778@list.ru

Садков Андрей Николаевич,
доцент кафедры гражданского
и международного частного права
Института права Волгоградского
государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: sadkov@volsu.ru

Ryzhenkov Anatoly Yakovlevich,
professor at the department
of civil law and procedure
of the Kalmyk state University,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: 4077778@list.ru

Sadkov Andrey Nikolaevich,
associate professor at the department
of civil and international private law
of the Institute of law
of the Volgograd state University,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: sadkov@volsu.ru

* * *

УДК 343.34
ББК 67.408.13

DOI 10.25724/VAMVD.MFGH

А. П. Алексеева**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ЧАСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ НОРМ
ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕСООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ**

В статье анализируются предложения законодателя о реформировании норм Уголовного кодекса Российской Федерации об уголовной ответственности за несообщение о преступлениях. В 2016 г. в Уголовном кодексе Российской Федерации впервые было криминализовано несообщение о преступлениях террористической направленности. Однако название ст. 205.6 «Несообщение о преступлении» не давало возможности прийти к однозначному мнению о распространении данной нормы лишь на узкий круг «преступлений террористической направленности». Буквальное толкование этого названия позволяло сделать вывод о том, что положения статьи распространяются на составы преступлений не только разделов IX—XII Уголовного кодекса Российской Федерации, но и на все остальные разделы его Особенной части. В связи с этим законодатель сегодня посчитал необходимым предложить изменить наименование ст. 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации, приведя его в соответствие содержанию. Кроме того, после появления в Уголовном кодексе Российской Федерации ст. 205.6 в уголовном законодательстве сложилась парадоксальная ситуация, при которой была установлена уголовная ответственность за несообщение об одних преступлениях — террористической направленности, однако за несообщение о других не менее общественно опасных деяниях, таких как массовое убийство, совершенное общеопасным способом, наказание предусмотрено не было. Дополнение гл. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации ст. 316.1 «Несообщение о преступлениях против жизни при отягчающих обстоятельствах» позволит восполнить правовые пробелы, оставшиеся после введения ст. 205.6 в 2016 г., а объединение данных норм (205.6 и 316.1) в одной ст. 316.1, размещенной в гл. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против правосудия», позволит более четко уяснить содержание этих деяний, посягающих, по сути, на один и тот же, а не на разные объекты.

Ключевые слова: несообщение о преступлениях, террористическая направленность, массово опасная направленность.

А. P. Alekseeva**LEGISLATIVE INITIATIVES IN TERMS OF REFORMING
THE NORMS ON CRIMINAL LIABILITY FOR FAILURE TO REPORT CRIMES**

The article analyzes the proposals of the legislator on reforming the norms of the Criminal code of the Russian Federation on criminal liability for failure to report crimes. In 2016, the Criminal code for the first time criminalized failure to report terrorist crimes. However, the title of article 205.6 of the criminal code "Failure to Report a crime" did not make it possible to come to an unambiguous opinion on the extension of this rule only to a narrow range of "terrorist crimes". The literal interpretation of this title allowed us to conclude that the provisions of the article apply to crimes not only sections IX—XII of the criminal code, but also to all other sections of the Special part of the Criminal code. Therefore, the legislator today considered it necessary to propose to change the name of article 205.6 of the Criminal code, bringing its name in line with the content. In addition, after appearing in Criminal code article 205.6 criminal law is a paradoxical situation in which was established the criminal liability for failing to report some crimes of a terrorist orientation, however, for not informing about other socially dangerous acts such as mass murder committed publicly dangerous method, the punishment was not provided. The addition of Chapter 31 of the Criminal code with a new article 316.1 "Failure to Report crimes against life under aggravating circumstances" will fill the legal gaps left after the introduction of article 205.6 in 2016 in the Criminal code. A combination of these rules (205.6 and 316.1) in one article 316.1 of the Criminal code, placed in Chapter 31 of the Criminal code "Crimes against justice", will more clearly understand the content of these acts, encroaching, in fact, on the same, and not on different objects.

Key words: failure to report crimes, terrorist orientation, massively dangerous orientation.

В Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 11 июля 2019 г. были представлены два проекта федеральных законов: «О внесении изменений в название статьи 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части установления соответствия наименования сфере применения нормы)» № 751923-7 (далее — законопроект № 751923-7) [1] и «О внесении изменений в главу 31 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части установления дополнительной ответственности за несообщение о преступлениях массово опасной направленности)» № 751924-7 (далее — законопроект № 751924-7) [2]. Оба законопроекта, как видно из их названий, нацелены на оптимизацию уголовной ответственности в части несообщения о готовящихся преступлениях различных видов. Однако подробное изучение содержания данных документов побуждает нас вступить в научную дискуссию с их авторами.

Итак, разработчики законопроекта № 751923-7 предлагают изложить название ст. 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) в новой редакции: «Несообщение о преступлении террористической направленности». Они исходят из того, что такая необходимость обусловлена принципом правовой определенности. Существующее название ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении» действительно не дает возможности прийти к однозначному мнению о распространении данной нормы лишь на узкий круг «преступлений террористической направленности». Буквальное толкование ее названия позволяет сделать вывод о том, что положения статьи распространяются на составы преступлений не только разделов IX—XII УК РФ, но и на все остальные разделы его Особенной части. Таким образом, проблемы законодательной техники привели к тому, что наименование статьи оказалось значительно шире изложенного в диспозиции запрета.

Для законодателя правовая определенность представляет важную цель и показатель качества законотворческой деятельности. Она является универсальным принципом согласованного правового регулирования общественных отношений, служит средством нормоконтроля, осуществляемого органами конституционного правосудия, выступает критерием оценки соответствующих процессуальных норм. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 15 июля 1999 г. № 11-П отметил, что общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом,

поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь единообразием понимания и толкования нормы права [3].

Из содержания ст. 205.6 УК РФ видно, что законодатель, внедряя Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ в УК РФ этот состав преступления, подразумевал наступление уголовной ответственности именно за несообщение о преступлениях террористической направленности: несообщение о приготовлении к террористическому акту, содействии террористической деятельности, публичных призывах к осуществлению террористической деятельности или публичным оправданиям терроризма, прохождении обучения в целях осуществления террористической деятельности, об организации террористического сообщества и участия в нем, организации деятельности террористической организации и участии в деятельности такой организации, о захвате заложника, об организации незаконного вооруженного формирования и участия в нем, угоне судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, о незаконном обращении с ядерными материалами или радиоактивными веществами, хищении либо вымогательстве ядерных материалов или радиоактивных веществ, посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственном захвате власти или насильственном удержании власти, вооруженном мятеже, нападении на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, об акте международного терроризма.

Таким образом, ст. 205.6 УК РФ еще в 2016 г. была установлена ответственность за несообщение в органы власти о некоторых тяжких и особо тяжких преступлениях, в то время как особо тяжкие преступления, имеющие по объективным признакам схожесть с преступлениями террористической направленности, представляющие широкую общественную опасность для населения, не попали в этот перечень. Криминализация несообщения о готовящемся преступлении, осуществленная Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ, была лишь первым шагом, поэтому сегодня законодатель выступил с инициативой расширить круг преступлений, за несообщение о которых может наступить уголовная ответственность. Следовательно, до разработки и внесения предлагаемых законопроектом № 751924-7 новелл сложилась парадоксальная ситуация, когда была установлена уголовная ответственность за несообщение об одних преступлениях — террористической направленности, однако за несообщение о других не менее общественно опасных деяниях, таких как массовое убийство, совершенное общеопасным способом, наказание предусмотрено не было.

Похожая история с несоразмерностью степени тяжести преступления и назначаемого наказания складывалась в свое время в СССР. В частности, указом Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» от 4 июня 1947 г. [4] была введена ответственность за недонесение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества, но при этом не было ответственности, например, за недонесение об убийстве и иных особо тяжких преступлениях против личности.

Все приведенные обоснования обусловили в период действия ст. 205.6 УК РФ трудности в уяснении ее действительного содержания, а значит, могли стать причиной судебных ошибок при применении рассматриваемой нормы на практике. Решить перечисленные проблемы законодатель посчитал возможным посредством изменения названия ст. 205.6 УК РФ, сузив ее содержание до «несообщения о преступлении террористической направленности». По мнению нормотворцев, такое наименование будет соответствовать правильному толкованию содержания положений статьи, поскольку даст указание на сферу применения нормы и тем самым будет способствовать стабильности принимаемых судебных решений.

Для того чтобы устранить возникший в уголовном законодательстве пробел с ответственностью за несообщение о готовящемся особо тяжком преступлении, имеющем по объективным признакам схожесть с преступлениями террористической направленности, авторы законопроекта № 751924-7 предложили дополнить главу 31 УК РФ ст. 316.1 «Несообщение о преступлениях против жизни при отягчающих обстоятельствах» следующего содержания: «Несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о готовящемся преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных пунктами «а», «е», «л» части 2 статьи 105 настоящего Кодекса».

Благодаря предлагаемым изменениям во вводимой ст. 316.1 УК РФ будет установлена ответственность за несообщение о готовящихся особо тяжких преступлениях: убийство двух или более лиц; убийство, совершенное общеопасным способом; убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Такое реформирование УК РФ законодатель посчитал нужным для осуществления

превентивной функции уголовного законодательства. Кроме того, с позиции законодателя появление нормы, дополняющей действие ст. 205.6 УК РФ, будет наиболее полно способствовать реализации принципа справедливости уголовного права, изложенного в ст. 6 УК РФ.

Разработка законопроекта № 751924-7, по мнению его авторов, «была обусловлена текущей ситуацией „в сфере общественной безопасности“». Отсутствие на протяжении более 20 лет (с момента вступления в силу Уголовного кодекса Российской Федерации до принятия Федерального закона от 06.07.2016 № 375-ФЗ „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности“) норм об ответственности за несообщение о готовящемся или совершенном преступлении сыграло отрицательную роль как в раскрываемости тяжких и особо тяжких преступлений, так и в предупреждении совершения последних» [2]. Стоит отметить, что подобная ответственность уже установлена и успешно действует во многих зарубежных странах, в том числе в Швеции, Франции, Канаде [5].

Тем не менее к представленным в законопроекте № 751924-7 формулировкам остается много претензий. Во-первых, его авторы используют термин «преступления массово опасной направленности», который нигде и никак не расшифровывают. Из текста предлагаемой нормы можно сделать вывод, что речь в ней идет об ответственности за несообщение о готовящемся или совершенном преступлении, предусмотренном пп. «а», «е» или «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Какой именно смысл при этом нормотворцы вкладывают в термин «преступления массово опасной направленности», понять из представленных в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации документов невозможно. Существующие нормативные правовые акты оперируют терминами «преступления, имеющие экономическую направленность», «преступления экстремистской направленности», «преступления коррупционной направленности» [6]. Ни о какой «массово опасной направленности» ни в законодательстве, ни в науке речи не ведется. Во-вторых, ст. 105 УК РФ, упоминающаяся в законопроекте № 751924-7, как известно, находится в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья» раздела VII «Преступления против личности». Новая статья 316.1 «Несообщение о преступлениях против жизни при отягчающих обстоятельствах» планируется к включению в главу 31 «Преступления против правосудия»

раздела X «Преступления против государственной власти». Преступления же «против общественной безопасности» сосредоточены в главе 24 раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Соответственно, вызывает сомнения логика нормотворцев, которые связали «необходимость разработки законопроекта № 751924-7 с текущей ситуацией „в сфере общественной безопасности“». Это совершенно другой объект посягательства, который, безусловно, тоже требует уголовно-правовой защиты, но, очевидно, с иными формулировками и иным обоснованием.

Не вызывает сомнений тот факт, что дополнение главы 31 УК РФ ст. 316.1 «Несообщение о преступлениях против жизни при отягчающих обстоятельствах» даст возможность расширить институт уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению, выраженную в форме недонесения информации об особо тяжких преступлениях, предусмотренных пп. «а», «е» или «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Внесение указанных изменений позволит уменьшить уровень латентной преступности в России и восполнить правовые пробелы, оставшиеся после введения в УК РФ ст. 205.6. Многие авторы высказывают мнение о том, что именно отсутствие в главе 31 УК РФ положений об ответственности за несообщение о преступлениях против жизни при отягчающих обстоятельствах стало косвенной причиной трагедии в керченском колледже 17 октября 2018 г., в результате которой погибли более 20 человек. Преступление было переквалифицировано со ст. 205 УК РФ «Теракт» на ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство двух и более лиц общеопасным способом». Зная о готовящемся массовом убийстве в колледже знакомые преступника могли предотвратить трагические последствия, если бы под угрозой уголовной ответственности вовремя сообщили об этом в правоохранительные органы [7; 8].

Однако не совсем ясно, почему вводимые поправки затронули исключительно ст. 105 УК РФ

и новую норму решили внедрить в главу 31 УК РФ «Преступления против правосудия», тогда как ст. 205.6 УК РФ ранее разместили в главе 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности». Судя по имеющимся сведениям (пояснительным запискам к законопроектам), законодатель ранее исходил из того, что ст. 205.6 УК РФ была включена в комплекс статей, связанных с террористической деятельностью, поэтому, включая ст. 277—279 и 360 УК РФ в диспозицию данной нормы, законодатель приравнял их по степени общественной опасности к преступлениям террористической направленности. Теперь же законопроектом № 751924-7 нормотворец пп. «а», «е» и «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ дополняет ряд особо тяжких преступлений против жизни, совершаемых при отягчающих обстоятельствах, за несообщение об исполнителях которых будет предусмотрена аналогичная ст. 205.6 УК РФ уголовная ответственность, поскольку данные деяния (пп. «а», «е» и «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) представляют угрозу общественной безопасности не ниже чем акт терроризма. Разграничение этих составов преступлений — убийства двух и более лиц общеопасным способом и террористического акта — даже на практике часто вызывает сложности. Отличительной чертой последнего выступает наличие дополнительных признаков в субъективной стороне преступления: специальных целей (воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями), уяснение которых является предметом доказывания при расследовании и судебном рассмотрении дел о терроризме. С учетом этого полагаем, нет серьезной необходимости в существовании двух отдельных, но столь похожих по сути ст. 205.6 и 316.1 УК РФ в разных главах и разделах кодекса, соответственно в нынешней ситуации было бы правильно объединить данные нормы (ст. 205.6 и 316.1) в ст. 316.1 УК РФ и разместить ее в главе 31 УК РФ «Преступления против правосудия».

1. О внесении изменений в название статьи 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части установления соответствия наименования сфере применения нормы): проект Федерального закона № 751923-7 от 11 июля 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О внесении изменений в главу 31 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части установления дополнительной ответственности за несообщение о преступлениях массово опасной направленности): про-

1. Draft of Federal law No. 751923-7 of 11 July 2019. "On introducing changes in article title 205.6 Criminal code of the Russian Federation (in the part of determining the identity of the names the scope of application rules)". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Draft of Federal law No. 751924-7 of 11 July 2019. "On amendments to Chapter 31 of the Criminal code of the Russian Federation and article 30 of the Criminal procedure code of the Russian Federation (in part of establishing an additional liability for not informing about the crimes of mass threat

ект Федерального закона № 751924-7 от 11 июля 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 1999 г. № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества: указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Сабатов С. А. Несообщение о преступлении в законодательстве зарубежных стран // Полицейская и следственная деятельность. 2019. № 1. С. 23—28.

6. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 487/11, МВД России № 1 от 12 июля 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Паремба Н. С. Несообщение о преступлении как нововведение в Уголовном кодексе // Образование и наука в России и за рубежом. 2019. № 2 (50). С. 238—241.

8. Крутикина Ю. А. Прикосновенность к преступлению и несообщение о преступлении как элемент института прикосновенности // Евразийский юридический журнал. 2018. № 9 (124). С. 249—252.

© Алексеева А. П., 2020

Алексеева Анна Павловна,

профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: alexeeva.va-mvd@yandex.ru

orientation)". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. Resolution of the Constitutional Court No. 11-P of 15 July 1999. "In the case of verification of the constitutionality of certain provisions of the law of the RSFSR "On the State tax service of the RSFSR" and the Laws of the Russian Federation "On the basis of the tax system in the Russian Federation" and "On Federal tax police". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

4. Decree of the Presidium of the USSR Supreme Soviet of 4 June 1947. "On criminal responsibility for theft of state and public property". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Sabitov S. A. failure to report a crime in the legislation of foreign countries. Police and investigative activities. 2019; 1: 23—28.

6. Indication of the Prosecutor General of Russia No. 487/11, Ministry of internal Affairs of Russia No. 1 of 12 July 2019. "On introduction in action of the lists of articles of the Criminal code of the Russian Federation, used when forming the statistical reporting". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

7. Paremba N. S. Failure to report a crime as a novelty in the Criminal code. Education and science in Russia and abroad. 2019; 50 (2): 238—241.

8. Krutikhin Yu. A. The Implication of the crime and failure to report a crime as a member of the Institute of implications. Eurasian law journal. 2018; 124 (9): 249—252.

© Alexeeva A. P., 2020

Alexeeva Anna Pavlovna,

professor at the criminal law department
of the educational and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: alexeeva.va-mvd@yandex.ru

* * *

Н. А. Егорова, А. Г. Егоров

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ
В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ**

В статье содержится критический анализ научных работ, посвященных составу преступления, введенному в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ, — занятию высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). Статья представляет собой продолжение научной дискуссии, причиной которой стало появление данной новеллы. Рассмотрев высказанные в литературе позиции относительно уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии, авторы, используя формально-логический, сравнительно-правовой и социологический методы исследования, приходят к выводу о целесообразности исключения ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации из уголовного закона. Считаем важным указать ведущую роль в деятельности организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) в перечне обстоятельств, отягчающих наказание (ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации). Меры воздействия на лидеров преступного мира, непосредственно не связанные с совершением данными лицами преступлений, предложено урегулировать в специальном законе.

Ключевые слова: организованная преступность; преступное сообщество (преступная организация); лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии; вор в законе; преступление; деяние; основание уголовной ответственности.

N. A. Egorova, A. G. Egorov

**CRIMINAL LIABILITY FOR OCCUPYING A SENIOR POSITION
IN THE CRIMINAL HIERARCHY: CONTINUATION OF THE DISCUSSION**

The article contains a critical analysis of the scientific papers devoted to corpus delicti introduced into the Criminal Code of the Russian Federation by Federal Law No. 46-FZ as of 01.04.2019 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of fighting organized crime", which is occupying a senior position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The article is considered as continuation of the scientific discussion caused by this statutory innovation. Having considered the viewpoints regarding criminal liability for occupying a senior position in the criminal hierarchy expressed in the literature, the authors, applying the formal logical, comparative legal and sociological research methods, arrive to the conclusion that it is advisable to exclude Art. 210.1 of the Criminal Code from the criminal law. The leading part in the activities of an organized group or criminal community (criminal organization) is proposed to be specified in the list of circumstances aggravating punishment (part 1, Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation). The authors propose that a dedicated law should direct at criminal leaders certain measures, not specifically related to committing any offense by these persons.

Key words: organized crime, criminal community (criminal organization), a person occupying senior position in the criminal hierarchy, "criminal kingpin", crime, act, grounds of criminal responsibility.

Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ изменена редакция ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ); уголовный закон дополнен ст. 210.1, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Детальное освещение

всех новых норм, содержащихся в упомянутом законе, не входит в задачи настоящей статьи. Как и следовало ожидать, это не осталось без внимания научного сообщества: за прошедший год опубликованы работы, в которых не только дана подробная уголовно-правовая характеристика данных

норм, но и показаны их проблемные аспекты [1, с. 32—39; 2, с. 147—152; 3]. Научные труды по указанной тематике, изданные в 2019 г. (в некоторых из них рассматриваются не действующие ст. 210 и 210.1 УК РФ, а законопроект о внесении изменений и дополнений в эти статьи), содержат неоднозначные оценки анализируемых новелл (особенно ст. 210.1 УК РФ).

Мнения специалистов относительно нормы об ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии можно представить следующим образом:

1) ст. 210.1 УК РФ в целом характеризуется как неприемлемая по причине ее несоответствия концептуальным положениям уголовного права [4, с. 54—58; 5, с. 61—69; 6, с. 23];

2) отмечается противоречие ст. 210.1 УК РФ основам уголовного права, но данная норма признается актуальной [2, с. 151] и обладающей позитивным потенциалом [7];

3) подвергается критике редакция ст. 210.1 УК РФ, однако эта критика касается частных моментов и не затрагивает самого факта появления данной нормы [1, с. 32—39; 8, с. 75—76];

4) ст. 210.1 УК РФ оценивается положительно, дается теоретическое обоснование ее редакции [9, с. 465—476; 10].

Сторонники первой точки зрения обращают внимание на то, что норма ст. 210.1 УК РФ устанавливает ответственность не за деяние, а за характеристику личности, что противоречит признанию преступлением только деяния (ч. 1 ст. 14 УК РФ), принципу вины (ст. 5 УК РФ), положению об основании уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ) и фактически означает возврат российского уголовного законодательства к теории опасного состояния личности [4, с. 55—56; 5, с. 64—65]. Представляется, что данные выводы совершенно справедливы. Диспозиция ст. 210.1 УК РФ простая, тождественная ее наименованию. Остается только догадываться, как такое описание преступного поведения согласуется с тезисом «преступление есть деяние» (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Принадлежность лица к высшим слоям преступной среды связана с его прошлой преступной деятельностью, которая и является основанием уголовной ответственности. Пребывание на высшей ступени преступной иерархии не деяние, а возможный результат действия совокупности факторов: как уголовно-правовых (совершение в прошлом преступлений, отбытие наказания за эти преступления, судимость), так и не имеющих отношения к уголовному праву (личные качества, соблюдение

«кодекса чести», признание в криминальной среде). При этом санкция за «деяние», запрещенное ст. 210.1 УК РФ, — лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, т. е. такое «псевдодеяние» признается особо тяжким преступлением.

Идея подвергать криминальных лидеров за их лидерство уголовному наказанию в виде лишения свободы сомнительна и потому, что в исправительных учреждениях такая разновидность преступной элиты, как воры в законе, не только оказывается в привычной среде, но и чувствует себя фактическими главарями, препятствует достижению целей наказания в отношении других осужденных [11, с. 18—20]. Вместе с тем ведущая роль в деятельности организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) могла бы обрести значение обстоятельства, отягчающего наказание (для сравнения отметим, что в ч. 1 ст. 63 УК РФ предусмотрено обстоятельство, отягчающее наказание, — особо активная роль в совершении преступления). Для соблюдения принципа справедливости данному обстоятельству следовало бы придать свойство обязательного влияния на назначаемое наказание в сторону его ужесточения в формально определенных пределах. Это позволило бы сместить акцент со статуса личности на ее преступное поведение; уйти от ненужных дискуссий о признаках специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ; избежать двойного вменения, которое будет иметь место при совокупности ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ; учитывать ведущую роль лица в деятельности названных преступных групп при назначении наказаний за разнообразные преступления, совершенные в составе таких групп.

«Высшее положение в преступной иерархии» — оценочный признак. Доказать его крайне сложно [12, с. 169—170; 13, с. 13—14]. Иерархия присутствует не только в рамках обычного (условно назовем его так) преступного сообщества и не исключительно в преступном сообществе. Распространяется ли ст. 210.1 на все известные УК РФ виды преступных сообществ (например, указанные в ст. 205.4, 282.1 УК РФ), если принять во внимание, что упомянутые преступные сообщества могут быть и просто организованными группами? С какой именно формой соучастия должна быть связана преступная иерархия? К сожалению, ответов на постав-

ленные вопросы в ст. 210.1 УК РФ нет, но место ее расположения дает основания полагать, что она находится в генетической связи со ст. 210 УК РФ и должна применяться только к лидерам преступных сообществ (преступных организаций), предусмотренных ст. 210 УК РФ.

Нельзя не отметить, что ст. 210.1 УК РФ, в отличие от ст. 210 УК РФ, не включена в перечень преступлений, за которые может быть назначена конфискация имущества (п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). В санкции ст. 210.1 УК РФ предусмотрен штраф. Его нельзя применить к традиционным «преступным авторитетам», при этом нет возможности конфисковать имущество, полученное ими в результате совершения данного преступления (хотя допустима конфискация имущества, используемого или предназначенного для финансирования преступного сообщества, — п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ).

Из пояснительной записки к проекту федерального закона о введении рассматриваемой статьи [14] (далее — Проект) не видны конкретные причины этого. Публикации в научных изданиях и средствах массовой информации говорят о том, что немаловажное значение для принятия такого правотворческого решения имел грузинский опыт борьбы с «ворами в законе», который оценивается как успешный и одобренный даже Европейским Судом по правам человека [15, с. 235—236]. Как бы то ни было, Правительство Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации поддержали Проект безоговорочно [16; 17].

Обзор зарубежного уголовного законодательства показывает, что нормы, подобные предусмотренной в ст. 210.1 УК РФ, скорее исключение, чем правило. Примером такого исключения может служить ч. 2 ст. 223.1 Уголовного кодекса Грузии, предусматривающая ответственность за пребывание лица в положении вора в законе [18]. Но обуславливает ли современная криминологическая ситуация в России необходимость именно этих мер? Положительный ответ на этот вопрос не очевиден. Согласно официальной статистике ст. 210 УК РФ применяется нечасто. Так, в 2009 г. по ней были осуждены 164 человека; в 2010 г. — 190; в 2011 г. — 232; в 2012 г. — 203; в 2013 г. — 98; в 2014 г. — 165, в 2015 г. — 219; в 2016 г. — 165, в 2017 г. — 156, в 2018 г. — 149, в том числе 1 — по ч. 4 ст. 210 УК РФ [19]. Случаев осуждения по ч. 4 ст. 210 УК РФ долгое время не было вообще, известно лишь об одном обвинительном приговоре [20; 21]. Это позволяет прогнозировать неприменение и ст. 210.1 УК РФ.

Следует также принять во внимание опыт борьбы других государств, кроме Грузии (например, США, Италии), с организованной преступностью [22, с. 449; 23, с. 393—394]. Меры воздействия на лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, непосредственно не связанные с совершением этими лицами конкретных преступлений, целесообразно урегулировать в специальном законе, который имел бы преимущественно профилактическую направленность, а предусмотренные им меры не носили бы уголовно-правового характера. Приоритетными должны стать оперативно-разыскная деятельность и изъятие преступных доходов по судебному решению (необязательно при наличии обвинительного приговора). Разрыв связей таких лиц с преступной средой и их изоляция от общества, если это признано необходимым, тоже должны обрести статус криминологических, а не уголовно-правовых средств. Известные действующему уголовному праву России так называемые «иные» меры уголовно-правового характера (раздел VI УК РФ) всегда назначаются за совершенное деяние: либо за преступление (принудительные меры медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступления; конфискация имущества; судебный штраф), либо за не обладающее всеми признаками преступления общественно опасное деяние (принудительные меры медицинского характера в отношении невменяемых лиц). Занятие высшего положения в преступной иерархии не есть деяние, поэтому не может быть основанием применения уголовно-правовых мер.

Авторы, придерживающиеся второй из указанных в начале статьи позиции, не вполне последовательны в своих суждениях. Появление нормы ст. 210.1 УК РФ и ее применение теоретически и практически оправданны лишь при условии корректировки устоявшегося понимания преступления, вины и основания уголовной ответственности. Очевидно, для этого другим должно стать все российское уголовное право. В связи со сказанным в современных условиях введение ст. 210.1 УК РФ и ее реализация на практике (а факты возбуждения уголовных дел по данной статье уже имели место [24]; [25]) — события экстраординарные.

Третий подход, пожалуй, имеет наибольшую практическую ценность, поскольку его представители исходят из необходимости применять действующий уголовный закон, какой бы критики он ни заслуживал. Прежде всего они обращают внимание на редакционные недостатки ст. 210.1 УК РФ и вероятные по этой причине квалификационные

проблемы, главной из которых является неопределенность ключевых понятий «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» и «занятие» такого положения.

А. А. Лихолетов и М. У. Михайлов предлагают дополнить ст. 210.1 УК РФ примечанием, содержащим дефиницию понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Под ним авторы понимают «организатора, руководителя преступного сообщества (преступной организации), а также иное лицо, осуществляющее управление деятельностью преступного объединения, имеющее в подчинении участников этой организации» [1, с. 36]. Аналогичное понимание субъекта преступления уже предлагалось в науке применительно к ч. 4 ст. 210 УК РФ [26, с. 70].

Приведенная теоретическая модель уголовно-правовой нормы-дефиниции вызывает несколько замечаний. Во-первых, авторы необоснованно отождествляют «высшее» положение в иерархии с «высоким», включая в круг субъектов рассматриваемого преступления всех «управленцев» преступного сообщества (преступной организации). Во-вторых, непонятно, какой смысл вкладывается в понятие «преступное объединение». Данный термин не используется в ст. 35 и ст. 210 УК РФ для обозначения каких-либо видов преступных групп. В-третьих, вопреки замыслу законодателя, имеющего целью признать уголовно наказуемым сам факт занятия высшего положения в преступной иерархии, стирается грань между занятием такого положения и преступлениями, предусмотренными ч. 1 ст. 210 УК РФ. Получается, что занятие высшего положения — это то же создание преступного сообщества (преступной организации), руководство таким сообществом или его частью (структурным подразделением). Специфично лишь, что в предложенной редакции нормы описание преступного деяния, несмотря на стандарты законодательной техники, располагается не в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, а в примечании к ней.

Подобные рекомендации не помогают разграничить составы преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ, и не исключают их двойного вменения.

В предложенной А. А. Лихолетовым и М. У. Михайловым редакции примечания к ст. 210.1 УК РФ о специальном виде освобождения от уголовной ответственности в качестве условий освобождения от ответственности названы добровольное прекращение занятия лицом высшего положения в преступной иерархии и активное способствова-

ние раскрытию или пресечению деятельности преступного сообщества (преступной организации), раскрытию или пресечению преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) [1, с. 37]. Здесь также подразумевается, что занятие высшего положения в преступной иерархии связано с деятельностью преступного сообщества (преступной организации), а значит, с совершением преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ. На данный момент в уголовном законе возможность освобождения от уголовной ответственности таких лиц (если выполнены дополнительные условия) предусмотрена в примечании к ст. 210 УК РФ. Неясно, как именно должно происходить добровольное прекращение занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Известны случаи словесного отказа преступных лидеров от своего статуса в присутствии должностных лиц правоохранительных органов [27]. Но достаточно ли этого для вывода о прекращении данного статуса? Полагаем, нет, если фактически лицо продолжает занимать высшее положение в преступной иерархии. В случае же когда лицо действительно (а не только номинально) отказалось от своего статуса, данный факт еще не освобождает его от уголовной ответственности (см. примечание к ст. 210 УК РФ), и уж тем более не исключает ее.

До появления устоявшейся практики А. А. Лихолетов и М. У. Михайлов считают возможным взять за основу существующий подход Верховного Суда Российской Федерации по поводу трактовки «занятия» высшего положения в преступной иерархии. Однако сегодня официальное толкование термина «занятие» высшего положения в преступной иерархии Пленумом Верховного Суда Российской Федерации не дано. Если имеется в виду его позиция относительно субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, то она следующая: «Решая вопрос о субъекте преступления, указанного в части 4 статьи 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица (выделено авторами — Н. Е., А. Е.) по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией), либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие *преступные действия* (выделено авторами — Н. Е., А. Е.), свидетельствующие о его

авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т. п.» (п. 24 постановления «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» от 10 июня 2010 г. № 12).

Как видно из процитированного отрывка, речь идет о преступном *поведении* субъекта, указывающем на его высшее положение в преступной иерархии, поэтому для толкования ст. 210.1 УК РФ приведенное разъяснение мало что дает. Более того, в науке высказаны обоснованные сомнения в его правильности: в части, касающейся наличия связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями, а также коррупционных связей, которые могут быть и у рядовых членов преступных групп, и у лиц, совершающих преступления не в соучастии [28, с. 109].

Применительно к ч. 4 ст. 210 УК РФ П. А. Скобликов отмечает, что иерархия должна состоять не менее чем из четырех звеньев (градаций должно быть более трех), и субъектом данного преступления может быть любое лицо, занимающее высшую ступень в такой иерархии [28, с. 113]. С одной стороны, это логично, ведь в противном случае ч. 4 ст. 210 УК РФ была бы повторением ч. 1 и ч. 1.1 той же статьи. Однако возникает вопрос: как такие лица, находясь на четвертой, пятой и т. д. ступени, могут, например, руководить преступным сообществом (преступной организацией), где автор усматривает всего три ступени? Получается, что указанные субъекты находятся в преступной среде и в то же время за пределами известных уголовному праву преступных групп, где-то над ними. Но преступный мир, по утверждению самого автора, не является единым и иерархичным [28, с. 111—113]. Сказанное заставляет усомниться в целесообразности введения ст. 210.1 УК РФ не только по фундаментальным, но и по более частным (технико-юридическим) причинам.

С учетом новых (постмодерновых) тенденций в развитии уголовного права о ст. 210.1 УК РФ рассуждают некоторые специалисты, представляющие четвертую группу исследователей. Так, В. Н. Бурлаков и В. Ф. Щепельков отмечают, что в современных условиях общественно опасным может быть не только деяние, но и статус лица. Данный вывод аргументируется примерами признания свойств личности признаками состава пре-

ступления (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135, п. «а» ч. 2, п. «а» ч. 4, п. «а» ч. 6 ст. 264 УК РФ и др. [9, с. 467—468]). Однако нельзя не заметить, что во всех примерах такого рода свойства личности служат лишь дополнением к деянию. Без совершенного деяния ни опьянение лица, ни его предшествующее привлечение к административной ответственности, ни его судимость и т. п. не являются и не могут быть самостоятельными основаниями уголовной ответственности. Совершенно иная ситуация с занятием высшего положения в преступной иерархии. Как указано в пояснительной записке к Проекту, «уголовная ответственность за сам факт лидерства... лица в преступной иерархии не предусмотрена. С учетом этого законопроектом предлагается дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьей 210.1, которая устанавливает уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии». Приведенная цитата, на наш взгляд, не оставляет никаких сомнений в том, что целью новой ст. 210.1 УК РФ было введение уголовной ответственности именно за криминальный статус лица как таковой. Из сравнения верхних пределов санкций ч. 4 ст. 210 УК РФ (пожизненное лишение свободы) и ст. 210.1 УК РФ (15 лет лишения свободы) следует, что занятие высшего положения в преступной иерархии как основание уголовной ответственности не должно быть связано с совершением каких-либо преступлений благодаря этому положению.

Примечательно, что в дальнейшем, видимо, стремясь примирить ст. 210.1 и ст. 8 и ч. 1 ст. 14 УК РФ, названные авторы утверждают, что «термин „занятие положения“ нужно трактовать как характеристику деяния по смыслу наделения высшими полномочиями или их присвоения» [9, с. 468]. Это не только идет вразрез с их предыдущими рассуждениями об общественной опасности свойств личности и возможности уголовной ответственности за нее в уголовном праве постмодерна, но и не соответствует замыслу законодателя — установить уголовную ответственность за сам факт лидерства в преступной среде. Кроме того, «наделение полномочиями», каким подменяют «занятие положения» В. Н. Бурлаков и В. Ф. Щепельков, есть поведение не самого криминального авторитета, а других лиц, благодаря которому лицо оказывается на вершине преступной иерархической лестницы. При таком подходе круг субъектов рассматриваемого преступления необоснованно расширяется за счет иных лиц (например, короновавших вора в законе).

Толкование «занятия положения» как «присвоения полномочий» не менее спорно. Уголовный закон России не охраняет власть, осуществляемую в преступных группах, и ее «присвоение» не может расцениваться как общественно опасное поведение.

Далее авторы, с одной стороны, указывают, что «занятие положения» подразумевает, в частности, управление преступной деятельностью, контроль над ней, выполнение квазисудебных функций в преступном сообществе. С другой — ученые признают, что это необязательно активная деятельность, достаточно реальной возможности ее осуществления, и ст. 210.1 УК РФ содержит усеченный состав преступления (впрочем, затем он уже называется длящимся преступлением) [9, с. 473—474].

Согласимся с утверждением, что занятие высшего положения в преступной иерархии — это управленческая деятельность, однако констатируем отсутствие сколько-нибудь существенных различий между выполнением руководящих и координирующих функций в преступном сообществе, предусмотренном ч. 1 ст. 210 УК РФ, и действиями, запрещенными ст. 210.1 УК РФ. Если верно второе суждение (об усеченном составе преступления), то перспектива применения ст. 210.1 УК РФ не внушает оптимизма. Нельзя не вспомнить об отсутствии в период действия УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г. случаев осуждения за одно лишь создание преступных групп (банд, преступных сообществ и др.) [29], которое по праву считается преступлением с усеченным составом. Установить же имеющуюся у лица возможность управления преступной деятельностью вряд ли проще, чем доказать создание преступной группы.

Согласно п. 1 постановления 23-го Пленума Верховного Суда СССР «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» от 4 марта 1929 г. длящееся преступление есть «действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования». Какие же обязанности не выполняет лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, под угрозой уголовного наказания? Обязанность такого лица отказаться от своего статуса и пойти на сотрудничество с правоохранительными органами законодательством не предусмотрена, как и уголовная ответственность за ее неисполнение.

В. Н. Бурлаков и В. Ф. Щепельков предлагают шестичленную типологию преступных групп в за-

висимости от их конфигурации, причем согласно их точке зрения о высшем положении лица в преступной иерархии в смысле ст. 210.1 УК РФ можно говорить только с третьей конфигурации [9, с. 471—472]. К сожалению, весомые аргументы в пользу данного подхода в публикации не приводятся.

Таким образом, предпринятые в науке попытки найти в диспозиции ст. 210.1 УК РФ точки соприкосновения со ст. 8 и ч. 1 ст. 14 УК РФ, на наш взгляд, успеха не потерпели.

Актуален вопрос о конкретных признаках специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. Должно ли лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, обладать какими-либо дополнительными признаками, характеризующими его статус в преступном мире, или же это необязательно? Проблема обсуждается со времени введения в действие ч. 4 ст. 210 УК РФ, где совершение деяния лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, выступает в роли квалифицирующего признака. Мнения разделились, но так или иначе позиции ученых связаны с оценкой признака «вор в законе» как обязательного или факультативного для лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Вору в законе помимо преступного профессионализма и авторитета в криминальной среде свойственны отсутствие официальной семьи, собственности, отказ от трудовой деятельности, участия в политической и общественной жизни, сотрудничества с государственными органами [30, с. 98—99; 31, с. 37].

Одни авторы в качестве лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, рассматривают только воров в законе [22, с. 29; 32, с. 84—85]. В новейшей литературе сторонники данной точки зрения отмечают, что ограничительного толкования признаков субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, придерживаются суды Российской Федерации (что подтверждается ссылками на судебные акты) [10]. Другие полагают возможным относить к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, также субъектов, не соответствующих классическому пониманию вора в законе [33, с. 57; 34, с. 54]. Указывается, что в современный период лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, не всегда живут по понятиям преступного мира, «воровскому закону». Существуют разнообразные варианты функционирования преступной среды, в том числе с использованием легальных форм экономической деятельности, полномочий публичной власти, где вполне мыслимы

и заработная плата, и извлечение иного законного дохода высшими руководителями преступных групп. Такие криминальные лидеры не проходят процедуры коронации, не соблюдают кодекса воровской чести, могут вообще не иметь судимости [28, с. 112, 114].

Мы склонны поддержать вторую позицию. Во-первых, ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ не содержат сугубо криминологических признаков, характеризующих личность субъекта преступления, и дополнение ст. 210.1 УК РФ или официальных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации указанием на подобные признаки еще более осложнит применение данных норм. Во-вторых, при недостатке сложившейся судебной практики применения ч. 4 ст. 210 УК РФ и ее полном отсутствии по ст. 210.1 УК РФ преждевременно делать вывод о тождестве высшего положения в преступной иерархии со статусом вора в законе. В-третьих, в санкции ст. 210.1 УК РФ (как, впрочем, и в санкции ч. 4 ст. 210 УК РФ) предусмотрен штраф, исчисляемый в зависимости от размера заработной платы или иного дохода осужденного. С учетом сказанного об особенностях личности традиционного вора в законе наличие заработной платы или иного легального дохода у него маловероятно. Предположение о том, что размер

штрафа для таких лиц может определяться нелегальным доходом, опровергается логическим и системным толкованием ст. 43, ч. 2, 3 ст. 46 УК РФ. В-четвертых, оценка лица как принадлежащего или не принадлежащего к категории воров в законе осложняется тем, что сам «воровской закон» подвержен изменениям [35, с. 22] (так, различают «старых» и «новых» воров в законе [36, с. 12]). Следовательно, более правдоподобна версия о том, что законодатель не имел своей целью конструирование нормы, рассчитанной только на воров в законе.

На основе изложенного можно прийти к выводу о том, что: 1) введение в уголовный закон ст. 210.1 УК РФ не является бесспорным решением, и данную статью целесообразно исключить из уголовного закона; 2) ведущую роль лица в деятельности организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) нужно учитывать в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, что потребует дополнения ч. 1 ст. 63 УК РФ; 3) меры воздействия на лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, в том числе связанные с изоляцией от общества, не являются уголовно-правовыми и должны быть предусмотрены в специальном законе.

1. Лихолетов А. А., Михайлов М. У. Новое в уголовном законодательстве в части противодействия организованной преступности: проблемы и пути решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2. С. 32—39.

2. Кармановский М. С., Косьяненко Е. В. Ответственность за деяния, предусмотренные статьями 210 и 210.1 УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2019. № 2. С. 147—152.

3. Куракин А. В., Сухаренко А. Н. Законодательное обеспечение борьбы с организованной преступностью, в том числе транснациональной // Российская юстиция. 2019. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Иванчин А. В. Оптимизация уголовно-правовых средств борьбы с организованной преступностью: критический анализ актуальных инициатив // Вестник Ярославского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 2. С. 54—58.

5. Силаев С. А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: новый вид длящегося преступления? // Актуальные проблемы российского права на современном этапе: сб. статей XVII междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Приволжский дом знаний, 2019. С. 61—69.

1. Likholetov A. A., Mikhailov M. U. New in the criminal law in terms of fighting organized crime: problems and solutions. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia. 2019; 2: 32—39.

2. Karmanovsky M. S., Kosyanenko E. V. Liability for the acts set forth in Articles 210 and 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019; 2: 147—152.

3. Kurakin A. V., Sukharenko A. N. Legal support of fighting organized crime including the transnational one. Russian justice. 2019; 5. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

4. Ivanchin A. V. Optimization of criminal legal measures for organized crime-fighting: critical analysis of the current initiatives. Bulletin of Yaroslavl State University. Human sciences series. 2019; 2: 54—58.

5. Silaev S. A. Occupying the senior position in criminal hierarchy: a new type of a continuous offense? In: Topical issues of the Russian law at the present stage: collection of articles of XVII scientific and research conference. Penza: Privolzhsky dom znanii; 2019: 61—69.

6. Алексеева А. П. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы реализации // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе: сб. науч. трудов междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 17 мая 2019 г.). Волгоград: ИП «Слободчикова А.Д.», 2019. С. 19—23.

7. Гладких В. И. Одолеет ли новый закон воров в законе // Российский следователь. 2019. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Семенов В. Р., Гришин Н. С. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как субъект преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ // Закон и право. 2019. № 8. С. 75—76.

9. Бурлаков В. Н., Щепельков В. Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 465—476.

10. Степанов-Егиянц В. Г. К вопросу о криминализации занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Российский следователь. 2019. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Барабанов Н. П. Криминальная субкультура осужденных в исправительных учреждениях: «воры в законе», «воровские группировки», лидеры уголовно-преступной среды, криминальные «авторитеты» // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1. С. 17—25.

12. Агапов П. В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности: монография. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2011. 328 с.

13. Прокументов Л. М. Уголовно-правовые проблемы противодействия организации преступного сообщества (преступной организации) или участию в нем (ней) // Уголовная юстиция. 2016. № 1. С. 10—15.

14. Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Хармаев Ю. В., Батоев В. Б. Оперативно-розыскное противодействие лидерам организованных преступных формирований: проблемы и пути решения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2. С. 233—241.

16. Официальный отзыв Правительства Российской Федерации от 1 февраля 2019 г. № 902п-П4

6. Alekseeva A. P. Criminal liability for occupying the senior position in criminal hierarchy: implementation issues. In: Topical issues of the Russian law at the present stage: collection of research papers of the international scientific and research conference, 17 May 2019, Volgograd, Russia. Volgograd: Printing house IP "Slobodchikova A. D."; 2019: 19—23.

7. Gladkikh V. I. Will the new law be able to cope with criminal kingpins. Russian investigator. 2019; 5. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

8. Semenov V. R., Grishin N. S. A person occupying the senior position in criminal hierarchy as a subject of a crime set forth in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Law and justice. 2019; 8: 75—76.

9. Burlakov V. N., Shchepelkov V. F. A leader of a criminal community and grounds of liability: postmodernity in criminal law. All-Russian journal of criminology. 2019; 13; 3: 465—476.

10. Stepanov-Egiyants V. G. On the issue of criminalization of occupying the senior position in criminal hierarchy by a person. Russian investigator. 2019; 5. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

11. Barabanov N. P. Criminal subculture of the condemned in the reform facilities: "criminal kingpins" "criminal groups", leaders of the criminal environment, crime bosses. The criminal and penal law. 2015; 1: 17—25.

12. Agapov P. V. Fundamentals of the theory of regulation of liability and fight against organized crime. Monograph. Saint Petersburg: Printing house of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2011: 328.

13. Prozumentov L. M. Criminal and legal issues of fighting against formation of the criminal community (criminal organization) or participation in it. Criminal justice. 2016; 1: 10—15.

14. Explanatory note to the draft of the Federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in terms of fighting organized crime)". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

15. Kharmaev Yu. V., Batoev V. B. Operative and investigative fighting against organized criminal formations: problems and solutions. Bulletin of East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019; 2: 233—241.

16. Official comment No. 902p-P4 of the RF Government of 1 February 2019 to the draft of the

на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2019 г. № 4-ВС-708/19 на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Уголовный кодекс Грузии (по сост. на 29.05.2019). URL: <https://www.legislationline.org> (дата обращения: 22.12.2019).

19. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 09.12.2019).

20. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 г. № 51-АПУ18-4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Вступил в силу приговор членам банды вымогателей из Алтайского края. URL: <https://www.interfax.ru> (дата обращения: 21.04.2019).

22. Белоцерковский С. Д. Система правового регулирования борьбы с организованной преступностью и научные основы ее оптимизации. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011. 585 с.

23. Пырчев С. В. Международный опыт противодействия лидерам организованной преступности и возможность его применения в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 392—397.

24. Следователями МВД России возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 24.11.2019).

25. В Краснодаре в отношении местного жителя, занимающего высшее положение в преступной иерархии, возбуждено уголовное дело // Следственный комитет Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://sledcom.ru> (дата обращения: 22.12.2019).

26. Рагулин А., Фефелов В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. 2010. № 5. С. 67—70.

27. Рогоза А. Воры в законе начали отрекаться от своих корон // Комсомольская правда. 2019.

Federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in terms of fighting organized crime)". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

17. Official comment No. 4-BC-708/19 of the RF Supreme Court of 4 February 2019 to the draft of the Federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in terms of fighting organized crime)". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

18. The Criminal Code of Georgia (the text of 29 May 2019). Available from: <https://www.legislationline.org>. Accessed: 22 December 2019.

19. The RF Supreme Court Justice Department: official site. Available from: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. Accessed: 9 December 2019.

20. Appeal judgment No. 51-APU 18-4 of the Judicial Chamber on criminal cases of the RF Supreme Court of 29 May 2018. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

21. The sentence became effective for the racketeer gang members from Altai krai. Available from: <https://www.interfax.ru/russia/615210>. Accessed: 24 April 2019.

22. Belotserkovsky S. D. The system of legal regulation of fight against organized crime and scientific basis of its organization. Moscow: Russian Association for Criminology; 2011: 585.

23. Pyrchev S. V. Internation experience of fighting organized crime and the possibility to apply it in the Russian Federation. Juridical science and practice: Bulletin Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011; 1: 392—397.

24. Investigators of the Ministry of Internal affairs of Russia initiated a criminal case constituting an offense under Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Available from: <https://мвд.рф>. Accessed: 24 November 2019.

25. In Krasnodar a criminal case was initiated against a local resident occupying a senior position in the criminal hierarchy. Available from: <https://sledcom.ru>. Accessed: 22 December 2019.

26. Ragulin A., Fefelov V. Regarding a notion of a person occupying a senior position in the criminal hierarchy. Criminal law; 2010; 5: 67—70.

27. Rogoza A. The criminal kingpins started abdicating from their crowns. Komsomolskaya pravda. 1 September 2019. Available from: <https://www.volgograd.kp.ru>. Accessed: 12 December 2019.

28. Skoblikov P. A. Senior position in the criminal hierarchy; issues of interpretation and applica-

1 сентября. URL: <https://www.volgograd.kp.ru> (дата обращения: 12.12.2019).

28. Скобликов П. А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и применения ч. 4 ст. 210 УК РФ // Закон. 2019. № 7. С. 104—119.

29. Виденькина Ж. В. Ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: науч.-практ. пособие. URL: <https://iknigi.net> (дата обращения: 12.12.2019).

30. Ефимкин М. С. Роль «воров в законе» в организации преступной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4. С. 98—99.

31. Шалагин А. Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 36—39.

32. Гришко А. Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3. С. 84—88.

33. Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. № 5. С. 53—57.

34. Григорьев Д. А., Морозов В. И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4. С. 50—58.

35. Вазенин В. В., Васильченко Д. А., Зуев Е. А. Закономерности формирования и развития высшего криминального сословия в России // Общество и право. 2015. № 4. С. 18—22.

36. Старков О. В. Криминологические проблемы исполнения уголовного наказания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 1998. 43 с.

© Егорова Н. А., Егоров А. Г., 2020

tion of Part 4, Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation. Law. 2019; 7: 104—119.

29. Videnkina Zh. V. Liability for organizing a criminal community or participation in it. Scientific and practical guide. Moscow: Jurisprudence; 2014. Available from: <https://iknigi.net>. Accessed: 12 December 2019.

30. Efimkin M. S. Part of "criminal kingpins" in organizing criminal activity // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010; 4: 98—99.

31. Shalagin A. E. Criminological description of a person occupying a senior position in the criminal hierarchy. Bulletin of Kazan University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016; 4: 36—39.

32. Grishko A. Ya. Criminological description of a person occupying a senior position in the criminal hierarchy (part 4, Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation). Human being: crime and punishment. 2016; 3: 84—88.

33. Mondokhonov A. Special subject of creation of a criminal community (criminal organization) and participation therein. Criminal law. 2010; 5: 53—57.

34. Grigoriev D. A., Morozov V. I. How to determine a person occupying a senior position in the criminal hierarchy? Juridical science and law enforcement practice. 2014; 4: 50—58.

35. Vazhenin V. V., Vasilchenko D. A., Zuev E. A. Principles of establishment and development of upper criminal class in Russia. Society and law. 2015; 4: 18—22.

36. Starkov O. V. Criminological issues on execution of criminal punishment. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow: Research and Development Establishment for Consolidation of Law and Order at the RF General Prosecutor Office; 1998: 43 p.

© Egorova N. A., Egorov A. G., 2020

Егорова Наталья Александровна, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент; e-mail: egonatalex@yandex.ru

Egorova Natalia Alexandrovna, professor at the criminal law department of the educational and scientific complex of the preliminary investigation in the law-enforcement bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, docent; e-mail: egonatalex@yandex.ru

Егоров Александр Георгиевич,
профессор кафедры основ
экспертно-криминалистической
деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической
деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, профессор;
e-mail: egonatalex@yandex.ru

Egorov Alexander Georgievich,
professor at the department
of foundations of expert criminalistic activity
of the educational and scientific complex
of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, professor;
e-mail: egonatalex@yandex.ru

* * *

УДК 343.57
ББК 67.408.132

DOI 10.25724/VAMVD.MHIJ

Д. В. Жмурин

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АНТИДОПИНГОВОЙ ПОЛИТИКИ В СПОРТЕ

В статье рассматриваются отдельные уголовно-правовые аспекты развития современной антидопинговой политики в России.

Сегодня антидопинговая политика нашей страны представляется непоследовательной и неструктурированной. С одной стороны, спортивное руководство России предпочитает занимать «оборонительную» позицию, пытаясь найти выход из проблем и споров, возникающих у отечественного спорта с международными спортивными организациями. С другой — отсутствует политическая воля в решении элементарных вопросов, например в определении терминов (таких как «специалисты по спортивной медицине» и др.). Неясность не позволяет выстроить вертикаль грамотных, образованных специалистов, разбирающихся в тонкостях антидопинговой работы и не допускающих соответствующих нарушений. В результате российский спорт постоянно подвержен давлению со стороны международных спортивных организаций, стремящихся лишить нашу страну права проводить крупнейшие спортивные соревнования, претендовать на них, а российских спортсменов — возможности выступать на чемпионатах мира, Олимпийских и Паралимпийских играх под национальным флагом.

Ключевые слова: антидопинговая политика, спорт, международные спортивные организации, спортивные соревнования.

D. V. Zhmurin

CRIMINAL LAW ASPECTS OF ANTI-DOPING POLICY IN SPORT

The given article deals with some criminal law aspects of developing modern anti-doping policy in Russia.

At present our country's anti-doping policy is considered to be inconsistent and unstructured. On the one hand, the sports authorities of Russia prefer to take a "defensive" position trying to find a way out of the problems and disputes among domestic sports organizations and international sports ones. On the other hand, there is no political will in solving simple issues, for example, in defining terms (such as "specialists in sports medicine", etc.). Ambiguity prevents measures to form a cluster with competent, educated specialists involved, who know specifics of anti-doping activity and don't violate the law. As a result, the Russian sport is constantly subject to pressure from international sports organizations that try to deprive our country of the right to hold the largest sports competitions, to claim the right to do them as well as to deprive Russian athletes of the opportunity to participate in World Championships, Olympic and Paralympic Games under the national flag.

Key words: anti-doping policy, sport(s), international sports organizations, sports competitions.

Требования о соблюдении антидопинговых правил в спорте с каждым годом становятся жестче. Мировое спортивное сообщество настаивает на их неукоснительном соблюдении всеми участниками спортивных соревнований и их вспомогательным персоналом. Главным источником антидопингового законодательства сегодня выступает Всемирный антидопинговый кодекс [1], в приложении 1 к которому закреплен актуальный список запрещенных в спорте субстанций и (или) методов (от 1 января 2020 г.).

Вопрос об установлении антидопинговых правил в спорте был продиктован стремлением мирового спортивного сообщества к сохранению здоровья и жизни спортсменов, участвующих в соревнованиях. Из истории известно, что «изначально медицинские препараты стали активно применяться для стимуляции физических возможностей животных, а именно лошадей, участвовавших в забегах на английских ипподромах. Уже в XIX в. в конном спорте были сосредоточены довольно крупные деньги, оправдывавшие любые средства достиже-

ния победы» [2, с. 33—34]. Позже, «в 1879 г. во Франции был зафиксирован первый в мировой истории спорта случай смерти спортсмена из-за допинга на велосипедных гонках Бордо — Париж: скончался английский велосипедист Лентон от передозировки триметила» [3, с. 81]. С тех пор история допинга в спорте стала развиваться стремительными темпами, вместе с тем возникла масса противоречий и споров.

Для России рассматриваемая тема является особенно актуальной в свете последних событий, связанных с очередной попыткой Всемирного антидопингового агентства (WADA) лишить нашу страну права на проведение Чемпионата мира по хоккею 2023 г. в Санкт-Петербурге. Все началось с того, что 9 декабря 2019 г. исполком WADA единогласно проголосовал за лишение Российского антидопингового агентства статуса соответствия Всемирному антидопинговому кодексу, а также за введение санкций в отношении российского спорта в связи с манипуляциями с базой данных Московской лаборатории Российского антидопингового агентства, которая содержит результаты проверки спортсменов с 2012 по 2015 г. В итоге Россия рискует на четыре года потерять право проводить крупнейшие спортивные соревнования и претендовать на них, а спортсмены — возможность выступать на чемпионатах мира, Олимпийских и Паралимпийских играх под национальным флагом. Российское антидопинговое агентство не согласилось с санкциями, поэтому 9 января 2020 г. WADA отправило в Спортивный арбитражный суд уведомление о споре с Российским антидопинговым агентством. Об участии в процессе в качестве третьей стороны объявили многие международные спортивные организации, в числе которых Международная федерация хоккея на льду, поскольку решение Всемирного антидопингового агентства затрагивает их интересы [4].

Многочисленные попытки WADA отстранить Россию от участия в международных соревнованиях большинство авторов связывают с политической борьбой [5; 6; 7]: современные международные спортивные состязания — это площадка, где соревнуются не только спортсмены, но и государства — не случайно подсчеты призовых мест ведутся как в личном и командном (между спортсменами), так и в неофициальном (между государствами) зачете. Последний не признается Международным олимпийским комитетом, поскольку противоречит положениям Олимпийской хартии, согласно которой «Олимпийские игры — это соревнования не стран, а спортсменов в индивидуальных или командных видах спорта». Тем не менее он есть и имеет значительный имиджевый вес

в международном сообществе. Существует не так много сфер, где государства могут демонстрировать друг перед другом свои мощь и достижения. В их числе обычно называют космическую, военную, научную и спортивную отрасли. Возможность государства выставить для участия в международных соревнованиях спортсменов, способных показать высокие результаты, занять призовые места, говорит о достаточной степени развития его экономики, о том, что оно может выделять деньги на содержание и обслуживание спортивных площадок, обеспечение спортсменов и вспомогательного персонала и т. д.

Россия — государство, занимающее одну из лидирующих позиций в сфере спорта по многим направлениям, поэтому ее устранение со спортивной арены — это мощный политический удар, угрожающий потерей репутации в глазах мирового сообщества. В качестве средства такого устранения конкурентами были выбраны антидопинговые «разоблачения». Безусловно, российские спортсмены, как и спортсмены из других стран, иногда нарушают антидопинговые правила, однако в случае с последними речь, как правило, не идет о серьезных разбирательствах, влекущих за собой отстранение государств от участия в чемпионатах мира, Олимпийских и Паралимпийских играх под национальным флагом, лишение права проводить крупнейшие спортивные соревнования и претендовать на них и т. д. [8]. Но отрицать многочисленные внутригосударственные проблемы в области антидопинговой политики тоже было бы неправильно.

Запрещенный список Всемирного антидопингового кодекса содержит перечень субстанций и методов, которые запрещены как все время, так и только в соревновательный период или в отдельных видах спорта. К первым относят неодобренные субстанции; анаболические агенты; пептидные гормоны, факторы роста, подобные субстанции и миметики; бета-2-агонисты; гормоны и модуляторы метаболизма; диуретики и маскирующие агенты; манипуляции с кровью и ее компонентами; химические и физические манипуляции; генный и клеточный допинг. Ко вторым — стимуляторы, наркотики, каннабиноиды, глюкокортикоиды. К третьим — бета-блокаторы. Соответственно, если в вопросе применения наркотиков и каннабиноидов спортсменами точка зрения ученых и практиков совпадает — эти субстанции опасны для здоровья и несут в себе серьезную угрозу — то о применении спортсменами манипуляций с кровью и ее компонентами (например, той же аутоотрансфузии) единого мнения нет. Переливание спортсмену его собственной крови не может причинить ему никакого вреда, а даже наоборот, искусственно

увеличивает доставку кислорода к мышцам, позволяя спортсменам повысить выносливость. Тем не менее мировое спортивное сообщество, настаивая на запрете любых манипуляций со здоровьем спортсменов, исходит из необходимости обеспечения равных возможностей всем соревнующимся, поэтому применение ими запрещенных субстанций и (или) методов стало глобальной моральной и этической проблемой. За нарушение установленных в спорте запретов по общему правилу виновный может быть подвергнут дисквалификации в профессиональном сообществе на определенный срок, при повторном нарушении — пожизненной дисквалификации [9, с. 135], а также привлечен к другим видам ответственности по национальному законодательству страны своего гражданства. Решение о дисквалификации принимает международная или национальная спортивная федерация по соответствующему виду спорта. Это означает, что дисквалификация действует исключительно в данном виде спорта, и теоретически виновному ничего не мешает перейти в другой вид спорта и продолжить там свою карьеру.

Мировое спортивное сообщество осознанно отказалось навязывать государствам — членам Международного олимпийского комитета решение об обязательном привлечении виновных в нарушении антидопинговых правил в спорте к другим видам ответственности на национальном уровне в силу значительных различий внутригосударственного законодательства стран. Кроме того, дискуссионными стали сразу несколько вопросов, решение которых должны самостоятельно найти законодатели конкретных государств с учетом принятой у них системы права: о круге субъектов, подлежащих ответственности; возможности привлечения к ответственности дважды (в дисциплинарном порядке на уровне спортивных федераций и в уголовном или административном порядке на уровне государства) одного и того же лица за одно и то же деяние. Эти вопросы при видимой простоте являются неоднозначными.

Российским антидопинговым агентством ежегодно берется примерно 10 тыс. проб по программе тестирования спортсменов. По результатам проверок за время действия антидопинговых статей (230.1 и 230.2) Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) по решению спортивных федераций по видам спорта были дисквалифицированы 186 российских спортсменов и 16 российских сотрудников вспомогательного персонала (14 тренеров и 2 врача) [10]. Однако по смыслу ст. 230.1 и 230.2 УК РФ кроме тренеров и врачей субъектами данных преступлений выступают и специалисты по спортивной медицине, а также

иные специалисты в области физической культуры и спорта [11, с. 292], но не спортсмены. Получается, что к дисциплинарной ответственности из всех субъектов фактически привлекаются только спортсмены, тренеры и врачи. Тренеры и врачи одновременно являются субъектами уголовно-правового воздействия [12, с. 101]. Внятной расшифровки термина «специалисты по спортивной медицине» вообще пока не существует. Этим во многом объясняется ситуация, при которой из 202 случаев использования запрещенных в спорте субстанций и методов всего 1 случай стал известен правоохранительным органам: было возбуждено всего 1 уголовное дело по факту совершения преступления неустановленным лицом по ст. 230.2 УК РФ, которое через 6 месяцев было прекращено по п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «за отсутствием в деянии состава преступления».

Вопрос о возможности привлечения к ответственности тренеров и врачей дважды фактически за одно и то же деяние также имеет решение в российской правовой науке и практике. Двойная ответственность означает, что нельзя привлечь лицо несколько раз к одной и той же юридической ответственности за одно и то же деяние. Статьи 230.1 и 230.2 УК РФ и дисциплинарная ответственность по решению спортивных федераций по видам спорта — это два разных вида ответственности, а одно деяние квалифицируется как два разных правонарушения, поэтому такое одновременное привлечение в России вполне возможно.

В завершение необходимо констатировать, что и в уголовном, и в спортивном праве остается нерешенным ряд важных вопросов, связанных с привлечением к ответственности различных субъектов за нарушение антидопинговых правил в спорте. Антидопинговая политика в России не имеет четких очертаний. Вместо того чтобы разобраться в терминологии, определить содержание понятия «специалисты по спортивной медицине», выстроить вертикаль грамотных, образованных специалистов, разбирающихся в тонкостях антидопинговой работы и не допускающих соответствующих нарушений, спортивное руководство нашей страны предпочитает занимать «оборонительную» позицию, пытаясь найти выход из проблем и споров, возникающих у отечественного спорта с международными спортивными организациями. Полагаем, такой путь вряд ли можно признать целесообразным. Поиску ответов на указанные вопросы следует уделить пристальное внимание при разработке российских антидопинговых концепций и программ.

1. Всемирный антидопинговый кодекс // Российское антидопинговое агентство: сайт. URL: <https://rusada.ru/documents/prohibited-list> (дата обращения: 01.02.2020).
2. Алексеева А. П. Спортивная криминология: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2017.
3. Алексеева А. П. Антидопинговая политика в спорте: опыт Франции и возможности его использования в России // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 4. С. 81—83.
4. Вопрос о проведении ЧМ-2023 по хоккею в Петербурге будет решаться в CAS // Sportmail: сайт. URL: <https://sportmail.ru/news/hockeyworldcup/40406504/> (дата обращения: 01.02.2020).
5. Новопашина К. А. Взаимоотношение спорта и политики // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 4 (20). С. 376—379.
6. Погодин С. Н., Пискун О. Е., Саморуков В. И. Спорт и политика в аспекте исторического анализа // Теория и практика физической культуры. 2018. № 4. С. 96—98.
7. Ширинджонова М. И. Проблемы взаимодействия спорта и политики // Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. 2017. № 1. С. 76—79.
8. Касымова Р. М. Большой спорт как инструмент «мягкой силы» во внешней политике государств // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 3 (26). С. 25—31.
9. Правовое регулирование борьбы с допингом на международном и национальном уровнях / Т. А. Самсоненко [и др.] // Физическая культура, спорт — наука и практика. 2018. № 4. С. 133—138.
10. Список персонала спортсмена, отбывающего дисквалификацию на данный момент по решению общероссийских федераций и международных федераций по видам спорта // Российское антидопинговое агентство: сайт. URL: <https://rusada.ru/upload/iblock/5b3/Персонал> (дата обращения: 01.02.2020).
11. Калинина Т. А. Проблема допинга в современном спорте // Теория и практика современной науки. 2017. № 12 (30). С. 292—295.
12. Булаевский Б. А. Презумпция вины как основание принципа строгой ответственности в антидопинговых правилах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 5 (36). С. 99—101.
1. World Anti-Doping Code // Russian Anti-Doping Agency. Available from: <https://rusada.ru/documents/prohibited-list>. Accessed: 1 February 2020.
2. Alexeeva A. P. Sports Criminology. Monograph. Moscow: INFRA-M; 2017.
3. Alexeeva A. P. Anti-Doping Policy in Sports: Experience of France and Possibility of its Usage in Russia. International Journal of Experimental Education. 2011; 4: 81—83.
4. Issue of Holding the World Cup 2023 on Hockey in St. Petersburg will be Solved at CAS. Available from: <https://sportmail.ru/news/hockey-worldcup/40406504>. Accessed: 1 February 2020.
5. Novopashina K. A. Relationship of Sports and Politics. Alley of Science. 2018; 1; 4 (20): 376—379.
6. Pogodin S. N., Piskun O. E., Samorukov V. I. Sports and Politics in the Aspect of Historical Analysis. Theory and Practice of Physical Culture. 2018; 4: 96—98.
7. Shirindzhonova M. I. Problems of Interaction of Sports and Politics. News of the Institute of Philosophy, Politics and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan named after A. Bakhovaddinov. 2017; 1: 76—79.
8. Kasymova R. M. Top-Class Sports as an Instrument of "Soft Power" in Foreign Policy of States. Vestnik of State and Municipal Government. 2017; 26 (3): 25—31.
9. Samsonenko T. A., Bagdasaryan S. D., Petrova S. V. et al. Legal Regulation of Countermeasure against Doping at International and National Levels. Physical Culture, Sport-Science and Practice. 2018; 4: 133—138.
10. List of Personnel of the Athlete Being Disqualified at the Moment on Decision of the All-Russian Federations and International Federations in Sports. Available from: <https://rusada.ru/upload/iblock/5b3/Personal>. Accessed: 1 February 2020.
11. Kalinina T. A. Problem of Doping in Modern Sports. Theory and Practice of Modern Science. 2017; 30 (12): 292—295.
12. Bulayevsky B. A. Presumption of Guilt as Basis of the Principle of Strict Liability in Anti-Doping Rules. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2012; 36 (5): 99—101.

© Zhmurin D. V., 2020

© Жмурин Д. В., 2020

Жмурин Дмитрий Владимирович,
начальник учебного отдела
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: dzhmurin@mvd.ru

Zhmurin Dmitry Vladimirovich,
head of the educational department
of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia;
e-mail: dzhmurin@mvd.ru

* * *

А. Ю. Зотов**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

В отечественном законодательстве до сих пор отсутствует научно обоснованная позиция по вопросам применения норм, регламентирующих проявления множественности преступлений: ни теория, ни практика не могут предложить унифицированное определение понятия множественности преступлений, которое бы наиболее полно отражало все признаки данного института. Аналогичная ситуация наблюдается и с формами множественности преступлений, поскольку взгляды законодателя и ученых-правоведов не всегда схожи. Часто практика складывается так, что фактически совершается повторное преступление, однако юридических оснований для констатации множественности нет.

Отсутствует единая практика квалификации подобного рода проявлений, так как многие вопросы разрешаются актами судебного толкования, иногда в корне противоречащими легальным установлениям. Кроме того, нет общего мнения относительно разграничения единичных сложных преступлений и множественности преступлений. Данная статья посвящена анализу указанных проблем и поиску возможных путей их решения.

Ключевые слова: множественность преступлений, формы множественности преступлений, совокупность, рецидив, неоднократность, систематичность, преступный промысел.

А. Yu. Zotov**MULTIPLE CRIME CONCERNS**

So far, the national law does not have any scientifically justified attitude to the application of norms that regulate manifestations of multiple crime; that is, neither theory nor practice can now suggest a unified and comprehensive definition to multiple crime. Multiple crime types receive a similar treatment as legislators and scholars of law tend to be of different opinions on the subject. It often turns out in practice that a crime recurs but no legal grounds are in place to establish the multiplicity.

There is no universal practice to qualify such manifestations as many issues are solved by judicial interpretation that may basically contradict legal statutes. Moreover, there is no unanimity as to the differentiation between single complicated crimes and multiple crime. This work reviews the aforesaid issues and offers potential ways to solve them.

Key words: multiple crime, multiple crime types, aggregate, recidivism, multiplicity, consistency, criminal operations.

Несмотря на уменьшение количества зарегистрированных преступлений и, соответственно, выявленных лиц, их совершивших, число тех, кто совершал преступления ранее, неизменно растет. Так, в 2017 г. в Российской Федерации было совершено 2 058 476 преступлений, при этом выявлено лиц, их совершивших, — 967 103, из которых 56 % (541 541) ранее совершали преступления. В 2018 г. число лиц, повторно совершивших преступления, уменьшилось до 931 107, однако из них уже 56,4 % ранее совершали преступления. В 2019 г. доля этих лиц возросла до 57 % [1]. Таким образом, каждое второе раскрытое преступление совершается лицом, совершавшим преступление ранее.

Исходя из того что факт совершения преступления лицом, ранее совершавшим преступление,

образует особые отношения между ним и государством, институт множественности преступлений должен в полной мере обеспечивать решение задач Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), указанных в ст. 2.

Множественность преступлений как один из институтов российского уголовного права не лишен проблем, обсуждение которых в научной среде всегда вызывало бурную активность. Исследования здесь набирают значительную скорость, что связано с неполнотой правового регулирования, фрагментарным несовершенством отечественного уголовного закона в соответствующей его части.

Понятие «множественность преступлений» сегодня не имеет нормативного закрепления и разработано исключительно в уголовно-правовой доктрине. Модельный уголовный кодекс для госу-

дарств — участников Содружества Независимых Государств, принятый 17 февраля 1996 г. [2], также не приводит его определения. Однако оно встречается в уголовных кодексах стран ближнего зарубежья (Латвийской Республики, республик Беларусь, Молдова, Узбекистан, Грузия, Болгария). Например, в Уголовном кодексе Латвийской Республики (ст. 24) [3] под множественностью преступлений понимается не только совершение не охваченных единым умыслом нескольких самостоятельных преступлений, но и совершение одного преступления, которое по своим признакам соответствует составам нескольких преступных деяний. При этом множественность заключается в повторности, совокупности и рецидиве.

Со второй половины XX в. по настоящее время авторами научных и учебных трудов предложены различные определения исследуемого термина (работы В. Н. Кудрявцева [4, с. 284], С. П. Бузыновой [5, с. 6], А. М. Яковлева [6, с. 5], Ю. А. Красикова [7, с. 6], П. С. Дагеля [8, с. 1]). Однако, по нашему мнению, приведенные дефиниции множественности преступлений не соответствуют в полной мере признакам ее форм, содержащимся в УК РФ.

Определение понятия множественности преступлений, отвечающее требованиям полноты и современному состоянию законодательства, можно обнаружить в работах В. П. Малкова. Он полагает, что множественность преступлений охватывает ситуации, в которых лицо совершает:

- 1) одно деяние, содержащее в себе признаки двух или более преступлений;
- 2) два деяния, содержащих в себе признаки разных преступлений;

3) новое преступление, будучи осужденным или освобожденным от ответственности или наказания при условии, что не истек срок действия уголовно-правовых последствий привлечения к уголовной ответственности [9, с. 132—133].

Справедливо, на наш взгляд, мнение некоторых ученых о выделении в УК РФ целой главы, посвященной множественности преступлений [10, с. 43]. Полагаем, реализация такой идеи возможна двумя способами:

1) путем создания в Общей части УК РФ новой, самостоятельной главы «Множественность преступлений»;

2) дополнения главы 3 «Понятие преступления и виды преступления» и смены ее названия на «Понятие преступления, его виды, множественность преступлений».

Первый способ наиболее предпочтителен, поскольку институт множественности преступлений заслуживает выделения в отдельную главу Общей части УК РФ.

Множественность преступлений составляют формы, ее объективирующие. Они обособились к середине 20-х гг. XX в. Среди них назывались: неоднократность (повторность), систематичность, промысел, совокупность и рецидив преступлений. Все они обладали индивидуальным содержанием, поэтому образовывались по-разному: некоторые формировались только умышленными деяниями, другие включали в себя еще и неосторожные. На основе юридического критерия в научной литературе выделяют следующие формы множественности преступлений, отраженные в таблице 1.

Таблица 1

Формы множественности, выделенные на основании юридического критерия [11]

Ф.И.О. ученого	Общие формы			Особенные формы
	совокупность	рецидив	неоднократность	
В. Н. Кудрявцев	совокупность	рецидив	неоднократность	повторность
П. С. Дагель, А. М. Яковлев	совокупность	рецидив		повторность
Б. А. Куринов, Н. Алиев	совокупность			повторность
Т. Черненко	совокупность	рецидив		совершение преступления лицом, имеющим судимость, при отсутствии признаков рецидива
Э. Г. Шкредова	совокупность	рецидив		совокупность приговоров

Без учета наработок ученых-правоведов, сделанных в советский период, законодателем в 1996 г. в УК РФ были закреплены только три формы множественности преступлений:

1. Неоднократность преступлений — ст. 16.
2. Совокупность преступлений — ст. 17.
3. Рецидив преступлений — ст. 18.

В статьях Особенной части УК РФ они имели свое «представительство» в качестве квалифицирующих признаков конкретных составов преступления. Но модернизация уголовного закона и изменения, внесенные в него в 2003 г., привели к исключению института неоднократности и расположению норм, образующих множественность преступлений, исключительно в Общей части УК РФ. Однако заметим, что с первой половины 2012 г. наблюдается возвращение рецидива преступлений в качестве квалифицирующего обстоятельства в статьи Особенной части УК РФ, предусматривающие ответственность за половые преступления, совершенные лицом, уже имеющим судимость за совершение таких преступлений (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135 УК РФ). Кроме того, принятое законодателем в 2003 г. решение об исключении из УК РФ неоднократности как одной из форм множественности является, на наш взгляд, не вполне разумным. Несмотря на то что, как было указано в пояснительной записке к Проекту Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», (был принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 8 декабря 2003 г.), уголовная политика государства нуждается в гуманизации, в законопроекте было пересмотрено понятие «неоднократность», из Общей части УК РФ исключена ст. 16, а из числа квалифицирующих признаков преступлений — понятия «судимость» и «неоднократность» [2; 8; 11; 12; 13; 14; 15]. Однако рост числа преступлений, совершаемых лицами, ранее совершавшими преступления, а также внесение изменений в УК РФ, дополняющих некоторые преступления квалифицирующим признаком «совершения деяния неоднократно», свидетельствует, по нашему мнению, о том, что принятое законодателем решение об исключении неоднократности не вполне обоснованно, что отмечают многие исследователи [16]. При этом нужно отметить, что в 2009 г. после оглашения послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ, а также после начала реализации положений, содержащихся в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации

до 2020 г. начал использоваться такой криминообразующий признак некоторых составов преступлений, как административная преюдиция, что, полагаем, можно трактовать как возвращение института неоднократности (хотя и в несколько измененном виде). Безусловно, эта тема заслуживает отдельного исследования. Хотелось бы лишь подчеркнуть, что мы выступаем за возврат в уголовный закон неоднократности в качестве одной из форм множественности преступлений.

Еще одним итогом преобразования института множественности преступлений в 2003 г. стало предписанное законом дополнение к определению совокупности преступлений (ч. 1 ст. 17 УК РФ). Данное нововведение породило в науке уголовного права неоднозначные суждения относительно квалификации сопряженных составов преступлений, например предусмотренных в ч. 2 ст. 105 УК РФ. В частности, возникает следующий вопрос. Что представляют собой сопряженные преступления: единичное сложное (составное) преступление или же реальную совокупность двух преступлений, одно из которых — убийство — отягощено совершением другого, что и обуславливает такую уголовно-правовую оценку? Интересной здесь видится позиция Верховного Суда Российской Федерации. Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 года № 1 [17] рекомендует квалифицировать подобные деяния по совокупности, *de facto* нарушая принцип «*non bis in idem*». Полагаем, что законодатель сам создал проблему квалификации таких ситуаций. В связи с этим представляется целесообразным отказаться от противоречивой, дезориентирующей практическую деятельность конструкции сопряженных составов.

В ключе рассматриваемой проблематики следует обратить внимание на промысел и систематичность как формы множественности преступлений. Заметим, что УК РФ 1996 г. не указывает на них. Однако они содержались в памятниках отечественного права (Двинской уставной грамоте 1397 г., Артикуле воинском Петра I 1715 г.), правовых документах середины XIX — начала XX в. (Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., Уголовном уложении 1903 г.), уголовных кодексах советского периода (УК РСФСР 1922 г., 1926 г., 1960 г.). Под промыслом предлагаем понимать не просто преступление, которое было совершено профессиональным преступником, а преступление, являющееся элементом пре-

ступной деятельности лица, существующего за счет доходов от нее.

В настоящее время промысел и систематичность упоминаются в уголовном законодательстве некоторых зарубежных государств (Федеративной Республики Германия, Австрийской Республики, республик Беларусь и Грузия). Так, ст. 17.1 Уголовного кодекса Грузии регламентирует такую форму множественности преступлений, как рэкет, который представляет собой осуществляемую не менее двух раз в течение пяти лет деятельность ранее судимого лица, совершающего умышленные преступления, направленные на систематическое получение дохода или иной имущественной выгоды для себя или третьих лиц [18]. Эта же статья устанавливает ответственность группировок, занимающихся рэкетом, и раскрывает понятие рэкетера.

В пункте 15 ст. 4 «Разъяснения отдельных терминов Уголовного кодекса» Уголовного кодекса Республики Беларусь содержится дефиниция систематичности, под которой следует понимать «признак, указывающий на совершение одним лицом двух или более тождественных или однородных правонарушений». На наш взгляд, российскому законодателю стоит задуматься над опытом республик Грузия и Беларусь.

В результате анализа качественной и количественной характеристик промысла и систематичности предлагаем:

1. С учетом роста криминального профессионализма, отечественного правотворческого опыта,

подходов зарубежных законодателей закрепить преступный промысел в ряде статей Особенной части УК РФ в качестве квалифицирующего обстоятельства.

2. Выделить систематичность как самостоятельную форму множественности преступлений и закрепить ее в статьях Особенной части УК РФ в качестве квалифицирующего обстоятельства.

Таким образом, можно сделать ряд выводов:

1. Множественность преступлений, являясь одним из институтов уголовного права, представляет собой количественное выражение изучаемых явлений.

2. Совершение не только нескольких деяний в разное время, но и одного деяния может образовывать совокупность преступлений как одну из форм множественности.

3. Основу множественности преступлений составляют ее элементы — составы преступлений, а не общее число деяний.

4. На момент принятия решения по уголовному делу каждое преступление из общего числа элементов множественности не должно утрачивать свои правовые свойства.

5. Институт множественности преступлений нуждается в законодательном закреплении в виде самостоятельной главы Общей части УК РФ.

6. К уже имеющимся в УК РФ формам множественности (совокупность, рецидив) предлагаем добавить преступный промысел и систематичность, закрепить их в статьях Особенной части УК РФ в качестве квалифицирующего обстоятельства.

1. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2017 года, январь — декабрь 2018 года, январь — декабрь 2019 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 17.02.2020).

2. Приложение к информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств. 1996. № 10. URL: docs.cntd.ru (дата обращения: 17.02.2020).

3. Уголовный кодекс Латвийской Республики (с изм. и доп. на 18.05.2000) URL: http://www.pravo.lv/likumi/07_uz.html (дата обращения: 17.02.2020).

4. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972.

5. Бузынова С. П. Множественность преступлений и ее виды (уголовно-правовое исследование). М., 1988.

6. Яковлев А. М. Совокупность преступлений. М., 1960.

1. Crime rates in Russia: January through December 2017, January through December 2018, January through December 2019. Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762>. Accessed: 17 February 2020.

2. Attachment to the CIS Interparliamentary Assembly's Newsletter. 1996; 10. Available from: docs.cntd.ru. Accessed: 17 February 2020.

3. Civil Code of the Republic of Latvia (as amended on 18 May 2000). Available from: http://www.pravo.lv/likumi/07_uz.html. Accessed: 17 February 2020.

4. Kudryavtsev V. N. General theory of classification of crime. Moscow; 1972.

5. Buzynova S. P. Multiple crime and types thereof (criminal study). Moscow; 1988.

6. Yakovlev A. M. Aggregate crime. Moscow; 1960.

7. Krasikov Yu. A. Multiple crime (concept, types, liability to punishment). Textbook. Moscow; 1988.

7. Красиков Ю. А. Множественность преступлений (понятие, виды, наказуемость): учеб. пособие. М., 1988.
8. Дагель П. С. Множественность преступлений. Владивосток, 1969.
9. Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М., 2014.
10. Качество уголовного закона. Проблемы Общей части / И. А. Клеицкий [и др.]. М., 2016.
11. Алиев Н. Множественность преступлений // Социалистическая законность. 1981. № 6.
12. Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984.
13. Черненко Т. Формы множественности преступлений // Уголовное право. 2008. № 4. С. 54—58.
14. Шкредова Э. Г. Формы множественности преступлений в современной уголовно-правовой доктрине // Журнал российского права. 2012. № 9. С. 50—54.
15. Яковлев А. М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1960.
16. Пояснительная записка к Проекту Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 (ред. от 03.03.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
18. Уголовный кодекс Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge> (дата обращения: 17.02.2020).
8. Dage P. S. Multiple crime. Vladivostok, 1969.
9. Russian criminal law. General Part. Textbook. Ed. by V. P. Konyakhin, M. L. Prokhorova. Moscow; 2014.
10. Klepitsky I. A., Ponyatovskaya T. G., Rarog A. I. et al. Quality of criminal law. Issues of the General part. M.: Proskpekt, 2016.
11. Aliyev N. Aggregate crime. Socialist law. 1981; 6.
12. Kurinov B. A. Scientific basis of classification of crimes. Moscow; 1984.
13. Chernenko T. Types of multiple crime. Criminal law. 2008; 4: 54—58.
14. Shkredova E. G. Types of multiple crime in modern criminal doctrine. Journal of Russian law. 2012; 9: 50—54.
15. Yakovlev A. M. Multiple crime in the Soviet criminal law. Moscow; 1960.
16. Explanatory note to Draft Federal Law "On Amendment of the Criminal Code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".
17. Russian Supreme Court's Plenum Resolution of 27 January 1999 No. 1 (as amended on 3 March 2015). "On judicial practice for murder cases (Russian Criminal Code article 105)". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".
18. Criminal Code of the Republic of Georgia. Online source. Available from: <https://matsne.gov.ge>. Accessed: 17 February 2020.

© Zotov A. Yu., 2020

© Зотов А. Ю., 2020

Зотов Алексей Юрьевич,

старший преподаватель
кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: b-a-baracus@mail.ru

Zotov Alexey Yurevich,

senior lecturer at the criminal law department
of the educational and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: b-a-baracus@mail.ru

* * *

А. А. Лихолетов**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЛИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Преступления, связанные с некачественным оказанием медицинской помощи или фармацевтических услуг, всегда обладают повышенной опасностью для общества и нередко носят резонансный характер, поскольку результатом врачебной ошибки может стать причинение вреда здоровью человека и даже его смерть. Одним из государственных механизмов контроля качества оказания услуг в медицине и фармакологии следует признать процедуру лицензирования данного вида деятельности. Именно на стадии получения разрешительного документа органы исполнительной власти осуществляют проверку соответствия соискателя лицензии тем критериям, которые предъявляются к деятельности, непосредственно связанной со здоровьем и жизнью человека, которые представляют собой высшую ценность, гарантированную Конституцией Российской Федерации. Несоблюдение требований, устанавливающих обязанность лицензирования медицинской и фармацевтической деятельности, при наличии законных оснований влечет наступление уголовной ответственности. В данной статье предпринята попытка анализа проблем, возникающих при квалификации преступления, предусмотренного ст. 235 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: квалификация преступлений, лицензия, медицинская деятельность, состав преступления, фармацевтическая деятельность.

А. А. Likholetov**SOME PROBLEMS OF QUALIFICATION WHILE PROVIDING ILLEGAL MEDICAL OR PHARMACEUTICAL ACTIVITIES**

Crimes related to medical care or pharmaceutical services to be of bad-quality have always had extreme danger to society as well as are often resonant in nature, because any medical error can result in injury of a person or even his death. Licensing procedure should be considered as one of the governmental mechanisms to control the quality while providing appropriate services in medicine and pharmacology sphere. It is at the stage of obtaining a permission that the license applicant is checked by the executive authorities for the criteria that are represented to activity directly related to human health and life to be of the highest value guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. If the requirements to license medical and pharmaceutical activities in an obligatory way, taking into account legal basis, are not met, criminal liability is imposed. This article deals with an attempt to analyze the problems to appear while qualifying crime under Article 235 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: qualification of crimes, license, medical activity, corpus delicti, pharmaceutical activity.

Несмотря на то что ответственность за деяние, предусмотренное ст. 235 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), с учетом внесенных изменений установлена с момента принятия кодекса, до настоящего времени в теории и на практике остался ряд проблем, связанных с определением признаков состава указанного деяния. Так, среди специалистов отсутствует общее мнение относительно признака неоднократности выполнения безлицензионных работ или оказания

услуг в рамках медицинской (фармацевтической) деятельности для признания таковой преступлением. В частности, некоторые ученые считают, что для привлечения к уголовной ответственности по ст. 235 УК РФ достаточно единичного факта выполнения работ или оказания услуг при условии причинения вреда здоровью человека [1, с. 504; 2, с. 27]. Противники представленной позиции утверждают, что медицинская или фармацевтическая деятельность должна носить систематиче-

ский характер и осуществляться на постоянной основе [3, с. 101; 4, с. 212].

Последний из указанных подходов представляется более аргументированным, так как законодателем в диспозиции ст. 235 УК РФ используется именно термин «деятельность», означающий «работу, систематическое применение своих сил в какой-нибудь области» [5, с. 114] и предполагающий неоднократное выполнение определенных действий.

По мнению А. Ю. Сичкаренко, разовые действия по выполнению работ или оказанию услуг в сфере медицины или фармацевтики, повлекшие причинение вреда здоровью или смерть человека, не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 235 УК РФ, и должны квалифицироваться по статьям главы 16 УК РФ, устанавливающим ответственность за неосторожное причинение смерти или вреда здоровью [3, с. 103]. В целом с данной позицией следует согласиться, однако предложенная квалификация действий лица, выполнившего работу или оказавшего услугу однократно, не совсем верна, поскольку здесь усматриваются признаки специального по отношению к преступлениям против жизни и здоровья квалифицированного состава уголовно наказуемого деяния, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ. В связи с тем что состав по законодательной конструкции относится к материальным и для признания преступления оконченным нужно наличие факта причинения вреда здоровью или смерти конкретному лицу, для установления признаков деятельности в анализируемом общественно опасном деянии отсутствует необходимость выявления факта неоднократного совершения медицинских или фармацевтических манипуляций в отношении одного и того же лица. В данном случае соответствующие работы или услуги могут быть адресованы разным лицам. Важно доказывание признака неоднократности осуществления рассматриваемых действий.

Обязательным условием привлечения к уголовной ответственности по ст. 235 УК РФ, как уже отмечалось выше, является наличие общественно опасных последствий в виде причинения вреда здоровью. С учетом того что законодателем в диспозиции уголовно-правовой нормы не указана степень тяжести вреда здоровью, причинение которого образует состав преступления, в теории и на практике до сих пор ведутся дискуссии по данному вопросу. Так, отсутствие в статье соответствующих характеристик вреда здоровью привело к формированию следующей точки зрения: для квалификации преступления по ст. 235 УК РФ

необходимо причинение вреда здоровью любой степени тяжести (легкий, средней тяжести, тяжкий) [6, с. 9; 7, с. 416; 8, с. 44]. В противовес представленной позиции существует мнение о том, что ответственность может наступать только в случае причинения по неосторожности тяжкого вреда здоровью, поскольку в УК РФ отсутствует общая норма, предусматривающая ответственность за неосторожное причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью (исключение — ст. 124 УК РФ) [9, с. 126; 10, с. 1079].

При использовании известных приемов толкования уголовного закона, с учетом того что ответственность за причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности была устранена нормотворцем в 2003 г., а причинение легкого вреда здоровью при отсутствии умысла не было криминализовано изначально, можно прийти к выводу о том, что применительно к ст. 235 УК РФ под вредом здоровью нужно понимать именно тяжкий вред. В противном случае законодатель в диспозиции рассматриваемой статьи прямо указал бы на степень тяжести вреда здоровью, причиненного по неосторожности, как это сделано в ст. 124 УК РФ. Вместе с тем на практике встречаются случаи осуждения лиц за незаконное осуществление медицинской или фармацевтической деятельности, причинившее средней тяжести и даже легкий вред здоровью человека. Так, приговором Октябрьского районного суда г. Грозного Чеченской Республики Ф. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 235 УК РФ. В судебном заседании установлено, что осужденная, не имея соответствующего медицинского образования и лицензии, дающей ей право на занятие медицинской деятельностью, предложила ФИО1 оказать косметическую услугу — коррекцию (увеличение) молочных желез и ягодичной области, гарантируя отсутствие каких-либо негативных последствий для здоровья, за денежное вознаграждение в сумме 85 000 руб. Получив на это согласие, Ф. приехала к месту жительства ФИО1, где ввела потерпевшей инъекции не предназначенного для этой цели препарата «масло вазелиновое» поочередно в основание каждой из молочных желез и ягодичных мышц. Через несколько дней Ф., находясь у потерпевшей дома, повторила процедуру введения инъекций указанного препарата. Впоследствии у потерпевшей были обнаружены и диагностированы: олеогранулемы обеих молочных желез, ягодичных областей, образовавшиеся в результате осложнений из-за некачественного введения искусственного имплан-

танта (жирового вещества), что в соответствии с заключением эксперта было квалифицировано как вред здоровью средней тяжести [11].

Приговором Ухтинского городского суда Республики Коми Ш. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 235 УК РФ. Установлено, что Ш., находясь в кабинете спа-салона «Vip resort», не имея лицензии на медицинскую деятельность, незаконно оказала косметологическую медицинскую услугу в виде удаления новообразования (бородавки) путем применения жидкого азота несовершеннолетней В. В результате процедуры был допущен дефект, который согласно заключению эксперта расценивается как легкий вред здоровью [12].

Относительно субъекта анализируемого уголовно наказуемого деяния в науке сложилось единое мнение: таковым следует считать физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет, осуществляющее медицинскую или фармацевтическую деятельность без разрешительного документа [2, с. 28; 6, с. 21; 13, с. 35]. Вместе с тем некоторые ученые указывают, что субъектом преступления может быть лицо, и имеющее медицинское или фармацевтическое образование, и не имеющее его [7, с. 416; 14, с. 213]. Представляется, что подобная характеристика излишня, так как не имеет уголовно-правового значения, а само наличие специального образования представляет собой лицензионное требование для получения разрешительного документа на занятие рассматриваемыми видами деятельности [15].

В научной литературе встречается подход, в соответствии с которым к ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 235 УК РФ, могут привлекаться исключительно лица, имеющие медицинское образование (среднее специальное или высшее), либо сотрудники системы здравоохранения [16, с. 123]. Эта позиция необоснованно сужает круг субъектов изучаемого общественно опасного деяния, поскольку, как было отмечено выше, наличие специального образования — лишь условие для получения лицензии, что, по сути, является законодательным барьером, ограждающим население страны от получения некачественных медицинских или фармакологических услуг, в том числе со стороны лиц, не обладающих соответствующими специальными знаниями и навыками.

Еще более спорным представляется утверждение относительно субъектного состава, представленного работниками системы здравоохранения. Признать указанных лиц субъектами преступления

можно лишь в исключительных случаях, когда работник такой сферы самостоятельно совершит действия, представляющие собой выполнение работ или оказание услуг в области медицины и фармакологии, в результате которых будет причинен вред здоровью или наступит смерть.

Проблемы наличия причинной связи возникают и тогда, когда медицинская или фармацевтическая деятельность оказывается юридическим лицом. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, что при осуществлении организацией незаконной предпринимательской деятельности (частным случаем которой являются медицинская и фармацевтическая деятельность) ответственности подлежит лицо, на которое в силу его служебного положения постоянно, временно или по специальному полномочию были непосредственно возложены обязанности по руководству организацией (руководитель исполнительного органа юридического лица либо иное лицо, имеющее право без доверенности действовать от имени этого юридического лица), а также лицо, фактически выполняющее обязанности или функции руководителя организации [17]. Однако с учетом законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 235 УК РФ, привлечь к ответственности руководителя такой организации можно только в случаях, когда это лицо непосредственно совершало действия, составляющие содержание медицинской или фармацевтической деятельности. При этом вопрос о привлечении к уголовной ответственности работников, состоящих в трудовых отношениях с организацией, занимающейся рассматриваемыми видами предпринимательства без лицензии, должен решаться отрицательно, поскольку таковые осуществляют свою деятельность от имени юридического лица и в соответствии с действующим законодательством не обязаны получать разрешительный документ. Подобный подход полностью согласуется с позицией Верховного Суда Российской Федерации [17].

В настоящее время продолжается научная дискуссия относительно содержания субъективной стороны рассматриваемого преступления. Несмотря на то что доминирующей является точка зрения, согласно которой анализируемое деяние характеризуется легкомыслием или небрежностью [4, с. 213; 10, с. 1079; 18, с. 603], в теории уголовного права можно встретить и иные позиции. По справедливому замечанию А. И. Рагога, это обусловлено тем, что законодатель связывает ответственность с неосторожным причинением вреда, в результате чего преступление, по своей

сути являющееся умышленным, относится к неосторожным [19, с. 734]. Так, некоторые авторы отмечают, что с субъективной стороны осуществление медицинской или фармацевтической деятельности может быть только умышленным, поскольку лицо осознает незаконность своего деяния, а наступившие последствия характеризуются неосторожностью [2, с. 28; 14, с. 215; 20, с. 679]. Вместе с тем установление умысла по отношению к деянию, входящему в объективную сторону неосторожного преступления, которое согласно положениям ч. 2 ст. 24 УК РФ является таковым только в случае прямого указания на то в диспозиции, представляется излишним. Понимание лицом противоправности своих действий здесь лежит за пределами неосторожной формы вины. По статье 25 УК РФ ее интеллектуальный компонент исключает осознание лицом общественной опасности деяния. По данному вопросу следует согласиться с мнением И. М. Тяжковой: в уголовном законодательстве отсутствует требование об установлении формы вины в отношении деяния в составах неосторожных преступлений, поскольку виновным учитывается лишь возможность предвидения наступления общественно опасных последствий [21, с. 133]. Еще более спорным представляется утверждение авторов о том, что рассматриваемое деяние совершается с прямым умыслом. В силу положений ч. 2 ст. 24 УК РФ наличие умысла в анализируемом преступлении исключается, поскольку законодателем в диспозиции нормы прямо указано на наличие неосторожной формы вины [22, с. 538; 23, с. 760].

В науке встречается подход, в соответствии с которым преступление, предусмотренное ст. 235 УК РФ, характеризуется двойной формой вины [24, с. 452; 25, с. 711]. Однако подобная позиция не согласуется с предписаниями ст. 27 УК РФ, так как само по себе осуществление медицинской или фармацевтической деятельности без лицензии, несмотря на ее умышленный характер, не является уголовно наказуемым. Ответственность по ст. 235 УК РФ связана именно с причинением тяжкого вреда здоровью или смерти либо может наступить по ст. 171 УК РФ в случае причинения крупного ущерба гражданам, организациям, государству или извлечения дохода в крупном размере.

Дискуссионным представляется мнение М. М. Маляховой, полагающей, что рассматриваемое преступление может совершаться исключительно по легкомыслию. При этом автор, характеризуя его субъективную сторону, отмечает факт осознания виновным общественно опасного характера своих

действий, заключающихся в осуществлении медицинской или фармацевтической деятельности без лицензии, предвидения возможности наступления общественно опасных последствий в виде причинения вреда здоровью и самонадеянный расчет на предотвращение названных последствий без достаточных к тому оснований [6, с. 21]. Во-первых, указание на осознание общественной опасности своих действий со стороны виновного противоречит ст. 26 УК РФ, поскольку интеллектуальный компонент неосторожной формы вины не содержит психического отношения виновного к совершаемому им деянию. Во-вторых, не стоит исключать возможность совершения рассматриваемого преступления в случаях, когда лицо не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий оказания им медицинских или фармацевтических услуг (например, в силу недостаточного профессионализма или невнимательности), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть последствия, указанные в ст. 235 УК РФ. Так, приговором Центрального районного суда г. Читы Т. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 235 УК РФ. В описательной части приговора указано, что осужденный, не имея лицензии на занятие медицинской деятельностью, оказал услугу общего массажа малолетнему ФИО1 в связи с наличием у него заболевания — детского церебрального паралича, спастического тетрапареза. В результате незаконной и ненадлежаще оказанной медицинской услуги по общему массажу Т., не предвидя возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть данные последствия), не имея лицензии на избранный вид деятельности (массажа), по неосторожности в ходе растирания и разминания ног для снятия спастических рефлексов малолетнему ФИО1 при поднятии правой ноги последнего допустил сильный изгиб ноги, из-за чего произошел закрытый перелом правого бедра на границе средней и верхней трети со смещением отломков, который квалифицируется как повреждение, причинившее тяжкий вред здоровью [26].

При установлении умысла виновного на причинение вреда здоровью или причинение смерти человеку ответственность наступает за преступления против жизни или здоровья. В связи с этим сложно согласиться с мнением С. Е. Туркулец и И. К. Камской о том, что наличие умысла предполагает совокупность незаконного осуществления меди-

цинской или фармацевтической деятельности с уголовно наказуемыми деяниями, предусмотренными главой 16 УК РФ [27, с. 75], поскольку наличие у лица двух форм вины применительно к одному деянию одновременно исключено.

Безусловно, рассмотренные в настоящей статье проблемы представляют собой не весь спектр вопросов, которые могут возникнуть как у специа-

листов в области уголовного права, так и у правоприменителя при квалификации преступления, предусмотренного ст. 235 УК РФ. Вместе с тем устранение хотя бы части из обозначенных сложностей в настоящий момент возможно со стороны высшей судебной инстанции России путем издания соответствующих разъяснений.

1. Российское уголовное право: учебник: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. Э. Ф. Побегайло. М.: Илекса, 2008. 752 с.

2. Шалагин А. Е., Кабиров Д. Э. О некоторых преступлениях, создающих угрозу здоровью населения, и их предупреждении // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 8. С. 26—31.

3. Сичкаренко А. Ю. Уголовно-правовое противодействие незаконному занятию частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью: моногр. / под общ. науч. руководством А. Г. Кибальника. М.: Илекса, 2012. 184 с.

4. Ганаева Е. Э. Юридическая природа уголовной ответственности за незаконное осуществление медицинской или фармацевтической деятельности // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2015. № 4 (19). С. 211—214.

5. Толковый словарь современного русского языка / сост. Д. Н. Ушаков. М.: Аделант, 2013. 800 с.

6. Малахова М. М. Незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. 27 с.

7. Абдулмуслимова Л. Г. Учебное пособие (курс лекций) по дисциплине «Уголовное право (особенная часть)» для направления подготовки «Юриспруденция», профиль «Уголовное право», «Гражданское право». Махачкала: ДГУНХ, 2016. 771 с.

8. Ларичев В. Д. Объективная сторона незаконного осуществления медицинской деятельности // Безопасность бизнеса. 2017. № 5. С. 40—44.

9. Рарог А. И. Новая подотрасль уголовного права? // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 3 (12). С. 124—133.

10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2019. 1536 с.

11. Приговор Октябрьского районного суда г. Грозного Чеченской Республики от 22 февраля 2017 г. по делу № 1-17/2017. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 31.10.2019).

12. Приговор Ухтинского городского суда Республики Коми от 22 февраля 2018 г. по делу

1. Russian Criminal Law. Textbook. In 2 Volumes. Volume 2. Special Part. Ed. by E. F. Pobegaylo. Moscow: Ilekxa; 2008: 752.

2. Shalagin A. E., Kabirov D. E. On Some Crimes to be a Threat to Public Health and Their Prevention. Vestnik of the Kazan Law Institute of the Interior Ministry of Russia. 2012; 8: 26—31.

3. Sichkarenko A. Yu. Criminal Legal Counteraction to Illegal Business of Private Medical Practice or Pharmaceutical Activities. Monograph. Under Scientific Leadership of A. G. Kibalnik. Moscow: Ilekxa; 2012: 184.

4. Ganayeva E. E. Legal Nature of Criminal Liability for the Illegal Implementation of Medical or Pharmaceutical Activities. Modern Fundamental and Applied Research. 2015; 19 (4): 211—214.

5. Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language by D. N. Ushakov. Moscow: Adelant; 2013: 800.

6. Malakhova M. M. Illegal Business in Private Medical Practice or Pharmaceutical Activities. Abstract of Dissertation of Candidate of Juridical Sciences. Rostov-on-Don; 2008: 27.

7. Abdulmuslimova L. G. Textbook (Lecture Course) in "Criminal Law (Special Part)" for Educational Program "Jurisprudence", Specializations "Criminal Law", "Civil Law". Makhachkala: DGUNKH; 2016: 771.

8. Larichev V. D. Objective Part of Illegal Providing of Medical Activities. Business Security. 2017; 5: 40—44.

9. Rarog A. I. Is It a New Sub-Branch of Criminal Law? Russian Journal of Legal Research. 2017; 12 (3): 124—133.

10. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (Scientific and Practical). Ed. by A. I. Chuchaev. Moscow: Prospect; 2019: 1536.

11. Verdict of the Oktyabrsky District Court of Grozny of the Chechen Republic of 22 February 2017 in Case No. 1-17/2017. Available from: [https://sudact.ru.](https://sudact.ru/) Accessed: 31 October 2019.

12. Verdict of the Ukhta City Court of the Komi Republic of 22 February 2018 in Case No. 1-14/2018. Available from: [https://bsr.sudrf.ru.](https://bsr.sudrf.ru/) Accessed: 31 October 2019.

№ 1-14/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 31.10.2019).

13. Уголовное право России. Особенная часть: учебник: в 2 ч. / под ред. М. Л. Прохоровой. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2015. Ч. 1. 356 с.

14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Том 3. Особенная часть. Раздел IX / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2018. 298 с.

15. О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»): постановление Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2012 г. № 291 (ред. от 08.12.2016) // СЗ РФ. 2012. № 17. Ст. 1965.

16. Шалагин А. Е. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности / под ред. Ф. Р. Сундурова, Н. Х. Сафиуллина. М.: ЦОКР МВД России, 2007. 288 с.

17. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 // Рос. газ. 2004. № 271.

18. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. М.: Проспект, 2013. 888 с.

19. Рарог А. И. Становление фармацевтического уголовного права в России // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 731—740.

20. Комментарий к УК РФ: расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебно-следственной практики / под общ. ред. А. П. Новикова. М.: Экзамен, 2006. 975 с.

21. Тяжкова И. М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 276 с.

22. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М.: НОРМА — ИНФРА-М, 1998. 832 с.

23. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / под общ. ред. С. И. Никулина. М.: Менеджер; Юрайт, 2002. 1176 с.

24. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. Т. 2. Особенная часть. М.: Юрид. лит., 2004. 832 с.

13. Criminal Law of Russia. Special Part. Textbook in 2 Parts. Ed. by M. L. Prokhorova. Krasnodar: Krasnodar University of the Interior Ministry of Russia; 2015; Part 1: 356.

14. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. In 4 Volumes. Volume 3. Special Part. Section IX. Ed. by V. M. Lebedev. Moscow: Yurayt; 2018: 298.

15. Decree of the Government of the Russian Federation of 16 April 2012 No. 291 (as amended on 08/12/2016). "On Licensing Medical Practice (except Mentioned Activities Carried Out by Medical Organizations and Other Organizations Included into Private Healthcare System on the Territory of "Skolkovo Innovation Center")". Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2012; 17; Art. 1965.

16. Shalagin A. E. Crimes against Public Health and Public Morality. Ed. by F. R. Sundurov, N. Kh. Safiullin. Moscow: TSOKR of the Interior Ministry of Russia; 2007: 288.

17. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 18 November 2004 No. 23. "On Judicial Practice in Cases Related to Illegal Business Activity". Rossiyskaya gazeta. 2004; 271.

18. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Ed. by A. I. Rarog. Moscow: Prospect; 2013: 888.

19. Rarog A. I. Formation of Pharmaceutical Criminal Law in Russia. All-Russian Criminological Journal. 2017; 11; 4: 731—740.

20. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: Detailed Criminal Legal Analysis with Materials of Judicial Investigative Practice. Ed. by A. P. Novikov. Moscow: Exam; 2006: 975.

21. Tyazhkova I. M. Reckless Crimes Related to Use Sources of Extreme Danger. St. Petersburg: Legal Center Press; 2002: 276.

22. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Ed. by Yu. I. Skuratov and V. M. Lebedev. Moscow: NORMA — INFRA-M; 1998: 832.

23. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation with Article-by-Article Materials and Judicial Practice. Ed. by S. I. Nikulin. Moscow: Manager; Yurait; 2002: 1176.

24. Naumov A. V. Russian Criminal Law. Lecture Course. In 2 Volumes. Volume 2. Special Part. Moscow: Yuridicheskaya literature; 2004: 832.

25. Educational and Practical Commentary on the Criminal Code. Ed. by A.E. Zhalinsky. Moscow: Eksmo; 2006: 1088.

25. Учебно-практический комментарий к УК РФ / под общ. ред. А. Э. Жалинского. М.: Эксмо, 2006. 1088 с.

26. Приговор Центрального районного суда г. Читы от 30 января 2019 г. по делу № 1-1256/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 14.11.2019).

27. Туркулец С. Е., Камская И. К. Незаконная частная медицинская деятельность и народная медицина // Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей: материалы X всерос. молодежной науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2016. С. 72—76.

26. Verdict of the Central District Court of Chita of 30 January 2019 in Case No. 1-1256/2018. Available from: <https://bsr.sudrf.ru>. Accessed: 14 November 2019.

27. Turkulets S. E., Kamskaya I. K. Illegal Private Medical Activity and Traditional Medicine. In: Modern Problems of Theory and Practice of Law from the Point of View of Young Researchers. Materials of the Xth All-Russian Youth Scientific and Practical Conference. Ulan-Ude; 2016: 72—76.

© Likholetov A. A., 2020

© Лихолетов А. А., 2020

Лихолетов Александр Александрович,

доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: a.likholetov@mail.ru

Likholetov Alexander Alexandrovich,

associate professor
at the criminal law department
of the educational and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: a.likholetov@mail.ru

* * *

*А. С. Лукомская***МНОГООБЪЕКТНОСТЬ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ
ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРИ ПРИНЯТИИ СУДАМИ РЕШЕНИЙ
О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ**

В статье автор исследует требования к учету особенностей объекта преступного посягательства, их число и приоритет при принятии судами решений о прекращении уголовных дел об экологических преступлениях по нереабилитирующим основаниям. Автором разграничиваются многообъектность преступного посягательства и многообъектность экологического преступления. Обосновывается, что объекты экологических преступлений имеют сложную содержательную структуру. По результатам исследования сформулированы выводы о том, что по уголовным делам об экологических преступлениях прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, невозможно в отсутствие потерпевшего (физического или юридического лица) в понимании положений ст. 42 Российской Федерации. Рекомендовано внести соответствующие дополнения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» от 27 июня 2013 г. № 19.

Ключевые слова: потерпевший, прекращение уголовного дела, экологическое преступление, многообъектность преступного посягательства, многообъектность преступления

*A. S. Lukomskaya***THE MULTIDIMENSIONAL NATURE OF CRIMINAL
ASSAULTS IN CASES OF ENVIRONMENTAL CRIMES WHEN THE COURTS
MAKE DECISIONS TO TERMINATE THE CRIMINAL CASE ON NON-REHABILITATING GROUNDS**

In the article the author explores the requirements for taking into account the features of the object of a criminal assault, their number and priority when the courts take decisions to terminate criminal cases of environmental crimes on non-rehabilitating grounds. The author provides a distinction between the multidimensional nature of a criminal assault and the multidimensional nature of an environmental crime. It is proved that the objects of environmental crimes have a complex content structure. According to the results of the study, conclusions were drawn that termination of criminal cases of environmental crime on non-rehabilitating grounds provided for in Art. 25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is impossible due to the absence of the victim (individual or legal entity) in the understanding of the provisions of Article 42 Code of Criminal Procedure. The introduction of appropriate amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 No. 19 "On the application by the courts of the legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability" is proposed.

Key words: victim, termination of a criminal case, environmental crime, multidimensionality of a criminal assault, multidimensionality of a crime.

Статистика показывает, что прекращение уголовных дел об экологических преступлениях по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 25, 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), применяется чаще на стадии судебного разбирательства. Даже при выполнении всех условий по

уголовным делам об экологических преступлениях следователи и дознаватели, в отличие от судов, применяют этот порядок крайне редко [1].

Экологические преступления влекут наступление разного по своему характеру вреда. Предусмотренные ст. 76, 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) действия,

направленные на заглаживание такого вреда, нейтрализации его вредных последствий, в каждом случае зависят от особенностей конкретного деяния. Суд учитывает достаточность этих действий, дает оценку уменьшению общественной опасности деяния, на основании чего принимает решение об освобождении от уголовной ответственности. Дискреционный характер данного решения снижается требованием к суду приминать во внимание наряду с другими обстоятельствами особенности объекта преступного посягательства, их число и приоритет (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 [2]). В связи с этим необходимо различать многообъектность преступного посягательства и многообъектность преступления. Объекты экологических преступлений имеют сложную содержательную структуру (сложно структурированы). В настоящем исследовании они затрагиваются лишь в той части, которая позволит наиболее ясно представить понятие и классификацию преступных посягательств экологических преступлений.

Если многообъектность экологического преступления выражается в *одновременном* посягательстве на несколько неоднородных правовых благ (видовых объектов), в значительном числе случаев имеет место многообъектность преступного посягательства, направленного на одно правовое благо (непосредственный объект), в силу специфики которого причиняется вред или создается угроза причинения вреда нескольким благам (жизнь, здоровье, собственность и др.), рассматриваемым обществом как самостоятельные социально значимые ценности.

Вред безопасности конкретного компонента окружающей среды может быть причинен в результате посягательства на антропогенный объект, и напротив, посягательство на химическую безопасность может привести к причинению вреда жизни и здоровью человека — самостоятельному объекту уголовно-правовой охраны. В сфере экологических преступлений примеров, когда преступное посягательство, направленное на одно правовое благо, влечет причинение вреда нескольким, немало. Специфика, многообразие, взаимообусловленность, сложная структура социально значимых ценностей, охраняемых нормами уголовного закона, предусматривающих ответственность за экологические преступления, их многомерность, разнообразные взаимосвязи являются ответом на вопрос: почему общество и государство защищают экологическую безопасность. Состояние защищенности окружающей среды обеспечивает суще-

ствование многих других благ, нет экологической безопасности — нет и этих благ (жизни, здоровья, собственности и др.).

Экологическая безопасность при осуществлении хозяйственной и иной деятельности как видовой объект экологических преступлений состоит из (элементов) непосредственных объектов уголовно-правовой охраны, куда входят отношения по обеспечению радиационной безопасности в области использования атомной энергии и на объектах атомной энергии, в области хранения, перевозки и уничтожения химического оружия и др.; технологической (техногенной) безопасности, разновидностями которой являются пожарная безопасность, безопасность при ведении горных, строительных или иных работ; химической безопасности; биологической безопасности (медико-биологической, химико-биологической и др.); промышленной безопасности; санитарно-эпидемиологической безопасности; безопасности морского судоходства и др. Экологическая безопасность компонентов природной среды как видовой объект состоит из непосредственных экологических объектов: безопасность земли, недр, почвы, поверхностных и подземных вод, атмосферного воздуха, растительного мира, животного мира, озонового слоя атмосферы, околоземного космического пространства [3].

Классификация объектов экологических преступлений по вертикали, охватывающая звенья: общий — родовой — видовой — групповой — специальный — непосредственные объекты посягательства — так же, как классификация непосредственных объектов по горизонтали, предполагающая выделение основного, дополнительного и факультативного объектов, позволяет классифицировать преступления по объекту преступного посягательства внутри главы 26 УК РФ.

Элементы экологической безопасности могут выступать объектами преступного посягательства. Так, при причинении вреда конкретному компоненту окружающей среды (воздух, поверхностные и подземные воды, недра, почвы, растительный и животный мир) вред причиняется и другому, поскольку они являются составными частями экосистемы.

Экологические преступления наряду с посягательством на элемент экологической безопасности посягают на такие объекты, как жизнь (ч. 2 ст. 248, ч. 3 ст. 250, ч. 3 ст. 251, ч. 3 ст. 252, ч. 3 ст. 254, ч. 3 ст. 247 УК РФ) и здоровье человека, имущественные отношения (причинение значительного имущественного ущерба (ст. 255, ч. 1 ст. 260, пп. «а» и «в» ч. 2 и ч. 3 ст. 260 УК РФ);

крупного имущественного ущерба (п. «а» ч. 1 ст. 256, п. «а» ч. 1 ст. 258, п. «г» ч. 2 ст. 260, ч. 4 ст. 261, ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258, ч. 3 ст. 260, ч. 2 ст. 261 УК РФ); особо крупного имущественного ущерба (ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258, ч. 3 ст. 260 УК РФ)) и др.

По делам об экологических преступлениях судебная практика по вопросу освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям в части обязательного признания по делу потерпевшего, учета объектов преступного посягательства, их числа и приоритета складывается неоднозначно и противоречиво. Ситуация осложнена тем, что применение положений ст. 76 УК РФ по уголовным делам об экологических преступлениях невозможно, если в деле отсутствует потерпевший (обязательное признание по делам об экологических преступлениях потерпевшего обосновывалось нами ранее) [4]. Поскольку только при наличии потерпевшего виновный может реализовать свое право совершить действия, направленные на восстановление нарушенного права и заглаживание причиненного вреда, а суд соблюсти это обязательное условие для принятия решения об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим условиям. Кроме того, активная позиция потерпевшего — должностного лица компетентного органа, обладающего публичными полномочиями в области охраны окружающей среды, заключается в реальной оценке и учете не только размера, но и характера вреда, причиненного экологическим преступлением, заглаживание которого не устраняет всех негативных последствий в масштабах качества среды обитания человека.

Положение п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19, в котором суду надлежит принимать во внимание наряду с другими обстоятельствами особенности объекта преступного посягательства, их число и приоритет без требования их отражения в мотивировочной части итогового решения по делу формирует неоднозначную, а иногда формальную практику, которая в конечном итоге не учитывает специфики этого вида преступлений при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 25, 25.1 УПК РФ. Так, Б. и В. обвинялись в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 258 УК РФ, — незаконная охота. Действуя группой лиц по предварительному сговору, Б. и В. причинили государству материальный ущерб на общую сумму 800 000 руб. за незаконную охоту на двух взрослых особей

самки лося, что составляет особо крупный ущерб. Подсудимые просили освободить их от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, поскольку причиненный вред полностью ими заглажен, а ранее они не были судимы. Представитель потерпевшего — ведущий специалист Министерства природы Удмуртской Республики с прекращением уголовного дела в отношении Б. и В. и назначением им штрафа согласился, подтвердил, что подсудимые возместили причиненный вред в полном объеме. В постановлении суд указал, что с учетом конкретных обстоятельств дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства (без указания на сами объекты их число и приоритеты) принял решение о прекращении уголовного дела в отношении Б. и В., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 158 УК РФ, на основании ст. 25.1 УПК РФ и освободил их от уголовной ответственности по ст. 76.2 УК РФ, назначив каждому меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 15 000 руб. [5]. По делам об экологических преступлениях подобные решения с формальным указанием на объект преступного посягательства многочисленны [6; 7]. Суд в них основывается на том, что освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа становится возможным, поскольку возмещение причиненного вреда снижает общественную опасность совершенного преступления. При этом существуют и другие позиции судов по вопросу прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям:

— возмещение материального ущерба подсудимым не устраняет вреда, нанесенного основному объекту преступного посягательства — экологическим отношениям, складывающимся в сфере охраны и пользования окружающей природной среды, в связи с чем преступление не теряет своей общественной опасности и не может быть прекращено по ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ [8];

— прекращение невозможно, так как отсутствует потерпевший в понимании положений ст. 42 УПК РФ. Нереально достичь примирения с субъектом (участником) общественных отношений, являющимся основным объектом охраны, — государством в лице соответствующих органов. Примирение с потерпевшим по данному преступлению не может устранить вреда, причиненного основному объекту преступного посягательства — государству, поэтому уголовное дело не может быть прекращено за примирением обвиняемого с потерпевшим [9].

В других случаях при принятии решения о возможности изменения категории преступления на менее тяжкую в соответствии с ч. 4 ст. 15 УК РФ судом учитывались не количество объектов преступного посягательства, их приоритет, а значимость объекта преступного посягательства (безопасность компонента окружающей среды — животного мира) [10].

Отдельно необходимо выделить такой объект преступного посягательства, как порядок управления, интересы службы. Целый ряд экологических преступлений может быть совершен с использованием служебного положения из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом — государственным служащим и муниципальным служащим; лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, и преступлений, которые могут способствовать их совершению (ст. 250, п. «а» ч. 2 и ч. 2.1 ст. 258.1, п. «в» ч. 2 ст. 260, ч. 3 ст. 253, ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258, ч. 3 ст. 260 УК РФ). В связи с этим на практике возникает необходимость выявления критериев учета многообъектности преступных посягательств и их приоритета при решении судом вопроса об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям по уголовным делам о служебно-экологических (эколо-служебных) преступлениях. Риск нарушения права потерпевшего на восстановление права и возмещения вреда, причиненного такой разновидностью экологических преступлений, формируется на этапе квалификации при выборе из конкурирующих составов, которые значительно различаются по эффективности разрешения уголовно-экологического конфликта.

Органами предварительного следствия В. обвинялся по ч. 1 ст. 201, ч. 1 ст. 171 УК РФ. В. был назначен генеральным директором ОАО «Высокогорские коммунальные сети», в число видов деятельности которого входили добыча и реализация наземных и подземных вод. В., не имея лицензии на добычу подземных вод, путем фактического руководства ежедневно осуществлял предпринимательскую деятельность по добыче подземных пресных вод из водозаборных скважин в целях последующей реализации для хозяйственно-питьевых и производственных нужд физическим и юридическим лицам, тем самым извлек доходов в крупном размере.

В ходе рассмотрения дела в суде сроки давности уголовного преследования В. по ч. 1 ст. 171 УК РФ истекли, уголовное преследование было прекращено. Государственный обвинитель пришел

к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения по ч. 1 ст. 201 УК РФ и отказался от него, изложив суду мотивы отказа, отметив ранее не известное суду принятое решение о передаче полномочий генерального директора ОАО «Высокогорские коммунальные сети» Управляющей организации ОАО «Управление капитального строительства инженерных сетей и развитие энергосберегающих технологий РТ», а также факт расторжения с В. трудового договора. Отказ государственного обвинителя от обвинения повлек за собой прекращение уголовного дела по ч. 1 ст. 201 УК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления [11]. Фактически должностное лицо осталось безнаказанным и не понесло даже материальных затрат по возмещению вреда потерпевшему, поскольку потерпевшим по делу были признан представитель ТСЖ «Поляна». При этом вопрос о возмещении вреда, причиненного подземным водам, а значит, рассмотрение всех объектов преступного посягательства, не ставился.

Экологическо-служебное (служебно-экологическое) преступление при наличии еще одного объекта преступного посягательства (интересы службы) никак не может сделать его менее общественно опасным по сравнению с преступлением против интересов службы, поэтому нельзя согласиться с позицией некоторых судов о возможности прекращения уголовных дел об экологических преступлениях, связанных с преступным посягательством на порядок управления, за примирением сторон.

Таким образом, можно сделать ряд выводов теоретического и практического значения:

1. Необходимо различать многообъектные экологические преступления и многообъектность преступного посягательства экологических преступлений.

Многообъектность экологического преступления выражается в одновременном посягательстве на несколько неоднородных правовых благ (видовых объектов), в значительном числе случаев имеет место многообъектность преступного посягательства, направленного на одно правовое благо (непосредственный объект), в силу специфики которого причиняется вред или создается угроза причинения вреда нескольким благам (жизнь, здоровье, собственность и др.), рассматриваемым обществом как самостоятельные социально значимые ценности.

2. Система многообъектных экологических преступлений характеризуется повышенным уровнем

опасности, поскольку посягательство на несколько правовых благ существенно отличается от посягательства на один объект уголовно-правовой охраны.

3. Специфика экологических преступлений заключается в том, что всегда наряду с непосредственным объектом преступного посягательства в рамках конкретного состава другим объектом преступного посягательства будут интересы неопределенного круга лиц, а также государства.

По нашему мнению, когда преступное посягательство обращено на иной защищаемый законом объект — интересы неопределенного круга лиц, государства, по роду которого указанное преступление расположено в соответствующей главе УК РФ, компенсация ущерба, причиненного потерпевшим, не устраняет вреда, нанесенного основному объекту преступного посягательства — окружающей природной среде. Следовательно, в этом случае преступление в целом не теряет своей общественной опасности и уголовное дело в отношении лица, его совершившего, не может быть прекращено по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 25.1. УК РФ.

4. Полагаем, что по уголовным делам об экологических преступлениях прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 25 УК РФ, невозможно в отсутст-

вие потерпевшего (физического или юридического лица) в понимании положений ст. 42 УК РФ. Невозможно достичь примирения с потерпевшим — должностным лицом компетентного органа, наделенного публичными полномочиями в вопросах охраны окружающей среды, как субъектом (участником) общественных отношений, являющимся основным объектом охраны — с государством в лице соответствующих органов, — поскольку примирение с таким потерпевшим по экологическим преступлениям не может устранить вреда, причиненного основному объекту преступного посягательства — государству.

5. Представляется целесообразным дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) положением о том, что «уголовные дела об экологических преступлениях, преступное посягательство по которым сопряжено с посягательством на порядок управления, как дела публичного обвинения не подлежат прекращению по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 25, 25.1 УК РФ».

1. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 07.02.2020).

2. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Лукомская А. С. Уголовно-правовая охрана экологической безопасности и экологического правопорядка: моногр. Ижевск, 2017.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.12.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Постановление о прекращении уголовного дела от 6 июня 2019 г. № 1-79/2019 (11901940037000930). URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.01.2020).

6. Постановление № 1-202/2019 от 15 мая 2019 г. по делу № 1-202/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.01.2020).

1. The official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Available from: <http://www.cdep.ru>. Accessed: 7 February 2020.

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27 June 2013 No. 19 as amended on 29/11/2016). "On the application by the courts of the legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. Lukomskaya A. S. Criminal protection of environmental safety and environmental law and order. Monograph. Izhevsk; 2017.

4. The Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996 No. 63-FZ (as amended on 02/12/2019). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. The resolution on the termination of the criminal case of 6 June 2019 No. 1-79/2019 (11901940037000930). Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 5 January 2020.

6. Resolution No. 1-202/2019 of 15 May 2019 in case No. 1-202/2019. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 5 January 2020.

7. Постановление № 1-234/2018 1-36/2019 от 26 февраля 2019 г. по делу № 1-234/2018. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.01.2020).

8. Апелляционное постановление № 10-6/2017 от 4 декабря 2017 г. по делу № 10-6/2017. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.01.2020).

9. Приговор № 10-8/2011 от 9 декабря 2011 г. по делу № 10-8/2011. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.01.2020).

10. Приговор № 1-12/2019 от 16 мая 2019 г. по делу № 1-12/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.01.2020).

11. Постановление № 1-143/2016 1-28/2017 от 31 июля 2017 г. по делу № 1-143/2016. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.01.2020).

7. Resolution No. 1-234/2018 1-36/2019 of 26 February 2019 in case No. 1-234/2018. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 5 January 2020.

8. Appeal resolution No. 10-6/2017 of 4 December 2017 in the case No. 10-6/2017. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 5 January 2020.

8. Sentence No. 10-8/2011 of 9 December 2011 in case No. 10-8/2011. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 5 January 2020.

9. Sentence No. 1-12/2019 of 16 May 2019 in case No. 1-12/2019. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 5 January 2020.

10. Resolution No. 1-143/2016 1-28/2017 of 31 July 2017 in the case No. 1-143/2016. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 5 January 2020.

© Лукомская А. С., 2020

© Lukomskaya A. S., 2020

Лукомская Анастасия Сергеевна,
доцент кафедры уголовного процесса
и правоохранительной деятельности
Удмуртского государственного университета,
кандидат юридических наук;
e-mail: nastasia5555@mail.ru

Lukomskaya Anastasia Sergeevna,
associate professor
at the department of criminal procedure
and law enforcement
of the Udmurt State University,
candidate of juridical sciences;
e-mail: nastasia5555@mail.ru

* * *

*О. Н. Ничуговская***РЕАЛИЗАЦИЯ СТАНДАРТОВ ЕВРОПЕЙСКОГО КОМИТЕТА ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПЫТОК**

В статье анализируются положения международных документов в области регулирования правил обращения с осужденными. Автор исходит из требований Европейской конвенции по предупреждению пыток: в соответствии с ними Европейский комитет по предупреждению пыток посещает в различных странах места лишения свободы и центры содержания для отдельных категорий заключенных и по результатам проверок составляет доклады о выявленных нарушениях, которые государства, подписавшие конвенцию, обязаны устранить. Условия заключения, сформулированные Европейским комитетом по предупреждению пыток, автор разделяет на два вида: необходимые и предпочтительные. Необходимые государства обязаны обеспечить заключенным уже сегодня. К предпочтительным они должны стремиться. В целях реализации обязательств, взятых на себя Россией после подписания конвенции, автор предлагает варианты изменения отечественного уголовно-исполнительного законодательства, которые позволят сделать очередной шаг на пути приведения российских норм в соответствие с международными стандартами, что положительно скажется не только на условиях содержания заключенных в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, но и на имидже нашего государства в глазах международного сообщества в целом.

Ключевые слова: места лишения свободы, условия заключения, международные стандарты, правила обращения с осужденными.

*О. N. Nichugovskaya***IMPLEMENTATION OF THE STANDARDS OF THE EUROPEAN COMMITTEE FOR THE PREVENTION OF TORTURE**

The article analyzes international requirements in the field of regulation of rules for the treatment of convicts. The author proceeds from the requirements of the European Convention for the prevention of torture, according to which the European Committee for the prevention of torture visits places of deprivation of liberty and detention centers for certain categories of prisoners in different States, and based on the results of inspections, prepares reports with identified violations that the signatory States are obliged to eliminate. The author divides the conditions of detention formulated by the European Committee for the prevention of torture into two types: necessary and preferred. The necessary conditions are the conditions that states must already provide for prisoners. "Preferred" refers to conditions that states should strive for and look for opportunities to implement in the future. In order to implement Russia assumed after the signing of the Convention obligations, the author proposes options for changes to the domestic criminal-Executive legislation, which will allow to make another step towards bringing Russian standards in line with international standards that will have a positive impact not only on the conditions of detention in institutions of the Federal penal service, but also the image of our country in the eyes of the international community as a whole.

Key words: places of deprivation of liberty, conditions of imprisonment, international standards, rules for the treatment of prisoners.

Вопрос об актуальности международных требований в области регулирования правил обращения с осужденными в отечественной пенитенциарной сфере не вызывает сомнений. Международные стандарты универсального и регионального значения предлагают имплементировать в российское законодательство правила обращения с осужденными в местах, предназначенных для их содержания.

Однако акты, издаваемые Организацией Объединенных Наций и Советом Европы, в последнее время менее востребованы, чем стандарты Европейского комитета по предупреждению пыток.

Согласно Европейской конвенции по предупреждению пыток [1] Европейский комитет по предупреждению пыток может формулировать в своих докладах замечания по результатам посещений

в различных странах мест лишения свободы и центров содержания для отдельных категорий заключенных [2], которые государствам следует устранить. В случае игнорирования требований по исправлению ситуации или нежелания сотрудничать доклады могут быть оглашены публично через средства массовой информации. Невыполнение требований, выраженных в докладе по поводу обнаруженных нарушений в результате разового или сводного (по итогам года) посещения, может отразиться на репутации государства и задействовать международный механизм защиты прав заключенных посредством разрешения спора в Европейском Суде по правам человека.

Начальная цель посещений — пресечение и недопущение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в местах заключения — выработала дополнительную — определение более конкретных требований к исполнению наказания в виде лишения свободы и содержанию под стражей. Тем самым сфера контроля Европейского комитета по предупреждению пыток была расширена. Этому способствовало, с одной стороны, возросшее внимание общественности к докладам Европейского комитета по предупреждению пыток, сформулированным по результатам посещений отдельных государств, а с другой — недостаточная освещенность многих вопросов (или неполная международно-нормативная определенность) в Минимальных стандартных правилах в отношении обращения с осужденными [3] и Европейских тюремных правилах [4]. Расширилась и сфера международного контроля: от основной функции предупреждения жестокого обращения до контроля условий, способствующих жестокому обращению. Так, медицинское обслуживание, бытовые условия, не обеспечиваемые необходимым образом, либо отсутствие необходимых мер безопасности могут перейти из разряда условий, определяющих «уровень жизни учреждения» в разряд «жестокого и бесчеловечного обращения» и составить непосредственный объект контроля Европейского комитета по предупреждению пыток.

Условия заключения, сформулированные делегацией Европейского комитета по предупреждению пыток, можно разделить на два вида: необходимые и предпочтительные. К первым условиям следует отнести обеспечение достаточными нормами жилой площади, соответствующим освещением, вентиляцией, оборудованием, закрепленной к полу мебелью для отдыха заключенного и чистыми постельными принадлежностями; предоставление задержанным (администрацией мест предварительного заключения) возможности еже-

дневно заниматься физическими упражнениями на открытом воздухе и разными видами деятельности за пределами камер продолжительностью более восьми часов.

В местах содержания заключенных важно обеспечить надлежащие условия для отправления естественных потребностей, отвечающие санитарно-гигиеническим требованиям и не оскорбляющие достоинство личности, а также для регулярного мытья. Что касается рациона питания, то как минимум один раз в день заключенный должен получать сытную пищу. Нужно обеспечивать задержанным реализацию права информирования заинтересованных лиц о факте задержания, права предоставления правозащитника и права медицинского осмотра врачом по выбору, не исключая обязательный осмотр в месте задержания. В отношении одиночного заключения в полицейских участках установлена мера жилой площади 7 кв. метров, ширина — 2 метра, высота — 2,5 метра. В местах содержания осужденных лиц по приговору суда — 4 кв. метра на одного заключенного в многоместных камерах, 6 кв. метров — в одиночных.

Обязательно соблюдение конфиденциальности при проведении медицинского осмотра и свидания с правозащитником, которая заключается в осуществлении данных мероприятий вне пределов слышимости. Результаты осмотра протоколируются врачом и предоставляются задержанному, а также его защитнику. Стандарты требуют строгой регламентации продолжительности и процедуры проведения допроса, фиксации его начала и окончания, заявлений задержанного, информации о присутствующих лицах. При описании методики проведения допросов следует указывать возможность перерывов и отдыха между опросами, место проведения допроса, положение допрашиваемого (должен ли он стоять или сидеть, когда отвечает на вопросы), условия проведения, состояние допрашиваемого (если лицо находится в состоянии алкогольного, наркотического или иного вида опьянения).

Для совершенствования необходимых условий в российских исправительных учреждениях нужно, на наш взгляд, следующее:

- 1) повышение статуса сотрудника пенитенциарной системы, отбор персонала с точки зрения личностных и профессиональных качеств и его подготовка на высоком профессиональном уровне, не допускающем нарушений прав и свобод человека и гражданина в ходе выполнения должностных обязанностей;

- 2) увеличение штатной численности сотрудников, обеспечивающих безопасность заключенных и осуществляющих их медицинское обслуживание;

3) создание условий для ежедневных занятий заключенных разными видами деятельности за пределами камер;

4) своевременное выявление фактов совершения пыток или жестокого обращения; сотрудников, допускающих подобное обращение или должностных лиц, отдающих приказ о нем или разрешающих его; лиц, терпимо относящихся к фактам грубого нарушения сотрудниками прав заключенных;

5) подробная регламентация процессуальных действий с участием заключенных.

Под предпочтительными условиями содержания мы понимаем такие, к которым государства должны стремиться и искать возможности для их реализации в будущем. Европейский комитет по предупреждению пыток поддерживает создание улучшенных условий содержания заключенных в помещениях, располагающих площадью 9—10 кв. метров на одного заключенного или условий содержания, приближенным к домашним (например, как в Нидерландах) [5].

Создание улучшенных условий для содержания заключенных в Российской Федерации в настоящее время нецелесообразно по нескольким причинам: во-первых, невысокий общий уровень жизни населения; во-вторых, предпринятая недавно попытка перехода от исторически сложившегося в российской пенитенциарной системе принципа коллективного содержания заключенных завершилась неудачей. Это подтверждается примером нереализованных статей Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г. «об изменении структуры уголовно-исполнительной системы, создании новых видов учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в виде лишения свободы и отказе от коллективной формы содержания осужденных» [6], а также отказом от первоначальных планов на «постепенное снижение количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении исправительных учреждений» [6].

Однако предпочтительные требования к домашним условиям для заключенных, которые предполагают их отдельное проживание, было бы вполне резонно применять для «привилегированных» заключенных, совершивших преступления по неосторожности, впервые и имеющих хорошую характеристику по месту работы и жительства. Понятно, что изменение таких условий содержания является долгосрочной перспективой и зависит от решения вопросов государственного финансирования, обеспечения необходимой штатной численности сотрудников пенитенциарных учреждений, пересмотра концепции пенитенциарной системы в целом или частичной корректировкой федеральных законов.

Мы поддерживаем инициативу Европейского комитета по предупреждению пыток о применении в полицейских участках записи бесед с сотрудниками с задержанными, которые могут быть в дальнейшем использованы обеими сторонами переговоров для защиты своих прав и установления истины в спорных ситуациях. Кроме того, нужно установить возможность предоставления задержанному лицу независимого адвоката, пока в интересах правосудия он не может воспользоваться услугами выбранного правозащитника.

Что касается рекомендаций относительно незамедлительного предоставления права на защиту и медицинское освидетельствование, в местах для предварительного задержания необходимо заранее подготовить списки правозащитников и врачей, которыми может воспользоваться задержанный. Медицинский осмотр следует проводить вне пределов видимости персонала места содержания задержанных. Стандартами Европейского комитета по предупреждению пыток рекомендовано также выдавать задержанным формуляр с перечнем его прав для постоянного личного пользования.

В области медицинского обслуживания доклады Европейского комитета по предупреждению пыток устанавливают, что вновь поступившие в исправительные учреждения лица должны быть опрошены надлежащим образом, сразу же обследованы, каждому должно быть вручено личное пособие по функционированию службы здравоохранения в подобных местах, порядку обращения за медицинской помощью независимо от режима, немедленной медицинской консультацией и по мерам гигиены [7]. Необходимо установление соответствующего контроля за снабжением медикаментами и распределением лекарств, обеспечением непрерывности лечения осужденных, страдающих серьезными заболеваниями. Перерывы в лечении недопустимы даже в случаях перевода осужденного из одного учреждения в другое. Лечение должно продолжаться и после освобождения из мест лишения свободы.

Посещения психиатрических больниц осуществляются для изучения условий содержания и порядка обращения с осужденными, истинной заинтересованности и внимательности отношения к пациентам, установления случаев применения средств усмирения и риска институционализации (саморегуляции).

Большое внимание Европейский комитет по предупреждению пыток уделяет мерам, обеспечивающим безопасность. К ним относятся создание возможности ограждения заключенных от влияния криминальной субкультуры в период отбывания наказания; реализация права заключенного на выбор

контактов общения, права на защиту от возникающих угроз со стороны других заключенных и персонала. Для этого предусматривается расположение персонала рядом с камерами содержания для быстрого реагирования в случае вызова или кнопки вызова персонала в камере заключенных [8].

Для совершенствования порядка содержания заключенных в исправительных учреждениях нужно принять меры по исполнению рекомендаций Европейского комитета по предупреждению пыток и детально регламентировать условия содержания заключенных в нормативных правовых актах. Немаловажно принятие своевременных практических мер по реализации прав заключенных, механизмов и гарантий их воплощения.

Предпочтительные условия обращения с заключенными подразумевают изыскание возможности предоставления им права выбора защитника и обеспечение его присутствия при следственных действиях с участием заключенного в исправительном учреждении. Правовые нормы уголовно-исполнительного закона, определяющие права заключенных и предполагающие усмотрение начальника учреждения при решении того или иного вопроса, предпочтительно заменить на подробное описание правил и порядка проведения мероприятий либо на отсылку к нормативному правовому акту, либо на перечисление критериев, которых руководитель должен придерживаться при принятии своих решений. Так, ч. 1 ст. 89 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ) «Свидания осужденных к лишению свободы» не содержит правила проведения длительных свиданий за пределами исправительных учреждений: «Осужденным к лишению свободы предоставляются краткосрочные свидания продолжительностью четыре часа и длительные свидания продолжительностью трое суток на территории исправительного учреждения. В предусмотренных настоящим Кодексом случаях осужденным могут предоставляться длительные свидания с проживанием вне исправительного учреждения продолжительностью пять суток. В этом случае начальником исправительного учреждения определяются порядок и место проведения свидания». Для более четкой регламентации процедуры проведения свидания в указанной статье следует подробно прописать правила и порядок длительного свидания либо включить ссылку на конкрет-

ный нормативный правовой акт, определяющий процедуру данного мероприятия.

В части 6 ст. 97 УИК РФ «Выезды осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений» указано: «Разрешение на выезд за пределы исправительного учреждения дается начальником исправительного учреждения с учетом характера и тяжести совершенного преступления, отбытого срока, личности и поведения осужденного». Конкретные требования к сроку отбытия наказания, степени тяжести совершенного преступления и другим условиям, позволяющим разрешить выезд, отсутствуют.

Положения статьи 9 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений предусматривают, что «в карантинном отделении осужденные под подпись знакомятся с порядком и условиями отбывания наказания, со своими правами и обязанностями, установленными законодательством Российской Федерации и Правилами, распорядком дня исправительного учреждения, проходят инструктаж о мерах пожарной безопасности, предупреждаются об ответственности за нарушения установленного порядка отбывания наказания в ИУ. Кроме того, осужденные информируются под подпись о применении в ИУ аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, о предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях применения физической силы, специальных средств и оружия. Указанные расписки приобщаются к личным делам осужденных» [9]. Полагаем, что эти правила можно дополнить обязанностью администрации выдавать каждому поступившему в исправительное заведение брошюру о правах заключенного и функционировании службы здравоохранения, порядке обращения за медицинской помощью и мерах гигиены.

Таким образом, предложенные варианты изменения отечественного уголовно-исполнительного законодательства позволят сделать очередной шаг на пути приведения российских норм в соответствие с международными стандартами, что положительно скажется не только на условиях содержания заключенных в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, но и на имидже нашего государства в глазах международного сообщества в целом.

1. Европейская Конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания ETS № 126 (Страсбург, 26 ноября 1987 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

1. European Convention for the prevention of torture and inhuman or degrading treatment or punishment ETS No. 126 (Strasbourg, November 26, 1987) Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Рекомендация REC (2006) 2 Комитета министров государствам-членам Совета Европы, касающаяся Европейских тюремных правил (утверждена Комитетом Министров 11 января 2006 г. на 952-м заседании заместителей министров). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

3. Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы): приняты Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2006)2 государствам членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах: принята Комитетом министров 11 января 2006 года на 952 встрече постоянных представителей министров. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

5. Бойцова В. В., Бойцова Л. В. Уголовное и пенитенциарное право. Опыт Нидерландов и России // Прокурорская и следственная практика. 2000. № 3—4. С. 166—173.

6. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

7. Анисимова А. П. Причины низкого уровня правосознания современного российского общества // Становление и развитие научных школ права в государственных университетах России: материалы всерос. студенческой науч.-практ. конф.: в 5 ч. СПб., 1999. Ч. 3. С. 32—34.

8. Ничуговская О. Н. К вопросу о международных аспектах режимных требований // Техника и безопасность объектов УИС: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2018. С. 321—322.

9. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: приказ Министерства Юстиции от 16 декабря 2016 г. № 295. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

© Ничуговская О. Н., 2020

Ничуговская Олеся Николаевна,

доцент кафедры
уголовно-исполнительного и уголовного права
Воронежского института
Федеральной службы
исполнения наказаний России,
кандидат юридических наук;
e-mail: vifsin@mail.ru

2. Recommendation REC (2006) 2 of the Committee of Ministers to member States of the Council of Europe concerning European prison rules (approved by the Committee of Ministers on 11 January 2006 at the 952nd meeting of Deputy Ministers). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. Standard minimum rules for the treatment of prisoners (Nelson Mandela Rules): adopted by the UN General Assembly on 17 December 2015. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

4. Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe Rec(2006) 2 to member States of the Council of Europe on European prison rules: adopted by the Committee of Ministers on 11 January 2006 at the 952nd meeting of permanent representatives of Ministers. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Boytsova V. V., Boytsova L. V. Criminal and penitentiary law. Experience of the Netherlands and Russia. Prosecutorial and investigative practice. 2000; 3—4: 166—173.

6. Decree of the Russian Federation Government of 14 October 2010 No. 1772-R. "The concept of development criminally-Executive system of the Russian Federation until 2020". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

7. Anisimova A. P. Reasons for the low level of legal awareness in modern Russian society. In: Formation and development of scientific schools of law in state universities of Russia. Materials of the all-Russian student scientific and practical conference. In 5 parts. St. Petersburg; 1999; 3: 32—34.

8. Nichugovskaya O. N. On the issue of international aspects of regime requirements. In: Technique and safety of UIS facilities. Collection of materials of the International scientific and practical conference. Voronezh; 2018: 321—322.

9. Order of the Ministry of Justice of 16 December 2016 No. 295. "On approval Of rules of internal regulations of correctional institutions". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

© Nichugovskaya O. N., 2020

Nichugovskaya Olesya Nikolaevna,

associate professor at the department
of criminal enforcement and criminal law
of the Voronezh Institute
of the Federal penitentiary service of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: vifsin@mail.ru

* * *

Л. А. Александрова, Е. Ю. Никифорова

**ОТКАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ:
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

В статье анализируется противоречивость норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих действия правоприменителя при отказе прокурора от обвинения, во взаимосвязи с общими правилами окончания производства по уголовному делу в суде — как с прекращением, так и с постановлением приговора. Установленный российским законодателем порядок действий сравнивается с регулированием отказа от обвинения на постсоветском пространстве, в частности, последовательностью его заявления, оформления и возможной процессуальной перспективой. Проводится сравнительный анализ оснований, влекущих как прекращение уголовного дела, так и вынесение оправдательного приговора. Отмечается противоречивость норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, содержащих правила их применения. Уточняются пределы отказа от обвинения, рассматривается такая возможность на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства. Делается вывод о неоднозначности данного института с точки зрения принципа состязательности, поскольку в рамках его применения исключаются из правового поля некоторые права потерпевшего. Предлагается выход из сложившейся противоречивой ситуации с учетом позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: государственный обвинитель, отказ от обвинения, процессуальная перспектива, постановление, прекращение уголовного дела, оправдательный приговор, потерпевший, процессуальные пределы.

L. A. Alexandrova, E. Yu. Nikiforova

**REFUSAL OF THE PUBLIC PROSECUTOR TO CHARGE:
SOME ISSUES OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE**

The article analyzes the inconsistency of the norms of the criminal procedure legislation that regulate the actions of the law enforcement officer when the Prosecutor refuses to file charges in accordance with the General rules for the end of criminal proceedings in court, both termination and sentencing. The procedure established by the Russian legislator is compared with the regulation of the rejection to file charges in the post-Soviet space, in particular, the sequence of its application, statement and possible procedural perspective. A comparative analysis of the grounds that involve both termination of the criminal case and acquittal is given. A contradiction in the regulation of the Criminal procedure code of the Russian Federation, containing the rules of their application is observed. The limits of the rejection to file charges are specified, and this possibility is considered at the stage of appointment and preparation of the trial. It is concluded that this institute is ambiguous from the point of view of the adversarial principle, since its application excludes certain rights of the victim from the legal field. The authors propose a way out of this contradictory situation considering the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, Plenum of the Supreme Court, as well as the rights and legitimate interests of participants of criminal proceedings.

Key words: Public Prosecutor, rejection of the charges, procedural perspective, judgment, termination of the criminal case, acquittal, victim, procedural limits.

Институт полного или частичного отказа государственного обвинителя от обвинения, а также изменения обвинения в сторону смягчения регламен-

тирован чч. 7, 8 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). В то же время уголовно-процессуальный закон

содержит немало противоречий и пробелов в регулировании подобных ситуаций, что приводит к неопределенности в правоприменении. Законодатель не устанавливает форму отказа прокурора от обвинения, размыты процессуальные пределы отказа, крайне противоречиво изложены его основания. При кажущейся простоте изложения норм ст. 246 УПК РФ, если рассматривать их во взаимосвязи с положениями, регулирующими порядок разрешения уголовного дела по существу, можно говорить об отсутствии определенности правовых последствий отказа от обвинения.

На основании п. 7 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [1] (далее — Приказ № 465) отказ от обвинения должен быть выражен в письменной форме, что представляется разумным и соответствующим букве и духу закона, так как и постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, и обвинительное заключение (обвинительный акт) предполагают письменную форму своего выражения. Она не установлена уголовно-процессуальным законом Российской Федерации, однако можно обратиться к опыту государств постсоветского пространства.

Законодательство Таджикистана вообще не предполагает ни наличия процессуального документа в данном случае, ни мотивировки решения об отказе от обвинения. Судья не связан позицией прокурора — он должен прекратить производство по делу, только если потерпевший ее поддержит (чч. 9, 10, 11 ст. 279 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан). Надо полагать, что заявления этих участников просто заносятся в протокол судебного заседания. Уголовно-процессуальный кодекс Украины, напротив, предполагает в данном случае вынесение прокурором отдельного постановления [2, с. 89], что также спорно.

Как известно, постановление — это форма процессуального решения, которое может быть принято только лицом, в производстве у которого находится уголовное дело. Ходатайство как форма также исключается, поскольку оно предполагает вариантность ответа при его рассмотрении, что законодатель категорично исключил. Возможно, здесь было бы уместно заявление об отказе от обвинения, однако любая процессуальная форма предполагает соответствие требованиям закона, а это значит, что у судьи гипотетически есть возможность не принимать его, как, например, не соответствующее формальным требованиям. При этом понятны опасения законодателя, устранив-

шегося от решения этого важного процессуального вопроса.

Не определены и процессуальные пределы отказа от обвинения. Законом не указывается, в какой части судебного разбирательства может быть заявлен отказ от обвинения, и, следовательно, это может произойти в любой момент до удаления суда в совещательную комнату для вынесения решения по делу. Однако Приказ № 465 устанавливает, что государственный обвинитель может отказаться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств.

Остается открытым вопрос о возможности прокурора с учетом данного требования отказаться от обвинения на предварительном слушании в стадии назначения судебного заседания. Часть 5 ст. 236 говорит лишь об изменении прокурором обвинения, в связи с чем может быть изменена подсудность уголовного дела. В то же время ч. 1 ст. 239 УПК РФ в качестве основания прекращения судьей уголовного дела называет отказ прокурора от обвинения в соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ. Не лишним будет упомянуть, что данная норма раскрывает участие обвинителя в контексте общих условий судебного разбирательства и в самой статье подразумевается отказ от обвинения только на этой стадии судопроизводства. Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее — Пленум ВС РФ) в п. 29 постановления «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», толкуя применение чч. 7 и 8 ст. 246 УПК РФ, также говорит только о стадии судебного разбирательства [3].

На практике отказ заявляется государственным обвинителем либо по окончании судебного следствия после исследования всех доказательств обвинения и защиты, либо непосредственно во время выступления в прениях с обязательным представлением суду обвинительной речи в письменном виде в порядке ч. 7 ст. 292 УПК РФ.

Отметим, что ни в практике, ни в правовой доктрине не вызывает сомнений то обстоятельство, что отказ от обвинения является обязательным для суда, о чем, в частности, говорит Пленум ВС РФ, разъясняя судам, что полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения predeterminedляют принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя. Это объясняется тем, что уголовно-процессуальное законодательство исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и рав-

ноправия сторон, а формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются обвинителем.

В данном контексте представляется формальной позиция Пленума ВС РФ, выраженная в том же постановлении (п. 29), предполагающая принятие судьей решения только после завершения исследования материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания об обоснованности позиции государственного обвинителя [3]. Эти исследования и мнения обретают характер фикции, поскольку уже не влияют на окончательное решение. Возвращаясь к принципу состязательности, можно отметить в связи с этим его внутреннее противоречие — если суд является единственным органом правосудия, самостоятельно оценивающим доказательства, прокурор не может предопределять процессуальную судьбу уголовного дела. Виновность и невиновность подсудимого может установить только суд.

Противоречивость принципа уголовного судопроизводства влечет возникновение ряда вопросов в правоприменении, касающихся последствий заявленного государственным обвинителем отказа от обвинения. О необходимости в данном случае выносить «постановление о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования полностью или в соответствующей его части, а не оправдательного приговора» говорится в п. 15 постановления Пленума ВС РФ «О судебном приговоре» [4]. В то же время в УПК РФ нет такого четкого указания относительно формы итогового решения. Проблема возникает у судов в связи с применением ч. 7 ст. 246 УПК РФ без учета положений ч. 8 ст. 302 УПК РФ, а между тем во взаимосвязи эти нормы являются взаимоисключающими.

В частности, Богдановичским городским судом Свердловской области было рассмотрено дело № 1-22/2016 по обвинению Н. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 228, п. «б» ч. 3 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), а также С. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ. Государственный обвинитель в судебных прениях отказался от обвинения Н. по п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ в связи с тем, что указанный состав преступления был вменен излишне.

Постановлением Богдановичского городского суда Свердловской области от 3 марта 2016 г., оглашенным после возвращения суда из совещательной комнаты до провозглашения приговора, было прекращено уголовное преследование в отношении Н. в совершении преступления, преду-

смотренного п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, в связи с отсутствием в деянии состава преступления и отказом государственного обвинителя от данной части обвинения.

Приговором Богдановичского городского суда Свердловской области от 3 марта 2016 г. Н. и С. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, и назначено соответствующее наказание.

Постановление о прекращении уголовного преследования в отношении Н. от 3 марта 2016 г. было впоследствии отменено судебной коллегией по уголовным делам Свердловского областного суда, а уголовное дело в отношении Н. в этой части возвращено на новое рассмотрение [5].

В силу положений ч. 8 ст. 302 УПК РФ суд должен в таком и аналогичных случаях выносить оправдательный приговор в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения. В данной норме прямо указывается на то, что если основания прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования обнаруживаются в ходе судебного разбирательства, то суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу. В случаях, предусмотренных пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, суд выносит оправдательный приговор.

В то же время отказ государственного обвинителя от обвинения в соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ также является основанием для применения судом пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, что в совокупности и системном их толковании с нормой ч. 8 ст. 302 УПК РФ должно служить обстоятельством, влекущим вынесение оправдательного приговора, а не отдельного постановления о прекращении уголовного преследования. Законодатель вольно или невольно допускает ту или иную форму итогового решения по уголовному делу в зависимости от того, кто первый обнаружил и заявил о наличии оснований освобождения лица от уголовной ответственности. Сравнительный анализ ч. 7 ст. 246 и ч. 8 ст. 302 УПК РФ позволяет полагать, что при отказе прокурора от обвинения по реабилитирующим основаниям подразумевается наступление исключительного случая и действует специальная норма, в соответствии с которой должно выноситься постановление о прекращении производства по уголовному делу или уголовного преследования. Если обвинитель об этом сам не заявляет, а соответствующие обстоятельства стали известны суду в ходе рассмотрения дела по существу, действует ч. 8 ст. 302 УПК РФ и выносится оправдательный приговор.

Тем не менее ч. 8 ст. 302 УПК РФ не конкретизирует, кем были обнаружены эти основания. В таком случае положение ч. 7 ст. 246 УПК РФ может иметь значение уточнения или выступать специальной нормой по отношению к ч. 8 ст. 302 УПК РФ. Однако, увлекаясь формой окончания производства, законодатель забывает об интересах участников судопроизводства. Оправдательный приговор неравнозначен постановлению о прекращении уголовного дела. Поскольку в основе того и другого решения лежат реабилитирующие основания, преимущество должно отдаваться приговору, хотя бы потому что он имеет преюдициальное значение (ст. 90 УПК РФ). Этим подтверждается необходимость ограничить процессуальные пределы отказа от обвинения рамками прений сторон до удаления суда в совещательную комнату. Таким образом, соответствующими духу закона можно признать только случаи отказа от обвинения после полного и всестороннего исследования доказательств по делу, т. е. после завершения судебного следствия. Это будет соответствовать как принципу состязательности (ст. 15 УПК РФ), так и назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Как представляется, при противоречивости формулировок действующего уголовно-процессуального закона нельзя четко определить, может ли быть заявлен отказ от обвинения на ранних этапах судебного производства, включая предварительное слушание. В таких условиях можно разграничить порядок применения ч. 7 ст. 246 и ч. 8 ст. 302 УПК РФ по субъектам (кто обнаружил наличие оснований прекращения уголовного дела) и по этапу (когда произошел отказ от обвинения — исследованы ли обстоятельства совершенного деяния и доказательства, предоставленные сторонами).

Очевидна связь процессуальных пределов отказа прокурора от обвинения с его основаниями. А. Спирин, анализируя институт отказа от обвинения и изменения обвинения на предварительном слушании, обоснованно полагает, что это возможно, только если прокурор пришел к выводу о необходимости исключения доказательств, полученных в досудебном производстве с нарушениями закона, когда нельзя их устранить и образуется невосполнимый пробел в доказательственном материале. Автор предлагает внести соответствующие изменения в Приказ № 465, дополнив его положениями, касающимися отказа от обвинения на предварительном слушании [6, с. 29—32]. При этом суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения

по существу. Исключение составляет изменение обвинения: в соответствии с ч. 5 ст. 236 УПК РФ судья отражает это в постановлении и направляет уголовное дело по подсудности.

Думается, с предложением А. Спирина можно согласиться лишь отчасти. Включение предлагаемых им изменений в Приказ № 465 об отказе от обвинения на предварительном слушании сделает бессмысленным дальнейшее рассмотрение уголовного дела. Вместе с тем ч. 1 ст. 239 УПК РФ содержит противоречие, не допуская прекращения производства по уголовному делу судьей по реабилитирующим основаниям, но предписывая принятие этого решения ему же, если об их обнаружении заявил обвинитель. В подобных случаях на предварительном слушании в соответствии со ст. 235 и 236 УПК РФ судья должен вынести постановление об исключении доказательств и назначении судебного разбирательства. Было бы уместным предусмотреть право прокурора при возникновении у него убеждения о недоказанности обвинения на данном этапе составить мотивированное заключение. Оглашенное на судебном следствии либо в прениях с участием сторон, оно принимает силу отказа от обвинения, которое должно быть положено в основу оправдательного приговора. Так можно будет разрешить проблему единообразного понимания и применения правила, в соответствии с которым реабилитирующие основания влекут постановление оправдательного приговора.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой «вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты» [7], относится к отказу от обвинения на стадии судебного разбирательства, поскольку анализу подвергаются чч. 7 и 8 ст. 246 и п. 2 ст. 254 УПК РФ. С учетом требований, обозначенных как в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации, так и в Приказе № 465, отказ прокурора от обвинения должен утратить свое значение основания для прекращения производства по делу при рассмотрении его по существу, поскольку выявление реабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности на этом этапе должно влечь вынесение оправдательного приговора. Свою позицию прокурор может выразить по окончании судебного следствия и в прениях сторон, тогда исследование мате-

риалов дела в суде не утрачивает своей ценности и исчерпывается противоречие принципу состязательности, отмеченное Конституционным Судом Российской Федерации еще во время действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [8].

К сожалению, внутренняя противоречивость содержания ч. 7 ст. 246 УПК РФ допускает мысль о том, что прокурор может отказаться от обвинения и по нереабилитирующим основаниям. К подобным выводам авторов, вероятно, подталкивает обращение законодателя к п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, в котором, в свою очередь, содержится ссылка на пп. 1—6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т. е. как к реабилитирующим, так и нереабилитирующим основаниям. По мнению, например, А. В. Ковалевой, отказ прокурора от обвинения в связи со смертью подсудимого (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) не освобождает судью от выяснения согласия его близких родственников на прекращение производства по уголовному делу [9, с. 134].

Пленум ВС РФ в постановлении, посвященном вопросам применения главы 18 УПК РФ, говорит о праве на реабилитацию подсудимого, уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения [10], и это дает возможность утверждать, что отказ прокурора от обвинения возможен только по реабилитирующим основаниям. Однако Пленум ВС РФ при этом также ссылается не только на п. 1, но и п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, включающий в себя как реабилитирующие, так и нереабилитирующие основания. Эту небрежность законодателя можно наблюдать и в ч. 8 ст. 302 УПК РФ, предписывающей выносить оправдательный приговор в случае обнаружения в судебном разбирательстве оснований, предусмотренных п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Следовательно, если буквально толковать рассматриваемые нормы и внимательно отслеживать все ссылки, при обнаружении одних и тех же оснований уголовно-процессуальный закон предписывает принимать три вида окончательных решений по уголовному делу: вынесение оправдательного приговора, вынесение обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания и прекращение уголовного дела в связи с отказом прокурора от обвинения. Очевидно, что законодатель совершенно излишне сослался на п. 2 ч. 1 ст. 27 в ч. 7 ст. 246 и в ч. 8 ст. 302 УПК РФ, допустив повторение и логическую ошибку: достаточно было бы в этих нормах перечислить пп. 1 и 2 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ либо использовать

термин «реабилитирующие основания», чтобы не допустить различного толкования закона.

Таким образом, для единообразного понимания и применения уголовно-процессуального закона необходимо внести некоторые уточнения:

— прокурор может отказаться от поддержания обвинения на стадии судебного разбирательства после исследования материалов уголовного дела по окончании судебного следствия (ст. 291 УПК РФ) или на этапе прений сторон (ст. 292 УПК РФ);

— прокурор излагает отказ от обвинения в мотивированном заключении, копии которого выдаются участникам судопроизводства со стороны обвинения и защиты;

— при полном или частичном отказе государственного обвинителя от обвинения суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке с вынесением оправдательного приговора при полном отказе от обвинения или оправдания подсудимого в той части, в которой был заявлен отказ от обвинения;

— на предварительном слушании прокурор может изменить обвинение в сторону смягчения, что может повлечь направление уголовного дела по подсудности.

В правоприменении возникает также вопрос о том, что делать суду вышестоящей инстанции в случае обжалования судебного акта в связи с неправомерным отказом государственного обвинителя от обвинения либо изменения обвинения в сторону смягчения.

В настоящее время судебная практика складывается таким образом, что вынесенный приговор может быть обжалован как самим государственным обвинителем, так и вышестоящим прокурором.

Суд вышестоящей инстанции зачастую признает приговор, вынесенный на основании отказа обвинителя от обвинения, незаконным и направляет дело для нового рассмотрения в суд первой инстанции.

Считаем, что указанная практика не в полной мере соответствует действующему законодательству и вызвана законодательным пробелом, который требует урегулирования.

С одной стороны, ст. 389.9 УПК РФ не содержит каких-либо исключений, указывающих на невозможность проверки вынесенного судебного акта, в том числе и в той части, в которой имел место отказ от обвинения.

С другой стороны, ст. 15 УПК РФ закреплен принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве. Кроме того, в соответствии со ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство про-

водится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. При этом закон не содержит каких-либо исключений или изъятий применительно к апелляционным, кассационным стадиям уголовного судопроизводства, а также к стадии пересмотра судебных актов в порядке надзора. Получается, что суд апелляционной (и вышестоящих инстанций) не вправе не только отменять, но и исследовать приговор в части оправдания лица в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, хотя вышестоящий прокурор может не согласиться с подчиненным. При этом неудивительно, что ст. 389.21 УПК РФ в перечне оснований отмены приговора или иного решения суда с прекращением уголовного дела не называет отказ прокурора от обвинения.

В то же время согласно ст. 389.24 УПК РФ при наличии представления прокурора или жалобы потерпевшего судебное решение может быть отменено или изменено в сторону ухудшения поло-

жения осужденного (оправданного или лица, в отношении которого производство прекращено). Если обвинение вновь может поддержать вышестоящий прокурор, внесший представление по итогам отказа коллеги от обвинения в суде первой инстанции, то неизвестно, как быть в случае, если потерпевший заявляет о незаконном решении, а обвинение поддерживать некому.

Нельзя забывать, что целью уголовного судопроизводства, помимо прочего, является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ).

Очевидно, законодателю необходимо внести в уголовно-процессуальный закон изменения, предусматривающие применение общего порядка пересмотра судебного решения, вынесенного судом первой инстанции при отказе прокурора от обвинения и обжалованного потерпевшим или его представителем.

1. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 25 декабря 2012 г. № 465. Документ опубликован не был // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 18.01.2020).

2. Белоусова Е. О. Отказ прокурора от поддержания государственного обвинения в суде и его правовые последствия по новому уголовному процессуальному кодексу Украины // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 4. С. 86—91.

3. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 (ред. от 01.06.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Архив Богдановичского городского суда Свердловской области. Приговор Богдановичского городского суда Свердловской области от 3 марта 2016 г. по уголовному делу № 1—22/2016.

6. Спирин А. Отказ от обвинения и изменение обвинения прокурором на предварительном слушании // Законность. 2017. № 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Order of the Prosecutor General's office of Russia No. 465 of 25 December 2012. "On participation of prosecutors in the judicial stages of criminal proceedings". The document was not published. Available from: <https://genproc.gov.ru>. Accessed: 18 January 2020.

2. Belousova E. O. Refusal of the Prosecutor to support the state prosecution in court and its legal consequences under the new criminal procedure code of Ukraine. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2013; 4: 86—91.

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of 5 March 2004 (ed. of 1 June 2017). "On the application by courts of the norms of the Criminal procedure code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of No. 55 of 29 November 2016 "On the court verdict". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Archive of Bogdanovichsky city court of Sverdlovsk region. Verdict of Bogdanovichsky city court of Sverdlovsk region of 3 March 2016 in criminal case No. 1—22/2016.

6. Spirin A. Refusal of the charge and change of the charge by the Prosecutor at the preliminary hearing. Legality. 2017; 10. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

7. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 г. № 7-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Ковалева А. В. Смерть подсудимого как причина отказа прокурора от обвинения в суде // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 2. С. 134—140.

10. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Александрова Л. А.,
Никифорова Е. Ю., 2020

Александрова Людмила Анатольевна,

доцент кафедры уголовного процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: ml1970@yandex.ru

Никифорова Елена Юрьевна,

доцент кафедры уголовного процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: advokatunix@yandex.ru

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-P of 8 December 2003 "On business about check of constitutionality of provisions of articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408 and chapters 35 and 39 of the Criminal procedure code of the Russian Federation in connection with requests of courts of General jurisdiction and citizens complaints". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 7-P of 20 April 1999 "On business about check of constitutionality of provisions of paragraphs 1 and 3 parts of first article 232, the fourth part of article 248 and of part one of article 258 of the Criminal procedure code of the RSFSR in connection with inquiries of Irkutsk district court of Irkutsk region and the Soviet district court in Nizhny Novgorod city". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

9. Kovaleva A. V. The death of the defendant as the reason for the Prosecutor's refusal to charge in court. North Caucasian legal Bulletin. 2016; 2: 134—140.

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 17 of 29 November 2011. "On the practice of applying by courts the norms of Chapter 18 of the Criminal procedure code of the Russian Federation regulating rehabilitation in criminal proceedings". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

© Alexandrova L. A.,
Nikiforova E. Yu. 2020

Alexandrova Lyudmila Anatolyevna,

associate professor
of the Department of criminal procedure
of the Ural State Law University,
candidate of juridical sciences,
associate professor;
e-mail: ml1970@yandex.ru

Nikiforova Elena Yurievna,

associate professor
of the Department of criminal procedure
of the Ural State Law University,
candidate of juridical sciences,
associate professor;
e-mail: advokatunix@yandex.ru

А. А. Бабушкин, Е. Б. Бемянский

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ЛИЦАМИ,
ЗАНИМАЮЩИМИ ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ**

В статье рассматриваются организационно-правовые вопросы деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по осуществлению превентивного контроля за лидерами и авторитетами уголовно-преступной среды в целях своевременного предупреждения и пресечения совершаемых ими преступлений. Анализируются особенности объектов оперативно-разыскного контроля данной категории, на основании этого выявляются наиболее существенные проблемы организационного и правового характера в деятельности уполномоченных подразделений, предлагаются меры по их решению. Отдельное внимание уделено вопросам активизации использования современных информационно-коммуникационных технологий для повышения эффективности оперативно-разыскного контроля и качества принимаемых решений по его результатам.

Ключевые слова: правовые основы; оперативно-разыскной контроль; лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии; предупреждение преступлений; информационно-коммуникационные технологии.

A. A. Babushkin, E. B. Belyansky

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASIS OF OPERATIONAL-SEARCH CONTROL
OVER PERSONS, OCCUPYING THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY**

The article deals with the organizational and legal issues of the operational units of the internal Affairs bodies in the implementation of preventive control over the leaders and authorities of the criminal environment for the purpose of timely prevention and suppression of crimes committed by them. The features of objects of operational and search control of this category are analyzed, on the basis of this, the most significant problems of organizational and legal nature in the activities of authorized units are identified, measures for their solution are proposed. Special attention is paid to the issues of increasing the use of modern information and communication technologies to improve the efficiency of operational and investigative control and the quality of decisions on its results.

Key words: legal basis; operational-search control; persons occupying the highest position in the criminal hierarchy; crime prevention; information and communication technologies.

Правоприменительная практика показывает, что эффективная борьба с противоправной деятельностью лидеров и авторитетов уголовно-преступной среды невозможна без превентивного оперативно-разыскного контроля (далее — ОРК) за ними, направленного на упреждающее реагирование и недопущение наступления общественно опасных последствий, связанных с функционированием возглавляемых и курируемых ими криминальных структур.

ОРК ориентирован на проактивную (превентивную) деятельность в отношении лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, включая воров в законе (далее — ВВЗ); нейтрализацию

их криминального влияния на оперативную обстановку; повышение оперативной осведомленности об уголовно-преступной среде; обеспечение взаимодействия по данному направлению с подразделениями Федеральной службы исполнения наказаний России; использование в установленном порядке механизмов международного и межгосударственного сотрудничества.

Анализ правоприменительной практики показывает, что в организации ОРК, представляющего собой основу системы оперативно-разыскного предупреждения (профилактики) преступлений, в настоящее время имеется ряд проблем нормативно-правового, информационно-аналитического и ор-

ганизационного характера. При этом очевидно, что оптимально организованный и обеспеченный необходимыми силами и средствами ОРК является ключевой составляющей успешного решения задач противодействия организованной преступности.

ОРК за лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, можно определить как мониторингово-предупредительный комплекс оперативно-разыскных мероприятий и действий, реализуемый компетентными оперативными подразделениями в отношении лидеров и авторитетов уголовно-преступной среды, предполагающий осуществление непрерывного оперативно-профилактического наблюдения за их образом жизни и поведением в целях предупреждения и своевременного пресечения совершения ими преступлений, оказания на них индивидуального профилактического воздействия, недопущения вовлечения ими в преступную деятельность иных лиц, выявления в их окружении лиц, представляющих оперативный интерес. Отсюда задачами ОРК являются:

— предупреждение и своевременное пресечение подготавливаемых и совершаемых фигурантами преступлений, а также раскрытие ранее совершенных ими преступлений;

— оказание на контролируемых лиц индивидуального профилактического воздействия, устранение и нейтрализация условий для совершения ими преступлений;

— недопущение вовлечения контролируемыми лицами в противоправную деятельность иных лиц, в том числе не имеющих криминального опыта, особенно из числа молодежи;

— выявление в окружении фигурантов иных лиц, представляющих оперативный интерес.

Субъектами ОРК являются подразделения органов внутренних дел и их должностные лица, правомочные в соответствии с приказом МВД России («О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России») от 19 июня 2012 г. № 608 осуществлять оперативно-разыскную деятельность в полном объеме, имеющие соответствующую компетенцию в сфере оперативно-разыскного противодействия организованной преступности.

В системе МВД России основная нагрузка по осуществлению ОРК за лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, лежит на подразделениях уголовного розыска, что получило закрепление в рамках ведомственного нормативного регулирования [1].

Главным подразделением по борьбе с организованной преступностью общеуголовной направленности является Главное управление уголовного розыска МВД России, выполняющее в том числе функцию координации деятельности по борьбе с лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии. В структуре соответствующих подразделений (оперативно-разыскные части) в территориальных органах МВД России на региональном уровне функционируют отделы по борьбе с лидерами уголовно-преступной среды, включая ВВЗ и участников преступных сообществ (преступных организаций) (далее — ПС (ПО)). На районном уровне функционируют отделения (группы) по борьбе с организованной преступностью, где за указанным направлением оперативно-служебной деятельности закреплены отдельные сотрудники.

К лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, в соответствии со сложившейся оперативно-разыскной практикой относят ВВЗ, «положенцев», «смотрящих», «держателей общака» и иных лиц, выполняющих организационно-распорядительные и координирующие функции в уголовно-преступной среде. Под ними в уголовно-правовой науке одни исследователи понимают организаторов (руководителей) всего ПС (ПО), а не его структурных подразделений [2, с. 57]. По мнению других, данные субъекты должны также обладать высоким положением в преступной иерархии в целом и главенствующим на определенной территории района, города, региона и т. п. [3].

В специальной литературе справедливо отмечается, что общественная опасность организованных преступных формирований состоит в первую очередь в том, что сам факт их создания «нарушает состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, так как появляется коллективный субъект преступной деятельности, посягающий на них» [4].

Термин «преступная иерархия» рассматривается как «система, определяющая структуру подчинения и взаимоотношений лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде правил и традиций. Существующий негласный „табель о рангах“ (стратификация) закрепляет положение в иерархии того или иного члена криминального сообщества» [5].

Принадлежность к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, в соответствии с ч. 4 ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) является квалифицирующим признаком при создании ими ПС (ПО)

или руководстве ими, равно как и при координации преступных действий, создании устойчивых связей между самостоятельно действующими организованными группами (далее — ОГ) [6].

Мы солидарны с точкой зрения тех специалистов, которые считают, что высшее положение в преступной иерархии нельзя ограничивать только криминальными титулами воровского сообщества. Так, статус лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, может выражаться в наличии в его распоряжении денег, ценностей и иного имущества, добытых преступным путем, без непосредственного участия такого лица в их приобретении, передаваемых этому лицу систематически, без правовых оснований (неосновательное обогащение), и расходовании указанных денег, ценностей и иного имущества на осуществление преступной деятельности (не только преступлений, но и «обеспечительной деятельности», например, вооружение преступных групп, их финансирование и т. п.) [7].

По мнению В. А. Попова, ПС как разновидности сообщества вообще характерны его свойства, в частности самоорганизация и саморегуляция. Отдельные лидеры преступного мира, являясь организационным звеном ПС, координируют, упорядочивают его деятельность, повышают уровень его внутренней организованности. Единицы ПС, в роли которых выступают отдельные преступники, организованные группы, преступные организации, вынуждены подчиняться определенным правилам, сформулированным такими лидерами. Более того, они сами нацелены на повышение эффективности своей преступной деятельности; достижение этой цели связывается с консолидацией, сплочением с другими единицами преступного сообщества. Как следствие, деятельность в рамках ПС постепенно становится более организованной, в результате уровень организованности внутри ПС в целом повышается, а такое сообщество противопоставляется государству и закону [8].

В настоящее время структура и содержание организованной преступности постоянно идут по пути усложнения, возникают разветвленные криминальные схемы с вовлечением в них представителей самых разных сегментов криминального бизнеса. В связи со сказанным В. С. Овчинский отмечает, что при тесном взаимодействии и переплетении традиционных и вновь образованных высокотехнологичных ПС, между ними существует большая разница в методах и организации преступной деятельности. Современные ПС в основ-

ном отказываются от традиционных иерархических структур, а представляют собой подвижные сетевые структуры. Они активно используют «аутсорсинг», коллективное предпринимательство, платформенные решения и т. п. Одним словом, если преступники до середины XX в. плелись в хвосте технических, организационных и финансовых технологий, то сегодня они, несомненно, находятся в авангарде [9, с. 279]. Здесь главенствующая роль ВВЗ и их ставленников не всегда выглядит бесспорной. Все чаще можно наблюдать, как лидирующие позиции в разных сферах нелегального бизнеса занимают лица, не имеющие в прошлом криминального опыта, ранее не судимые и не отбывавшие наказание в местах лишения свободы, не обладающие каким-либо неформальным статусом среди представителей уголовно-преступной среды. Вместе с тем это не мешает им оказывать самое серьезное влияние на криминогенную обстановку по линии организованной преступности целых городов, районов, субъектов Российской Федерации, а иногда и всей страны, прежде всего, за счет их участия в организации совершения квалифицированных преступлений в сфере экономической деятельности. К ним относятся бизнесмены и предприниматели новой формации, к которым представители криминальной среды, в том числе лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, часто обращаются для получения содействия в легализации доходов, полученных преступным путем, включая капиталы, накопленные еще в 1990-е гг. (сверхприбыли от таких областей криминального бизнеса, как проституция, незаконный оборот наркотиков и оружия, торговля людьми и т. д.).

В результате подобного взаимодействия криминального и легального бизнеса возникает своеобразный симбиоз, обладающий значительным потенциалом, который является еще более сложно распознаваемым и доступным для правоохранительных органов. На базе этого симбиоза возникают околоскриминальные формирования, имеющие легальное прикрытие любой осуществляемой под их эгидой противоправной деятельности, где все чаще на ключевые позиции выходят не лидеры и авторитеты уголовно-преступной среды, а привлеченные ими к сотрудничеству вчерашние законопослушные предприниматели с репутацией добропорядочных граждан.

По мнению Л. М. Прозументова, отождествление понятий «руководитель», «организатор», «лидер» в специальной литературе и практической деятельности субъектов предупреждения групповой

преступности является неправильным и не способствует глубокому изучению внутренней структуры группы и связей, сложившихся между ее членами. Подмена этих понятий на практике приводит к тому, что сохранение лидеров в преступных группах позволяет последним не только не прекращать свою преступную деятельность, но и активизировать ее, а самое опасное — осуществлять экспансию на общественно значимые интересы и тем самым расширять криминогенное пространство [10]. Вместе с тем ВВЗ, «положенцы», «смотрящие» и прочие «классические» представители криминального мира все еще имеют немалое влияние и продолжают осложнять криминогенную обстановку в стране. В целях изменения сложившейся ситуации 1 апреля 2019 г. Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» № 46-ФЗ, который предусматривает привлечение к уголовной ответственности лидеров уголовно-преступной среды не только за организацию и участие в деятельности ПС, но и за сам факт принадлежности к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии. В частности, УК РФ дополняется ст. 210¹, которая устанавливает уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. В самостоятельную часть из ч. 1 ст. 210 УК РФ выделена норма, касающаяся участия в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей ПС для координации действий ОГ, создания устойчивых связей между ними, разработки планов и создания условий для совершения преступлений, раздела сфер преступного влияния и преступных доходов. Ужесточено наказание по указанным составам. Не может быть назначено наказание ниже низшего предела или более мягкий вид наказания, чем это предусмотрено данными статьями. Исключается также возможность условного осуждения. Названный федеральный закон, несомненно, усиливает правовую основу противодействия лидерам криминальной среды и создает условия для дальнейших законодательных инициатив, направленных на повышение эффективности документирования противоправной деятельности этих лиц с последующим их привлечением к уголовной ответственности.

ОРК за лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, — одно из сложных направлений оперативно-разыскной работы. Это

определяется особыми функциями указанных лиц в криминальной среде:

1. Обычно они не принимают непосредственного участия в совершении преступлений в качестве исполнителей. Их роль в преступном мире главным образом состоит в координации и общем руководстве преступной деятельностью курируемых криминальных структур через ограниченный круг доверенных лиц, что в большинстве случаев позволяет им избежать уголовной ответственности.

2. Их действия, как правило, совершаются в малых группах, структурно входящих в ПС (ПО); основанных на совпадении личных интересов, дружеских связях и предпочтениях; крайне подозрительно относящихся к вхождению в их состав ранее не знакомых и не проверенных «в деле» лиц. Это значительно усложняет проведение в отношении них ОРМ (особенно оперативного внедрения).

3. Лидеры уголовно-преступной среды, обладая значительным объемом финансовых средств, имеют широкий круг личных связей, в том числе коррупционных, в органах государственной власти и местного самоуправления, правоохранительных органах и используют эти связи в своих интересах.

4. Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, а также их близкое окружение (многие из них имеют опыт отбывания наказания в местах лишения свободы), как правило, осведомлены о методах ОРД, включая ее организационно-тактическую составляющую, что создает значительные трудности в документировании их преступной деятельности.

5. В современных социально-правовых условиях существенно изменились криминологические характеристики лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, в частности ВВЗ, которые отходят от привычных «воровских» понятий и традиций, формируя, по сути, новую категорию криминальных лидеров с коммерческим уклоном. Большинство преступлений, совершаемых ими, являясь общеуголовными, тем не менее имеют конкретный экономический подтекст.

Все указанные факторы оказывают прямое влияние на порядок применения и перечень оперативно-разыскных методов, сил и средств, используемых ОВД при осуществлении ОРК за лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, в современных условиях.

Исследование такого сегмента социальной практики, как противодействие преступной деятельности лидеров и авторитетов уголовно-преступной среды, предполагает максимальное использование разнообразных видов информа-

ции, анализ которой способствует разработке и применению наиболее эффективных алгоритмов действий сотрудников оперативных подразделений полиции для достижения целей и решения задач ОРД ОВД.

Стоит отметить, что оперативными подразделениями полиции часто используется практика привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, за преступления прошлых лет, оставшиеся нераскрытыми либо по которым осуждены второстепенные соучастники. При этом криминальные лидеры в основном привлекались к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, вымогательства и мошенничества, и лишь в отдельных случаях за организацию ПС (ПО).

Нередко реальное противодействие криминальным лидерам и авторитетам подменяется их понуждением к переезду с территории оперативного обслуживания в другой город или регион. Таким способом оперативные подразделения, по сути, самоустраиваются от оперативного контроля, разработки и привлечения особо опасных преступников к уголовной ответственности. Очевидно, что при современном развитии инфраструктуры и информационно-коммуникационных технологий переезд в другой регион (населенный пункт) не создает серьезных препятствий для осуществления дальнейшего руководства ПС [11].

По уголовным делам, где фигурантами выступали лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, согласованность усилий оперативных сотрудников и следователей часто остается формальной. В отсутствие надлежającego оперативно-разыскного обеспечения расследования преступлений следователи ограничиваются вменением совершения отдельного преступления группой лиц по предварительному сговору либо без такового. В свою очередь, нередко оперативные сотрудники, действуя по поручению следователя, лишь обеспечивают сбор доказательств в рамках поставленной следственной задачи и не стремятся к выявлению новых преступлений и установлению всех лидеров и участников ПС. В результате большинство преступных деяний, совершенных в рамках ПС, расследуются по незначительному числу многоэпизодных уголовных дел в отношении узкого круга лиц.

Стоит отметить, что просчеты и упущения при документировании преступления и его расследовании осложняют работу прокурора при поддержании государственного обвинения. В судебном следствии возникают трудности с доказыванием

устойчивости, структурированности ПС, цели его создания, реализации преступного умысла, координации и руководства криминальной структурой конкретными соучастниками. В данном контексте нельзя не указать на важность продолжения оперативно-разыскного противодействия лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, после их привлечения к уголовной ответственности в период нахождения в местах лишения свободы. Здесь эффективность и результат проводимых мероприятий во многом определяются уровнем взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел и Федеральной службы исполнения наказаний России. Это взаимодействие осуществляется с учетом специфики целей и задач, решаемых каждым из его субъектов во время проведения ОРМ. Как правило, оперативные отделы исправительных учреждений (далее — ИУ) обмениваются с территориальными ОВД информацией и проводят совместные либо согласованные мероприятия по профилактике правонарушений и преступлений на прилегающей к учреждению территории, пресечению попыток доставки осужденным запрещенных веществ и предметов. Используя имеющийся потенциал, обусловленный задействованием негласных методов, сил и средств, названные субъекты должны постоянно принимать меры по добыванию оперативно значимой информации в интересах обеих сторон. Обмен ею осуществляется с использованием автоматизированных банков данных оперативно-разыскного и профилактического назначения, видео- и фонотек, фотоальбомов, локальных и персональных информационных массивов, которыми располагают оперативные подразделения взаимодействующих органов.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что ОРК за лидерами и авторитетами уголовно-преступной среды сегодня не имеет достаточного организационно-правового обеспечения. В связи с этим необходимо развивать и укреплять специализированные подразделения ОВД, задачей которых является борьба с организованной преступностью. Непременным условием их деятельности должно стать тесное взаимодействие на системной основе с подразделениями и службами ОВД и других правоохранительных органов, в чью компетенцию входят вопросы противодействия лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии (главным образом Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний России). Во многих случаях эта деятельность невозможна без международных механизмов сотрудничества в сфере борьбы с пре-

ступностью (каналы Интерпола, структуры взаимодействия Содружества Независимых Государств, Организации Договора о коллективной безопасности и других международных и региональных организаций). В данной работе важно выделять и развивать именно предупредительный сегмент, т. е. активнее разрабатывать и реализовывать те меры, которые направлены на недопущение наступления общественно опасных последствий. В связи с этим ключевая цель ОРК за лидерами и авторитетами уголовно-преступной среды вытекает из самой сущности ОРД, ее разведывательно-поискового начала, позволяющего действовать упреждающе, наступательно, опираясь не на уже совершенное либо откровенно подготавливаемое противоправное деяние, а на прогноз преступного поведения, выявление криминальных намерений на стадии замышления преступления.

В целях повышения эффективности ОРК за лицами рассматриваемой категории необходимо развивать информационно-аналитическое обеспечение такой деятельности. При этом предполагается использование самосовершенствующихся алгоритмов, оперативно-аналитического моделирования, искусственного интеллекта, специальных аналитических методик, связанных с поиском, сбором и обработкой сведений о лицах, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Здесь необходимо упомянуть о проблеме недостаточной обратной связи со стороны подразделений оперативно-разыскной информации, т. е. отсутствия инициативных сообщений, где содержатся сведения, полученные в ходе аналитической обработки информации, поступившей из раз-

личных источников (открытых и закрытых), о противоправной деятельности лидеров и авторитетов уголовно-преступной среды.

Резюмируя изложенные выше суждения в части важности осуществления ОРК за лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, акцентируем внимание на тесной увязке данного вопроса с целями и приоритетами, обозначенными в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683). Неизбежное увеличение в современных условиях числа реальных и потенциальных угроз национальной безопасности России коррелируется с активизацией различного рода ПС (ПО), появлением среди их лидеров и активных участников лиц, завербованных спецслужбами иностранных государств, террористическими и экстремистскими организациями.

На примере Украины можно наблюдать, что в современных условиях в сфере политической борьбы формальными и неформальными лидерами активно используется криминалитет, который, в свою очередь, задействует ресурсы своих покровителей во властных структурах в целях безнаказанного совершения тяжких и особо тяжких преступлений, расправы над своими конкурентами по криминальному бизнесу. Подобное положение дел свидетельствует о принципиально новом уровне проникновения организованной преступности, в том числе ее транснациональной составляющей, в системы государственного управления целых стран.

1. Об утверждении Положения о Главном управлении уголовного розыска МВД России: приказ МВД России от 11 июля 2011 г. № 823. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Воронин С. Э., Байыр-оол Е. В. Личность организатора преступного сообщества и ее криминалистическое значение: моногр. Красноярск, 2014.

3. Белоцерковский С. Новый федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. № 2. С. 9—14.

4. Шеслер А. В., Смирнов И. О. Характеристика объекта как элемента состава преступления, предусмотренного статьей 208 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3 (25). С. 61—67.

5. Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. № 5. С. 53—57.

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 11 July 2011 No. 823. "On approval of the Regulation on the Main Directorate of Criminal Investigation of the Ministry of Internal Affairs of Russia". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Voronin S. E., Bayyr-ool E. V. The identity of the organizer of the criminal community and its forensic significance. Monograph. Krasnoyarsk; 2014.

3. Belotserkovsky S. New federal law on strengthening the fight against criminal communities: commentary and problems of application. Criminal Law. 2010; 2: 9—14.

4. Shesler A. V., Smirnov I. O. Characteristics of the object as an element of the offense under article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation. Jurisprudence and law enforcement practice. 2013; 25 (3): 61—67.

5. Mondokhonov A. Special subject of the organization of a criminal community (criminal

6. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Григорьев Д. А., Морозов В. И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 50—58.

8. Попов В. А. Преступное сообщество (преступная организация): вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016.

9. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира: учебник. М., 2017.

10. Прокументов Л. М. Уголовно-правовые проблемы противодействия организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (7). С. 10—14.

11. Аленушкин В. О. О практике надзора за оперативно-розыскной деятельностью ОВД в сфере борьбы с организованной преступностью // Сб. материалов всерос. семинара-совещания с руководителями подразделений уголовного розыска, отвечающих за борьбу с организованной преступностью общеуголовной направленности территориальных органов МВД России, по вопросам совершенствования оперативно-служебной деятельности. Домодедово, 2012.

© Бабушкин А. А., Белянский Е. Б., 2020

Бабушкин Александр Александрович,
начальник 3 отдела
научно-исследовательского центра № 2
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: babushkin-a@mail.ru

Белянский Евгений Борисович,
заместитель начальника
научно-исследовательского центра № 3
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: belyanskaya_a@mail.ru

organization) or participation in it (her). Criminal law. 2010; 5: 53—57.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 12 of 10 June 2010 "On judicial practice in criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (her)". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

7. Grigoriev D. A., Morozov V. I. How to identify a person occupying the highest position in the criminal hierarchy? Jurisprudence and law enforcement practice. 2014; 30 (4): 50—58.

8. Popov V. A. The criminal community (criminal organization): questions of theory and practice. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Ekaterinburg; 2016.

9. Ovchinsky V. S. Criminology of the digital world. Textbook. Moscow; 2017.

10. Prozumetov L. M. Criminal legal problems of opposing the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (her). Criminal Justice. 2016; 7 (1): 10—14.

11. Alenushkin V. O. On the practice of supervision of the operational-investigative activities of the internal affairs bodies in the field of combating organized crime In: Collection of materials of the All-Russian meeting seminar with heads of the of the divisions of criminal investigation department which are responsible for fight against organized crime of general criminal orientation of territorial authorities of the Ministry of Internal Affairs of Russia concerning operational and service activity improvement. Domodedovo; 2012.

© Babushkin A. A., Belyansky E. B., 2020

Babushkin Alexander Alexandrovich,
head of the third department
of research center No. 2
of All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs,
candidate of juridical sciences;
e-mail: babushkin-a@mail.ru

Belyansky Eugeny Borisovich,
deputy head of research center No. 3
of All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs,
candidate of juridical sciences;
e-mail: belyanskaya_a@mail.ru

* * *

УДК 343.132
ББК 67.410.212.2

DOI 10.25724/VAMVD.MOPQ

Л. А. Бакланов, А. В. Павлов

**ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В ЖИЛИЩЕ
С СОГЛАСИЯ ПРОЖИВАЮЩИХ В НЕМ ЛИЦ
ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

В соответствии с ч. 5 ст. 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. Если проживающие в жилище лица возражают против осмотра, то следователь возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра согласно ст. 165 УПК РФ. В то же время в УПК РФ отсутствуют нормы, регламентирующие порядок получения такого согласия, механизм фиксации согласия, понятие «проживающие лица». Не определен алгоритм действий следователя в случае отзыва ранее полученного согласия. Указанные обстоятельства вызывают трудности в процессе правоприменения и дискуссии на страницах юридической печати. Полученные авторами результаты и выводы могут быть использованы в уголовно-процессуальной науке, а приведенные аргументы будут востребованными при отклонении ходатайств и жалоб защитников о признании недопустимыми доказательствами протоколов осмотров мест происшествий, составленных до возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: жилище, осмотр места происшествия, возбуждение уголовного дела, согласие лиц, проживающих в жилище.

L. A. Baklanov, A. V. Pavlov

**INSPECTION OF THE SCENE IN THE DWELLING WITH THE CONSENT
OF THE PERSONS LIVING IN IT BEFORE THE INITIATION
OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

In accordance with part 5 of article 177 of the Criminal procedure code of the Russian Federation inspection of housing is made only with the consent of the persons living in it or on the basis of a court decision. If the persons living in the dwelling object to inspection, the investigator initiates before court the petition for production of inspection according to Art. 165 of the code of criminal procedure. At the same time, there are no norms regulating the procedure for obtaining such consent, the mechanism of fixing consent, the concept of living persons in the code of criminal procedure. The algorithm of actions of the investigator, in case of withdrawal of the earlier received consent is not defined. These circumstances cause difficulties in the process of law enforcement and discussion on the pages of the legal press. The results and conclusions obtained by the authors can be used in criminal procedure science, and the arguments given will be in demand when rejecting petitions and complaints of defense lawyers about the recognition of invalid evidence of protocols of inspections of places of accidents drawn up before the initiation of a criminal case.

Key words: dwelling, inspection of the scene, initiation of criminal proceedings, consent of persons living in the dwelling.

В части 1 ст. 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) законодатель разграничивает осмотр в зависимости от его объектов, выделяя осмотр места происшествия и осмотр жилища. Осмотр места происшествия (далее — ОМП) является одним из самых распространенных и значимых следственных действий, производство которого разрешается

до возбуждения уголовного дела. В то же время осмотр жилища производится в ходе предварительного расследования с соблюдением гарантий, предусмотренных ч. 1 ст. 12 УПК РФ (только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 165). Следует выяснить, распространяются ли указанные гарантии на ОМП

в жилище на стадии возбуждения уголовного дела. Правовая неопределенность в данном вопросе не позволяет органам предварительного расследования проявлять наступательность и эффективно решать задачи при проверке сообщения о преступлении, более того, она может негативно отразиться на результатах предварительного расследования после возбуждения уголовного дела. Это связано с возможностью признания недопустимыми доказательствами как самого протокола ОМП, так и полученных на его основе иных доказательств.

Ряд авторов полагают, что ОМП в жилище до возбуждения уголовного дела может проводиться только с согласия проживающих в нем лиц. В случае если проживающие лица возражают, принимается решение о возбуждении уголовного дела и только затем по судебному решению проводится осмотр жилища [1; 2; 3]. Таким образом, возможность ОМП в жилище до возбуждения уголовного дела допускается исключительно с согласия проживающих в нем лиц, т. е. согласие проживающих лиц является определяющим при ОМП в жилище на этапе проверки сообщения о преступлении. С таким пониманием уголовно-процессуального законодательства трудно согласиться как с точки зрения здравого смысла, так и на основании системного понимания норм УПК РФ, регламентирующих полномочия следователя по проведению тех или иных следственных действий.

Реализовать данный подход на практике бывает весьма проблематично в связи с тем, что не всегда на момент проведения осмотра места происшествия в жилище могут быть установлены основания для возбуждения уголовного дела. При отсутствии достаточных сведений, указывающих на признаки преступления, возбуждение уголовного дела представляется незаконным. Так, в п. 1.5 приказа Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» прямо указано, что следует исключить принятие следователями решений о возбуждении уголовного дела без наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В случае же признания возбуждения уголовного дела незаконным или необоснованным требуется проводить по данному факту проверку и принимать меры к привлечению виновных лиц к ответственности, вплоть до уголовной [4]. В правоприменительной практике случаются ситуации, в которых обоснованность возбуждения уголовного дела зависит от полученных в ходе ОМП в жилище сведений о признаках преступления.

Сомнения в правомерности производства ОМП в жилище до возбуждения уголовного дела в отсутствие согласия проживающих лиц обусловлены тем, что в соответствии со ст. 29 и 165 УПК РФ судебный порядок производства предусмотрен лишь относительно осмотра жилища. Однако полагаем, что отсутствие согласия как в перечне полномочий суда по даче разрешения на производство ОМП, приведенном в ст. 29 УПК РФ, так и в перечне следственных действий, производство которых допускается в случаях, не терпящих отлагательства (ч. 5 ст. 165 УПК РФ), объясняется тем, что такой необходимости просто нет. Судебный порядок производства следственного действия востребован только в случае, когда объект осмотра имеет особый правовой статус, предусматривающий конституционные гарантии. В рассматриваемой ситуации это обусловлено реализацией гарантии неприкосновенности жилища.

Местом происшествия может выступать как местность, помещение, так и жилище, т. е. ОМП выступает в качестве родового понятия, охватывающего виды осмотра (жилища, помещения и т. п.), если данное следственное действие направлено на неотложное установление признаков преступления. Это обусловлено самим назначением рассматриваемого следственного действия: во-первых, ОМП позволяет получить данные, указывающие на признаки преступления, на основании которых и будет приниматься решение о возбуждении уголовного дела; во-вторых, оно является неотложным следственным действием, и промедление в его производстве может повлечь уничтожение следов преступления, сокрытие орудий его совершения, утрату иных предметов, имеющих значение для уголовного дела. В тех случаях, когда лицо отказывается от дачи согласия на производство осмотра места происшествия, ему становится известным намерение следователя провести следственное действие, что существенно повышает вероятность уничтожения следов преступления.

Реализация свойственных осмотру жилища гарантий, предусмотренных в ч. 5 ст. 177 УПК РФ, на стадии возбуждения уголовного дела создает достаточную правовую основу для проведения ОМП как с согласия проживающих лиц, так и без него. Данный вывод вытекает и из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, в силу которой однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом [5].

Вопрос о правомерности производства ОМП на стадии возбуждения уголовного дела неоднократно становился предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации [6; 7].

Так, в одном из решений было отмечено, что оспариваемая статья 176 УПК РФ не предусматривает производства осмотра жилища без согласия проживающих в нем лиц или без судебного решения до возбуждения уголовного дела. Порядок проведения данного следственного действия регламентирован ч. 5 ст. 177 УПК РФ, согласно которой осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. Если проживающие в жилище лица возражают против осмотра, то следователь возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра в соответствии со ст. 165 УПК РФ [7]. Часть 5 ст. 177 УПК РФ необходимо рассматривать во взаимосвязи с ч. 5 ст. 165 УПК РФ, которая, регламентируя судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства, разрешает производство осмотра жилища на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения.

Таким образом, существующая правовая база позволяет производить ОМП до возбуждения уголовного дела как с согласия проживающих в нем лиц, так и без него. В случае отсутствия согласия ОМП в жилище может проводиться по судебному решению, а в случаях, которые не терпят отлагательства, — без судебного решения на основании соответствующего постановления следователя.

Рассмотрим подробно особенности проведения ОМП в жилище до возбуждения уголовного дела с согласия проживающих в нем лиц. Согласие — это разрешение, утвердительный ответ на просьбу [8]. Следователь, столкнувшись с ситуацией, связанной с ОМП в жилище, обращается с просьбой к проживающим лицам дать согласие на проведение следственного действия, в ходе которого будет ограничено право на неприкосновенность жилища. Согласие должно быть осознанным, т. е. лица, его дающие, должны четко понимать значение и правовые последствия, прежде всего неблагоприятные, для себя и иных лиц [9, с. 23]. Введение в заблуждение относительно истинных правовых последствий недопустимо. Наличие возможности отказа в даче согласия позволяет сделать вывод, что такой ОМП необходимо осуществлять в случаях, когда интересы следователя совпадают с интересами проживающих в жилище лиц. Подобные ситуации возникают, как правило, когда проживающими лицами являются заявители и они заинтересованы в раскрытии преступления.

Полагаем, что в сформулированном нами правиле могут быть исключения. Они возникают в случае необходимости получения согласия на ОМП у лиц, которые впоследствии с высокой долей вероятно-

сти приобретут статус участников — подозреваемых (обвиняемых) или их близких. Говорить о совпадении интересов проживающих с интересами следователя, на наш взгляд, проблематично, ведь оказание давления с целью принуждения проживающих лиц на дачу согласия тоже недопустимо. Вместе с тем считаем, что может иметь место формирование желания на дачу согласия как элемента, свидетельствующего о готовности лица сотрудничать с органами расследования, и (или) факта, могущего впоследствии быть признанным обстоятельством, смягчающим наказание (ч. 2 ст. 61 УК РФ). Если после разъяснения следователя о благоприятных правовых последствиях проживающие пренебрежительно относятся к возможности их наступления, то проведение ОМП в жилище с согласия необходимо исключить.

При принятии решения о проведении ОМП в жилище с согласия необходимо определиться с кругом проживающих в жилище лиц и необходимостью получения согласия от них. 83,7 % (80 человек) опрошенных в ходе нашего исследования следователей из числа районных следственных отделов ГСУ МВД России по Алтайскому краю считают достаточным получение согласия на ОМП в жилище хотя бы у одного из проживающих в жилище лиц. Однако такой подход не дает четкого понимания ситуации в случаях отсутствия на месте происшествия других проживающих лиц и требует уточнения.

В статье 25 Конституции Российской Федерации содержится норма, в соответствии с которой «никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц». Анализируя указанную норму, обращаем внимание на необходимость учета позиций всех проживающих вне зависимости от того, находятся ли они в жилище на момент ОМП или нет. В пункте 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» сказано, что «с учетом положений части 5 статьи 177 УПК РФ на производство осмотра жилища требуется разрешение суда, если хотя бы одно из проживающих в нем лиц возражает против осмотра». Соответственно мы приходим к выводу, что достаточно получить согласие на ОМП у одного из проживающих в жилище лиц при наличии достаточных оснований того, что остальные проживающие лица не будут возражать против ОМП. Если в жилище проживают будущие подозреваемые (обвиняемые), то следователь должен установить их исчерпывающий круг и получить согласие от всех.

Игнорирование позиции хотя бы одного из проживающих лиц может привести к признанию полученных результатов ОМП недопустимыми.

Исследуя рассматриваемые проблемы, не можем обойти кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2007 г. № 74-007-2. Одним из вопросов Определения является правомерность ОМП в жилище, проведенного в неотложном порядке, до возбуждения уголовного дела. В указанном документе высшая судебная инстанция не ставит под сомнение возможность проведения ОМП в жилище до возбуждения уголовного дела и признает допустимым доказательством его протокол при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, которые были убиты и соответственно не могли дать такое согласие.

Таким образом, при невозможности получения согласия проживающих на ОМП по различным причинам, в том числе по причине их смерти, следственное действие необходимо проводить по судебному решению, а в случаях, которые не терпят отлагательства, – по соответствующему постановлению следователя.

Очередным этапом нашего исследования является определение понятия «проживающее лицо». Оно является важным, поскольку в вышеуказанной статье Конституции Российской Федерации говорится о правах именно проживающих лиц, а не находящихся там или собственников. На наш взгляд, в определении интересующего нас понятия имеет решающее значение ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». Согласно указанной норме регистрация или отсутствие таковой не могут служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан. Данный закон, а также постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713 «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня должностных лиц, ответственных за регистрацию» дают гражданину Российской Федерации находиться без регистрации практически в любом жилище сроком до 90 дней. Нахождение гражданина по такому адресу называется пребыванием и является местом временного проживания. Под защитой Конституции Российской Федерации находится место как постоянного, так и временного проживания.

В соответствии со ст. 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина признаются непосредственно действующими, в связи с этим понятие «проживающее лицо» необходимо трактовать в широком смысле. Для приобретения статуса проживающего необязательно быть собственником помещения либо иметь соответствующую регистрацию по месту жительства или пребывания [9, с. 23]. По нашему мнению, проживающими следует признавать лиц, которые находятся или находились в жилом помещении на законных основаниях, то есть, проникая в помещение, они не нарушили нормы законов, и в этом помещении находятся вещи, ознакомление с которыми может ограничить их право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Определившись с кругом проживающих лиц и получив от них согласие на ОМП, следователю необходимо принять решение о его документальном оформлении. Из общего числа опрошенных в ходе нашего исследования следователей районных следственных отделов ГСУ МВД России по Алтайскому краю лишь один из них ответил, что согласие у проживающего лица на осмотр места происшествия в жилище получал в устной форме. Вместо фиксации согласия в протоколе следственного действия он провел ОМП в жилище с участием этого проживающего лица.

В целях совершенствования порядка проведения ОМП в жилище считаем целесообразным признать обязательным факт документального фиксирования получаемого согласия проживающих лиц. Наиболее удобным представляется специальная запись в вводной части протокола ОМП после разъяснения прав участникам следственного действия с подписями соответствующих лиц. Не исключаем возможность закрепления согласия проживающих лиц в отдельном документе. Такой документ подлежит приложению к протоколу осмотра [10]. В случае получения согласия дистанционным способом, например по телефону, возможно оформление рапортом, однако при таком способе необходима уверенность следователя, что согласие дают именно проживающие лица.

Лицо, давшее согласие на ОМП в жилище, еще до его начала может открыть все запертые помещения, тем самым обеспечить максимальную его результативность. Вместе с тем важно учитывать, что согласие может быть в любой момент проведения следственного действия «отозвано». К такому развитию события следователь должен быть готов заранее. В этом случае отпадает юридическое основание в виде согласия на производство следственного действия. Если скоро последнее было начато с согласия проживающих в нем лиц, то его

отзыв неминуемо повлечет завершение его производства с отражением заявления об отзыве согласия и полученных результатов в протоколе ОМП с удостоверяющими подписями участвующих лиц. После этого следователю необходимо рассмотреть сложившуюся ситуацию с точки зрения необходимости проведения ОМП в случаях, которые не терпят отлагательства. Если следователь придет к положительному решению, то, не выходя из осматриваемого помещения, он выносит соответствующее постановление, после чего проводится ОМП в условиях отсутствия согласия проживающих в нем лиц, т. е. новое следственное действие по другим юридическим основаниям.

Подводя итог нашим рассуждениям, констатируем следующее:

1. ОМП в жилище до возбуждения уголовного дела является необходимым, эффективным и разрешенным УПК РФ следственным действием. Он может проводиться с согласия проживающих в жилище лиц, по судебному решению, а в случаях, которые не терпят отлагательства, по соответствующему постановлению следователя.

2. Согласие необходимо получать у всех проживающих. Проживающими следует признавать лиц, которые находятся или находились в жилом помещении на законных основаниях, т. е., проникая в жилище, они не нарушили законов, и в этом помещении находятся вещи, ознакомление с которыми может ограничить их право на неприкос-

новенность частной жизни, личную и семейную тайну.

3. Как правило, ОМП в жилище до возбуждения уголовного дела с согласия проживающих в нем лиц проводится при осмотре помещений будущих потерпевших. В основе получения согласия лежит совпадение интересов следователя с интересами проживающих лиц. В качестве исключения допускается проведение ОМП в жилых помещениях будущих подозреваемых и (или) их близких. Однако здесь необходимо учитывать, что согласие должно быть осознанным, то есть лицо должно четко осознавать возможность наступления неблагоприятных юридических последствий как для себя, так и для близких ему лиц.

4. Согласие необходимо документально фиксировать.

5. В случае отзыва согласия ОМП подлежит незамедлительному прекращению. Следователю необходимо принять решение о проведении нового следственного действия по другим юридическим основаниям.

Мы не настаиваем на абсолютной истине наших выводов, но полагаем, что они могут быть использованы в уголовно-процессуальной науке, а приведенные аргументы будут востребованными при отклонении ходатайств и жалоб защитников о признании недопустимыми доказательствами протоколов ОМП, составленных до возбуждения уголовного дела.

1. Варпаховская Е. М. Производство следственных действий в российском уголовном судопроизводстве: правовое регулирование и вопросы применения. Иркутск: Изд-во Иркутского института повышения квалификации прокурорских работников Генеральной прокуратуры РФ, 2006.

2. Алонцева Е. Ю. К вопросу об основаниях производства осмотра жилища // Российский следователь. 2015. № 21. С. 3—5.

3. Лизунов А. С., Юнусов А. А. Некоторые проблемы проведения осмотра места происшествия в жилище до возбуждения уголовного дела // Современное право. 2018. № 2. С. 112—114.

4. Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. По делу о проверке конституционности части 3 статьи 21 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Товарище-

1. Varpakhovskaya E. M. Investigative actions in Russian criminal proceedings: legal regulation and application issues. Irkutsk: Publishing House of the Irkutsk Institute for advanced training of prosecutors of the General Prosecutor's office of the Russian Federation; 2006.

2. Alontseva E. Yu. To the question of the grounds for the inspection of housing. Russian investigator. 2015; 21: 3—5.

3. Lizunov A. S., Yunusov A. A. Some problems of conducting an inspection of the scene of the incident in the dwelling before the initiation of a criminal case. Modern law. 2018; 2: 112—114.

4. Order of the Investigative Committee of the Russian Federation No. 2 of 15 January 2011. "About the organization of preliminary investigation in the Investigative Committee of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Resolution of the constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P of 25 March 2008. "In the case of checking the constitutionality of part 3 of article 21 of the Arbitration procedure code of the

ство застройщиков», открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим» и открытого акционерного общества «ТНК-ВР Холдинг»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2008 г. № 6-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2015 г. № 1054-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Р.В. Ядрищенского на нарушение его конституционных прав статьей 176 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2010 г. № 1658-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Толковый словарь Ожегова // Толковый словарь Ожегова: сайт. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=29636> (дата обращения: 25.05.2019).

9. Бакланов Л. А. Проведение, документальное оформление и использование результатов гласного обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: учеб. пособие / под ред. А. М. Щукина. Тюмень: Изд-во Тюмен. ин-та повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015.

10. Архив Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти от 6 декабря 2016 г.

Russian Federation in connection with complaints of the closed joint-stock company "Partnership of developers", open joint-stock company "Nizhnekamskneftekhim" and open joint-stock company "TNK-BP holding". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

6. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1054-O of 21 May 2015. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

7. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1658-O-O of 16 December 2010. "About refusal in acceptance to consideration of the complaint of the citizen R. V. Yadrishchensky on violation of his constitutional rights by article 176 of the code of criminal procedure of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

8. Ozhegov's explanatory dictionary. Available from: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=29636>. Accessed: 25 May 2019.

9. Baklanov L. A. Conducting, documenting and using the results of a public survey of premises, buildings, structures, terrain and vehicles. Textbook. Ed. by A. M. Shchukin. Tyumen: Tyumen Advanced Training Institute of the MIA of Russia; 2014.

10. Archive of the Avtozavodsky district court of Togliatti, Samara region. Verdict of the Avtozavodsky district court of Togliatti on 6 December 2016.

© Бакланов Л. А., Павлов А. В., 2020

© Baklanov L. A., Pavlov A. V., 2020

Бакланов Леонид Анатольевич,
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
kubkaz@rambler.ru

Павлов Антон Васильевич,
заместитель начальника кафедры
уголовного процесса
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
pavlov_oma@mail.ru

Baklanov Leonid Anatolyevich,
associate professor of the department
of operational and investigative activities bodies
of interior affairs
of the Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of law;
kubkaz@rambler.ru

Pavlov Anton Vasilievich,
deputy chief department of criminal procedure
of the Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of law, associate professor;
pavlov_oma@mail.ru

* * *

Е. И. Замылин, В. В. Сергеев

О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ, ПОЛУЧЕННЫХ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Оценку доказательств в ходе расследования по делу можно рассматривать как процесс познания фактов объективной действительности. Учитывая в данном контексте результаты следственного эксперимента, надо признать, что они, как и другие доказательства, подвергаются критической оценке, т. е. создают основу для выводов следователя относительно существования или несуществования определенного факта. Если результаты следственного эксперимента позволяют установить, что событие могло произойти только так и никак иначе, то выводы на их основе облачаются в форму достоверных. При установлении факта, свидетельствующего, что следы могли возникнуть и при другом варианте действий, выводы могут считаться вероятностными. Выводы по результатам следственного эксперимента могут использоваться для опровержения или подтверждения проверяемой следственной версии, выбора последующего направления расследования. Процесс формирования выводов по результатам опытных действий не оканчивается по завершении следственного эксперимента, а продолжается на протяжении всего расследования, в ходе которого результаты поочередно сопоставляются с другими доказательствами по мере их получения.

Ключевые слова: следственный эксперимент, расследование, следователь, оценка результатов, критерии оценки, доказательства.

Ye. I. Zamylin, V. V. Sergeyev

ON SOME CRITERIA TO EVALUATE RESULTS OF THE INVESTIGATIVE EXPERIMENT

While investigating the case the assessment of evidence can be regarded as a process to know facts of objective reality. Considering the results of the investigative experiment in this context, it must be stated, that these results are evaluated critically like other evidence, that is they form a basis for the investigator's inference related to existence or non-existence of a certain fact. If the results of the investigative experiment make it possible to establish the fact that the event could have occurred (in) this way only, but not (in) any other one, the conclusions based on them are considered to be reliable. While establishing the fact that traces could have been the results of any other actions, inference made can be considered as probable. Being the results of the investigative experiment such conclusions can be used to prove or disprove the investigative lead being checked, to choose the line of the follow up investigation. The process to make inference based on the results of experimental actions does not come to an end, when the investigative experiment is over. It continues throughout the investigation, and the results are alternately compared with other evidence as soon as they are obtained.

Key words: investigative experiment, investigation, investigator, evaluation of results, evaluation criteria, evidence.

Проблема оценки доказательств всегда представляла теоретический и практический интерес; оценку доказательств можно рассматривать как процесс познания фактов объективной действительности, составляющих предмет расследования и судебного рассмотрения.

Все доказательства, образующие систему, разделены на три большие группы: доказательства события преступления, доказательства субъекта

и субъективной стороны преступления и доказательства иных обстоятельств преступления. Каждая группа включает в себя более мелкие подразделения [1, с. 43]. Результат следственного эксперимента может отображаться в составе частных систем любой из этих групп, и его значение определяется тем, какой из фактов, имеющих доказательственное значение, им установлен, какое место отведено данному факту в системе доказательств,

добыты ли еще какие-либо доказательства, подтверждающие либо опровергающие данный факт. Оценка результатов следственного эксперимента как доказательств производится не только судом, рассматривающим уголовное дело, но и следователем на протяжении всего предварительного расследования.

Результаты следственного эксперимента являются доказательственными фактами, устанавливающими или опровергающими отдельные обстоятельства дела. Они создают основу для выводов следователя и суда по поводу существования или несуществования определенного факта, установленного с помощью следственного эксперимента. Как и другие виды доказательств, они подвергаются критической оценке. Для того чтобы правильно их оценить, следует учитывать некоторые особенности доказательств, полученных экспериментальным путем.

Оценка результатов следственного эксперимента производится в двух аспектах:

— с одной стороны, оцениваются факты, установленные экспериментом, и их относимость к расследуемому событию;

— с другой стороны, оценке подлежат условия, в которых проведен следственный эксперимент.

В общем виде результаты следственного эксперимента можно разделить на две категории:

1) устанавливающие возможность (невозможность) того или иного факта (наблюдения, слышимости и т. д.);

2) устанавливающие содержание самого факта или процесса его происхождения, а также возможности осуществления участником эксперимента определенных действий или наличие у него определенных навыков.

Когда производятся следственные эксперименты с целью установления субъективных возможностей конкретных лиц, независимо от полученных результатов, их оценке присуща определенная специфика, поскольку в большей степени результаты эксперимента зависят от лица, возможности которого проверяются. В тех случаях, когда имели место какие-либо изменения условий, они должны быть учтены с точки зрения их влияния на достоверность результатов опытных действий.

Как и любое другое следственное действие, следственный эксперимент представляет интерес с точки зрения его эффективности и результативности. Особое значение оценка результатов следственного эксперимента приобретает при принятии процессуальных, «юридически значимых» решений, таких как предъявление обвинения, прекращение

уголовного дела (прекращение уголовного преследования в части), составление обвинительного заключения, вынесение приговора и др.

Должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, оценивает результаты следственного эксперимента как факты, зафиксированные в таком процессуальном документе, как протокол. Своеобразная оценка результатов следственного эксперимента также имеет место, когда прокурор утверждает обвинительное заключение, когда судья в кассационной или надзорной инстанциях проверяет правильность оценки доказательств, произведенной судом первой инстанции.

Оценка результатов следственного эксперимента представляет собой интеллектуальную (мыслительную) деятельность лица, осуществляющего расследование. Эта деятельность протекает в несколько этапов, каждый из которых имеет свои особенности. Она производится:

— посредством анализа условий, в которых проводился следственный эксперимент;

— определения достоверности результатов;

— формулировки выводов о доказательственном значении результатов этого следственного действия и определения дальнейшей возможности использования результатов следственного эксперимента.

На первоначальном этапе следователем производится оценка результатов следственного эксперимента с точки зрения эффективности его проведения. В связи с этим результаты могут быть оценены и как положительные, и как отрицательные. Так, профессор В. Е. Коновалова считает, что «жесткое разделение результатов следственного эксперимента на отрицательные и положительные и определение их доказательственной ценности не может быть принято безоговорочно» [2, с. 116].

Когда результатами эксперимента устанавливается возможность существования определенного явления или факта, они являются положительными. Однако это еще не означает, что они действительно существовали, устанавливается только возможность, что они могли иметь место и в момент проверяемого события, поскольку они произошли при проведении экспериментальных действий. В положительных и отрицательных результатах опытным путем проверяется возможность или невозможность существования определенных фактов. На основании положительных результатов эксперимента следователь и суд могут сделать только вероятные выводы о возможности существования явления или факта расследуемого события.

Отрицательными результатами эксперимента являются те, которые опытным путем устанавли-

вают невозможность существования какого-либо факта или явления и являются категоричными. Они устанавливают невозможность существования такого же явления в момент расследуемого события. Оценивая результаты следственного эксперимента независимо от того, являются ли они положительными либо отрицательными, следователи и суд исследуют их как доказательства в унисон (*исключая приоритеты*) со всеми остальными, имеющимися в деле, и дают им оценку исходя из своего внутреннего убеждения.

Есть мнение, что результаты следственного эксперимента необходимо разделить не на две, а на три характеристики итогов: положительную, отрицательную и нулевую, в которой результат отсутствует вообще [3, с. 95]. Позволим себе не согласиться с этой точкой зрения, так как, на наш взгляд, результаты следственного эксперимента не могут быть нулевыми. Ввиду различных причин эксперимент может не состояться, его результаты могут опровергать или подтверждать отдельные факты и обстоятельства исследуемого события или способности его участников, но ни в коем случае не быть «нулевыми».

Установить в результате опытных действий «ничего» — это значит сделать «ничего». Нулевой результат следственного эксперимента должен быть предсказан, спрогнозирован (смоделирован) следователем еще на подготовительной стадии либо при производстве иных, менее энергозатратных следственных действий, например, таких, как: дополнительный допрос, проверка показаний на месте, производство соответствующей судебной экспертизы и т. д. В любом случае, если следователь предвидит нулевые результаты, он должен проанализировать их причины, пересмотреть цели следственного эксперимента, его задачи, содержание и принять решение о его переносе, проведя работу по устранению таких причин и иных неблагоприятных условий.

Для сравнения позволим себе привести ситуацию, когда к следователю обращается гражданин и заявляет, что он является свидетелем преступления. После предварительной беседы и разъяснения неблагоприятных последствий за дачу ложных показаний он отказывается от своего намерения и заявляет, что ничего по обстоятельствам дела пояснить не может. В данном случае результат допроса можно также рассматривать как «нулевой», однако, по нашему мнению, нет необходимости в его процессуальном оформлении и приобщении к материалам уголовного дела процессуальных документов, не несущих ни доказатель-

ственной, ни какой-либо иной полезной информации.

Здесь справедливо замечание А. Б. Манчу, где первым условием при оценке результатов следственного эксперимента, по его мнению, является вопрос о необходимости и целесообразности его проведения. После этого анализируется цель, ради которой был произведен следственный эксперимент, устанавливается, какие факты или явления были проверены при помощи данного следственного действия [4, с. 200]. Результаты изучения уголовных дел, оконченных производством следователями и дознавателями, показали, что ни один из проведенных следственных экспериментов не завершился с «нулевым результатом», чем укрепили нашу позицию по данному вопросу.

На втором этапе оценки результатов следственного эксперимента производится оценка его доказательственного значения с точки зрения: их допустимости, относимости, достоверности и полноты. Доказательственная ценность результатов следственного эксперимента обеспечивается точностью проведения каждого отдельного опыта. Следователю необходимо верно оценить их доказательственное значение. Однозначное доказательственное значение имеет лишь достоверный (беспорный) результат следственного эксперимента, причем не положительный, а отрицательный. Именно отрицательный результат позволяет сформулировать вывод в категоричной форме о том, что оспариваемые обстоятельства не имели места в действительности.

Так, при расследовании преступления, возбужденного по признакам ч. 3 ст. 159.5 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), следователем проведен эксперимент с целью проверки версии инсценировки дорожно-транспортного происшествия. При сопоставлении транспортных средств расположение механических повреждений не совпало, что указывало на отрицательный результат опытных действий. В итоге следователем был сделан категоричный вывод об отсутствии события дорожно-транспортного происшествия и о наличии в действиях Ч. признаков мошенничества в сфере страхования [5].

Положительный результат следственного эксперимента служит косвенным доказательством по уголовному делу, поскольку такой исход лишь подтверждает возможность существования определенных фактов, но не является доказательством того, что в ходе совершения преступления события развивались именно таким образом.

Вопрос о допустимости результатов следственного эксперимента в качестве доказательств решается на основе проверки соблюдения всех установленных уголовно-процессуальным законом требований, правил производства следственного эксперимента. Эта сторона оценки, в основном, не вызывает трудностей. Определенную сложность представляет вопрос об относимости к делу полученных в результате эксперимента данных. Для этого необходимо выявить объективную связь таких данных с обстоятельствами предмета доказывания. Связь может быть непосредственной или косвенной. Она может быть различной по форме, но непременно установлена описанными в литературе методами [6, с. 22].

Чаще всего такая связь бывает косвенной, когда данные, полученные в ходе эксперимента, связаны не непосредственно с обстоятельствами предмета доказывания, а с доказательствами, устанавливающими эти обстоятельства и получившими в теории название предметных [7, с. 228]. Относимость выводов результата следственного эксперимента заключается в том, что с их помощью можно установить хотя бы один из элементов системы не только доказательств, но и всех обстоятельств, подлежащих установлению при осуществлении расследования.

В качестве примера можно привести эксперимент, проведенный дознавателем при расследовании преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, совершенного М. при следующих обстоятельствах. Находясь в гипермаркете, она похитила кошелек с деньгами с витрины, используя в качестве «ширмы» свою сумочку. Способ совершения кражи зафиксирован на камеру видеонаблюдения, однако М. утверждала, что умысла на хищение кошелька у нее не было, взяла кошелек одновременно с сумкой случайно, не почувствовав его в руке. С участием статиста был проведен следственный эксперимент по установлению возможности либо невозможности почувствовать в руках кошелек при поднятии сумки одной рукой и удерживании ее под нижнюю часть другой. В ходе эксперимента установлено, что невозможно не почувствовать наличие кошелька снизу, при поддержании сумки за нижнюю ее часть; результаты следственного эксперимента использованы в качестве доказательств по уголовному делу. Таким образом, была опровергнута версия М. об отсутствии у нее умысла на хищение кошелька с деньгами [8].

Если результаты следственного эксперимента позволяют установить, что событие могло произойти

только так и никак иначе, то выводы из его результатов облакаются в форму категорических — достоверных. При установлении факта, свидетельствующего о том, что следы могли возникнуть и при другом варианте действий, выводы могут считаться вероятностными.

Под достоверными результатами следственного эксперимента понимается их объективность и истинность. Наиболее характерной чертой достоверных результатов является их определенность и точность. Результаты, полученные при проведении определенных опытных действий в схожих условиях, объективно неизбежны, а проведение эксперимента в условиях, максимально приближенных к условиям, в которых происходило проверяемое событие в действительности, — есть гарантия достоверности результатов эксперимента.

О достоверности результатов можно судить только в том случае, когда все проделанные опыты привели к одному и тому же итогу. Различие между достоверностью и вероятностью объясняет, почему выводы из результатов следственного эксперимента только тогда могут служить подтверждением или опровержением версий, когда они достоверны [9, с. 96]. Необходимо помнить, что определенную сложность представляет воспроизведение психологического состояния участника следственного эксперимента: оно может оказывать существенное негативное влияние на достоверность его результатов.

Вероятностные выводы следственного эксперимента получаются при наличии у следователя недостатка информации об обстоятельствах исследуемого события. Вероятность всегда означает только предположение, гипотезу. Принятие должностным лицом, осуществляющим расследование, решения о привлечении к уголовной ответственности подозреваемого на основании того, что совершение преступления этим лицом является вероятным в высокой степени, означает не что иное, как обоснование процессуального решения на предположениях, а не на точно установленных фактах. Прослеживается следующая закономерность: чем меньше информации, тем более вероятными и менее достоверными будут результаты опытных действий. Однако это не означает, что вероятностные выводы не могут быть основанием для тех или иных предположений.

В качестве примера приведем уголовное дело по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 111, п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ. В целях проверки версии К. о том, что он действовал в условиях необходимой обороны,

следователем проведен эксперимент с участием К. и судебно-медицинского эксперта. В ходе опытных действий К. продемонстрировал свое положение относительно потерпевшего Ф. в момент, когда последний душил его путем сложения рук «замком». Опасаясь за свою жизнь, К. нащупал на столе нож и ударил им наотмашь в сторону Ф. Участвовавший в следственном эксперименте судебно-медицинский эксперт пояснил, что при указанных К. обстоятельствах у обвиняемого могло не образоваться каких-либо повреждений, если воздействие на шею было незначительным. Таким образом, результаты следственного эксперимента носили вероятностный характер, указывая на то, что, возможно, действия потерпевшего Ф. были противоправными, однако не настолько, чтобы представлять угрозу для его жизни и здоровья. В связи с этим следователь и суд оценили показания, данные обвиняемым К. в ходе следственного эксперимента, как допустимые и вероятностные, соответствующие фактическим обстоятельствам дела, однако отнесли к ним критически в части того, что действия потерпевшего Ф. представляли угрозу для жизни и здоровья, расценивая их как направленные на смягчение своих преступных действий [10].

Степень вероятности не имеет значения для следователя, поскольку между достоверностью и вероятностью разница не количественная, а качественная, и достоверность не образуется совокупностью вероятностей. Данное различие между достоверностью и вероятностью дает следователю ответ на вопрос, почему результаты следственного эксперимента могут послужить средством опровержения или подтверждения версий только при условии, что они являются достоверными. С помощью предположения следователь не может проверить и оценить другое предположение, которое может быть оценено как ложное или истинное только на основе истинных, достоверно установленных фактов.

В отдельных случаях результаты следственного эксперимента могут быть и недостоверными. Они не обладают такой точностью и определенностью, как достоверные. Характерно для них то, что факты, являющиеся содержанием результатов следственного эксперимента, неопределенны и точно не установлены. Необходимо отметить, что определенность и точность результатов напрямую зависит от правильно выбранной и хорошо подготовленной тактики проведения данного следственного действия, поэтому недостоверные результаты

являются прямым следствием неправильной, неточной организации и тактики проведения следственного эксперимента. Если часть проделанных в определенных условиях опытов приведет к одному результату, а другая — к иному, тогда результаты следственного эксперимента не могут быть признаны достоверными, т. е. истинными: они случайны, не вытекают неизбежно, неотвратимо из всего происходящего [9, с. 38].

Так, при расследовании по уголовному делу по обвинению Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ, был проведен следственный эксперимент по установлению механизма причинения потерпевшему А. телесных повреждений. В ходе следственного действия присутствовал и специалист в области судебной медицины. Потерпевший показал, что после драки с обвиняемым Ш. он неоднократно падал по собственной неосторожности на угол лавки, расположенной возле подъезда, и на ступеньки лестницы в подъезде дома, в результате чего и получены телесные повреждения. Приведенный пример подтверждает следующее: несмотря на то, что следователю удалось достичь положительного результата и получить косвенные доказательства, частично определяющие механизм получения травмы, в действительности событие происходило иначе. Оценивая результат проведенного эксперимента, следователь и впоследствии суд отнесли к его результатам критически, так как показания, данные потерпевшим в ходе следственного эксперимента, были ложными и недостоверными, преследовали цель помочь Ш. избежать уголовной ответственности, поскольку тот возместил причиненный потерпевшему вред в полном объеме*.

Основополагающим свойством системы доказательств по уголовному делу является ее полнота — наличие в ней частных систем и промежуточных фактов, устанавливающих все без исключения обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делу [1, с. 73]. Полнота подразумевает выполнение того объема и содержания опытных действий, которые были запланированы на подготовительном этапе, осуществление задач и достижение цели следственного эксперимента. Полнота определяется отсутствием необходимости производства повторного следственного эксперимента. Одним из критериев оценки полноты является отсутствие со стороны участников уголовного судопроизводства ходатайств о производстве дополнительных или иных опытных действий.

На третьем этапе следователем производится тактическая оценка выводов результатов следственного эксперимента, в ходе которой определяются дальнейшие возможности и перспективы их использования. Тактическая оценка представляет собой оценку результатов проведенных опытов с целью определения возможности их рационального и эффективного использования при расследовании уголовного дела.

Выводы результатов опытных действий находят свое материальное отображение в протоколе следственного эксперимента, приобщенного к материалам уголовного дела. Должностное лицо, осуществляющее расследование, самостоятельно, по своему внутреннему убеждению определяет время и условия, в которых он может наиболее эффективно его использовать, исходя из тактических задач и следственной ситуации, сложившейся на данном этапе расследования. Содержательная часть протокола сама по себе уже является доказательством по делу; в практике особенно часто следователь ссылается на протокол следственного эксперимента в обвинительном заключении или постановлении о прекращении уголовного дела при анализе доказательств.

Результаты следственного эксперимента, зафиксированные в протоколе, могут использоваться следователем при проведении иных следственных действий, таких как допрос, очная ставка, следственный осмотр и проверка показаний на месте. Например, данный процессуальный документ может демонстрироваться обвиняемому и его защитнику непосредственно перед допросом в целях оказания психологического воздействия и убеждения дать достоверные показания. В ходе очной ставки он может демонстрироваться участнику, который, по мнению следователя, дает ложные показания. Отсюда вытекает следующая тактическая возможность — преодоление противодействия расследованию и нейтрализация конфликта между стороной обвинения и стороной защиты, изменение следственной ситуации в благоприятную сторону.

Результаты следственного эксперимента могут способствовать обнаружению и получению новых, ранее не известных следователю доказательств. Так, еще Ганс Гросс приводил пример, когда путем следственного эксперимента было установлено то место, откуда потерпевший был сброшен в воду (на макете, соответствующем трупу по форме и весу) [11, с. 807]. В описанном случае следственный эксперимент логически повлек за собой осмотр места происшествия, в ходе которого были обнаружены следы и предметы, имеющие доказательственное значение по делу.

По результатам следственного эксперимента возможно определить вид судебной экспертизы, назначение которой будет востребовано для дальнейшего производства расследования. Чаще всего назначаются судебно-медицинские и автотехнические судебные экспертизы, реже — психофизиологические и ситуационные. По составу исполнителей могут назначаться комиссионные и комплексные. Однако здесь стоит отметить, что помимо протокола следственного эксперимента по ходатайству эксперта, на исполнении которого находится экспертиза, в его распоряжение должны быть представлены дополнительные материалы: схема-приложение к протоколу следственного эксперимента, фототаблица, видеозапись и др. Иногда необходимо представление материалов уголовного дела в полном объеме.

Выводы по результатам следственного эксперимента могут использоваться для подтверждения или опровержения проверяемой следственной версии и выбора последующего направления расследования. Проверая несколько следственных версий, на основании установленных данных следователь может исключить либо выбрать наиболее вероятную. Вероятность напрямую зависит от полученных результатов следственного эксперимента. Надо признать, что даже если они допускают двойственную трактовку происшедших событий, т. е. носят вероятный характер, следователь может в первую очередь проверить ту следственную версию, которая более соответствует установленным экспериментальным путем обстоятельствам преступления.

Таким образом, можем резюмировать, что по результатам тактической оценки выводов следственного эксперимента у должностного лица, осуществляющего расследование по уголовному делу, возникают следующие возможности их дальнейшего использования:

- в качестве доказательств по уголовному делу;
- для проведения иных следственных действий (допросов, осмотров, очных ставок, проверки показаний на месте и др.);
- для обнаружения и получения новых, ранее не известных следователю доказательств;
- определения вида судебной экспертизы, назначение которой востребовано расследованием;
- в качестве средства преодоления противодействия расследованию;
- для нейтрализации и ликвидации конфликта между стороной обвинения и стороной защиты, и соответственно, перевода следственной ситуации из неблагоприятной в благоприятную;

— подтверждения или опровержения проверяемых следственных версий и выбора последующего направления расследования.

Между целями и задачами следственного эксперимента и тактической оценкой его результатов просматривается определенная взаимосвязь. Тактические возможности использования результатов такого эксперимента в качестве доказательств зависят от того, насколько правильно следователь определит его цели и задачи на первоначальном этапе расследования при планировании и подготовке его проведения.

Заключительный этап оценки результатов следственного эксперимента представляет собой деятельность следователя и суда, связанную с оценкой выводов, сделанных на их основании. Необходимо различать достоверность результатов следственного эксперимента и достоверность выводов, которые делают следователь и суд по его результатам [12, с. 147].

Формулировка выводов и возможность их дальнейшего использования в качестве доказательств зависит от вида следственного эксперимента и его содержания. Степень точности и категоричности результатов такого эксперимента оказывает влияние на выводы следователя и суда. Оценивая результаты следственного эксперимента, следователь и суд делают выводы о том, имело или не имело место то событие, которое им установлено. Правильные выводы формируются только тогда, когда они оцениваются не изолированно, а в совокупности с другими доказательствами, имеющимися в материалах уголовного дела.

Необходимо также отметить, что следователь и суд по-разному оценивают результаты следственного эксперимента. Следователь является его очевидцем и формирует выводы на основе своего чувственного восприятия. Формирование выводов по результатам опытных действий не завершается по окончании следственного эксперимента, а про-

должается на протяжении всего расследования, в ходе которого результаты поочередно сопоставляются с другими доказательствами по мере их получения.

Положение судьи при оценке результатов следственного эксперимента несколько иное. Он производит ее на основе изучения и анализа протокола следственного эксперимента, а также путем его сопоставления с другими доказательствами. Изучая протокол, суд устанавливает:

— проведен ли следственный эксперимент в рамках действующего законодательства;

— соблюдены ли тактические условия;

— правильно ли применены тактические приемы;

— имеются ли противоречия между содержанием и результатами опытов.

Суд оценивает не только результаты следственного эксперимента, но и одновременно выводы, к которым пришел следователь. Суд устанавливает, насколько они обоснованы, не противоречат ли другим доказательствам; может согласиться с выводами следователя и дать такую же оценку результатам следственного эксперимента. Однако если выводы следователя вызывают сомнение, суд может сам провести данное следственное действие.

Выводы по результатам следственного эксперимента находят внешнее выражение в процессуальных решениях, документах: в обвинительном заключении, постановлениях должностного лица, осуществляющего расследование, в приговоре суда. Они должны быть аргументированными, содержать критический анализ установленных обстоятельств, быть сопоставимыми с совокупностью других доказательств по делу. В данных документах следователь и суд излагают свое мнение относительно доказательственного значения результатов эксперимента и используют их для привлечения виновного к уголовной ответственности либо оправдания невиновных лиц.

Примечание

* Пример из следственной практики автора (В. В. Сергеева).

1. Хмыров А. А. Основы теории доказывания. Краснодар: Куб. гос. ун-т, 1981. 111 с.

2. Коновалова В. Е. Психология в расследовании преступлений. Харьков: Вища школа, 1978. 143 с.

3. Жукова Н. И., Жуков А. М. Производство следственного эксперимента. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1989. 118 с.

1. Khmyrov A. A. Fundamentals of the Theory of Proving. Krasnodar: Kuban State University; 1981: 111 p.

2. Konovalova V. Ye. Psychology in Crime Investigation. Kharkov: Higher School; 1978: 143 p.

3. Zhukova N. I., Zhukov A. M. Investigative Experiment Implementation. Saratov: Saratov State University; 1989: 118 p.

4. Манчу А. Б. Следственный эксперимент: теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. 220 с.

5. Архив Краснокутского районного суда Саратовской области. Уголовное дело № 1-36/2014.

6. Хмыров А. А. Косвенные доказательства. М.: Юрид. лит., 1979. 184 с.

7. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.

8. Архив мирового суда судебного участка № 2 Саратовского района Саратовской области. Уголовное дело № 1-10/2014.

9. Белкин Р. С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М.: Юрид. лит., 1964. 221 с.

10. Архив Старооскольского городского суда Белгородской области. Уголовное дело № 1-230/2014.

11. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М.: Лекс-Эст, 2002. 1046 с.

12. Белкин Р. С. Теория и практика следственного эксперимента. М.: Юрид. лит., 1959. 171 с.

© Замылин Е. И., Сергеев В. В., 2020

Замылин Евгений Иванович,

профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: efrommm@mail.ru

Сергеев Вадим Викторович,

доцент кафедры криминалистики
Белгородского юридического института
МВД России им. И. Д. Путилина,
кандидат юридических наук;
e-mail: sergeevvadim78@yandex.ru

4. Manchu A. B. Investigative Experiment: Theory and Practice. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 1966: 220 p.

5. Archive of the Krasnokutsky District Court of the Saratov Region. Criminal Case № 1-36 / 2014.

6. Khmyrov A. A. Circumstantial Evidence. Moscow: Legal Literature; 1979: 184 p.

7. Theory of Evidence in the Soviet Criminal Process. 2-nd Edition, Revised and Amended. Moscow: Legal Literature; 1973: 736 p.

8. Archive of the Magistrate's Court of the Court Sector № 2 of the Saratov District of the Saratov Region. Criminal Case № 1-10/2014.

9. Belkin R. S. Experiment in Investigative, Forensic and Expert (Special) Practice. Moscow: Legal Literature; 1964: 221 p.

10. Archive of the Starooskolsky City Court of the Belgorod Region. Criminal Case No. 1-230/2014.

11. Gross H. Guide for Forensic Investigators as a System of Criminalistics. Moscow: LexEst; 2002: 1046 p.

12. Belkin R. S. Theory and Practice of Investigative Experiment. Moscow: Legal Literature; 1959: 171 p.

© Zamylin Ye. I., Sergeev V. V., 2020

Zamylin Yevgeny Ivanovich,

professor at criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: efrommm@mail.ru

Sergeev Vadim Victorovich,

associate professor at the department
of criminalistics of the Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: sergeevvadim78@yandex.ru

Я. А. Климова

**ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Актуальность проблемы гуманизации современных правовых норм обусловлена поиском новых альтернативных, отличных от наказания форм реакции государства на совершенные преступления. Анализ точек зрения различных ученых, правоприменительной и судебной практики, правовых норм в сфере уголовного и уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран и изменений отечественного законодательства позволил автору выявить существенные противоречия и лакуны в законодательной регламентации этапа завершения досудебного производства прекращением уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Подчеркивается, что в настоящее время существует противоречивая практика, связанная с применением судами освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Особое внимание в статье уделено вопросам, связанным с реализацией прокурором возложенных на него полномочий в досудебном производстве. Делается вывод о целесообразности надделения прокурора более масштабными надзорными полномочиями при прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа органами предварительного следствия.

Ключевые слова: полномочия прокурора, деятельность прокурора, судебный штраф, досудебное производство, глава 51.1 УПК РФ, прокурорский надзор, прекращение уголовного дела, оптимизация полномочий прокурора.

Ya. A. Klimova

**DISMISSAL OF A CRIMINAL CASE DUE TO FINE IMPOSED BY THE COURT:
ISSUES OF ADMINISTRATION OF THE LAW**

The urgency of an issue on humanization of modern principles of law is caused by search of new alternative, different to punishment, response modes of the state to crimes committed. Review of different scientists opinions, law enforcement and litigation practice, law principles in the sphere of punitive laws and criminal procedure legislation of foreign countries as well as changes to native legislation allowed the author to detect critical discrepancies and gaps in the legislative regulation of the pre-trial proceedings termination through dismissal of a criminal case pursuant to article 25.1 of the Criminal procedure code of the Russian Federation. It is emphasized that at the present time there is a contradictory practice due to relief from criminal responsibility carrying out by courts in respect of infliction of a court fine as a measure of a criminal nature. The special attention is drawn in this article to issues connected with exercise of conferred powers by a prosecutor in pretrial proceedings. It is drawn a conclusion of reasonableness to lodge a prosecutor with more broaden supervisory powers while dismissal of a criminal case with further infliction of a court fine by preliminary investigation agencies.

Key words: prosecutor's powers, prosecutor's activity, court fine, pre-trial proceedings, chapter 51.1 of the Criminal procedure code of the Russian Federation, public prosecutor's supervision, dismissal of a criminal case, optimization of prosecutor's powers.

В настоящее время одной из основных тенденций развития современной науки является гуманизация правовых норм во всех отраслях отечественного права. Особую актуальность она приоб-

ретает в сфере уголовно-процессуального права, поскольку уголовная политика Российской Федерации ориентирована на поиск новых моделей реагирования государства на факт совершения

преступления, в том числе поиск новых форм депенализации, развитие системы компромиссных способов урегулирования уголовно-правовых конфликтов.

В связи с этим законодателем был введен в действие институт прекращения уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа как альтернативной формы окончания досудебного производства по уголовному делу после принятия Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности».

Данная законодательная новелла вызвала много дискуссий в среде ученых и правоприменителей. По мнению одних авторов, судебный штраф является «альтернативной формой наказания». Так, Н. Н. Апостолова считает, что в судебном штрафе содержатся элементы наказания [1, с. 34]. Л. В. Головкин полагает, что судебный штраф следует рассматривать как наказание без приговора [2, с. 43]. С точки зрения И. Э. Звечаровского, единственным отличием между судебным штрафом и штрафом-наказанием является отсутствие судимости [3, с. 100]. Аналогичного мнения придерживается М. Ю. Юсупов, который отождествляет цели судебного штрафа и уголовного наказания [4, с. 127].

Прямо противоположную точку зрения имеют Д. М. Молчанов и А. С. Куликов, полагающие, что цели, которые преследует назначение судебного штрафа, не соответствуют целям уголовного наказания [5, с. 125]. Их мысль развивает О. В. Борисова, считающая, что, в отличие от наказания, судебный штраф не реализует карательной функции [6, с. 89]. В. М. Степашин, говоря о судебном штрафе, рассматривает его в качестве единственной репрессивной иной меры уголовно-правового характера [7, с. 112].

Интересной позиции придерживается А. В. Сумачев, который ассоциирует прекращение уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа с меркантильностью уголовного закона [8, с. 62].

Считаем правильным присоединиться к мнению авторов, рассматривающих судебный штраф в качестве перспективной альтернативной меры уголовно-правового характера. Так, А. Д. Смирнов полагает, что положения ст. 25.1 УПК РФ позволят достичь баланса между частным (возмещение вреда лицом, совершившим преступление) и пуб-

личным (освобождение его от уголовной ответственности) интересами [9, с. 235]. А. Г. Полуэктова рассматривает судебный штраф как возможность достижения целей уголовно-правового воздействия, с которыми не справляется осуждение [10, с. 39]. Аналогичного мнения придерживается Н. С. Луценко, заявляющая о ценности судебного штрафа именно с точки зрения удовлетворения интересов всех участников уголовно-процессуальных отношений [11, с. 4]. Действительно, потерпевший получает в кратчайшие сроки полное возмещение причиненного ущерба; лицо, фактически совершившее преступление, не привлекается к уголовной ответственности и, как следствие, не имеет судимости; а государство привлекает в бюджет дополнительные денежные средства.

Такое разнообразие мнений по концептуальным аспектам понятия и сущности судебного штрафа как меры уголовно-правового характера крайне негативно сказывается на единстве правоприменительной деятельности.

Следует отметить, что в законодательстве зарубежных стран также закреплены схожие институты освобождения от уголовной ответственности, при применении которых лицо, совершившее преступление, обязано выплатить определенную сумму в денежном эквиваленте в бюджет государства:

- 1) освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности (Республика Беларусь);
- 2) освобождение от уголовной ответственности с привлечением за правонарушение (Республика Молдова);
- 3) принудительный платеж (Республика Казахстан).

Рассмотрим их подробнее. Так, уголовное законодательство Республики Беларусь предусматривает освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности. В отношении лица, совершившего преступление, может быть применена мера административного взыскания в виде штрафа, выступающая в качестве уголовно-правовой компенсации (ст. 86 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [12]. Особенность ее применения заключается в том, что уголовно-правовая компенсация оплачивается до принятия решения об освобождении лица от уголовной ответственности.

Аналогичный вид освобождения от уголовной ответственности закреплен в Уголовном кодексе Республики Молдова (далее — УК Республики Молдова), согласно которому предусмотрено освобождение от уголовной ответственности с при-

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

влечением к ответственности за правонарушение. К лицам, освобожденным от уголовной ответственности, может быть применено наказание за правонарушение в виде штрафа (ст. 55 УК Республики Молдова) [13].

Особый интерес представляет мера уголовно-правового воздействия, предусмотренная уголовным законодательством Республики Казахстан, в виде принудительного платежа [14]. Принудительный платеж представляет собой фиксированную денеж-

ную сумму, которая взыскивается в целях защиты прав и законных интересов потерпевших по решению суда с виновного лица в Фонд компенсации потерпевшим (п. 26-1 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан).

О востребованности рассматриваемого уголовно-правового института в России свидетельствуют статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (см. табл. 1) [15].

Таблица 1

Сведения о штрафах и иных денежных взысканиях в доход государства, наложенных судом общей юрисдикции (мировым судьей)

Виды штрафов и денежных взысканий	I полугодие 2018 г.	II полугодие 2019 г.	% (+;—)
Судебный штраф как мера уголовно-правового характера, назначенная в соответствии со ст. 104.4 УК РФ по прекращенному уголовному делу	226 125 766	374 599 552	+ 65,7

Данные статистики о применении судами рассматриваемой меры уголовно-правового характера, с одной стороны, свидетельствуют о значительном увеличении количества случаев ее применения, что в целом можно рассматривать как положительную тенденцию. С другой стороны, следует отметить, что значительное число применения судами судебного штрафа в порядке главы 51.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) способствует формированию разрозненной, зачастую даже полярной правоприменительной практики, поскольку многие положения закона неоднозначно толкуются разными судами. Этим обуславливается наличие различных, вплоть до противоположных позиций судов в регионах относительно применения этого основания освобождения от уголовной ответственности, о чем свидетельствуют примеры из судебной практики.

Так, согласно апелляционному постановлению Орловского областного суда от 30 июля 2019 г. № 22-1022/2019 по делу № 22-1022/2019 [16] адвокатом была подана апелляционная жалоба, в которой он указал, что обвиняемый ФИО1 признал вину в инкриминируемом преступлении небольшой тяжести, оплатил административный штраф в размере 30 000 рублей, потерпевшей стороны в деле нет. Помимо этого преступление имеет формальный состав, каких-либо последствий в виде причинения вреда не имеется, поэтому уголовное дело

подлежит прекращению с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Суд пришел к выводам, что по смыслу закона отсутствует запрет на назначение судебного штрафа в случаях, если диспозицией статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) не предусматривается в качестве обязательного признака объективной стороны наступление общественно опасных последствий в виде причинения ущерба или иного вреда.

Вместе с тем отсутствие указаний на такие последствия в диспозиции соответствующей статьи Особенной части УК РФ в качестве признака состава предусмотренного ею преступления не означает, что совершение этого преступления не влечет причинение вреда или реальную угрозу его причинения. Суд постановил, что поскольку в материалах дела не содержится доказательств о заглаживании ФИО1 вреда, причиненного преступлением, свидетельствующих об уменьшении общественной опасности содеянного, то отсутствуют основания, позволяющие освободить его от уголовной ответственности с применением судебного штрафа.

К противоположному выводу пришел Красноглинский районный суд г. Самары в апелляционном постановлении от 29 июля 2019 г. № 10-11/2019 по делу № 10-11/2019 [17]. Суд критически отнесся к доводам прокурора, считавшего невозможным прекратить дело в связи с непредставлением сведений о возмещении вреда, причиненного пре-

ступлением. При этом суд посчитал, что преступления, в которых обвиняется В. А. Бадигин, относятся к преступлениям в сфере экономической деятельности, состав данных преступлений является формальным. В связи с этим, поскольку наступление вредных последствий от вышеуказанного преступления судом не установлено, непринятие В. А. Бадигин мер к возмещению ущерба не является препятствием к прекращению уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 25.1 УПК РФ, ст. 76.2 УК РФ.

В данном случае суд счел возможным назначить судебный штраф, даже несмотря на невыполнение ни одного из альтернативных условий, содержащихся в ст. 76.2 УК РФ, т. е. когда ни ущерб не возмещен, ни вред не заглажен.

Указанные примеры ярко иллюстрируют проблему отсутствия единого подхода у судей и прокуроров к разрешению заявленных ходатайств о прекращении уголовных дел в порядке гл. 51.1 УПК РФ.

Отсюда вытекает следующая проблема: по каким же составам — материальным или формальным — возможно применение судебного штрафа?

Правовые нормы, предусмотренные ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ и ст. 76.2 УК РФ, закрепляют перечень условий, в соответствии с которыми суд вправе прекратить уголовное преследование и назначить меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа:

- 1) лицо совершило преступление небольшой или средней тяжести;
- 2) лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Исходя из буквального толкования, одни ученые полагают, что поскольку судебный штраф является, по сути, мерой материального характера, то и применять его целесообразно в тех случаях, когда в результате преступного посягательства наступили неблагоприятные последствия в виде причинения материального ущерба (вреда). Придерживающийся этой позиции С. А. Ворожцов полагает, что уголовно-правовая мера в виде судебного штрафа может быть применена исключительно по материальным составам преступления, которые предусматривают причинение вреда конкретным физическим или юридическим лицам [18, с. 20].

Н. Ю. Скрипченко, расширительно толкуя условия назначения судебного штрафа, высказывает мнение, что его можно применять и по некоторым формальным составам, когда лицо объективно может принять меры по восстановлению нарушенных в результате преступления прав личности, общества, государства, загладить причиненный вред

путем компенсации морального вреда. В иных случаях применение такой меры уголовно-правового характера невозможно, поскольку отсутствует строго формальное условие в виде возмещения ущерба, заглаживания вреда, причиненного преступлением [19, с. 107].

Противоположной точки зрения придерживается С. В. Анощенкова, полагающая, что формальный состав преступления, причинение нематериального вреда либо отсутствие потерпевшего лица не могут рассматриваться в качестве факторов, ограничивающих суд в возможности применения судебного штрафа [20, с. 118].

Несогласие с такой позицией высказывают А. В. Кудрявцева и К. И. Сутягин. С их точки зрения невозможно применять норму ст. 76.2 УК РФ в случае отсутствия возмещения ущерба или заглаживания причиненного вреда, ввиду того что именно возмещение ущерба, а не его отсутствие является обязательным условием прекращения уголовного дела и применения судебного штрафа [21, с. 105].

С целью единого правоприменения Конституционный Суд Российской Федерации выразил свою правовую позицию в определении от 26 октября 2017 г. № 2257-О, согласно которой общественно опасные последствия совершенного преступления в зависимости от конструкции его состава, материального или формального, могут входить или не входить в число его обязательных признаков. Вместе с тем отсутствие указаний на такие последствия в диспозиции соответствующей статьи Особенной части УК РФ в качестве признака состава предусмотренного ею преступления не означает, что совершение этого преступления не влечет причинения вреда или реальной угрозы его причинения.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 2.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», под заглаживанием вреда понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства. Закон не ограничивает способы возмещения ущерба или заглаживания вреда, причиненного преступлением: они могут возмещаться в любой форме, которая позволит компенсировать

негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Анализ судебной практики показал, что суды под заглаживанием вреда понимают различные меры, предпринятые лицом, совершившим преступление: обещание в будущем исправиться и не совершать новых преступлений; принесение извинений потерпевшему; признание вины и искреннее раскаяние в содеянном; пожертвование в детский дом и другие социальные учреждения.

Так, в соответствии с постановлением Феодосийского городского суда (Республика Крым) от 6 июня 2019 г. № 1-218/2019 по делу № 1-218/2019 было рассмотрено уголовное дело с постановлением следователя о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в отношении директора филиала Государственного унитарного предприятия Республики Крым «Крымские морские порты» «Феодосийский торговый порт» Р. Г. Сатановского, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292 УК РФ, — внесение должностным лицом в официальные документы заведомо ложных сведений из иной личной заинтересованности.

Установлено, что Р. Г. Сатановский совершил служебный подлог, т. е. своей подписью заверил заведомо не соответствующие действительности справки о прохождении ФИО производственной практики без ее фактического прохождения. Р. Г. Сатановский полностью признал свою вину и заявил о раскаянии в содеянном, имущественный вред в результате преступления не причинен, а охраняемые уголовным законом правоотношения восстановлены. Подозреваемым также внесен благотворительный взнос в пользу Государственного бюджетного специализированного учреждения Республики Крым «Феодосийский межрегиональный социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних», данные средства направлены на улучшение условий проживания детей. Таким образом, суд пришел к выводу, что Р. Г. Сатановский иным образом загладил причиненный преступлением вред перед обществом и государством, в связи с чем суд счел возможным удовлетворить ходатайство следователя [22].

Еще одна проблема, с которой сталкивается правоприменитель, связана с освобождением от уголовной ответственности в порядке гл. 51.1 УПК РФ по делам с наличием двухобъектных составов.

Так, согласно постановлению от 3 июня 2019 г. № 1-243/2019 по делу № 1-243/2019 Северодвин-

ского городского суда В. И. Кардаш обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, — угроза применения насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей. Установлено, что В. И. Кардаш полностью признал свою вину, принес извинения потерпевшей. Суд пришел к выводу, что все возможные условия, предусмотренные ст. 76.2 УК РФ, выполнены, имеются основания для прекращения уголовного дела по обвинению В. И. Кардаша и назначения ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [23].

Следует отметить, что состав преступления — угроза применения насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей (ч. 1 ст. 318 УК РФ) — сконструирован как двухобъектный: основным объектом являются общественные отношения в сфере государственной власти и порядка управления, а дополнительным объектом — общественные отношения в сфере безопасности жизни или здоровья потерпевшего — представителя власти. В рассматриваемом решении суд, посчитав ущерб, причиненный физическому лицу, возмещенным, проигнорировал общественные и государственные интересы, на которые было направлено преступное посягательство. Полагаем, что обеспечение только права потерпевшего не заменяет восстановления нарушенного авторитета государственной власти.

В подтверждение своей позиции приведем пример из судебной практики. Согласно постановлению Калининградского гарнизонного военного суда от 2 июля 2018 г. № 1-75/2018 по делу № 1-75/2018 в отношении военнослужащего-матроса М. И. Грунина, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 335 УК РФ, было установлено, что Грунин совершил преступление средней тяжести, признал себя виновным в его совершении, имущественный вред, причиненный потерпевшему в результате противоправных действий, полностью загладил.

В судебном заседании военный прокурор заявил о необходимости отказа в удовлетворении ходатайства о применении судебного штрафа в связи с тем, что Грунин совершил преступление, которое является двухобъектным, и от преступного посягательства, кроме неприкосновенности личности, пострадали воинские правоотношения, сведений о возмещении вреда которым обвиняемым не представлено. Защитник пояснила, что вред воинским правоотношениям Груниным был возмещен путем

принесения потерпевшему извинений. Однако суд согласился с доводами прокурора и принял решение отказать в удовлетворении ходатайства, мотивировав это тем, что в соответствии со ст. 331 УК РФ непосредственными объектами преступного посягательства в преступлении, предусмотренном ст. 335 УК РФ, являются установленный порядок подчиненности и правила взаимоотношения военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности, а неприкосновенность личности в указанном преступлении выступает дополнительным объектом посягательства.

Материалы уголовного дела не содержат сведений о возмещении (заглаживании) обвиняемым имущественного вреда, причиненного в результате совершенного им преступления воинским правоотношениям и установленному порядку прохождения военной службы, с учетом высокой степени общественной опасности этого противоправного деяния, совершенного в присутствии других военнослужащих и повлекшего причинение вреда здоровью потерпевшего [24].

Отдельно следует отметить, что при проведении анализа правоприменительной практики по назначению судебного штрафа мы пришли к выводу, что одна из ключевых проблем, порождающих большое число судебных отказов в удовлетворении ходатайств следователя, заключается в отсутствии законодательной регламентации надзорных полномочий прокурора в отношении предварительного следствия на завершающем этапе досудебного производства по уголовным делам, направляемым в суд с подобным ходатайством.

Правовая коллизия заключается в отсутствии у прокурора процессуальной возможности инициирования отмены прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа, расследованного следователем, в досудебном производстве. Такое полномочие появляется у него только на судебных стадиях (ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ).

На важнейшем этапе принятия итогового решения по уголовному делу, результатом которого, возможно, будет полное прекращение процессуальной деятельности, законодатель вопреки процессуальному назначению прокурора подменяет прокурорский надзор ведомственным контролем руководителя следственного органа (ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ).

Таким образом, законодатель увеличивает степень «правовой энтропии» в процессуальных полномочиях прокурора. Прокурор, несмотря на то что обязан осуществлять надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного рассле-

дования, оказывается лишенным возможности изучать материалы уголовного дела и давать оценку ходатайству следователя перед судом о прекращении уголовного дела, поскольку для возбуждения перед судом такого ходатайства следователю не требуется даже согласия прокурора. Более того, законом не закреплена необходимость направления копии этого решения прокурору (ч. 3 ст. 446.2 УПК РФ). Фактически прокурора лишили полномочия надзирать за законностью принятого итогового решения следователя. Как прокурор сможет эффективно реализовывать функцию уголовного преследования в судебных стадиях по такому ходатайству, если он о нем может даже не знать?

Подчеркнем, что даже в судебных стадиях рассмотрение такого дела с назначением судебного штрафа возможно без участия прокурора, поскольку его неявка в судебное заседание не препятствует рассмотрению данного ходатайства. Таким образом, в случае обнаружения нарушений закона или отсутствия основания для применения судебного штрафа суд, вновь минуя прокурора, возвратит уголовное дело руководителю следственного органа, что ведет к прямому нарушению принципа состязательности сторон в процессе судебного заседания. Следуя логике законодателя, в данном случае прокурор получается факультативным участником процесса. Считаем справедливым высказывание А. Г. Власова, который сказал, что еще никогда в истории российского уголовного процесса так не умалялись роль и значение прокурора [25].

Об этом свидетельствуют и примеры из судебной практики. Так, в своем постановлении Индустриальный районный суд г. Хабаровска от 22 июля 2019 г. № 1-532/2019 по делу № 1-532/2019 отказал следователю в удовлетворении ходатайства о применении судебного штрафа, в котором тот в качестве оснований применения меры в отношении ФИО, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, указал, что в совершенном преступлении обвиняемый раскаялся. При этом суд поддержал доводы прокурора, возражавшего против прекращения уголовного дела в отношении обвиняемого с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, так как материалы дела не содержат достаточных данных, свидетельствующих о том, что обвиняемый загладил причиненный преступлением вред. Материалы уголовного дела с ходатайством в отношении обвиняемого возвращены руководителю следственного органа для устранения нарушений требований УПК РФ, препятствующих вынесению итогового решения по уголовному делу [26].

Заельцовский районный суд г. Новосибирска в своем постановлении от 8 июля 2019 г. № 1-259/2019 по делу № 1-259/2019 также принял возражения прокурора и отказал в удовлетворении ходатайства следователя и прекращении уголовного дела с применением судебного штрафа. Прокурор возражал против удовлетворения ходатайства следователя и прекращения уголовного дела в отношении А. В. Калмыкова, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 330 УК РФ. Он указывал на явное несоответствие обвинения фактическим обстоятельствам уголовного дела: не установлена правомерность требований, выдвинутых к потерпевшему М. Г. А.; стоимость имущества, изъятого обвиняемым у последнего, не соразмерна размеру похищенного [27].

Дзержинский районный суд г. Нижнего Тагила рассмотрел ходатайство старшего следователя о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и материалы уголовного дела в отношении Л. Ю. Малышкина, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 306 УК РФ, и вовсе в отсутствие прокурора (постановление от 30 июля 2019 г. № 1-314/2019 по делу № 1-314/2019). Суд установил, что ходатайство следователя вообще не содержит какого-либо вывода и обоснования о возмещении обвиняемым причиненного преступными действиями ущерба либо заглаживании вреда иным образом. Кроме того, в материалах отсутствуют сведения о направлении копии постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа либо вручении ее обвиняемому Л. Ю. Малышкину, что препятствует реализации права обвиняемого на своевременную подготовку к рассмотрению настоящего ходатайства судом [28].

Приведенные примеры доказывают, что при наличии соответствующих надзорных полномочий

у прокурора некачественно подготовленные материалы были бы выявлены еще в досудебном производстве, что позволило бы избежать дополнительной нагрузки на судебную систему. Кроме того, отмена судом постановления о назначении судебного штрафа и направление материалов руководителю следственного органа влекут проведение повторного расследования по одному и тому же факту (с учетом того, что по прошествии времени доказательства не будут утрачены). Отсутствие у прокурора эффективного инструментария для осуществления надзора негативно сказывается на соблюдении разумных сроков уголовного судопроизводства.

Решение указанной проблемы нам видится в предоставлении прокурору полномочия согласовывать постановления о возбуждении перед судом ходатайства не только дознавателей, но и следователей. Считаем также целесообразным законодательно закрепить обязательное участие прокурора в судебном заседании при рассмотрении вопроса о прекращении уголовного дела в связи с применением судебного штрафа.

Согласно опросу, проведенному МАСП в 2020 г., 14 % респондентов высказались за необходимость наделения прокурора надзорным полномочием за следствием при прекращении уголовного дела и применении судебного штрафа [29]. К аналогичным выводам пришла в своем исследовании А. В. Ларина. Подавляющее большинство респондентов-прокуроров (83 %) считают, что существующий в настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве порядок регламентации института судебного штрафа прямо противоречит правовому статусу прокурора [30, с. 33].

Таким образом, необходимо усилить роль прокурора путем расширения его полномочий в отношении органов предварительного следствия при принятии решения о прекращении уголовных дел с назначением судебного штрафа.

1. Апостолова Н. Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 34—37.

2. Головки Л. В. Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия (интервью) // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 38—45.

1. Apostolova N. N. Dismissal of a criminal case or the criminal proceeding with infliction of a fine imposed by the court as a measure of a criminal nature. Russian justice. 2016; 10: 34—37.

2. Golovko L. V. We may welcome our judges who do not want a simplification of the administration of justice (interview). Criminal proceeding. 2017; 1: 38—45.

3. Звечаровский И. О юридической природе судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6. С. 98—101.
4. Юсупов М. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6. С. 122—128.
5. Молчанов Д. М., Куликов А. С. Судебный штраф в УК РФ и уголовно-правовая компенсация в УК Республики Беларусь: сравнительный анализ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12 (85). С. 125—134.
6. Борисова О. В. Правовое регулирование исполнения судебного штрафа // Вопросы правоприменения. 2017. № 9 (130). С. 86—92.
7. Степашин В. М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2019. 527 с.
8. Сумачев А. В. О «меркантильности» современного Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1 (39). С. 59—63.
9. Смыр А. Д. Конкуренция оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования, связанных с позитивным посткриминальным поведением обвиняемого и подозреваемого // Вестник ВИ МВД России. 2019. № 3. С. 234—243.
10. Полуэктов А. Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 210 с.
11. Луценко Н. С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2019. 237 с.
12. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 295-3 (в ред. от 11.11.2019). URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 29.01.2020).
13. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985 (в ред. от 12.12.2018). URL: <http://lex.justice.md/ru/331268/> (дата обращения: 27.01.2020).
14. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. на 11.01.2020). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=1526;-46 (дата обращения: 25.01.2020).
15. Судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 22.01.2020).
3. Zvecharovsky I. Legal nature of fine imposed by the court // Criminal law. 2016; 6: 98—101.
4. Yusupov M. Issues of a new kind of relief from criminal responsibility with further infliction of a fine imposed by the court. Criminal law. 2016; 6: 122—128.
5. Molchanov D. M., Kulikov A. S. Fine imposed by the court under the Criminal Code of the Russian Federation as well as penal compensation pursuant to the Criminal Code of the Republic of Belarus: comparative analysis. Actual issues of the Russian law. 2017; 12 (85): 125—134.
6. Borisova O. V. Legal regulation of payment of a fine imposed by the court. Issues of administration of the law. 2017; 9 (130): 86—92.
7. Stepashin V. M. Saving of repressions as a principle of the criminal law and its enforcement with regard to criminal liabilities. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Omsk; 2019: 527.
8. Sumachev A. V. On «mercenaryness» of the modern Criminal Code of the Russian Federation. Science of law and law enforcement practice. 2017; 1 (39): 59—63.
9. Smyr A. D. Competition of grounds for dismissal of a criminal case and dismissal of the criminal proceeding due to positive postcriminal behavior of an accused and suspect person. Bulletin of VI of MIA of Russia. 2019; 3: 234—243.
10. Poluektov A. G. Relief from criminal responsibility with infliction of a fine imposed by the court: theoretical and applied aspects. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2018: 210.
11. Lutsenko N. S. Fine imposed by the court: issues of theory and administration of law. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Khabarovsk; 2019: 237.
12. The Criminal Code of the Republic of Belarus No. 295-3 of 9 July 1999 (as amended on 11.11.2019). Available from: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>. Accessed: 29 January 2020.
13. The Criminal Code of the Republic of Moldova No. 985 of 18 April 2002 (as amended on 12.12.2018). Available from: <http://lex.justice.md/ru/331268/>. Accessed: 27 January 2020.
14. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan No. 226-V of 3 July 2014 (as amended and supplemented on 11.01.2020). Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=1526;-46. Accessed: 25 January 2020.
15. Judicial statistics of the Supreme Court Justice Department of the Russian Federation. Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. Accessed: 22 January 2020.

16. Апелляционное постановление Орловского областного суда от 30 июля 2019 г. № 22-1022/2019 по делу № 22-1022/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FXwywGq6dP1h/> (дата обращения: 24.01.2020).

17. Апелляционное постановление Красноглинского районного суда г. Самары от 29 июля 2019 г. № 10-11/2019 по делу № 10-11/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/muUVKu02m2ld/> (дата обращения: 23.01.2020).

18. Ворожцов С. А. О некоторых проблемах, возникающих в судебном производстве по прекращению уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // *Мировой судья*. 2017. № 11. С. 15—23.

19. Скрипченко Н. Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // *Журнал российского права*. 2017. № 7. С. 106—114.

20. Анощенко С. В. Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики // *Журнал российского права*. 2017. № 7. С. 114—125.

21. Кудрявцева А. В., Сутягин К. И. Судебный штраф // *Уголовное право*. 2016. № 6. С. 102—110.

22. Постановление Феодосийского городского суда (Республика Крым) от 6 июня 2019 г. № 1-218/2019 по делу № 1-218/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-feodosiiskii-gorodskoi-sud-respublika-krym/?page=8/> (дата обращения: 25.01.2020).

23. Постановление Северодвинского городского суда (Архангельская область) от 3 июня 2019 г. № 1-243/2019 по делу № 1-243/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mQ10yMwnfrLX/> (дата обращения: 20.01.2020).

24. Постановление Калининградского гарнизонного военного суда от 2 июля 2018 г. № 1-75/2018 по делу № 1-75/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LldI9FH1ild4/> (дата обращения: 21.01.2020).

25. Власов А. Г. Освобождение от уголовной ответственности с применением судебного штрафа: проблемы прокурорского надзора // *Законность*. 2017. № 1. С. 30—33.

26. Постановление Индустриального районного суда г. Хабаровска от 22 июля 2019 г. № 1-532/2019 по делу № 1-532/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/chgeWgMAVwUC> (дата обращения: 24.01.2020).

27. Постановление Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 8 июля 2019 г. № 1-259/2019 по делу № 1-259/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xx0Wk7Kf966u/> (дата обращения: 27.01.2020).

16. Appellate resolution of Orel region court No. 22-1022/2019 of 30 July 2019 with regard to the case No. 22-1022/2019. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/FXwywGq6dP1h/>. Accessed: 24 January 2020.

17. Appellate ruling of the Krasnoglinsky district court of the city of Samara No. 10-11/2019 of 29 July 2019 with regard to the case No. 10-11/2019. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/muUVKu02m2ld/>. Accessed: 23 January 2020.

18. Vorozhtsov S. A. On certain problems arisen within proceedings before a court concerning dismissal of a criminal case or the criminal proceeding with infliction of a fine imposed by the court as a measure of a criminal nature. *Justice of the peace*. 2017; 11: 15—23.

19. Skripchenko N. Yu. Fine imposed by the court: issues of legislative innovations. *Journal of the Russian law*. 2017; 7: 106—114.

20. Anoshenkova S. V. Fine imposed by a court: practice and theory. *Journal of the Russian law*. 2017; 7: 114—125.

21. Kudryavtseva A. V., Sutyagin K. I. Fine imposed by the court. *Criminal law*. 2016; 6: 102—110.

22. Resolution of the Feodosiya city court (Republic of Crimea) No. 1-218/2019 of 6 June 2019 with regard to the case No. 1-218/2019. Available from: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-feodosiiskii-gorodskoi-sud-respublika-krym/?page=8/>. Accessed: 25.01.2020.

23. Resolution of the Severodvinsk city court (Arkhangelsk region) No. 1-243/2019 of 3 June 2019 with regard to the case No. 1-243/2019. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/mQ10yMwnfrLX/>. Accessed: 20 January 2020.

24. Resolution of the Kaliningrad garrison military court No. 1-75/2018 of 2 July 2018 with regard to the case No. 1-75/2018. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/LldI9FH1ild4/>. Accessed: 21 January 2020.

25. Vlasov A. G. Relief from criminal responsibility with infliction of a fine imposed by the court: problems of prosecutor's supervision. *Legality*. 2017; 1: 30—33.

26. Resolution of the Industrialny district court of the city of Khabarovsk No. 1-532/2019 of 22 July 2019 with regard to the case No. 1-532/2019. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/chgeWgMAVwUC>. Accessed: 24 January 2020.

27. Resolution of Zaeltsovsky district court of the city of Novosibirsk No. 1-259/2019 of 8 July 2019 with regard to the case No. 1-259/2019. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/xx0Wk7Kf966u/>. Accessed: 27 January 2020.

28. Постановление Дзержинского районного суда г. Нижнего Тагила от 30 июля 2019 г. № 1-314/2019 по делу № 1-314/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/w7owJyUbVzmT/> (дата обращения: 26.01.2020).

29. Опрос «Необходимо ли расширение полномочий прокурора в досудебном производстве по уголовным делам?» // Международная ассоциация содействия правосудию (МАСП / IUAJ): сайт. URL: <https://www.iauaj.net/node/2799> (дата обращения: 10.02.2020).

30. Ларина А. В. Дискреционные полномочия прокурора в досудебном производстве России и других стран СНГ (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 34 с.

© Климова Я. А., 2020

Климова Яна Александровна,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности
и охраны общественного порядка
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: musisss@rambler.ru

28. Resolution of Dzerzhinsky district court of the city of Nizhniy Tagil No. 1-314/2019 of 30 July 2019 with regard to the case No. 1-314/2019. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/w7owJyUbVzmT/>. Accessed: 26 January 2020.

29. Polling "Is it necessary to broaden prosecutor's powers in pretrial proceedings in criminal cases?". International Union of assistance to justice (МАСП/IUAJ). Available from: <https://www.iauaj.net/node/2799>. Accessed: 10 February 2020.

30. Larina A. V. Prosecutor's discretionary powers in pretrial proceedings in Russia and other CIS countries (comparative law research). Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2019: 34.

© Klimova Ya. A., 2020

Klimova Yana Aleksandrovna,
senior lecturer at the department
of administration and enforcement of public order
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: musisss@rambler.ru

П. В. Кондрашин

**ПРАВО ПОТЕРПЕВШЕГО НА «ЗАКОННЫЙ СУД»
И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Важным шагом реформирования российской уголовной юстиции стало закрепление в Конституции Российской Федерации, а в дальнейшем и в отраслевом законодательстве, права на «законный суд», т. е. на рассмотрение уголовного дела в определенном суде и конкретным судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Указанному праву уделяется существенное внимание, в том числе и со стороны Конституционного Суда Российской Федерации. Автор отмечает, что определяющее значение при решении вопроса о подсудности уголовных дел и о составе суда, которым будет рассмотрено уголовное дело, имеет позиция обвиняемого. Анализируются законодательство, теоретические источники о равноправии сторон, состязательности в уголовном процессе, в том числе при реализации права на «законный суд». На основе судебной практики выявляются проблемные вопросы осуществления данного права потерпевшим, пути их возможного решения. В результате предлагается внести изменения в уголовно-процессуальный закон, которые позволят решить проблему реализации права потерпевшего на «законный суд».

Ключевые слова: подсудность уголовных дел, состав суда, потерпевший, подсудимый, суд, право на «законный суд».

P. V. Kondrashin

**THE RIGHT OF THE VICTIM TO A "LEGAL COURT"
AND ITS IMPLEMENTATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

An important step of reforming the Russian criminal justice system has become enshrined in the Constitution, and later on in the sectoral legislation, the right to a "lawful court", i. e. in criminal proceedings in a particular court and a particular judge, to whose jurisdiction it is assigned by law. This right is given significant attention, including by the constitutional Court of the Russian Federation. The author notes that the position of the accused is of decisive importance when deciding on the jurisdiction of criminal cases and the composition of the court that will consider the criminal case. The article analyzes the legislation, theoretical sources on the equality of the parties, and competition in criminal proceedings, including the exercise of the right to a "legal court". On the basis of judicial practice, problematic issues of the implementation of this right by the victim, and ways of their possible solution are identified. As a result, changes to the criminal procedure law are proposed that will solve the problem of implementing the victim's right to a "legal court".

Key words: jurisdiction of criminal cases, composition of the court, victim, defendant, court, right on a "legal court".

Право на «законный суд» в России впервые нормативно закреплено в Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) 1993 г. В части 1 статьи 47 Основного закона нашей страны указывается: «Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом» [1]. Схожее предписание содержится и в ч. 3 ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [2]. Данные установки соответствуют и положениям международно-

правовых актов (например, ст. 10 Всеобщей декларации прав человека, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах) [3]. В них провозглашается равенство всех перед судом и законом, а также гарантируется право каждого при предъявлении любого уголовного обвинения на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

На процедурном уровне принцип «законного суда» реализуется через институт подсудности (ст. 30—35 УПК РФ) [4, с. 194]. Его использование позволяет из общей совокупности судебных органов, уполномоченных рассматривать уголовные дела по первой инстанции, определять конкретный суд, а также его состав. Обозначенный порядок дает гарантию независимости и беспристрастности судебного органа, компетентного осуществлять уголовное производство. Вопрос о подсудности, как правило, возникает при назначении и подготовки дела к судебному заседанию. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 227, п. 1 ч. 1 ст. 228 УПК РФ судья обязан осуществить соответствующую проверку именно на этой стадии процесса. В отдельных случаях проблема корректирования подсудности может появиться и при рассмотрении уголовного дела [5].

До вступления в силу УПК РФ функционировали нормы гл. 2 УПК РСФСР «Подсудность». Они предусматривали различные основания и способы изменения установленной законом подсудности уголовных дел. Например, вышестоящий суд был вправе принять к своему производству в качестве суда первой инстанции любое уголовное дело, подсудное нижестоящему суду (ст. 40 УПК РСФСР). Кроме того, закреплялись широкие основания для передачи уголовного дела из суда, которому оно подсудно, в иной судебный орган (ст. 44 УПК РСФСР): «в целях наиболее быстрого, полного и объективного рассмотрения дела, а равно в целях наилучшего обеспечения воспитательной роли судебного разбирательства» [6]. Это означало, что проконтролировать действительную необходимость в изменении подсудности было практически невозможно. Кроме того, в данной неопределенности потенциально закладывались возможности для воздействия на судей в различных и далеких от правосудия целях.

В связи с этим закрепление в Конституции РФ и отраслевом законодательстве права на «законный суд» (как одного из основных начал осуществления уголовного судопроизводства), подробное определение правил подсудности уголовного дела и состава суда (как гарантии данного принципа) является важным шагом реформирования российской уголовной юстиции. Вместе с тем можно сказать об определенном заимствовании данных положений из зарубежного законодательства. В частности, в VI поправке к Конституции США отмечается, что «обвиняемый имеет право на скорый и публичный суд присяжных того штата или округа, где было совершено преступление, причем этот округ должен быть заранее установлен законом...» [7, с. 12].

Обозначенный принцип отражен и в других нормах Конституции РФ (помимо ч. 1 ст. 47), а также он нашел развитие в ряде законодательных актов нашей страны. Причем, как и иные основополагающие идеи, его следует рассматривать в системе принципиальных положений уголовного процесса.

В соответствии со ст. 19 Конституции РФ все равны перед законом и судом. Государством при этом гарантируется равенство прав и свобод, в том числе и при отправлении правосудия судами.

Кроме того, ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» предусмотрено, что «суды не отдают предпочтения каким-либо органам, лицам, участвующим в процессе, сторонам по признакам их государственной, социальной, половой, расовой, национальной, языковой или политической принадлежности либо в зависимости от их происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, места рождения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а равно и по другим, не предусмотренным федеральным законом основаниям» [8].

Важно отметить, что принцип равенства граждан перед судом действует одновременно с положением о едином суде и наряду с единством права. В России нет судов, предоставляющих привилегии определенным лицам либо основанных на дискриминации. Стороны обвинения и защиты равноправны перед судом, т. е. имеют равные процессуальные права для отстаивания перед судом своих позиций и защиты своих интересов [9; 10].

Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» установлено, что судебная система является единой [11]. Единство судебной системы достигается путем формирования нормативной основы, определяющей не только порядок образования, но и порядок осуществления деятельности судов.

Гарантируя каждому судебную защиту прав и свобод, Конституция РФ (ст. 46) тем самым подтверждает приверженность России общепризнанным международным правовым стандартам защиты прав человека и гражданина (ч. 4 ст. 15) и формулирует четкое правовое положение: решения и действия (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. Это положение зафиксировано в качестве принципа в ч. 2 ст. 5 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» в следующей

формуле, развивающей тезис ст. 47 Конституции РФ: «Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде общей юрисдикции и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено настоящим Федеральным конституционным законом и федеральными законами» [10, с. 143—144].

В силу системности положений гл. 2 УПК РФ, закрепляющей принципы уголовного судопроизводства, нормативная идея о «законном суде» тесно связана с состязательностью сторон, которая, в свою очередь, включает в себя равноправие сторон. Исходя из анализа подходов, где обосновывается именно такое соотношение состязательности и равноправия, можно сделать вывод, что элемент «равноправие» по существу является сутью состязательности. Кроме равноправия в содержание состязательности включают еще две составляющие: объективный и беспристрастный суд и наличие сторон. Объективность и беспристрастность суда с большим основанием можно соотнести с другими положениями. В первую очередь, речь идет о содержании ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, закрепляющей правило о том, что судьи независимы и подчиняются Конституции РФ и федеральному закону. Именно это является правовой базой, на основе которой можно говорить об объективности суда, требовать ее от суда при совершении любых действий и принятии решений [12, с. 18].

Право на «законный суд» (или, иначе, «право на своего судью») является элементом права на судебную защиту. В соответствии с этим каждый при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения или при определении его гражданских прав и обязанностей имеет право на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона [13].

Независимость судебного органа означает отсутствие у него интереса в исходе дела. Суд находится над спором, при этом оставаясь объективным относительно позиций сторон, которые своим выбором «связывают» суд по вопросам факта и права. Делают это они прямо (учитывая установленный запрет на выход за пределы обвинения) или косвенно [14].

С позиции действия принципа состязательности сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ) необходимо анализировать и нормативное положение «о праве на своего судью». В некоторых случаях его выбор зависит от мнения подсудимого (обвиняемого). Если суд установит, что находящееся в его производстве уголовное дело подсудно другому судебному органу такого же уровня,

он вправе с согласия подсудимого оставить данное дело в своем производстве, но только в том случае, если уже приступил к его рассмотрению в судебном заседании (ч. 2 ст. 34 УПК РФ).

Так, уголовное дело в отношении П. и У. принято судьей Сосногорского городского суда Г. к производству 1 апреля 2016 г. и рассматривалось до 13 мая 2016 г. с проведением судебных заседаний, с допросом ряда свидетелей, выполнением иных процессуальных действий. После истечения полномочий судьи Г. дело принято к производству судьей Р., который 19 мая 2016 г. вынес постановление о направлении его по подсудности в Ухтинский городской суд. Принимая указанное решение в порядке ч. 1 ст. 34 УПК РФ, судья Р. не учел, что уголовное дело уже было принято судом к производству и назначено постановлением от 1 апреля 2016 г. к рассмотрению по существу. В данном случае, поскольку суд уже приступил к рассмотрению уголовного дела, вопрос об изменении его территориальной подсудности подлежал разрешению в порядке ч. 2 ст. 34 УПК РФ. Суд же мнение подсудимых по этому вопросу не выяснил, данное постановление вынес вне судебного заседания. По апелляционной жалобе подсудимого П., возражавшего против изменения территориальной подсудности уголовного дела, и с учетом проживания потерпевшего (а также свидетелей) в Сосногорском районе, полагавшего возможным его рассмотрение Сосногорским городским судом, указанное постановление апелляционной инстанцией отменено с направлением уголовного дела на новое рассмотрение в тот же суд [15].

Изменение территориальной подсудности уголовных дел по ходатайству стороны возможно и в том случае, если не все участники уголовного судопроизводства по данному делу проживают на территории, на которую распространяется юрисдикция данного суда, и все обвиняемые согласны на изменение территориальной подсудности (подп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ).

Постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 28 марта 2019 г. отказано в удовлетворении ходатайства потерпевшей Б. об изменении территориальной подсудности уголовного дела. Ею была принесена апелляционная жалоба о несогласии с судебным решением. Б. указала, что у суда первой инстанции имелись основания для изменения территориальной подсудности дела, поскольку потерпевшие и подавляющее большинство свидетелей проживают в г. Барнауле Алтайского края. Кроме того, по мнению Б., удаленность места проживания потерпевших и свидетелей

от территории рассмотрения дела (г. Новосибирск), а также состояние их здоровья и материальное положение, несомненно, затрудняют прибытие участников производства в судебное заседание. Потерпевшая Б. просила апелляционную жалобу удовлетворить, постановление отменить и изменить территориальную подсудность уголовного дела. Рассмотрев данную жалобу, Апелляционная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила постановление без изменения и указала, что согласно подп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена, если не все участники уголовного судопроизводства по данному уголовному делу проживают на территории, на которую распространяется юрисдикция данного суда, и все обвиняемые согласны на изменение территориальной подсудности данного уголовного дела. Однако обвиняемый К. возражает против изменения территориальной подсудности и передачи дела для рассмотрения в Алтайский краевой суд, в связи с чем судом принято решение об отказе в удовлетворении ходатайства потерпевшей (подп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ) [16].

Кроме того, вопрос о составе суда, которым будет рассматриваться уголовное дело, должен быть решен с учетом положений ст. 30 УПК РФ. Согласно указанной норме суд первой инстанции рассматривает уголовные дела в следующем составе:

- 1) судья федерального суда общей юрисдикции;
- 2) судья федерального суда общей юрисдикции и коллегия присяжных заседателей;
- 3) коллегия из трех судей федерального суда общей юрисдикции.

С учетом указанной нормы, а именно пп. 2—3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, решение о том, каким составом суда будет рассматриваться уголовное дело, зависит от ходатайства (по сути мнения) обвиняемого.

При этом потерпевший не наделен правом выбора состава суда. Хотя есть и исключение, при котором мнение потерпевшего учитывается в полной мере. Так, при назначении рассмотрения дела в особом порядке, когда обвиняемый согласен с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ), законодатель установил предписание, в соответствии с которым от позиции потерпевшего зависит форма судопроизводства. И в ситуациях несогласия потерпевшего уголовное дело подлежит рассмотрению в общем порядке судопроизводства [17, с. 117].

Следует также обратить внимание и на то, что применительно к процедуре рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных засе-

дателей потерпевший не назван в числе участников процесса, правомочных заявить немотивированный отвод лицам, привлеченным к отправлению правосудия. В соответствии с п. 2 ч. 5 ст. 327 УПК РФ право заявить немотивированный отвод присяжным заседателям (помимо подсудимого и его защитника) предоставлено государственному обвинителю. Потерпевший также является представителем стороны обвинения и полноправным участником процесса. Считаем, что непредоставление потерпевшему права на немотивированный отвод присяжных заседателей ущемляет права потерпевшего [17, с. 91].

Таким образом, именно позиция обвиняемого имеет определяющее значение при решении вопроса о подсудности и составе суда. Предоставление обвиняемым права выбирать в определенных законом случаях суд, на разрешение которого будет передано уголовное дело, является проявлением диспозитивности в уголовном судопроизводстве — вопрос подсудности решается волеизъявлением частного лица [18].

Однако, несмотря на установленные ст. 47 Конституции РФ гарантии на «законный суд» для всех субъектов, в том числе и потерпевших, мнение пострадавшего от преступления физического или юридического лица при решении вопроса об изменении подсудности уголовного дела и формировании состава суда не учитывается.

Помимо этого в ч. 3 ст. 8 УПК РФ содержится запрет на ущемление прав подсудимого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено самим Кодексом. Об аналогичных правах потерпевшего нет ни слова [19].

Важно учитывать, что согласно п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ защита прав и законных интересов потерпевших от преступления является назначением российского уголовного судопроизводства. Данное законоположение определяет место потерпевшего в системе уголовно-процессуальных правоотношений.

Лицо, пострадавшее от преступления (а также от запрещенного уголовным законом деяния, совершенного невменяемым), признается потерпевшим независимо от его гражданства, возраста, физического или психического состояния и иных данных о его личности, а также независимо от того, является ли преступление оконченным и установлены ли лица, его совершившие [20].

Части 5 и 7 ст. 42 УПК РФ по-особенному отражают своеобразие процессуального положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Наряду с процессуальными правами, которыми он, как

сторона, наделен для отстаивания своих законных интересов, на потерпевшего (под страхом уголовной ответственности за отказ от исполнения) возлагается ряд процессуальных обязанностей, связанных с его личным участием в доказывании по уголовному делу, которое, как правило, имеет особое значение, потому что именно потерпевшему зачастую известны такие фактические обстоятельства дела, которые больше не известны никому [21].

Следует согласиться с И. Дикаревым, который считает, что «при решении вопроса о подсудности должно учитываться мнение не только обвиняемых, но также потерпевших, гражданских истцов и гражданских ответчиков. Норма ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, согласно которой никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, в полной мере распространяется и на этих участников уголовного процесса, являющихся полноправными сторонами по делу. И хотя в подп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ и других указанных выше нормах закона, регламентирующих вопрос подсудности, о потерпевшем, гражданском истце и гражданском ответчике ничего не сказано, игнорирование позиции этих участников процесса относительно передачи уголовного дела в суд означало бы существенное нарушение их права, гарантированного ч. 1 ст. 47 Конституции РФ» [22].

В то же время нет необходимости ставить вопрос о рассмотрении уголовного дела коллегиально или с участием присяжных заседателей в зависимости от мнения потерпевшего, однако такое мнение необходимо учитывать. В противном случае наблюдается приоритет прав обвиняемого и нарушение права потерпевшего на доступ к правосудию. Считаем, что потерпевшему должно быть предоставлено право выразить свое мнение относительно заявленного обвиняемым ходатайства о рассмотрении уголовного дела коллегиально или судом с участием присяжных заседателей. Данное мнение должно быть обоснованным, но не должно быть обязательным для суда. В таком случае будут соблюдены условия состязательности сторон,

а решение судьи по данному вопросу будет обоснованным и справедливым, учитывающим все обстоятельства, в том числе изложенные в ходатайстве потерпевшего [17].

На практике возможно пренебрежение мнением потерпевшего при решении вопроса об изменении подсудности — такую опасность порождает возможное буквальное толкование указанных положений УПК РФ. Нам представляется, что в целях исключения подобной ситуации целесообразно изменить анализируемые нормы уголовно-процессуального закона и изложить их в следующей редакции:

— подп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ: «если не все участники уголовного судопроизводства по данному уголовному делу проживают на территории, на которую распространяется юрисдикция данного суда, и все обвиняемые и потерпевшие согласны на изменение территориальной подсудности данного уголовного дела»;

— ч. 2 ст. 34 УПК РФ: «Суд, установив, что находящееся в его производстве уголовное дело подсудно другому суду того же уровня, вправе с согласия подсудимого и потерпевшего оставить данное уголовное дело в своем производстве, но только в случае, если он уже приступил к его рассмотрению в судебном заседании»;

— ч. 3 ст. 8 УПК РФ: «Стороны по делу не могут быть лишены права на рассмотрение уголовного дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено настоящим Кодексом»;

— ч. 2 ст. 30 УПК РФ: в пп. 2 и 2.1 после слов «по ходатайству обвиняемого» добавить слова «с учетом мнения потерпевшего»;

— ч. 2 ст. 30 УПК РФ: в п. 3 после слов «при наличии ходатайства обвиняемого» добавить слова «с учетом мнения потерпевшего».

Полагаем, что внесение данных изменений в уголовно-процессуальный закон позволит в некоторой степени решить проблему реализации права на «законный суд» в уголовном процессе не только подсудимого, но и потерпевшего.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Constitution of the Russian Federation (Adopted by popular vote on 12 December 1993). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18 December 2001. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.); Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13.05.2004). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Муравьев К. В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017. 505 с.

5. Зинченко В. Г. Спорные моменты подсудности при рассмотрении уголовных дел // Российский юридический журнал. 2014. № 3. С. 84—87.

6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Конституция США. Текст и постатейный комментарий. В 2 ч. Ч. 1 / В. А. Власихин [и др.]. М., 1984. 162 с.

8. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: федер. конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (ред. от 06.03.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Организация и деятельность судов общей юрисдикции: новеллы и перспективы: монография / А. А. Гравина, В. П. Кашепов, О. В. Макарова [и др.]; отв. ред. В. П. Кашепов. М., 2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Кашепов В. П. Преобразование системы принципов судопроизводства при осуществлении судебной реформы // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 138—151.

11. О судебной системе Российской Федерации: федер. конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2006. 410 с.

13. Вилкова Т. Ю., Максимова Т. Ю. Право на законный суд и вопросы подсудности по уголовным делам // Российский судья. 2015. № 12. С. 19—22.

14. Попова Е. И., Гармаев Ю. П. Использование в ходе предварительного расследования норм об особом порядке судебного разбирательства (криминалистический комментарий к нормам

3. Universal Declaration of Human Rights. Adopted by the UN General Assembly on 10 December 1948; International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted by the UN General Assembly on 16 December 1966; Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 4 November 1950. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

4. Muraviev K. V. Optimization of the criminal process as a form of application of the criminal law. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Omsk; 2017.

5. Zinchenko V. G. Controversial points of jurisdiction in criminal cases. Russian Legal Journal. 2014; 3. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

6. Code of Criminal Procedure of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 27 October 1960). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

7. Vlasikhin V. A., Zhidkov O. A., Nikiforov B. S. (et. al.) U.S. Constitution. Text and article-by-article commentary: at 2 a. m. Vol. 1. Moscow; 1984: 162 p.

8. Federal Constitutional Law of Russian Federation No. 1-FCL of 7 February 2011. "On Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

9. Gravina A. A., Kashepov V. P., Makarova O. V. (et. al.) Organization and activity of courts of general jurisdiction: innovations and prospects. Monograph. Ed. by V. P. Kashepov. Moscow; 2016. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

10. Kashepov V. P. Transformation of the System of Principles of Judicial Procedure in the Implementation of Judicial Reform. Journal of Russian Law. 2017; 2: 138—151.

11. Federal Constitutional Law of Russian Federation No. 1-FCL of 31 December 1996. "On the Judicial System of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

12. Barabash A. S. Public beginning of the Russian criminal process. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Krasnoyarsk; 2006: 410.

13. Vilkova T. Yu., Maksimova T. Yu. Right to a legal court and issues of jurisdiction in criminal cases. Russian judge. 2015; 12: 19—22.

14. Popova E. I., Garmayev Yu. P. Use in the course of preliminary investigation of norms on special procedure of trial (forensic comment to norms of Chapter 40 of the Code of Criminal Pro-

главы 40 УПК РФ). 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Обзор апелляционной практики по уголовным делам за июль 2016 года (подготовлен Верховным судом Республики Коми). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 мая 2019 г. № АПЛ19-188. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Абозин Р. В. Соотношение прав и обязанностей потерпевшего и подсудимого в судебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 226 с.

18. Кругликов А., Дикарев И. Подсудность уголовных дел при наличии альтернативы // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 32.

19. Бойко А. И. Битый небитого везет? // Судья. 2017. № 11. С. 7.

20. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 16.05.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Дикарев И. Проблемы применения альтернативной подсудности в уголовном процессе // Уголовное право. 2010. № 1. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/48087-problemy-primeneniya-alternativnoj-podsudnosti-ugolovnom-processe> (дата обращения: 18.01.2020).

cedure of the Russian Federation). 2015. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

15. Review of Appeal Practice in Criminal Cases for July 2016 (prepared by the Supreme Court of the Republic of Komi). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

16. Appeal Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. APL19-188 of 14 May 2019. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

17. Abozin R. V. The ratio of the rights and obligations of the victim and the defendant in the judicial stages of the criminal process. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Vladimir; 2011.

18. Kruglikov A., Dikarev I. Jurisdiction of criminal cases if there is an alternative. Russian Justice. 2003; 2: 32.

19. Boyko A. I. Beaten unbeaten is lucky? Judge. 2017; 11: 7.

20. Decision of the Plenum of the Supreme Court of Russian Federation No. 17 of 29 June 2010. "On the Practice of Application by the Courts of the Rules Governing the Participation of the Victim in Criminal Proceedings". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

21. Beslepin B. T. Comment to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (article-by-article). 14th ed., revised and supplemented. Moscow; 2017. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

22. Dikarev I. Problems of alternative jurisdiction in criminal proceedings. Criminal law. 2010; 1. Available from: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/48087-problemy-primeneniya-alternativnoj-podsudnosti-ugolovnom-processe>. Accessed: 18 January 2020.

© Кондрашин П. В., 2020

© Kondrashin P. V., 2020

Кондрашин Павел Викторович,
судья Кировского районного суда
г. Красноярск;
e-mail: kondrashina_05@mail.ru

Kondrashin Pavel Viktorovich,
judge of the Kirovsky District court
of Krasnoyarsk;
e-mail: kondrashina_05@mail.ru

А. И. Мелихов, А. Ю. Истратенков, Н. Д. Захаров

**ТИПИЧНЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД 1950 г.
В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ
И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ**

На основе анализа практики и правовых позиций Европейского Суда по правам человека автором выделяются следующие типичные нарушения прав человека в процессе оперативно-разыскной деятельности полиции: нарушение права на справедливое судебное разбирательство в форме подстрекательства к совершению преступления; нарушение права на уважение частной, семейной жизни и жилища в форме проникновения в жилище и проведения обыска без судебного решения или других законных оснований под видом проведения оперативно-разыскного мероприятия, следственного или административного действия; нарушение свободы от пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в форме применения сотрудниками правоохранительных органов физической силы, специальных средств без законных оснований или с превышением указанных мер, без последующего эффективного расследования данного факта со стороны государства; нарушение права на уважение личной жизни и корреспонденции в условиях отсутствия в отечественном законодательстве адекватных и эффективных гарантий против произвола и риска злоупотреблений при проведении сотрудниками полиции прослушивания телефонных разговоров, а также скрытой аудио- и видеозаписи, без санкции суда; нарушения права на свободу и личную неприкосновенность в форме фактического лишения свободы при ожидании проведения административных, оперативно-разыскных и следственных мероприятий с участием пострадавшего.

Авторы предлагают внести ряд изменений и дополнений в отечественное законодательство об оперативно-разыскной деятельности полиции, позволяющих минимизировать количество нарушений прав человека при производстве оперативно-разыскных мероприятий.

Ключевые слова: национальная безопасность, нарушения и ограничения прав человека и гражданина, оперативно-разыскная деятельность, Европейский Суд по правам человека, провокация, проверочная закупка, оперативный эксперимент, прослушивание телефонных разговоров, скрытая аудио- и видеозапись.

A. I. Melikhov, A. Yu. Istratenkov, N. D. Zakharov

**TYPICAL VIOLATIONS OF THE CONVENTION
FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS
AND FUNDAMENTAL FREEDOMS OF 1950
IN OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES OF THE POLICE
AND WAYS TO ELIMINATE THEM**

Based on the analysis of the practice and legal positions of the European court of human rights, the author identifies the following typical violations of human rights in the process of operational search activities of the police: violation of the right to a fair trial in the form of incitement to commit a crime; violation of the right to respect for private, family life and housing in the form of entering a home and conducting a search without a court decision or other legal grounds under the guise of conducting an operational search event, investigative or administrative action; violation of freedom from torture or inhuman or degrading treatment or punishment in the form of the use of physical force or special means by law enforcement officers without legal grounds or exceeding the specified measures, without subsequent effective investigation of this fact by the state; violation of the right to respect for personal life and privacy in the absence of adequate and effective guarantees in the domestic legislation against arbitrariness and the risk of abuse when conducting wiretapping by police officers, as well as hidden audio and video recordings, without the sanction of a court; violations of the right to freedom and personal integrity

in the form of actual deprivation of liberty while waiting for administrative, operational search and investigative measures with the participation of the victim.

The authors propose a number of changes and additions to the domestic legislation on operational search activities of the police that allow to minimize the number of human rights violations in the production of operational search activities.

Key words: national security, disruption and restriction of the rights of man and citizen, operational-investigative activity, the European Court of human rights, provocation, testing procurement, operational experiment, listen to the phone conversation, covert audio and video recording.

В нашей стране на протяжении многих лет наблюдается тенденция системного нарушения сотрудниками правоохранительных органов основных прав и свобод человека в процессе оперативно-разыскной деятельности. Указанная проблема ежегодно затрагивается в выступлениях государственного руководства России [1; 2], активно исследуется и обсуждается в научных кругах на фундаментальном уровне [3; 4 и др.].

По сведениям А. А. Бирюкова, наша страна за неполные 14 лет по количеству проигранных дел в Европейском Суде по правам человека (далее — ЕСПЧ) в несколько раз опередила многие страны Совета Европы [5], заняв третье место после Турции и Италии, по количеству положительных решений в пользу жертв защищаемых Конвенцией прав и свобод за период с 1959 по 2016 г. Необходимо учитывать при этом, что Россия ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней 30 марта 1998 г., в то время как в Италии и Турции признают юрисдикцию Суда с момента его основания в 1959 г.

Согласно данным из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», органы внутренних дел фигурируют по 447 из 1 131 решений ЕСПЧ, принятых в отношении Российской Федерации с 2000 по 2018 г. в качестве прямого или косвенного участника оспариваемых внутригосударственных решений, а оперативно-разыскная деятельность — в 180 решениях. Указанная статистика делает тему нашего исследования крайне актуальной.

В условиях глобализации, когда конкуренция между государствами все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы, системное нарушение прав и свобод граждан правоохранительными органами в процессе оперативно-разыскной деятельности посягает на гуманизм как основную ценность, формирующую фундамент российской государственности (п. 11 Стратегии национальной безопасности (далее — Стратегия)), противоречит государственной политике по укреплению внутреннего

единства российского общества (п. 26 Стратегии), усилению роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, повышению доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации (п. 44 Стратегии), а также негативно отражается на привлекательности российской юрисдикции (п. 62 Стратегии).

Перечисленные обстоятельства требуют выработки новых подходов к законодательной регламентации служебно-оперативной деятельности государственных правоохранительных органов на основании анализа практики ЕСПЧ. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Так, 12 сентября 2014 г. был принят приказ МВД России № 782 «О повышении эффективности взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации с Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителем Министра юстиции Российской Федерации», однако решить проблему с помощью ведомственного нормотворчества не удастся, поскольку требуется законодательное прояснение, детализация и закрепление судебных, оперативно-разыскных, уголовно-процессуальных и административных процедур.

Согласно проведенному нами анализу судебных решений ЕСПЧ и научной литературы [4, с. 96—100; 6, с. 182—189; 7, с. 138; 8], наиболее типичными нарушениями прав человека, закрепленных в Конвенции в процессе оперативно-служебной деятельности отечественных правоохранительных органов, являлись:

— нарушение права на справедливое судебное разбирательство в форме подстрекательства к совершению преступления (торговле наркотиками или получению взятки) в ходе проведения негласной полицейской операции при отсутствии четкой и предсказуемой процедуры санкционирования подобных операций и эффективного судебного контроля в отношении жалоб на провокацию в различных регионах (по сведениям Н. Брейди, на 2018 г. ЕСПЧ в 13 постановлениях констатировал нарушение

ния ст. 6 Конвенции в отношении 59 заявителей — граждан Российской Федерации [8]);

— нарушение права человека на уважение частной и семейной жизни, его жилища в форме проникновения в жилище и производства обыска без судебного решения или других законных оснований под видом проведения оперативно-разыскного мероприятия, следственного или административного действия;

— нарушение свободы от пыток, или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, или наказания в форме применения сотрудниками правоохранительных органов физической силы, специальных средств без законных оснований или с превышением указанных мер, без последующего эффективного расследования данного факта со стороны государства;

— нарушение права на уважение личной жизни и корреспонденции в условиях отсутствия в отечественном законодательстве адекватных и эффективных гарантий против произвола и риска злоупотреблений экстренной процедурой, предусмотренной п. 3 ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ФЗ «Об ОРД»), при проведении сотрудниками полиции прослушивания телефонных разговоров, а также скрытой аудио- и видеозаписи без санкции суда. Так, в деле «Роман Захаров против Российской Федерации» ЕСПЧ установил, что «экстренная процедура» в соответствии с п. 3 ст. 8 Закона не предусматривает достаточных гарантий, она должна использоваться редко и только в надлежащим образом обоснованных случаях. В частности, хотя законодательство Российской Федерации требует, чтобы судья был немедленно информирован о каждом случае экстренного прослушивания, его или ее полномочия ограничиваются санкционированием продления меры по прослушиванию свыше 48 часов. Он или она не имеет полномочий для оценки оправданности использования экстренной процедуры или решения, будет ли материал, полученный в течение предыдущих 48 часов, сохранен или уничтожен [9];

— нарушение права на свободу и личную неприкосновенность в форме фактического лишения свободы при ожидании проведения административных, оперативно-разыскных и следственных мероприятий с участием пострадавшего.

На основе анализа данных решений предлагаем следующие организационные и правовые дополнительные меры реагирования по линии выявленных ЕСПЧ нарушений со стороны сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации,

а также комплекс мероприятий по профилактике необоснованного применения физической силы и противозаконных методов дознания:

1. Включить тему «Обзор практики ЕСПЧ» в рекомендуемый перечень тем по правовой и служебной подготовкам, а также составить список соответствующих вопросов для формирования контрольных тестов по позициям ЕСПЧ в отношении нарушений, допускаемых сотрудниками полиции стран, которые признают его юрисдикцию.

2. Создать и имплементировать учебную дисциплину «Деятельность полиции в судебной практике ЕСПЧ» в учебный план для подготовки сотрудников полиции по образовательным юридическим специальностям 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», 40.03.01 «Юриспруденция».

3. Внести в качестве основания для проникновения сотрудников полиции в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки, принадлежащие гражданам, в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями, — исполнение судебного решения об аресте подозреваемого (обвиняемого) [см.: 10] в ч. 3 ст. 15 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ФЗ «О полиции»).

4. Исключить (как формы злоупотребления правом, позволяющие получать стороне обвинения в лице правоохранительных органов преимущества в ущерб обеспечения прав стороны защиты) маскировку или легендирование [11, с. 88—92] оперативно-разыскных мероприятий под административные или уголовно-процессуальные действия либо их одновременное проведение.

5. С целью проведения эффективного расследования жестокого обращения со стороны сотрудников полиции ввести в судебную практику обыкновение возбуждения уголовных дел по каждому заявлению, исключив практику ограничения расследования жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов в ходе доследственной проверки [см.: 12].

6. Поскольку борьба с преступностью не должна порождать новую преступность, следует временно исключить из практики оперативно-разыскной деятельности полиции проведение оперативных экспериментов и проверочных закупок при даче взяток, купле-продаже наркотических средств и т. п. до принятия следующих мер:

— доктринального отказа от абсолютного запрета провокации, закрепленного в ч. 3 ст. 6 ФЗ «О полиции» (сотруднику полиции запрещается

подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме кого-либо к совершению противоправных действий) и ст. 5 ФЗ «Об ОРД» аналогичного содержания. Указанные запреты носят форму профанации, поскольку представители Российской Федерации в ЕСПЧ неоднократно приводили свои доводы, в которых указывали, что проверочная закупка или оперативный эксперимент являются эффективным методом борьбы с преступностью, а полученные с помощью такого эксперимента доказательства допустимы с точки зрения российского законодательства и могут служить основанием для обвинения в совершении преступления [см.: 13];

— принятия ясных правовых процедур, позволяющих разделить правомерную и неправомерную провокацию по аналогии с США и Германией [см. подробнее: 8];

— возможности активной провокации в случае необходимости выявления или предотвращения угроз национальной безопасности, представляющих большую общественную опасность [см. подробнее: 14, с. 26];

— введения специального контроля с целью обеспечения добросовестности со стороны органов государственной власти и соблюдения законных целей со стороны правоохранительных органов;

— законодательного закрепления уголовно-правовой оценки допустимой провокации как смягчающего обстоятельства, поскольку спровоцированное преступление совершается под контролем правоохранительных органов, следовательно, общественная опасность при совершении такого преступления сводится к минимуму [см. подробнее: 15; 16].

7. Законодательно, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации или в ведомственных приказах (по аналогии с административными регламентами исполнения государственных функций), прописать время необходимого ожидания участниками процесса совершения оперативно-разыскных, административно-процессуальных и уголовно-процессуальных действий в отношении них и с их участием. Сотрудникам полиции в обязательном порядке разъяснять участникам процесса, что ожидание совершения процессуальных действий не является задержанием.

8. Ограничить спектр применения экстренной процедуры, предусмотренной п. 3 ст. 8 ФЗ «Об ОРД», случаями устранения угроз национальной безопасности, а также расширить полномочия суда для

оценки оправданности использования экстренной процедуры или решения, будет ли материал, полученный в течение предыдущих 48 часов, сохранен или уничтожен (соответственно, сможет он фигурировать в деле или нет).

9. Исключить случаи невоспрепятствования преступной деятельности со стороны лиц, проводящих оперативно-разыскные действия, при ее документировании [см.: 17]. На наш взгляд, указанная ситуация подменяет цель оперативно-разыскной деятельности (выявление и пресечение преступлений) ее средством (документированием) для выявления большего количества преступлений для формальной отчетности.

10. Исключить применение силы со стороны сотрудников полиции в отношении задерживаемых, не оказывающих физического сопротивления (то же касается лиц, оскорбляющих сотрудников полиции). Так, по мнению ЕСПЧ, в силу того, что полиция является частью сил безопасности государства, она должна проявлять особенно высокую терпимость к оскорбительным высказываниям, за исключением случаев, когда подобные подстрекательские высказывания могут спровоцировать непосредственные противоправные действия в отношении сотрудников полиции и подвергнуть их реальной опасности физического насилия. Только в очень сложных обстоятельствах напряженности, вооруженного конфликта, борьбы с терроризмом или беспорядков в тюрьме со смертельным исходом ЕСПЧ устанавливал, что соответствующие заявления могли стать стимулом к насилию, способному создать угрозу для сотрудников сил безопасности, и признавал, что вмешательство в связи с такими заявлениями было оправдано [18 и др.].

11. Популяризировать путем создания учебных и информационных материалов (клипов, учебных и наглядных пособий, практических и тестовых заданий) чч. 2 и 3 ст. 5 ФЗ «О полиции», согласно которым сотрудник полиции обязан пресекать умышленные действия (в том числе и свои), причиняющие гражданину боль, физическое или нравственное страдание, а деятельность полиции, ограничивающая права и свободы граждан, немедленно прекращается, если достигнута законная цель или выяснилось, что эта цель не может или не должна достигаться путем ограничения прав и свобод граждан.

12. Разработать правовой механизм активного противодействия незаконным действиям сотрудников полиции со стороны граждан не только ретроспективно (подачи исков, жалоб и т. п.), но и непосредственно в момент нарушения их прав.

13. Законодательно прописать возможность и алгоритм гражданского неповиновения в случае незаконных действий сотрудников полиции с целью предотвращения насильственного разрешения конфликта, влекущего, как правило, более грубое нарушение прав граждан и наступление других неблагоприятных последствий.

В завершение необходимо отметить, что указанные нарушения прав человека в оперативно-разыскной деятельности полиции были характерны и для других европейских государств в предшествующие годы их развития. Соблюдение требований и правовых позиций ЕСПЧ в современных российских условиях есть не столько стандарт, сколько цель, к которой стремятся все цивилизо-

ванные государства, поэтому количественные и качественные характеристики полицейских мер принуждения (как разновидности ограничения прав человека) во многом зависят от уровня правосознания населения. В настоящее время противодействие законным действиям полиции со стороны недобросовестных граждан стало приобретать форму злоупотребления правами, поэтому рекомендации ЕСПЧ по организации оперативно-служебной деятельности сил обеспечения национальной безопасности должны реализовываться в отечественном законодательстве с учетом оперативной обстановки, чтобы нормативно не парализовать подразделения охраны правопорядка и не потерять контроль над ситуацией в стране.

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Ефремов А. М. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в оперативно-разыскной деятельности: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. 45 с.

4. Шатохин И. Д. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-разыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2018. 210 с.

5. Бирюков А. А. Как подать жалобу в Европейский суд по правам человека: практ. пособие. М., 2018. 72 с.

6. Никитина И. Э. Сотрудничество европейских государств в сфере экспертно-криминалистической и оперативно-разыскной деятельности в рамках интеграционных и межправительственных объединений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 390 с.

7. Павличенко Н. В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-разыскной деятельности: монография. М., 2016. 185 с.

8. Брейди Н. Судебный контроль за оперативно-разыскными мероприятиями: предотвращение или выявление провокации? (Проблемы исполнения постановлений Европейского Суда по делам, связанным с проверочными закупка-

1. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. 20 February 2019. Available from: reference and legal system "Consultant-Plus".

2. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. 15 January 2020. Available from: reference and legal system "Consultant-Plus".

3. Efremov A. M. Ensuring the rights and freedoms of man and citizen in operational-search activities: theoretical and applied problems. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Saint Petersburg; 2001: 45 p.

4. Shatokhin I. D. The principle of respect and observance of the rights and freedoms of man and citizen in operational-search activities. Dissertation of candidate of juridical sciences. Barnaul; 2018: 210 p.

5. Biryukov A. A. How to file a claim with the European Court of Human Rights: practical manual. Moscow; 2018: 72 p.

6. Nikitina I. E. Cooperation of European states in the field of forensic and operational-search activities in the framework of integration and intergovernmental associations. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2017: 390 p.

7. Pavlichenko N. V. Legal and theoretical problems of securing taciturnity in the operational-search activity. Monograph. Moscow; 2016: 185 p.

8. Brady N. Judicial control over operational-search measures: prevention or detection of provocation? (Problems of the execution of the judgments of the European Court in cases related to test purchases and operational experiments,

ми и оперативными экспериментами, в части мер общего характера) // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека = Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights. № 5: Россия и Европейская конвенция по правам человека: 20 лет вместе. М., 2019. 576 с.

9. Постановление Большой Палаты Европейского Суда от 4 декабря 2015 г. по делу «Роман Захаров против Российской Федерации». § 266. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Постановление ЕСПЧ от 6 июня 2017 г. по делу «Уруков против Российской Федерации» (Urukov v. Russia). № 20489/07. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Павличенко Н. В., Самodelкин А. С. Негласность в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 3 (22). Волгоград: ВА МВД России, 2012. С. 88—93.

12. Постановление ЕСПЧ от 20 ноября 2018 г. по делу «Самесов (Samesov) против Российской Федерации» (жалоба № 57269/14). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Постановление ЕСПЧ от 26 октября 2006 г. по делу «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации» (жалоба № 59696/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Назаров А. Д. Провокации в оперативно-розыскной деятельности. М., 2010. 150 с.

15. Налбандян Р. Г. Провокация преступлений: позиция Европейского суда по правам человека // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 1. С. 11—13.

16. Додонов В. Н. Провокация преступления с позиции современного уголовного права // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 3 (5). С. 13—16.

17. Постановление ЕСПЧ от 10 июля 2018 г. по делу «Кумицкий и другие (Kumitskiy and others) против Российской Федерации» (жалоба № 66215/12). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Постановление ЕСПЧ от 28 августа 2018 г. по делу «Савва Терентьев (Savva Terentyev) против Российской Федерации» (жалоба № 10692/09). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

in terms of general measures). In: Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights. No. 5: Russia and the European Convention on Human Rights: 20 years together. Moscow; 2019: 219—232.

9. Judgment of the Grand Chamber of the European Court dated December 4, 2015 in the case of Roman Zakharov v. Russian Federation. § 266. Available from: reference and legal system "Consultant-Plus".

10. The ECtHR judgment No. 20489/07 of 6 June 2017 in the case of Urukov v. Russian Federation (Urukov v. Russia). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

11. Pavlichenko N. V., Samodelkin A. S. Secrecy in the operational-search activity. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012; 22 (3): 88—93.

12. The ECtHR judgment of 20 November 2018 in the case of Samesov v. Russian Federation (claim No. 57269/1420). Available from: reference and legal system "Consultant-Plus".

13. The ECtHR judgment of 26 October 2006 in the case of Khudobin v. Russian Federation (claim No. 59696/00). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

14. Nazarov A. D. Provocations in the operational-search activity. Moscow; 2010: 150 p.

15. Nalbandyan R. G. Provocation of crimes: position of the European Court of Human Rights. Criminal Executive System: Law, Economics, Management. 2016; 1: 11—13.

16. Dodonov V. N. Provocation of a crime from the perspective of modern criminal law. Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2008; 5 (3): 13—16.

17. The ECtHR judgment of July 10, 2018 in the case "Kumitskiy and others v. Russian Federation" (claim No. 66215/12). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

18. The ECtHR judgment of 28 August 2018 in the case "Savva Terentyev v. Russian Federation" (claim No. 10692/09). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

Мелихов Александр Иванович,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: stalingrad@pisem.net

Истратенков Александр Юрьевич,
преподаватель кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: M-13913@mail.ru

Захаров Николай Дмитриевич,
преподаватель кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: M-13913@ya.ru

Melikhov Alexander Ivanovich,
associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: stalingrad@pisem.net

Istratenkov Alexander Yurievich,
lecturer at the department of constitutional
and administrative law
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: M-13913@mail.ru

Zakharov Nikolay Dmitrievich,
lecturer at the department of constitutional
and administrative law
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: M-13913@ya.ru

А. В. Пупцева, А. А. Закатов

**ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ
И ЭКСПЕРТНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ**

В статье на основе научных исследований и результатов комплексного анализа эмпирического материала рассмотрены основные вопросы взаимодействия следователей, оперативных сотрудников и экспертов-криминалистов в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Преступления подобного рода характеризуются наличием устойчивой, многоступенчатой иерархии в преступной группе, четким распределением ролей, соблюдением жесткой дисциплины и личным незнанием друг друга. Для изобличения виновных лиц сотрудниками правоохранительных органов должна проводиться параллельная работа в двух направлениях: 1) установление так называемого «диспетчерского центра», где осуществляется прием заказов от потребителей наркотических средств и координация деятельности курьеров; 2) установление личности членов группы, выступающих в роли закладчиков наркотиков.

Успеху в раскрытии и дальнейшем расследовании будет способствовать производство таких следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, как наружное наблюдение; контроль и запись телефонных переговоров; обыск и выемка; получение информации о соединении между абонентами (абонентскими устройствами); изъятие квитанций, банковских счетов; осмотр предметов и документов и др.

Ключевые слова: наркотики; незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ; преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенные бесконтактным способом; взаимодействие между следователем, органом дознания и экспертом-криминалистом.

А. V. Puptseva, A. A. Zakatov

**BASIC ASPECTS OF INTERACTION OF THE INVESTIGATOR WITH THE INQUIRY BODY
AND EXPERIMENTAL INSTITUTIONS FOR THE INVESTIGATION OF CRIMES,
RELATED TO ILLEGAL TRAFFICKING OF DRUGS**

Based on scientific research and the results of a comprehensive analysis of empirical material, the article considers the main issues of the interaction of investigators, operational officers and forensic experts in combating the illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues.

Crimes of this kind are characterized by the presence of a stable, multi-stage hierarchy in the criminal group, a clear distribution of roles, strict discipline and personal ignorance of each other. In order to expose the perpetrators, law enforcement officers should conduct parallel work in two directions: 1) to establish the so-called "dispatch center", where orders from drug users are received and the couriers are coordinated; 2) to identify the members of this group who are speaking in the role of drug mortgages.

The success of the disclosure and further investigation will be facilitated by the production of the following investigative actions and operational-search measures: external surveillance; control and recording of telephone conversations; search and seizure; receiving information about the connection between subscribers (subscriber devices); withdrawal of receipts, bank accounts; inspection of objects and documents, etc.

Key words: drugs; illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances; crimes in the field of drug trafficking committed in a non-contact manner; interaction between the investigator, the inquiry body and the forensic expert.

В 2016 г. Указом Президента Российской Федерации «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» № 156 (ред. от 14.05.2018) Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков (далее — ФСКН) была упразднена, ее функции вновь перешли к Министерству внутренних дел Российской Федерации. Вопрос о том, насколько политически, экономически, социально правильным было это решение, заслуживает отдельного исследования, но все же скажем об этом несколько слов. Спустя четыре года после данного события количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств не уменьшилось, а наркодилеры с помощью мессенджеров все чаще стали призывать к «легкому» доходу. Как правило, в подобную преступную схему вовлекают молодежь (лиц от 12 до 17 лет, иногородних студентов первых курсов различных учебных заведений, обучающихся колледжей). Общая юридическая безграмотность, уверенное владение компьютером, несоответствие запросов финансовым возможностям и «легкий» заработок толкают подростков на совершение преступления.

Бывшая система ФСКН — это большое число специалистов: оперативных сотрудников, следователей, экспертов, деятельность которых была направлена только на борьбу с наркопреступностью. В рамках МВД России, безусловно, возможны различные оперативные мероприятия, изъятие наркотиков, пресечение деятельности преступных сообществ, занимающихся контрабандой наркотических средств, однако это происходит довольно редко. Осуществляется задержание мелких уличных закладчиков, а крупных разработок и задержаний практически нет. Все эти вопросы обусловили выбор темы настоящей статьи и ее актуальность.

В настоящее время в России усиление противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ входит в число приоритетных задач, поскольку наркотизация по-прежнему остается реальной угрозой национальной безопасности, в первую очередь генофонду нации. Так, согласно данным Главного информационно-аналитического центра МВД России в 2019 г. зарегистрировано 2 198 681 преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, что на 4,9 % больше, чем в 2018 г., в том числе сотрудниками органов внутренних дел выявлено 199 316 преступлений, что также больше на 15,7 %, чем за аналогичный период предыдущего года. Кроме того, в 2019 г. зарегистрировано на 8,5 % больше преступлений, совершенных

в целях сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, что, соответственно, увеличило их удельный вес в общем количестве рассматриваемых преступлений с 49,2 % в 2017 г. до 51,5 % в 2018 г. [1], причем по мере усиления противодействия данным преступлениям со стороны правоохранительных органов активизируется и преступная деятельность в этой сфере. В частности, разрабатываются и совершенствуются завуалированные способы сбыта наркотических средств, используются возможности информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет, для производства наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов применяется новое сырье.

Каждый из нас хотя бы один раз сталкивался с рекламой наркотиков в сети Интернет, на улице (объявления на заборах, домах, щитах возле подъездов), рассылкой в мессенджерах (WhatsApp, Viber, Telegram) или социальных сетях («Одноклассники», «ВКонтакте») [2, с. 27].

Одна из основных проблем, от решения которой зависит повышение уровня предварительного расследования, — организация взаимодействия следователя и органа дознания на различных этапах совместной деятельности, начиная с выявления преступлений на стадии возбуждения уголовного дела до рассмотрения дела в суде [3, с. 17]. Необходимым элементом такой деятельности выступает согласованность действий. «Согласовать» — значит обсудить и выработать единое мнение о необходимости проведения определенных процессуальных действий, оперативно-разыскных мероприятий и тактико-криминалистических операций, направленных на достижение целей расследования [4, с. 32].

Согласованность действий между лицами помогает раскрыть понятие «взаимодействие» — «основанная на законе и подзаконных актах совместная и согласованная деятельность следователя с органами внутренних дел, другими государственными службами и общественностью в целях успешного раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [5, с. 60]. Большую роль (преимущественно организующую) во взаимодействии следователя с органами дознания играет руководитель следственного органа. Он в соответствии со своими полномочиями вправе давать следователю указания; определять формы его взаимодействия с другими следователями и оперативными сотрудниками, а также с экспертными отделами; контролировать соблюдение компетенции каждым из субъектов взаимодействия. Данные указания могут, помимо прочего, относиться к организации следственно-оперативной группы, ее со-

ставу и т. п. При этом руководитель следственной группы не должен вмешиваться в оперативно-разыскные мероприятия органов дознания, предписывать им способы реализации поручений; давать указания по выбору форм и методов производства исследования или экспертизы наркотиков. Взаимодействие следователей и сотрудников других служб в ходе рабочих встреч помогает избежать лишних или необоснованных оперативно-разыскных мероприятий или процессуальных (следственных) действий.

Совместная деятельность следователя и органа дознания (в данном контексте – оперативных работников) предполагает определенную координацию усилий, направленную на выявление, раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, под которой понимаются взаимосвязь, согласование. Эффективность взаимодействия следователя и органа дознания зависит от того, насколько скоординирована их деятельность. Такая координация способствует формированию стабильных связей при планировании расследования латентных преступлений и решению проблем, возникающих при осуществлении взаимодействия следствия и органов дознания [3, с. 17].

Современные способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков характеризуются активным противодействием со стороны заинтересованных лиц [4, с. 117]. Это выражается в многошаговой конспирации участников преступной «цепочки», когда низшее звено сбытчиков может никогда не увидеть среднее, дающее указания, распоряжения и адреса для закладки наркотиков в тайники [5]. Взаимодействие между следователем и органом дознания также должно выходить на новый уровень. Маскировка преступлений представляет собой четкую схему действий всех участников: от наркодилера до наркопотребителя.

Особенность взаимодействия следователя и органа дознания состоит в том, что его субъектом всегда является следователь — главный управляющий данной системой, а партнерами — различные лица и органы (исполнители, соисполнители, соуправляющие). Сначала следователь определяет общую задачу, затем промежуточные, намечает круг партнеров, рассматривает вопрос о предварительном распределении обязанностей между ними, устанавливает с ними контакт. При получении согласия на участие начинается реальное взаимодействие. Здесь происходят сбор информации и переработка дополнительной информации, необходимой для дальнейшей совместной работы. На втором этапе отделяются задачи каждого субъекта взаимодействия, пути и средства их решения

с одновременным обеспечением контроля за результативностью совершаемых действий и корректировкой реализуемой программы. Третий этап заключается в передаче партнерам собранной информации, ее анализе, оценке, использовании. В тех случаях, когда взаимодействие носит продолжительный характер, а не является кратковременной, разовой акцией, оно предполагает постоянное совершенствование, оптимизацию всех звеньев и механизмов совместной деятельности в целях повышения ее эффективности [6, с. 60].

В соответствии с иерархией и соподчиненностью элементов взаимодействия его формы можно разделить на процессуальные и организационные. К первым относятся основанные на уголовно-процессуальном законе способы сотрудничества, обеспечивающие согласованный характер деятельности и целесообразное сочетание в уголовном процессе возможностей элементов взаимодействия в борьбе с преступностью. Вторые представляют собой конкретные способы связи между следователем и другими органами, которые делают возможным их согласованное участие в уголовном судопроизводстве [7, с. 70].

Выбор форм взаимодействия зависит от конкретной следственной ситуации, ее информационной насыщенности и полноты. Необходимость более эффективного использования и сочетания форм взаимодействия при проведении расследования обусловлена тем, что любые результаты оперативно-разыскной или иной деятельности окажутся абсолютно бесполезными, если информация, отраженная в них, не будет подтверждена в установленном уголовно-процессуальном законодательством порядке. В то же время работа лица, в чьем производстве находится уголовное дело, не будет иметь успеха без своевременного ее сопровождения оперативно-разыскными мероприятиями, позволяющими обнаружить сведения, получение которых с помощью следственных действий просто невозможно.

Раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков имеют свои особенности. Их знание нужно для успешного использования следователем имеющихся в его арсенале средств и методов [8, с. 28]. Эффективность расследования преступления указанного вида непосредственно зависит от своевременного принятия решения о возбуждении уголовного дела, на что оказывают влияние слаженные и взаимообусловленные действия органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность и предварительное расследование.

На этапе проверки информации о признаках преступления в сфере незаконного оборота нар-

котиков проводятся оперативно-разыскные мероприятия, направленные на выявление и пресечение преступной деятельности, установление преступника, обеспечение сохранности предметов преступного посягательства, установление и закрепление следов преступления. Подготовка следственных первичных материалов играет значительную роль при возбуждении уголовного дела. Раскрытие и расследование незаконного оборота наркотиков начинается с установления события совершения преступления. Именно здесь появляются сведения о том, что некое лицо (группа лиц) участвует в наркооперациях. Квалифицировать информацию, способствующую возбуждению уголовного дела по наркопреступлениям, можно следующим образом:

1) имеются фактические данные о совершенном или совершаемом преступлении в сфере незаконного оборота наркотиков, полученных из различных источников (сообщений граждан, материалов средств массовой информации в ходе расследования преступления);

2) осуществлен инициативный поиск наркопреступников (сбытчиков, курьеров, посредников) оперативными сотрудниками.

Взаимодействие следователя и оперативных работников должно быть четко спланировано. Статус первого определяет его правовое положение при получении информации о преступлении и ее использовании в расследовании: следователь не только выполняет руководящую функцию, но и несет персональную ответственность за принимаемые им ситуационные решения и результаты расследования в целом. Однако необходимо отметить, что при раскрытии и расследовании незаконного оборота наркотиков взаимодействие между следователем и оперативным работником особенно важно.

После получения материалов доследственной проверки следователь и оперативник должны сопоставить ее с другими источниками с учетом всех неотложных следственных действий (с недопущением потери доказательств), внести в будущий план раскрытия допросы выявленных лиц, а также определить ход расследования дела.

Выделим основные формы взаимодействия следователя с оперативниками до и после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела:

— планирование процессуальных и следственных действий, направленных на раскрытие и расследование преступления;

— совместное обсуждение вопросов по проведению действий, направленных на обнаружение лиц, участвующих в совершении наркопреступлений; определению действий, предшествующих моменту возбуждения уголовного дела, путей расследова-

ния, методов и тактики осуществления проверки полученной информации; содействию оперативных работников следователю при производстве отдельных следственных действий (включая выполнение действий по поручениям), совместных выездов в другие города для проведения следственных действий; участию в различных процессуальных и следственных действиях (задержание, предъявление для опознания людей, предметов и др.).

Основой успешного решения указанных задач являются умение следователя правильно ориентироваться в исходной информации, знание им методических рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений данного вида, четкое представление о производстве оперативно-разыскных мероприятий, способность налаживать и поддерживать на должном уровне взаимодействие с оперативным аппаратом посредством согласованного планирования, координирования действий, консультирования, обеспечения оперативного сопровождения всего хода расследования.

Взаимодействие следователя с органом дознания должно осуществляться на основе единого согласованного плана, который в соответствии с ведомственными рекомендациями должен содержать:

1) изложение следственных и розыскных версий;

2) все, что вытекает из этих версий, т. е. перечень обстоятельств, подлежащих установлению и выяснению по каждой из выдвинутых версий;

3) перечень необходимых действий, с помощью которых должны быть установлены или исследованы эти обстоятельства и порядок таких действий;

4) перечень розыскных мероприятий, осуществляемых следователем;

5) изложение обстоятельств, подлежащих установлению оперативным путем (сами оперативно-разыскные меры, пути установления этих обстоятельств в плане не указываются);

6) сроки исполнения (в том числе промежуточные) обмена информацией, корректировки плана (при необходимости);

7) исполнители по каждому пункту плана [9, с. 65—66].

Оперативно-разыскные мероприятия планируются отдельно оперативным сотрудником. Рекомендуется уделять особое внимание согласованности планируемых мероприятий и следственных действий по времени, месту, срокам окончания, участникам. Единый план рассматривается руководителями следственного подразделения и соответствующей оперативной службы. Особенно важны согласованность и своевременная корректировка начального этапа расследования, от этого зависит успех раскрытия преступления по горячим следам,

установление и розыск виновного. Вместе с тем роль оперативно-разыскной деятельности в расследовании и раскрытии наркопреступлений и преодолении противодействия чрезвычайно велика, так как сотрудники оперативных подразделений включаются в работу еще до возбуждения уголовного дела и осуществляют его оперативное сопровождение на всех этапах расследования.

Необходимость взаимодействия следователя с оперативными подразделениями объясняется тем, что они наделены разными полномочиями, используют различные средства и методы, сочетание которых может принести желаемый результат. Деятельность следователя протекает в процессуальных формах, а деятельность органов дознания заключается в производстве оперативно-разыскных мероприятий. Их объединение позволяет повысить качество расследования.

Непременным условием принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела является строгая регламентация уголовно-процессуальным законом деятельности всех лиц, участвующих на данной стадии. Одно из направлений выявления незаконного оборота наркотиков — это организация оперативно-разыскных и профилактическо-заградительных мероприятий по перекрытию транзита наркотиков через территорию России. Такие действия включают в себя проведение целевых рейдов, создание контрольно-пропускных пунктов на путях ввоза и транзита наркотических средств (психотропных веществ), создание заслонов на основных транспортных узлах и магистралях.

Без использования научных средств и инновационных методов выявление современных способов сбыта наркотиков затруднительно. В ходе проведения следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий можно выявить специфику деятельности подозреваемых лиц: установить наличие каналов наркотрафика; лиц, находящихся в административно-организаторской или «обеспечивающей» линии.

Сегодня в развитых странах мира ни один человек не обходится без услуг сотовых операторов. Члены преступных групп здесь не исключение. В результате анализа следственной и судебной практики можно с уверенностью сказать, что лица, занимающиеся преступной деятельностью, используют от 5 до 40 sim-карт разных сотовых операторов, зарегистрированных на иных лиц или несуществующих лиц, и имеют не менее 5—15 телефонных аппаратов [5].

Получение информации в ходе контроля и записи переговоров или контроля почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений и прослушивания телефонных переговоров носит исключительный характер, так как иными способами тщательно замаскированные преступления выявить, раскрыть и успешно расследовать практически невозможно.

Взаимодействие следователя и органа должно продолжаться на протяжении всего расследования преступления, включая сопровождение уголовного дела в суде. Только тогда оно имеет смысл и отвечает требованиям времени.

1. Состояние преступности: архивные данные. URL: <https://мвд.рф/reports/1> (дата обращения: 03.12.2019).

2. Кушпель Е. В., Кулешов П. Е. Особенности методики расследования незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ, совершенных с использованием высоких технологий // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 4, № 7. С. 26—31.

3. Клименко И. И. Взаимодействие следователя и органа дознания при проведении тактических операций // Вестник Барнаульского юридического института. 2004. № 7. С. 92—96.

4. Пупцева А. В. Некоторые особенности выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с помощью сети «интернет» бесконтактным способом // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 3 (46). С. 146—150.

5. Иванов В. В., Холопова Е. Н. Использование результатов оперативно-розыскного мероприятия

1. Crime state: archival data. Available from: <https://мвд.рф/reports/1>. Accessed: 3 December 2019.

2. Kushpel E. V., Kuleshov P. E. Features of the methodology for investigating the illegal sale of narcotic drugs and psychotropic substances committed using high technology. *Successes in modern science and education*. 2016; 4; 7: 26—31.

3. Klimenko I. I. Interaction of the investigator and the body of inquiry during tactical operations. *Bulletin of the Barnaul Law Institute*. 2004; 7: 92—96.

4. Puptseva A. V. Some features of the identification, disclosure and investigation of crimes in the field of drug trafficking committed using the Internet in a non-contact manner. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2018; 46 (3): 146—150.

5. Ivanov V. V., Kholopova E. N. Use of the results of the operational-search measure "wiretap

«прослушивание телефонных переговоров» в выявлении и раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Лебедев Н. Ю. Взаимодействие органов, осуществляющих уголовно-процессуальную, оперативно-розыскную и экспертно-криминалистическую деятельность как один из элементов криминалистической характеристики предварительного расследования // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы II междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2004. С. 31—33.

7. Доможеров В. В. Организационная и процессуальная сущность взаимодействия сил и средств при раскрытии и расследовании преступлений // Современные возможности судебных экспертиз при расследовании преступлений: материалы всерос. интернет-конф. (20 апреля — 30 июля 2006 г.). Челябинск: Челябинский юрид. ин-т МВД России, 2006.

8. Клименко И. И. О некоторых проблемах взаимодействия следователей и органа дознания // Адвокатская практика. 2007. № 1. С. 26—29.

9. Взаимодействие следователя с органами дознания, другими государственными органами и общественностью при расследовании и предупреждении преступлений. Теория оперативно-розыскной деятельности: учеб.-метод. комплекс / сост. В. В. Дементьев. Саратов: Саратовская гос. юрид. академия, 2011.

ping" in the identification and disclosure of crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

6. Lebedev N. Yu. Interaction of bodies engaged in criminal procedural, operational investigative and forensic activities as one of the elements of the forensic characteristics of the preliminary investigation. In: Actual problems of the fight against crimes and other offenses. Materials of the II international scientific-practical conference. Barnaul: Barnaul law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2004: 31—33.

7. Domojеров V. V Organizational and procedural essence of the interaction of forces and means in the disclosure and investigation of crimes. In: Modern possibilities of forensic examinations in the investigation of crimes. Materials of all-Russian internet conference (20 April — 30 July 2006). Chelyabinsk: Chelyabinsky law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2006.

8. Klimenko I. I. On some problems of the interaction of investigators and the body of inquiry. Law practice. 2007; 1: 26—29.

9. Interaction of the investigator with the bodies of inquiry, other state bodies and the public in the investigation and prevention of crimes. The theory of operative-search activity. Training and methodology complex. Compiled is V. V. Dementiev. Saratov: Saratov State Legal Academy; 2011.

© Пупцева А. В., Закатов А. А., 2020

© Puptseva A. V., Zakatov A. A., 2020

Пупцева Анна Викторовна,
начальник кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: anna.pupceva@mail.ru

Закатов Александр Александрович,
профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: anna.pupceva@mail.ru

Puptseva Anna Viktorovna,
head of the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: anna.pupceva@mail.ru

Zakatov Alexander Alexandrovich,
professor of the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: anna.pupceva@mail.ru

А. А. Сейноров

**ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 232 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
СОВЕРШЕННЫХ В СОСТАВЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ**

В статье уделено внимание особенностям и актуальным вопросам документирования преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 232 Уголовного кодекса Российской Федерации, которые совершены организованной группой. Отмечено, что специфика здесь заключается в проявлении преступлений: во-первых, группой лиц, составляющих преступную организацию; во-вторых, в помещении, которое признано местом совершения преступления (притоном); в-третьих, путем включения в преступную сферу наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. В статье исследуются сложности, возникающие в документировании данных преступлений. Они выражаются, в частности, в проблематике установления численности лиц, которыми осуществляется употребление запрещенных средств, веществ в притонах и помещениях, предназначенных для подобных целей. Отмечено, что указанные деяния характеризуются значительным уровнем латентности, а существование притонов, где происходит потребление, выявляется на стадии расследования преступлений, которые связаны с противозаконным оборотом запрещенных наркотических средств, т. е. профилактика подобных уголовно наказуемых деяний осложнена.

Ключевые слова: органы внутренних дел, документирование, групповая преступность, притон, наркотические средства, психотропные вещества, аналоги, организованная группа, преступное сообщество.

A. A. Seinoroev

**FEATURES OF DOCUMENTING CRIMES PROVIDED ARTICLE 232
OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION
COMMITTED AS PART OF AN ORGANIZED GROUP**

The article pays attention to the peculiarities and topical issues of documenting the crimes provided for in Part 2 of Article 232 of the Criminal Code of the Russian Federation, which were committed by an organized criminal group. It is noted that such specificity lies in the peculiarities of the manifestation of these crimes: first, by a group of persons constituting a criminal organization; secondly, in a room that is recognized as the place where the crime was committed (the dock); thirdly, by including narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors in the criminal sphere. The article explores the difficulties that arise in documenting these crimes, which are manifested, inter alia, in the identification of the number of persons who use prohibited means, substances in inflows and premises intended for such purposes. It is noted that these acts are characterized by a significant level of lateness, and the existence of brothels in which consumption takes place is detected at the stage of investigation of crimes related to illegal traffic in illicit drugs, that is, the prevention of such criminal acts is complicated.

Key words: internal affairs agencies, documentation, group crime, brothel, narcotic drugs, psychotropic substances, analogues, organized group, criminal community.

В России на современном этапе ее развития вопросам противодействия, эффективного документирования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, уделяется особое внимание. Одним из важных направлений здесь признана деятельность органов внут-

ренних дел Российской Федерации по пресечению и расследованию преступлений в сфере противозаконной деятельности организованных групп по формированию притонов, созданных для потребления наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров. Общеизвестно, что подоб-

ные наркопритоны оказывают негативное влияние на все российское общество, традиционные ценности нашей страны, являются причиной социального напряжения.

Проблемы документирования преступлений, предусмотренных ст. 232 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1], которые совершены организованной группой, осложняется тем обстоятельством, что сегодня и в России, и во всем мире наблюдается ротация форм и методов деятельности с преступным сегментом: организованные преступные сообщества (организации), совершающие рассматриваемые преступления, часто являются составляющей других преступных сообществ, участвующих в террористических акциях [2, с. 37; 3, с. 349].

Особую опасность представляет тот факт, что на современном этапе незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров осуществляется в теневом сегменте сети «Интернет» (DarkNet), многие информационные ресурсы располагаются на площадках сайтов иностранных государств, в связи с чем существует проблема их выявления. При документировании преступлений, предусмотренных ст. 232 УК РФ, которые совершены организованной группой, необходимо обратить внимание на то, что они совершаются одной организованной группой в разных субъектах России.

Феномен групповой преступности в соответствии с национальным уголовным правом составляют уголовно наказуемые деяния, которые совершены группой лиц, а также группой в рамках предварительного сговора либо группой с характеристиками частично организованной консолидации (ч. 1, 2 и 3 ст. 35 УК РФ). Верховным Судом Российской Федерации отмечено, что преступное сообщество (преступная организация) может функционировать как в форме структурированной организованной группы, так и в форме объединения подобных групп под единым руководством. При этом закон не устанавливает правовых различий между понятиями «преступное сообщество» и «преступная организация». Под структурированной организованной группой следует понимать группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящую из подразделений (подгрупп, звеньев и т. п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий. Структурированной организованной группе помимо общего руководства свойственно взаимодействие различных подраз-

делений для реализации общих преступных намерений, распределение функций, наличие специализации в выполнении действий при совершении преступления, другие формы обеспечения деятельности преступного сообщества (преступной организации) [4].

Исходя из буквального толкования ч. 3 ст. 35 УК РФ, можно выделить четыре признака организованной группы: состоит из нескольких лиц, лица заранее объединились, целью является совершение одного или нескольких преступлений, имеет устойчивый характер. Основные характеристики устойчивости организованной группы: высокая степень организованности, стабильность группы и ее организованной структуры, наличие устоявшихся форм и методов преступной деятельности, постоянство применяемых форм и методов этой деятельности, предварительное объединение членов организованной группы. Указанные признаки определяют количественную и качественную характеристики организованной группы, которые регламентированы помимо ч. 3 ст. 35 УК РФ в нормах Особенной части УК РФ в качестве обстоятельств, в отношении которых предусмотрено более строгое наказание [5, с.167]. В связи с этим осложняется документирование преступлений, предусмотренных ст. 232 УК РФ, совершенных в составе организованной группы. Действительно, глобализация преступности в современном обществе, включая сферу организации, содержания притонов, систематического предоставления объектов недвижимости для употребления веществ с наркотическим содержанием организованной группой (ст. 232 УК РФ) — негативная особенность состояния преступности, приобретающая статус преступной «индустрии», «бизнеса» в форме преступной организации, что должно отражаться на документировании преступлений и, соответственно, на профилактических мерах по борьбе с подобными преступлениями. Озабоченность здесь вызывают организованные группы несовершеннолетних с криминальным аспектом, которые, как показывает практика, часто представляют собой субъектов преступного деяния по ст. 232 УК РФ. Следовательно, специфика документирования преступлений, предусмотренных указанной статьей, которые совершены организованной группой, включая организации несовершеннолетних, заключается в особенностях сбора доказательств о следующих проявлениях преступлений: во-первых, совершение группой лиц, составляющих организованную группу; во-вторых, в помещении, которое признано местом совершения преступления (притон); в-третьих,

путем включения в преступную сферу наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в контексте норм Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» [6] и постановлений Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [7], «О порядке представления сведений о деятельности, связанной с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также о культивировании растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и регистрации операций, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ» [8] и др.

Объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 232 УК РФ, составляют следующие альтернативные действия: организация либо содержание притонов; систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ, или их аналогов. Соответственно, для привлечения к уголовной ответственности необходимо наличие хотя бы одного из указанных действий.

Под организацией притона для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, как указал Верховный Суд Российской Федерации, нужно понимать подыскание либо приобретение, а также наем объекта недвижимости (жилого, нежилого), его финансирование и ремонт, обустройство различными приспособлениями и совершение иных действий, направленных на его дальнейшее использование для потребления перечисленных веществ несколькими лицами. Содержание притона Верховный Суд Российской Федерации определяет как умышленные действия, ориентированные на использование помещения, отведенного и/или приспособленного для потребления наркотических средств или психотропных веществ, оплату расходов, связанных с существованием притона после его организации либо эксплуатации помещения (внесение арендной платы за его использование, регулирование посещаемости, обеспечение охраны и т. п.). Содержание притона будет признано оконченным только тогда, когда помещение фактически использовано одним лицом или различными лицами несколько раз для реализации указанных действий. При этом не принимается во внимание наличие корыстной либо другой цели [13].

Чтобы правильно квалифицировать организацию или содержание притонов для потребления

наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенных организованной группой, в процессе документирования необходимо собрать следующие доказательства: временной промежуток существования преступной группы (продолжительность функционирования); однократность (неоднократность) совершения преступления, предусмотренного ст. 232 УК РФ, членами организованной группы; техническая оснащенность членов группы; распределение ролей (функций) между ними и согласованность их действий в целях реализации общих преступных намерений при совершении преступления, предусмотренного ст. 232 УК РФ; наличие заранее разработанного плана преступной деятельности организованной группы — преступного плана функционирования наркопритона, приобретения и доставки компонентов и инструментов для изготовления наркотических средств, разработка графика совместной преступной деятельности, проведение технологических перерывов, обновление компонентов и инструментов и т. п. Последний признак также предполагает наличие в группе организатора или организаторов; стабильность состава; наличие постоянных связей между ее членами; другие обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы: медработники, фармацевты, спортсмены, военные; четкая конспирация и прикрытие, в том числе с использованием коррупционных связей; развитая система безопасности, создающая мощную защиту от государственного и социального контроля; использование информационных технологий в подборе клиентов) [9, с. 26—35].

Характер действий лиц, свершающих преступление, предусмотренное ст. 232 УК РФ, в составе организованной группы, может быть различным, что необходимо учитывать при документировании. Он может состоять в разработке плана по созданию притона и его реализации; выборе определенного помещения, участка местности для использования в качестве притона; сборе средств для создания притона; подборе соучастников либо клиентов; купле-продаже специальных приспособлений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; приобретении помещения, участка местности в собственность, аренду; приспособлении имеющегося помещения, участка местности для преступных целей.

Сложности в документировании рассматриваемых преступлений также обусловлены проблемами установления численности лиц, включенных в состав организованной группы, и лиц, которые употребляют запрещенные средства в притонах

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

и иных помещениях, использующихся с подобной целью. Кроме того, данные деяния характеризуются высоким уровнем латентности, а совершение преступлений, предусмотренных ст. 232 УК РФ, организованной группой, и существование притонов выявляются на стадии документирования преступлений, связанных с незаконным оборотом запрещенных наркотических средств, психотропных веществ, или их аналогов. При этом очевидным является тот факт, что наибольший объем наркосодержащих веществ и средств, поступающих в незаконный оборот за последние годы, потребляется именно в притонах [10]. Здесь же нередко происходит склонение и дальнейшее вовлечение лиц в преступную деятельность, формируется благоприятная почва для подготовки и совершения более тяжких преступлений.

По данным независимых аналитиков Организации Объединенных Наций за последние 10 лет в России количество наркозависимых увеличилось в 11 раз. **На долю нашей страны приходится 1/5 часть мирового оборота наркотиков**, 8 тыс. человек обладают статусом наркозависимого лица;

наибольшая группа лиц, страдающих наркоманией, — от 15 до 18 лет; 90 % лиц употребляют наркотики путем инъекций; ежегодно 90 тыс. человек начинают потребление на постоянной основе; 18 млн российских граждан имели опыт потребления; 70 тыс. чел. ежегодно умирают от наркозависимости [11]. Все это усугубляет криминальную обстановку, усложняют процесс документирования, препятствуют профилактике преступности, т. е. способствуют росту преступлений, которые совершены на почве наркомании и связаны с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Однако необходимо помнить о том, что латентный характер рассматриваемых преступлений может несколько исказить статистические данные. По сведениям Агентства правовой информации России, в 2018 г. по ч. 3 ст. 232 УК РФ осуждены к лишению свободы 3 человека, тогда как по ч. 1 ст. 232 УК РФ — 14 человек, по ч. 2 ст. 232 УК РФ — 1 042 человека [12] (табл. 1).

Таблица 1

Количество лиц, понесших наказание по ст. 232 УК РФ в 2018 г.

Показатель	Осуждено	Оправдано	Лишение свободы	Условное лишение свободы	Ограничение свободы	Штраф	Исправительные работы	Обязательные работы	Принудительные меры к невменяемым
Ч. 1 ст. 232 УК РФ	1 042	0	396	637	4	1	3	0	16
Ч. 2 ст. 232 УК РФ	147	1	75	64	4	0	2	2	0
Ч. 3 ст. 232 УК РФ	3	0	3	0	0	0	0	0	0

Документирование рассматриваемых преступлений осуществляется посредством комплекса действий сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, которая заключается в корреляции оперативно-разыскных мероприятий с рядом административно-правовых мер. В рамках предварительной проверки анализируется совокупность сведений о совершении преступлений, предусмотренных ст. 232 УК РФ, в составе организованной группы, деятельности притона, где происходит потребление наркотических средств, психотропных

веществ или их аналогов. Эта информация может быть получена разными способами: из заявлений и сообщений лиц, обратившихся официально, либо анонимно в правоохранительные органы; в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Подготовительные мероприятия по документированию: получение оперативной информации о причастности каждого из участников организованной группы к совершению преступления, предусмотренного ст. 232 УК РФ; проверка информации (проведение опросов, прослушивание телефонных переговоров и т. д.); оформление соответ-

ствующего рапорта; подбор лица, добровольно изъявляющего намерение участвовать в оперативном внедрении в организованную группу; получение его согласия; вынесение и утверждение постановления о проведении оперативно-разыскных мероприятий. Кроме того, на предварительном этапе осуществляется анализ информации, полученной от граждан, из средств массовой информации, сообщений сотрудников других правоохранительных органов и пр. Последующее документирование осуществляется путем установления лиц, составляющих организованную группу, их функций, личности собственника помещений, которые признаны местом совершения преступления, предусмотренного ст. 232 УК РФ, где осуществляется потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В ходе документирования сотрудники органов внутренних дел проводят опрос соседей, других физических лиц, в частности тех, которые занимаются предпринимательской деятельностью в интересующем объекте недвижимости. Необходимо выяснить, поступали ли жалобы на шум, запах химикатов, наличие шприцев и т. д. В дальнейшем документирование связано с установлением физических лиц, которые являются организаторами, содержателями притона, либо лиц, систематически предоставляющих помещения для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Кроме того, в ходе документирования нужно выяснить, не подвергались ли лица, в отношении которых идет проверка, административной ответственности по ст. 6.8, 6.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [13].

Реализация полученных материалов включает привлечение незаинтересованных граждан; проведение личного досмотра каждого из членов организованной группы, совершивших преступление, предусмотренное ст. 232 УК РФ; осмотра с применением технических средств фиксации; осмотра помещения (притона), транспортного средства; фиксацию полученной информации, в том числе передачу запрещенных предметов или веществ внедренному лицу и др.

Завершающая стадия документирования включает оформление акта проведения оперативно-разыскных мероприятий; направление полученных предметов, веществ на предварительное исследование, по результатам которого регистрируется рапорт о наличии признаков преступления, являющихся основанием для возбуждения уголовного дела по ст. 232 УК РФ.

Для повышения качества документирования преступлений, предусмотренных ст. 232 УК РФ, нужно учитывать, что согласно ч. 3 данной статьи организация, содержание притонов, систематическое предоставление объектов недвижимости в целях употребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенные организованной группой, наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. При этом законодатель отмечает, что систематическое предоставление в контексте ст. 232 УК РФ представляет собой предоставление объекта недвижимости с указанной целью более двух раз (примечание к ст. 232 УК РФ).

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Азарова И. В. Основные тенденции и закономерности преступности в России и странах содружества независимых государств: криминологический взгляд на современные мировые процессы и угрозы безопасности // Мир науки и образования. 2017. № 1(9). С. 37.

3. Азарова И. В. Проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика // Материалы V междунар. науч.-практ. конф. Тамбов, 2016. С. 349—350.

4. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сооб-

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996 No. 63-FZ. Collection of legislation of Russian Federation. 1996; 25; art. 2954.

2. Azarova I. V. The main trends and patterns of crime in Russia and the countries of the Commonwealth of Independent States: criminological look at modern world processes and security threats. World of Science and Education. 2017; 9 (1): 37.

3. Azarova I. V. In Problems of criminal law, criminology, criminal procedure and criminal law: theory and practice. In: Materials of the V international scientific practical conference. Tambov; 2016: 349—350.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10 June 2010

щества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 // Рос. газ. 2010. 17 июня.

5. Клейменов И. М., Козловская М. Г., Клейменова М. П. Нормативный подход к организованной преступности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16. № 1. С. 167—177.

6. О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

7. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 // СЗ РФ. 1998. № 27. Ст. 3198.

8. О порядке представления сведений о деятельности, связанной с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также о культивировании растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и регистрации операций, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ» (вместе с Правилами представления юридическими лицами отчетов о деятельности, связанной с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также о культивировании растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, Правилами ведения и хранения специальных журналов регистрации операций, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ): постановление Правительства Российской Федерации от 4 ноября 2006 г. № 644 // СЗ РФ. 2006. № 46. Ст. 4795.

9. Мальков С. М. Квалификация преступлений, предусмотренных статьей 232 УК РФ, совершенных группой лиц по предварительному сговору и организованной группой // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 3 (16). С. 26—36.

10. Москвичев А. А. Содержание притонов и систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов как формы содействия преступной деятельности // Общество и право. 2017. № 7. С. 65.

11. Статистика наркомании в России 2019. URL: <https://gdp-law.ru/roditelskie-prava/statistika-narkomanii-v-rossii-2019> (дата обращения: 24.11.2019).

No. 12. "On the judicial practice of considering criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (her)". Rossiyskaya gazeta. 2010; 17 June.

5. Kleimenov I. M., Kozlovskaya M. G., Kleymenova M. P. A normative approach to organized crime. Bulletin of the Omsk University. Series "Law". 2019; 16; 1: 167—177.

6. Federal Law of 8 January 1998 No. 3-FZ. "On narcotic drugs and psychotropic substances". Collection of legislation of Russian Federation. 1998; 2; art. 219.

7. Decree of the Government of the Russian Federation of 30 June 1998 No. 681. "On approval of the list of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors subject to control in the Russian Federation". Collection of legislation of Russian Federation. 1998; 27; art. 3198.

8. Decree of the Government of the Russian Federation of 4 November 2006 No. 644. "On the procedure for submitting information on activities related to the turnover of narcotic drugs and psychotropic substances, as well as on the cultivation of plants containing narcotic drugs or psychotropic substances or their precursors, and recording operations related to the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances" (together with the Rules for the submission by legal entities of reports on activities related to the turnover of narcotic drugs and psychotropic substances, as well as on the cultivation of plants containing narcotic drugs thyra or psychotropic substances or their precursors, the Rules for maintaining and storing special registers of operations related to the turnover of narcotic drugs and psychotropic substances)". Collection of legislation of Russian Federation. 2006; 46; art. 4795.

9. Malkov S. M. Qualification of crimes provided for in article 232 of the Criminal Code of the Russian Federation committed by a group of persons by prior conspiracy and organized group // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia. 2014; 16 (3): 26—36.

10. Moskvichev A. A. The maintenance of dens and the systematic provision of premises for the consumption of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues as a form of facilitating criminal activity. Society and Law. 2017; 7: 65.

11. Drug addiction statistics in Russia 2019. Available from: <https://gdp-law.ru/roditelskie-prava/statistika-narkomanii-v-rossii-2019>. Accessed: 24 November 2019.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

12 Судебная статистика РФ, представленная Агентством правовой информации России. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14-/s/17> (дата обращения: 24.11.2019).

13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 31 (Ч. 1). Ст. 1.

© Сейноров А. А., 2020

Сейноров Ахмед Адамович,
заместитель начальника
Управления по контролю
за оборотом наркотиков
МВД по Республике Ингушетия;
e-mail: aseinoroev@yandex.ru

12 Judicial statistics of the Russian Federation, submitted by the Legal Information Agency of Russia. Available from: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14-/s/17>. Accessed: 24 November 2019.

13. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30 December 2001 No. 195-FZ. Collection of legislation of Russian Federation. 2001; 31 (Part 1); art. 1.

© Seinoroev A. A., 2020

Seinoroev Akhmed Adamovich,
deputy head of drug control department
of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Ingushetia;
e-mail: aseinoroev@yandex.ru

* * *

П. М. Тумов

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируются перспективы развития частного обвинения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. С одной стороны, уголовное судопроизводство носит публичный характер, это его объективное состояние, обусловленное правовой природой уголовно-процессуальной деятельности как реакции государства на преступление. Поэтому уголовное судопроизводство не может стать частным, и частные начала в нем не должны доминировать. С другой стороны, вполне возможно некоторое расширение круга преступлений, дела о которых относятся к частному обвинению. Выделяются материально-правовые и процессуальные условия отнесения деяний к частному обвинению: невысокая общественная опасность, посягательство, прежде всего, на права и свободы конкретного человека, отсутствие необходимости производства следственных действий, направленных на изъятие материальных объектов. Кроме того, обосновывается нецелесообразность признания делами частного обвинения преступлений с административной преюдицией. Констатируется, что отнесение дела к частному обвинению призвано облегчить, а не усложнить для потерпевшего доступ к правосудию.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, публичность, частное обвинение, потерпевший, административная преюдиция.

Р. М. Titov

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF PRIVATE PROSECUTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyses the prospects for the development of private prosecution in criminal proceedings of the Russian Federation. On the one hand, criminal proceedings are of a public nature, which is an objective state due to the legal nature of criminal proceedings as a reaction of the State to the crime. Therefore, criminal proceedings cannot become private, and private beginnings should not dominate it. On the other hand, it is possible to expand somewhat the range of crimes for which private charges relate. The substantive and procedural conditions for the attribution of acts to private charges are identify: low public danger, attack primarily on the rights and freedoms of a particular person, the absence of the need to carry out investigative actions aimed at the removal of material objects. In addition, it is justified that cases of private prosecution are not recognized as offences with administrative prelude. It is stated that the classification of the case as a private charge is intended to facilitate, rather than complicate, the victim's access to justice.

Key words: criminal proceedings, publicity, private prosecution, victim, administrative prejudice.

Уголовное судопроизводство носит публичный характер. Следует отметить, что подобное состояние отнюдь не вызвано недемократической природой государства, а присуще уголовному процессу всех стран и времен. Дело в том, что по своей социальной сути уголовно-процессуальная деятельность представляет собой реакцию на преступление, которым является общественно опасное деяние, посягающее не только на интересы конкретного потерпевшего, но и на определенные

общественные отношения. Общественные отношения — это интересы отдельных физических и юридических лиц, которым потенциально угрожает лицо, совершающее преступное деяние. Иными словами, виновный совершает преступление, поскольку отрицательно либо пренебрежительно относится к принятым в обществе ценностям, не считает их важными для себя. Из-за этого он может в любой момент совершить подобное деяние против любого лица. Такая ситуация угрожает

всем членам общества и требует вмешательства государства.

Именно на государство возложено обеспечение правоохранительной функции. В любом демократическом обществе пресечением и раскрытием преступных деяний должен заниматься не сам потерпевший, а компетентные государственные органы: полиция, органы дознания и предварительного следствия, прокуратуры, а также суд, рассматривающий уголовное дело по существу.

В настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) не закрепляет цели уголовного судопроизводства, что представляется серьезным упущением, на которое неоднократно обращалось внимание учеными-процессуалистами. Вместе с тем отсутствие нормативного закрепления целей уголовного процесса не так критично. Во-первых, в законе определено назначение уголовного судопроизводства, в том числе защита прав пострадавших от преступлений. Во-вторых, цели уголовно-процессуальной деятельности должны учитывать задачи уголовного законодательства, достаточно четко сформулированные в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ): «охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений» [1].

Таким образом, направленность на защиту прав потерпевших от преступлений, безусловно, характерна для уголовного судопроизводства, неважно, называется это целью или назначением соответствующего вида деятельности.

Полномасштабная защита прав потерпевших независимо от вида преступления возможна только в условиях публичного уголовного процесса. Поскольку, как было отмечено, все преступления обладают свойством общественной опасности, уголовный процесс в целом может быть только публичным.

А. В. Смирнов выделяет две основные характеристики публичности уголовного процесса: официальность и доступность [2, с. 48—50]. Официальность означает, что уголовное судопроизводство начинается и развивается по факту совершения преступления, независимо от мнения и желания лица, пострадавшего от него, и тем более лица, совершившего преступное деяние. Такое состояние отнюдь не означает игнорирования мнения потерпевшего, оно лишь учитывает объективную реальность — обусловленность уголовно-про-

цессуальной деятельности фактом совершения общественно опасного деяния. Доступность проявляется в том, что пострадавший не обязан проводить весь комплекс действий по установлению лица, его совершившего, собирать доказательства его причастности к преступлению, он лишь должен сигнализировать о соответствующем факте в компетентные правоприменительные органы, которые осуществляют все необходимые действия и принимают требующиеся решения.

Вместе с тем публично-правовой характер уголовного судопроизводства не исключает присутствия и определенного расширения в нем частных начал. Необходимо отметить, что в целом частные начала в уголовно-процессуальной деятельности должны считаться исключением, они не могут доминировать и занимать слишком важное место, поскольку это противоречит природе общественных отношений, по поводу которых возникает и развивается уголовно-процессуальная деятельность. Исходя из этого, сложно согласиться с Т. Л. Баталовой, предлагающей рассматривать частное обвинение в уголовном судопроизводстве в качестве института частного права [3, с. 148—152; 4, с. 31—34]. Частное обвинение, являясь разновидностью уголовно-процессуальной деятельности и подчиняясь ее общим принципам, все равно основано на публично-правовом фундаменте, представляя лишь определенную совокупность исключений из него [5, с. 22]. Частное обвинение нельзя считать неким «чужеродным» для уголовного процесса явлением, «взятым» из частного права и искусственно внедренным в ткань уголовного судопроизводства. Частное обвинение вполне укладывается в рамки уголовно-процессуальных правоотношений, не имеет от них принципиальных отличий и естественным образом дополняет определенные сферы действия уголовно-процессуального закона.

Ограниченность наличия частных начал имеет количественный и качественный характер. Количественная ограниченность означает, что не может быть слишком большого числа преступлений, уголовное преследование по которым осуществляется в частном порядке. Это объясняется тем, что преступления посягают на защищаемые государством социально значимые общественные отношения, а если деяние не представляет общественной опасности, оно, как правило, подлежит декриминализации. Качественная ограниченность касается порядка уголовного судопроизводства по делам частного обвинения. Безусловно, частное обвинение не может иметь такую нормативную конструкцию, которая затрудняла бы для потерпевшего доступ

к правосудию. Например, возложение на потерпевшего самостоятельной обязанности по установлению таких обстоятельств совершенного преступления, которые не могут быть эффективно выяснены лицом, не наделенным государственно-властными полномочиями, противоречит конституционному праву на доступ к правосудию.

Некоторое расширение частных начал в публичном уголовном судопроизводстве обусловливается, прежде всего, определенным уважением к мнению потерпевшего о необходимости осуществления уголовного преследования лица, совершившего преступное деяние. Именно это обстоятельство является главным при законодательном отнесении того или иного преступления к кругу дел частного обвинения. Недопустимо исходить из процессуальной экономии, стремления избавить государственные органы от расследования каких-либо преступлений. Сложно согласиться с учеными, усматривающими основную ценность частного обвинения именно в этом [6, с. 172]. Такая «оптимизация» в данном случае совершенно неуместна, поскольку в подобном виде она будет прямо нарушать конституционное право потерпевшего на доступ к правосудию.

Однако недопустима и иная крайность — призывы отказаться от частного обвинения как такового, поскольку данные дела ложатся слишком тяжелым бременем на мировых судей, которые в силу неопытности могут допустить ошибки при их рассмотрении [7, с. 27—33]. Это сугубо корпоративный подход, в рамках которого предлагается просто переложить решение сложной проблемы с одного субъекта на другого. Прессинг со стороны недобросовестных заявителей (хотя такое явление не носит массовый характер) одинаков как в отношении мировых судей, так и сотрудников полиции. Неясно, к тому же, почему автор априори считает мировых судей неподготовленными к осуществлению правосудия. Разумеется, могут встречаться судьи, не готовые в полной мере к исполнению своих обязанностей по рассмотрению уголовных дел, однако это, бесспорно, исключение из правила.

Определенное расширение круга дел частного обвинения можно связать с некоторым усилением диспозитивных начал в уголовном судопроизводстве. Это возможно, если интерес потерпевшего с социальной точки зрения более защищен тогда, когда ему предоставляется возможность инициировать уголовное преследование в связи с совершением конкретного преступления либо добровольно отказаться от уголовного преследования.

В свою очередь, такое состояние имеет место, когда при отказе от уголовного преследования важные права потерпевшего не страдают, а оставление преступления без государственной реакции в виде уголовного наказания не вызывает негативных социальных последствий. Следует согласиться с тем, что «приоритетность защиты прав лиц, пострадавших в результате совершения преступлений, прямо вытекает из назначения уголовного судопроизводства» [8, с. 120], и «осуществлению этого приоритетного направления уголовно-процессуальной деятельности должны быть подчинены правовые институты и нормы уголовно-процессуального права» [9, с. 85].

Важно обозначить критерии, в соответствии с которыми будет определяться круг дел, относящихся к категории дел частного обвинения. Жестко установить такие критерии весьма проблематично. Представляется, что перечень преступлений, уголовное преследование по которым осуществляется в частном порядке, должен устанавливаться путем «перебора» конкретных составов, предусмотренных Особенной частью УК РФ. Вместе с тем некоторые обстоятельства, выступающие условиями отнесения дел к категории частного обвинения, предложить можно.

Во-первых, преступление не должно представлять повышенной общественной опасности. Разумеется, общественной опасностью обладают все деяния, закрепленные в Особенной части УК РФ. Однако в данном случае речь идет о том, что к преследуемым в частном порядке могут быть отнесены только те преступления, которые посягают на личные права конкретного потерпевшего, не затрагивая непосредственно права других субъектов. В силу этого недопустимо относить к данной категории такие деяния, как вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий (ст. 150, 151 УК РФ), неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) либо неуплата средств на содержание детей либо нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ). Эти преступления непосредственно посягают на законные права лиц, которые не в состоянии самостоятельно защищать свои права (в данном случае под правами понимаются не процессуальные правомочия участника уголовного судопроизводства, а базовые общегражданские права, прямо закрепленные в Конституции Российской Федерации или вытекающие из ее положений). Иными словами, по указанным составам преступлений несовершеннолетние являются либо потерпевшими, либо лицами, участ-

вующими в преступлении под воздействием иного субъекта. Нельзя не учитывать и то, что подобные преступления имеют крайне негативный общественный резонанс. Отнесение дел по таким преступлениям к категории частного обвинения, отказ государства от обязательного уголовного преследования за их совершение неизбежно будут восприняты в обществе как своеобразное «послабление», а фактически — как стимулирование подобных деяний.

Во-вторых, доказывание по делам, относимым к категории частного обвинения, не должно сопровождаться поиском и изъятием материальных объектов, в том числе ограниченного пользования. Для обнаружения и получения таких объектов необходимо производство следственных действий, в том числе разрешаемых в судебном порядке, которые в условиях частного обвинения некому будет выполнять, на что обоснованно обращают внимание исследователи [10, с. 45]. Потерпевший, хотя и приобретает процессуальный статус частного обвинителя, остается лицом, не обладающим государственно-властными полномочиями, поэтому возложение на него соответствующих обязанностей заведомо приведет к невозможности установления обстоятельств деяния и правильной квалификации действий виновного. В конечном итоге потерпевший останется незащищенным, а его нарушенные права — невозстановленными.

Иными словами, для потерпевшего отнесение дела к категории частного обвинения не должно сопровождаться фактическим введением дополнительных препятствий для доступа к правосудию и снижением гарантий защиты от преступного посягательства.

В связи с этим серьезные сомнения вызывает решение законодателя отнести к делам частного обвинения преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 116.1 УК РФ. Данное деяние связано с административной преюдицией. Это означает, что уголовная ответственность наступает за совершение соответствующих действий только после того, как лицо ранее было привлечено к административной ответственности за такое же деяние. Отнесение подобного преступления к деяниям, преследуемым в частном порядке, объективно приводит к тому, что потерпевший оказывается вынужденным проверять обстоятельства совершения обвиняемым первого деяния, за которое тот привлечен к административной ответственности, и законность вынесения решения о наложении административного взыскания. Разумеется, потерпевший, даже приобретая статус частного обвинителя, не обладает

полномочиями и необходимым процессуальным инструментарием для этого. Очевидно, этот момент не был «просчитан» законодателем при изменении норм уголовного и уголовно-процессуального закона, когда происходила корректировка нормативной конструкции данного деяния.

Кроме того, в последнее время выявился еще один существенный пробел в правовом регулировании, связанный с применением ст. 116.1 УК РФ. Уголовные дела частного обвинения рассматриваются мировыми судьями. Именно мировому судье подается заявление потерпевшего, и лишь в исключительных случаях, прямо указанных в законе, дело должно быть возбуждено в обычном порядке. Мировой судья «обслуживает» соответствующий судебный участок. Если административное правонарушение совершено на этом участке (а это происходит в подавляющем большинстве случаев), именно данный мировой судья выносит решение о привлечении лица к административной ответственности. После этого он не может рассматривать уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, поскольку в рамках данного уголовного дела придется оценивать законность принятого им же самим решения о привлечении лица к административной ответственности. В отличие от федерального суда, мировой судья действует на судебном участке один. Следовательно, необходимо либо передавать дело другому мировому судье, что будет означать изменение территориальной подсудности, а для этого в рассматриваемой ситуации нет предусмотренных законом оснований [11, с. 23; 12, с. 29—31; 13, с. 31—32], либо направлять материал в орган дознания для возбуждения уголовного дела в обычном порядке, при том что оснований для этого также не имеется. Таким образом, в рассматриваемом случае любое принимаемое решение будет, как минимум, спорным с точки зрения законности.

Исходя из изложенного, полагаем, что отнесение преступлений с административной преюдицией к делам частного обвинения в принципе нецелесообразно.

В-третьих, дела частного обвинения должны обладать, прежде всего, профилактической направленностью. Иными словами, к категории частного обвинения целесообразно относить такие составы преступлений, осуществление уголовного преследования за которые способно предотвратить совершение сходных, но гораздо более тяжких преступных деяний. Например, общеизвестно, что своевременное привлечение лица к уголовной ответственности (хотя бы даже без доведения дела

до вынесения приговора и назначения наказания) за причинение легкого вреда здоровью является фактором, сдерживающим это лицо от совершения таких преступлений, как убийство или причинение тяжкого вреда здоровью. Сама процедура осуществления в отношении лица уголовного преследования способна оказать на него серьезное превентивное и воспитательное воздействие, заставить отказаться от общественно опасного поведения. Поэтому по делам частного обвинения примирение потерпевшего с обвиняемым, по общему правилу, является наиболее желательным результатом. С одной стороны, на обвиняемого оказано должное профилактическое влияние, с другой — лицо не несет уголовного наказания, не приобретает судимости и связанных с нею негативных социальных последствий. Это весьма гуманный и целесообразный способ разрешения уголовно-правового конфликта, позволяющий соблюсти и восстановить интересы потерпевшего и не ограничивать сверх необходимой меры интересы лица, причастного к совершению деяния.

Таким образом, исходя из сочетания материально-правовых и процессуальных критериев, к категории частного обвинения должны относиться дела о преступлениях, посягающих на здоровье, личные неимущественные права, а также на некоторые имущественные права [14, с. 86]. Доказательства по таким делам при этом должны носить преимущественно личный характер. Поэтому можно предложить отнести к частному обвинению угрозу убийством, так называемое родственное хищение, не связанное с применением насилия над потерпевшим (например, кражу имущества одним из членов семьи, если в его действиях усматривается состав преступления, а не гражданско-правовые отношения, связанные с распоряжением общим семейным имуществом).

Очевидно, что законодатель прав, не допуская частный порядок уголовного преследования по делам о преступлениях, совершенных субъектами, перечисленными в ст. 447 УПК РФ. Представляется, что соответствующее решение принято, прежде всего, с учетом интересов потерпевших. Когда им противостоит субъект, наделенный государственно-властными полномочиями (например, член Совета Федерации, депутат Государственной Думы, прокурор или руководитель следственного органа), весьма проблематично говорить о полном фактическом равноправии потерпевшего и лица, привлекаемого к уголовной ответственности, а следовательно, о возможности потерпевшего самостоятельно и эффективно собирать доказательства и выдвигать обвинение.

Большую значимость представляет процессуальный порядок производства по таким делам. Теоретически возможны две процессуальные конструкции производства по данной категории уголовных дел. Первая конструкция состоит в том, что потерпевший самостоятельно инициирует начало уголовного преследования путем подачи заявления об этом, а также вправе требовать прекращения преследования в силу примирения с обвиняемым. В остальном уголовное дело рассматривается так же, как дело публичного обвинения. Вторая конструкция означает установление по делам частного обвинения такого же порядка, который предусмотрен в настоящее время. Потерпевший не только обладает исключительным правом начать уголовное преследование, но также самостоятельно собирает доказательства, формулирует обвинение и поддерживает его перед судом. Соответственно, по делам частного обвинения отсутствуют стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в том виде, в каком они существуют по делам публичного обвинения. Заявление потерпевшего подается мировому судье, решение которого о принятии заявления к своему производству (при соблюдении формальных и ряда содержательных требований, предъявляемых к заявлению) соответствует по своим правовым последствиям возбуждению уголовного дела.

Представляется, что в уголовно-процессуальном законе должен быть сохранен второй вариант из рассмотренных. Следует заметить, что дело совсем не в том, чтобы избавить органы предварительного расследования от рассмотрения некоторых составов преступлений, снизив тем самым на них нагрузку и т. п. Такие обстоятельства как раз не должны играть решающей роли.

Гораздо важнее то, что по делам частного обвинения потерпевший должен в полной мере распоряжаться судьбой уголовного преследования. Если же орган предварительного следствия или дознания будет осуществлять уголовно-процессуальную деятельность так же, как по делу публичного обвинения, в обязательном порядке возникнет конфликт между публично-правовыми интересами органа предварительного расследования, к тому же обусловленными ведомственными показателями оценки его работы, и частно-правовыми интересами потерпевшего. Примирение сторон, являющееся в социальном аспекте наиболее желательным результатом по делу частного обвинения, органом предварительного расследования будет расцениваться как брак в работе, соответственно, такие решения будут всячески блокироваться вопреки воле потер-

певшего. Следует согласиться с Е. А. Зайцевой, справедливо обращающей внимание на то, что «участники уголовного судопроизводства, формально являясь носителями одной процессуальной функции, могут иметь диаметрально противоположные интересы» [15, с. 191]. Поэтому неправильно противопоставлять интересы различных субъектов в рамках одного уголовного дела, поскольку эти интересы могут приобретать разнонаправленный

характер, при этом в условиях публичного уголовного судопроизводства интерес органов предварительного расследования будет доминировать и по делам частного обвинения, «подминая» интерес потерпевшего. Представляется, что такая конструкция противоречит конституционным установлениям о ценностном приоритете интересов человека, его прав и свобод в российском государстве.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб.: Наука: Альфа, 2000. 224 с.

3. Баталова Т. Л. Институт частного обвинения в уголовном процессе как элемент системы частного права // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 9, ч. 2. С. 148—152.

4. Баталова Т. Л. Институт частного обвинения как элемент системы частного права // Вестник Самарского юридического института. 2014. № 1 (12). С. 31—34.

5. Тарасов А. А. О публичном интересе в делах частного обвинения // Мировой судья. 2012. № 4. С. 20—23.

6. Степанова В. Г. Назначение института частного обвинения по действующему уголовно-процессуальному законодательству и пределы частного обвинения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. № 2 (6). С. 168—178.

7. Голубов И. И. К вопросу о преимуществе дознания над частным обвинением // Российский судья. 2016. № 5. С. 27—33.

8. Зайцева Е. А. Справедливое судопроизводство и потерпевший // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (20—21 марта 2015 г.). СПб.: Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Рос. гос. ун-т правосудия»: Междунар. ассоц. содействия правосудию, 2016. С. 116—123.

9. Зайцева Е. А. Модернизация статуса потерпевшего в уголовном процессе России // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 4, Правоведение. 2015. № 2 (191). С. 84—89.

10. Деревянко Е. М. К вопросу о доказательствах по уголовным делам, возбужденным по за-

1. Federal law of Russian Federation No. 63-FZ of 13 June 1996 "Criminal Code" (as amend. 18 February 2020). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Smirnov A. V. Model of criminal proceedings. Saint Petersburg: Science; Alfa, 2000: 224.

3. Batalova T. L. Institute of Private Prosecution in Criminal Proceedings as part of the private law system. International Journal of Applied and Fundamental Research. 2014. № 9; part 2: 148—152.

4. Batalov T. L. Institute of Private Prosecution as an element of the private law system. Journal of the Samara Law Institute. 2014; 12 (1): 31—34.

5. Tarasov A. A. On Public Interest in Private Prosecution Cases. Justice of the Peace. 2012; 4: 20—23.

6. Stepanova V. G. Appointment of the Institute of Private Prosecution under the current Criminal Procedure Legislation and Limits of Private Prosecution. Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. 2014; 6 (2): 168—178.

7. Golubov I. I. To the question of the advantage of inquiry over private prosecution. Russian judge. 2016; 5: 27—33.

8. Zaytseva E. A. Fair legal proceedings and the victim. In: Justice and equality in criminal proceedings: Materials of the All-Russian scientific and practical conference 20—21 March 2015. Saint Petersburg: FGBOUVO northwest branch "Russian state university of justice"; International association of assistance to justice; 2016: 116—123.

9. Zaytseva E. A. Modernization of the status of the victim in the criminal proceedings of Russia. Journal of the State University named after Yanka Kupala. Series 4, Jurisprudence. 2015. 191 (2): 84—89.

10. Derevyanko E. M. On the question of evidence in criminal cases initiated on applications of citizens to prosecute persons under private prosecution, considered by justices of the peace. Russian judge. 2015; 10: 44—47.

11. Aristarkhov A. L., Zyablina M. V. Proceedings in criminal cases of beatings: problems

явлениям граждан о привлечении к уголовной ответственности лиц в порядке частного обвинения, рассматриваемым мировыми судьями // Российский судья. 2015. № 10. С. 44—47.

11. Аристархов А. Л., Зяблина М. В. Производство в суде по уголовным делам о побоях: проблемы новелл и пути их разрешения // Мировой судья. 2019. № 7. С. 22—26.

12. Тетюев С. В. О несистемных изменениях Уголовно-процессуального кодекса РФ (на примере дел частного обвинения) // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 29—31.

13. Торговченков В. И. Изменение подсудности некоторых уголовных дел требует изменения процедуры их возбуждения и рассмотрения // Законность. 2019. № 6. С. 31—32.

14. Соболев М. В. Дела частного обвинения и критерии их выделения в особую группу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 8. С. 83—88.

15. Зайцева Е. А. Публичный и частный интересы участников со стороны обвинения: обеспечение разумного баланса? // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексева / под ред. Н. Г. Стойко. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2015. С. 188—195.

© Титов П. М., 2020

Титов Павел Михайлович,
адъюнкт адъюнктуры
Уральского юридического института
МВД России;
e-mail: titov1995@ya.ru

of novella and ways of their resolution. Justice of the Peace. 2019; 7: 22—26.

12. Tetyuev S. V. On Non-Systemic Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (on the example of cases of private prosecution). Russian Justice. 2019; 3: 29—31.

13. Torgovchenkov V. I. Changing the jurisdiction of some criminal cases requires changing the procedure for their initiation and consideration. Legality. 2019; 6: 31—32.

14. Sobolev M. V. Cases of private prosecution and criteria of their allocation to a special group. Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2008; 8: 83—88.

15. Zaytseva E. A. Public and private interests of the participants on the part of the prosecution: ensuring a reasonable balance? In: Prosecution and Defence in Criminal Cases: Historical Experience and Modernity: The collection of articles on materials of the International scientific and practical conference devoted to the 100 anniversary since the birth of professor Nikolay Sergeyevich Alekseev. Ed. by N. G. Stoyko. Saint Petersburg: St. Petersburg State University; 2015: 188—195.

© Titov P. M., 2020

Titov Pavel Mikhailovich,
associate postgraduate
of the Ural Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: titov1995@ya.ru

Е. В. Токарева, В. С. Хоршева, С. Г. Еремин

**НЕОТЛОЖНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ,
РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ИХ ПРОИЗВОДСТВО**

В статье исследуется современное состояние и тенденция развития уголовно-процессуальных норм, регламентирующих порядок производства неотложных следственных действий, поскольку они выделяются из общей классификации средств доказывания в целом и следственных действий как основных средств доказывания в частности. Для этого предусматривается несколько особенностей производства данных следственных действий, которые свойственны исключительно указанному виду средств доказывания. Освещаются вопросы, связанные с определением места, момента производства неотложных следственных действий, выявлением должностных лиц, уполномоченных на их производство. Авторами уделено внимание совокупности показателей, позволяющих разграничивать полномочия органа дознания, дознавателя и следователя при производстве неотложных следственных действий, поскольку субъекты производства неотложных следственных действий — это еще один важный аспект уголовно-процессуальной регламентации порядка производства неотложных следственных действий. Важность в данном случае проистекает из такой концепции, как исключительность процессуально обоснованного полномочия на производство подобных следственных действий. Обосновывается необходимость совершенствования уголовно-процессуальной регламентации производства неотложных следственных действий, поскольку в настоящее время неотложные следственные действия являются одним из наиболее эффективных средств доказывания, применяемых в рамках расследования преступлений.

Ключевые слова: предварительное расследование, следователь, дознаватель, орган дознания, доказывание, неотложные следственные действия, уголовно-процессуальные методы, уголовное дело, уголовное судопроизводство, оперативно-разыскные мероприятия.

Ye. V. Tokareva, V. S. Khorsheva, S. G. Eremin

**URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS: MODERN STATE
AND TRENDS OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL AND PROCEDURAL NORMS
REGULATING THEIR PROCEEDING**

The given article deals with modern state and trend of development of criminal and procedural norms in regulating urgent investigative actions proceeding. The urgent investigative actions stand apart in common classification of proving means in general and investigative actions as main means of proving in particular. For this purpose some features of proceeding of such investigative actions are provided as related to exclusively indicated type of proving. The authors consider issues to be relevant to identification of the place and the time of urgent investigative actions proceeding, as well as of the officials authorized to deal with such actions. The subjects of the urgent investigative actions proceeding being another important factor of criminal and procedural regulation, the authors pay attention to a set of factors to make it possible to distinguish among the powers of the inquiry body, the interrogator and the investigator in urgent investigative actions proceeding. The importance in this case is that there is exclusivity of a procedurally-justified authority in the urgent investigative actions proceeding. At present the urgent investigative actions proceeding being one of the most effective means of proving to be applied in crime investigation, the authors substantiate the necessity of improving its criminal and procedural regulation.

Key words: preliminary investigation, investigator, interrogator, inquiry body, proving, urgent investigative actions, criminal and procedural methods, criminal case, criminal proceeding, detective-search measures.

Одним из наиболее значимых вопросов уголовного судопроизводства выступает установленный порядок производства тех или иных следственных действий, регламентированных уголовно-процессуальным законом и имеющих значение в процессе доказывания по уголовным делам. Представляется, что насколько бы потенциально эффективным и информативным ни являлось то или иное средство доказывания, его проведение не будет иметь никакого правового и правоприменительного смысла в случае нарушения установленного процессуального порядка его производства.

Действительно, несоблюдение установленного порядка производства следственных действий, оперативно-разыскных мероприятий, иных действий процессуального характера, направленных на получение, сбор, фиксацию, оценку и проверку доказательств по уголовному делу, полностью нивелирует все затраченные усилия, аннулирует полученные результаты, делает нелегитимными действия должностного лица, осуществляющего предварительное расследование. Это в полной мере касается и производства неотложных следственных действий. Более того, важно понимать, что подобные средства доказывания в наибольшей степени направлены на оперативное получение доказательственной ориентирующей информации. От качества и своевременности производства неотложных следственных действий во многом зависит успех всего процесса доказывания, нацеленного на установление всех обстоятельств дела, изобличение виновных в совершении преступления лиц, восстановление социальной справедливости, которая была нарушена в результате совершения противоправного уголовно наказуемого деяния.

В связи с вышеуказанным в вопросах регламентации неотложных следственных действий как объектов научного познания центральным аспектом выступает установление особенностей уголовного-процессуальной регламентации производства данных следственных действий. Безусловно, законодатель выделяет неотложные следственные действия из общей классификации средств доказывания в целом и следственных действий как основных средств доказывания в частности. Для этого предусматривается несколько особенностей производства данных следственных действий, которые свойственны исключительно указанному виду средств доказывания (в том числе основания для производства, сроки проведения, конкретные, отдельно взятые действия должностных лиц и т. д.). В то же время законодатель указывает на тот факт, что неотложные следственные дейст-

вия — это прежде всего следственные действия, порядок производства которых в целом идентичен аналогичной дефиниции, свойственной «старшему брату», и сам порядок производства следственных действий с точки зрения и содержания, и формы не изменяется и не упрощается от того, что данные действия считаются неотложными.

Так, с одной стороны, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) содержит норму ст. 157, которая посвящена регламентации производства неотложных следственных действий. Однако, с другой стороны, ч. 1 указанной статьи содержит отсылку к положениям относительно порядка деятельности органа дознания при возбуждении уголовного дела публичного обвинения, предусмотренного ст. 146 УПК РФ. Помимо этого каких-либо нормативно установленных отметок относительно особого, отличительного и перекрывающего порядка производства неотложных следственных действий законодатель не отражает. В то же время производство неотложных следственных действий является факультативным этапом расследования, так как имеет место не по всем уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно.

Исходя из парадигмы приведенных аспектологических выводов, можем рассмотреть конкретные аспекты уголовно-процессуальной регламентации производства неотложных следственных действий. Прежде всего это основания производства неотложных следственных действий. Указанный аспект является основополагающим в вопросах процессуальной регламентации порядка производства неотложных следственных действий, поскольку с факта наличия именно этого аспекта начинается весь процесс реализации целей уголовного судопроизводства.

Учитывая данное нами ранее определение, можем предположить наличие двух групп оснований для производства неотложных следственных действий. Во-первых, это процессуальное основание. В данном случае следует говорить, например, о наличии процессуально установленного факта неподследственности конкретного уголовного дела конкретному дознавателю (следователю), причем неподследственность должна выражаться в территориальном признаке. Во-вторых, это фактическое основание. В данном случае следует говорить о необходимости обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. Важно отметить, что наличия только одного из указанных оснований недостаточно — необходима именно совокупность двух

групп оснований. Только в таком случае решение о возможности и необходимости производства неотложных следственных действий будет считаться обоснованным.

Субъекты производства неотложных следственных действий — это еще один важный аспект уголовно-процессуальной регламентации порядка производства неотложных следственных действий. Важность в данном случае проистекает из такого аспекта, как исключительность процессуально обоснованного полномочия на производство подобных следственных действий.

Можем предположить, что в вопросах определения субъектов данных следственных действий следует говорить о системном подходе к такому определению. Так, во-первых, это органы дознания, проводящие неотложные следственные действия после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно. Кроме того, неотложные следственные действия могут проводиться как после возбуждения уголовного дела, так и до принятия решения о возбуждении уголовного дела, т. е. в ходе проверки сообщения о преступлении. Во-вторых, это дознаватели (следователи), которые проводят неотложные следственные действия по уголовному делу с момента установления неподследственности уголовного дела данному органу до передачи указанного дела для направления по подследственности. Следует отметить, что, несмотря на то что в ст. 157 УПК РФ говорится только об органе дознания, провести такие действия вправе и следователь. Так, в ч. 5 ст. 152 УПК РФ указано, что следователь (дознаватель), установив, что уголовное дело ему не подследственно, производит неотложные следственные действия, после чего следователь передает уголовное дело руководителю следственного органа, а дознаватель — прокурору для направления по подследственности.

Дефиниция сроков производства неотложных следственных действий занимает существенное значение в уголовном судопроизводстве. Разумный срок уголовного процесса выведен в ранг отдельно взятого и фундаментального принципа уголовного судопроизводства и связанных с ним общественных отношений. Каждая стадия уголовного процесса реализуется в соответствии с установленными процессуальными сроками. В данном случае наличие требований относительно сроков проведения неотложных следственных действий также обоснованно и видится нам вполне логичным и закономерным. В законе установлен предельный срок производства неотложных следственных действий — 10 суток. После его окончания, независимо от того, все ли запланированные

следственные действия выполнены и завершено ли производство следственных действий длящегося характера (например, экспертизы, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами), уголовное дело должно быть направлено в следственный орган. Кроме того, если неотложные следственные действия выполнены ранее чем за 10 суток, уголовное дело должно быть передано следственному органу сразу после их завершения.

Несмотря на тот факт, что неотложные следственные действия — это прерогатива органов дознания и соответствующих должностных лиц, уполномоченных на производство дознания, в конечном итоге реализация данных средств доказывания служит целям обеспечения доказательственной информации предварительного следствия и того следователя, у которого в производстве будет находиться данное уголовное дело. Таким образом, задача дознавателя на этапе производства неотложных следственных действий состоит исключительно в их производстве, получении определенного результата и, соответственно, последующей передаче всех результатов проведенных неотложных следственных действий именно следователю.

В связи с этим одним из определяющих вопросов уголовно-процессуальной регламентации порядка производства неотложных следственных действий выступает процессуальный порядок передачи уголовного дела в следственное подразделение после завершения производства неотложных следственных действий. В данном случае необходимо вновь говорить об отсылочном способе изложения правовой нормы. В частности, законодатель указывает, что порядок передачи уголовного дела в следственное подразделение после завершения производства неотложных следственных действий осуществляется на основании положений ст. 149 УПК РФ, в соответствии с п. 3 которой орган дознания производит неотложные следственные действия и направляет уголовное дело руководителю следственного органа.

Отметим также, что, изучив материалы уголовного дела и убедившись в том, что следы преступления зафиксированы, доказательства, требующие незамедлительного закрепления, изъятия и исследования, собраны, начальник органа дознания констатирует, что цели проведения неотложных следственных действий достигнуты. После этого он в соответствии с ч. 3 ст. 157 и п. 3 ст. 149 УПК РФ должен направить уголовное дело руководителю того следственного органа, к подследственности которого оно относится. Это решается с учетом правил определения подследственности. В силу

прямого указания закона уголовное дело направляется непосредственно в следственный орган, а не прокурору. Принятие данного решения относится к исключительной компетенции начальника органа дознания. Его не вправе принять лицо, выполнявшее неотложные следственные действия, либо руководитель того подразделения, в штате которого это лицо состоит. Начальник органа дознания выносит постановление о направлении уголовного дела руководителю следственного органа.

Несмотря на то что после передачи уголовного дела с результатами производства неотложных следственных действий следователю основная и определяющая роль в расследовании уголовного дела принадлежит последнему, дознаватель не перестает быть участником уголовного процесса по данному делу со стороны обвинения. Так, в частности, после направления уголовного дела руководителю следственного органа орган дознания может производить по нему следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия только по поручению следователя. В случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания обязан принимать оперативно-разыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах.

Закон не содержит обязанности органа дознания уведомлять руководителя следственного органа о возбуждении уголовного дела и проведении неотложных следственных действий. По мнению А. П. Рыжакова, которое мы разделяем, органам дознания следует уведомлять руководителя следственного органа об обнаружении подследственного следователю преступления не только в момент направления ему уголовного дела, но и сразу после установления подследственности такового [1].

Таким образом, можем отметить, что в настоящее время законодатель достаточно подробно остановился на изложении правовых норм относительно уголовно-процессуальной регламентации производства неотложных следственных действий. Так, в частности, законодатель, регламентируя порядок производства неотложных следственных действий, заострил свое внимание на таких элементах, как основания для производства неотложных следственных действий; субъекты производства неотложных следственных действий; сроки производства неотложных следственных действий; процессуальный порядок передачи уголовного дела следователю после завершения производства неотложных следственных действий; последующие действия дознавателя. Исследование указанных элементов дало основания отметить, что неотлож-

ные следственные действия могут осуществляться как по делам, по которым проводится расследование в форме дознания, так и по делам, по которым обязательно предварительное следствие. Полагаем также, что органам дознания следует уведомлять руководителя следственного органа об обнаружении подследственного следователю преступления не только в момент направления ему уголовного дела, но и сразу после установления подследственности такового.

На сегодня неотложные следственные действия являются одним из наиболее эффективных средств доказывания, применяемых дознавателями в рамках расследования преступлений. Об этом свидетельствуют ученые-юристы, правоприменители, реальная оперативно-следственная практика. Учитывая данный факт, можем отметить, что актуальные проблемные аспекты реализации процессуальных положений относительно производства неотложных следственных действий являются существенным препятствием не только для проведения самих неотложных следственных действий, но и для достижения общих целей и задач, стоящих перед уголовным судопроизводством.

О наличии проблемных аспектов в проведении неотложных следственных действий говорят многие ученые и практические работники. Так, в частности, А. И. Гришин отмечает, что «насколько потенциально эффективным является институт неотложных следственных действий и связанные с его функционированием и реализацией общественные отношения (для целей и задач уголовного процесса), настолько же существенными и негативно сказывающимися выступают возможные наличествующие повсеместно проблемные аспекты реализации положений уголовно-процессуального закона, регламентирующего порядок производства данного вида следственных действий» [2]. Важно отметить, что многими исследователями выделяются проблемы казуального характера: в данном случае имеет место быть дифференцированный подход к изложению правовой мысли, при котором называются отдельно взятые проблемные аспекты. Так, например, А. М. Мушулова говорит о проблеме оспаривания неотложных следственных действий и результатов их производства [3]; М. А. Мамошин посвящает исследование проблемам проведения неотложных следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела [4]; Ю. В. Стельмах исследует проблемные вопросы назначения и процессуального порядка производства неотложных следственных действий и т. д. [5].

Анализ указанных, а также некоторых других мнений, изучение правоприменительной оперативно-следственной практики в данной сфере по-

звоняет нам в целом принять точку зрения и соответствующую ей позицию относительно того, что на сегодня проблемы в производстве неотложных следственных действий действительно имеются и оказывают крайне негативное влияние на качество проводимых и реализуемых средств доказывания и конечный результат предварительного расследования каждого конкретного уголовного дела, в рамках которого проводились неотложные следственные действия. Подобная ситуация обуславливает необходимость установления наиболее значимых (с точки зрения степени негативного влияния) проблемных аспектов в производстве неотложных следственных действий, их изучения, обоснования наличия и предложения путей разрешения.

Прежде всего следует говорить о проблеме определения понятия неотложных следственных действий. Так, в частности, в вопросах регламентации данного понятия наблюдается достаточно существенный диссонанс. Законодатель, как мы знаем, дал определение понятия неотложных следственных действий, однако при этом о понятии самих следственных действий не высказался. На наш взгляд, подобное противоречие само по себе достаточно существенно и в негативном плане сказывается на всей практике производства неотложных следственных действий. Согласимся в данном случае с А. В. Пивоваровой и Т. П. Страмиловой, которые пишут, что «если бы законодатель определил понятие «следственные действия» в самом законе, намного проще было бы конкретно определить понятие и признаки неотложных следственных действий, действуя на основе „от общего к частному“» [6].

Фактически сейчас складывается весьма опасная ситуация непонимания практическими работниками сущности и понятия неотложных следственных действий. Зачастую к ним относят все процессуальные действия, выступающие средствами доказывания, которые проводятся на первоначальном этапе расследования уголовного дела. В когорту таких «неотложных следственных действий» могут входить и оперативно-разыскные мероприятия, и иные действия процессуального характера. Безусловно, подобная ситуация крайне негативно сказывается на практике работы органов дознания по расследованию преступлений. Необходимо исправить ситуацию, при которой вопрос определения следственного действия как неотложного решается исключительно из единственного фактора, а именно факта безотлагательности его производства. По сути, данный фактор является в известной степени обтекаемым и в существенной — абстрактным. Следовательно, дознаватель и иное

должностное лицо, уполномоченное проводить расследование, должны действовать безотлагательно: оперативно реагировать на все изменения обстановки и следственной ситуации, принимать быстрые решения. И в подобной ситуации ясно, что только лишь на основании безотлагательности причислять то или иное следственное действие к неотложному неверно.

Каким образом возможно разрешить данную проблему? На наш взгляд, только при применении структурированного подхода. Во-первых, необходимо рассмотреть вопрос определения понятия следственного действия и разработки на его основе понятия неотложного следственного действия. Во-вторых, необходимо провести корреляцию норм, регламентирующих понятие неотложных следственных действий и норм, которые устанавливают процессуальные особенности проведения данных следственных действий. В-третьих, учитывая положения соответствующих процессуальных норм, необходимо во главу угла исследуемого понятия поставить такие аспекты, как основания, условия и порядок проведения неотложных следственных действий.

Далее, говоря о проблемах проведения неотложных следственных действий, необходимо упомянуть об отсутствии четко выраженной позиции относительно системы данных средств доказывания. Перечень неотложных следственных действий в действующем уголовно-процессуальном законе отсутствует, что позволяет отнести к неотложным следственным действиям любое следственное действие в зависимости от усмотрения соответствующего должностного лица с учетом конкретных обстоятельств совершенного преступления. В то же время небесспорна целесообразность производства отдельных следственных действий органом дознания в случае возбуждения им уголовного дела, производство предварительного следствия по которому обязательно. Прежде всего это касается таких следственных действий, как очная ставка, проверка показаний на месте, следственный эксперимент, а также получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

На основании вышеизложенного представляется вполне уместным определить с системой неотложных следственных действий в пределах действующего уголовно-процессуального закона. Как уже отмечалось, система неотложных следственных действий по УПК РФ определяется усмотрением органа предварительного расследования. В то же время ранее действующее уголовно-процессуальное законодательство в ч. 1 ст. 119 УПК РСФСР относило к неотложным следственным действиям

ограниченную систему следственных действий, а именно: 1) осмотр; 2) обыск; 3) выемку; 4) освидетельствование; 5) задержание и допрос подозреваемых; 6) допрос потерпевших; 7) допрос свидетелей. При этом было бы логичным отнести к неотложным следственным действиям еще и предъявление для опознания, так как в ряде случаев только по результатам этого следственного действия можно принять решение об уголовном преследовании конкретного лица.

В связи с этим возникает проблема соотношения неотложных следственных действий и первоначальных следственных действий. Первоначальные следственные действия представляют собой криминалистическую категорию, основанную прежде всего на тактико-психологических составляющих, определяемых особенностями расследования конкретного уголовного дела. Планируя производство первоначальных следственных действий, следователь или дознаватель исходит из целесообразности или необходимости получения определенной процессуальной информации, которая может быть использована при производстве иных следственных действий.

Подобная целесообразность определяется двумя основными факторами.

Во-первых, в ряде случаев невозможно произвести какое-либо следственное действие без предварительного производства другого сопряженного с ним следственного действия. Так, производству судебных экспертиз в ряде случаев должны предшествовать выемки соответствующих объектов исследования, прилагаемых к постановлению органа предварительного расследования о назначении соответствующего вида судебной экспертизы; производству проверки показаний на месте должен предшествовать допрос свидетеля, потерпевшего или подозреваемого (обвиняемого) и т. п. В приведенных примерах предварительно произведенные следственные действия будут рассматриваться как первоначальные следственные действия.

Во-вторых, необходимость производства отдельных первоначальных следственных действий может определяться и тактико-психологическими составляющими последующих следственных действий в целях обеспечения достоверной и максимально полной процессуальной информации об обстоятельствах расследуемого преступления. Например, допросы потерпевшего и свидетеля — очевидца преступления в ряде случаев должны предшествовать допросу подозреваемого в совершении этого преступления для использования полученных доказательств в ходе допроса последнего. Допрос потерпевшего и свидетеля-

очевидца в приведенном примере также относится к числу первоначальных следственных действий.

Неотложные следственные действия как уголовно-процессуальная категория принципиально отличаются от криминалистической категории первоначальных следственных действий. Первоначальные следственные действия могут быть как неотложными, если они определяются необходимостью незамедлительного реагирования со стороны органа предварительного расследования в целях закрепления и изъятия следов преступления и обеспечения сохранности доказательств, так и собственно первоначальными следственными действиями, если их производство не связано с названной целью, а диктуется тактическими особенностями.

Таким образом, определение системы неотложных следственных действий позволит разрешить целый ряд проблемных вопросов. Во-первых, это установление четко регламентированного перечня следственных действий, которые могут проводиться по несколько иным правилам, нежели обычные следственные действия (в частности, это будет касаться субъектов проведения, оснований для производства, сроков проведения и т. д.). Во-вторых, данная мера позволит провести достаточно четко выраженную и очерченную грань между неотложными следственными действиями и первоначальными следственными действиями, что сейчас является крайне актуальной проблемой.

Еще одной существенной проблемой производства неотложных следственных действий выступает вопрос определения момента, с которого данные следственные действия могут быть проведены. Как мы уже отмечали, в соответствии с ч. 1 ст. 157 УПК РФ неотложные следственные действия могут быть проведены только после возбуждения уголовного дела (об этом, в частности, свидетельствует использованная законодателем формулировка, в соответствии с которой дознаватель возбуждает уголовное дело, а затем проводит неотложные следственные действия). Однако, как известно, тот же законодатель устанавливает возможность проведения отдельно взятых следственных действий до возбуждения уголовного дела. Суть проведения следственных действий до возбуждения уголовного дела заключается в необходимости обеспечения оперативности следственного процесса, недопущения утери сведений, имеющих доказательственное значение для расследования преступления. Параллель с неотложными следственными действиями в данном случае вполне очевидна.

В связи с этим можем отметить, что в уголовно-процессуальном законе изначально заложено противоречие между ст. 146 УПК РФ, разрешающей

производство следственных действий до возбуждения уголовного дела именно потому, что необходимо закрепить следы преступления и установить лицо, его совершившее, и ст. 5, 157 УПК РФ, разрешающих производство неотложных следственных действий лишь после возбуждения уголовного дела. На наш взгляд, возникновение подобной ситуации обусловлено тем, что законодатель подменил определение понятия неотложных следственных действий указанием на их цель — обнаружение и фиксацию следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Без сомнения, одного такого указания недостаточно для определения данного процессуального понятия. Также необходимо отметить, что законодательно изложенная позиция во многом не учитывает, что при правоприменении повсеместны ситуации, требующие производства таких следственных действий, как осмотр, освидетельствование и назначение экспертизы еще до возбуждения уголовного дела: в ходе проверки сообщения о преступлении. Целью этих следственных действий является не только установление признаков преступления, но и закрепление и фиксация следов преступления. Если строго следовать понятию неотложных следственных действий, то их проведение при таких обстоятельствах становится невозможным, хотя целесообразность такого ограничения весьма спорная.

Еще одной проблемой, на которой хотелось бы заострить внимание, является наличие существенного количества противоречий относительно регламентации субъектов проведения неотложных следственных действий. В частности, речь идет о коллизионной позиции законодателя относительно установления нормы, в соответствии с которой правом на производство неотложных следственных действий обладает исключительно орган дознания. Данная позиция имеет подтверждение в целом ряде норм УПК РФ, однако в то же время в процессуальном законодательстве имеется ряд норм и положений, которые напрямую противоречат указанной позиции. В данном случае достаточно упомянуть норму ч. 5 ст. 152 УПК РФ, в соответствии с которой следователь, дознаватель, установив, что уголовное дело ему не подследственно, производит неотложные следственные действия, после чего следователь передает уголовное дело руководителю следственного органа, а дознаватель — прокурору для направления по подследственности. Если буквально толковать содержание п. 19 ст. 5, ч. 5 ст. 152 и ч. 3 ст. 157 УПК РФ, то получается, что неотложные следственные действия производятся только по тем уголов-

ным делам, которые не подследственны органу, принявшему решение о возбуждении дела. Выходит, что по «своим» уголовным делам следователю и дознавателю не надо проводить следственные действия в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Многими авторами высказывается мнение относительно того, что в качестве проблемного аспекта производства неотложных следственных действий выступает срок их проведения. Так, в частности, Т. М. Гаджиев предлагает сократить срок проведения неотложных следственных действий до пяти суток [7], Т. В. Барсукова — до трех суток [8]. Некоторыми авторами высказывается позиция, в соответствии с которой срок проведения неотложных следственных действий следует, напротив, увеличить. На наш взгляд, не правы сторонники ни той, ни другой позиции. В первом случае следует процитировать С. А. Фомина: «Думается, что такая позиция ошибочна, поскольку в течение столь короткого срока вряд ли можно обеспечить достижение целей проведения неотложных следственных действий» [9]. Во втором случае необходимо отметить, что, если принять данную позицию в качестве правильной, неизбежно произойдет наложение норм, регламентирующих порядок проведения неотложных и обычных следственных действий. Между ними фактически перестанут существовать какие-либо ощутимые границы, что, безусловно, допускать нельзя.

Таким образом, можем утверждать, что в настоящее время проблемы в производстве неотложных следственных действий действительно имеются и оказывают крайне негативное влияние на качество проводимых и реализуемых средств доказывания и конечный результат предварительного расследования каждого конкретного уголовного дела, в рамках которого производились неотложные следственные действия. Подобная ситуация обуславливает необходимость установления наиболее значимых (с точки зрения степени негативного влияния) проблемных аспектов в производстве неотложных следственных действий, их изучения, обоснования наличия и предложения путей разрешения.

Проведенное исследование позволило нам сформулировать более или менее установленный и очерченный перечень сфер, в которых наблюдаются существенные проблемные аспекты производства неотложных следственных действий (понятие, субъекты, сроки, система). Считаем, что выявленные проблемные аспекты обуславливают

необходимость скорейшего принятия решения по каждому из них в части, касающейся их разрешения. Это, если учитывать важность неотложных следственных действий как средств доказывания

по уголовным делам, является залогом успешности и эффективности всего уголовного судопроизводства в целом.

1. Рыжаков А. П. Предварительное расследование. М.: Дело и Сервис, 2013. 208 с.

2. Гришин А. И. К проблеме неотложных следственных действий в уголовном судопроизводстве // 100-летие юридического образования в Саратовской области: материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках Междунар. науч. симп., посвященного 100-летию гуманитар. образования в СГУ. Саратов: Саратовский источник, 2018. С. 42—45.

3. Мушулова А. М. Проблемы оспаривания результатов неотложных следственных действий // Ростовский научный журнал. 2017. № 12. С. 233—240.

4. Мамошин М. А. О некоторых проблемах производства отдельных неотложных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2017. № 1-3 (123). С. 210—215.

5. Стельмах В. Ю. Дознание в органах внутренних дел: курс лекций. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2015. 261 с.

6. Пивоварова А. В., Страмилова Т. П. Проблемы правовой регламентации производства неотложных следственных действий // Актуальные проблемы государственно-правового развития России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чита: Изд-во Забайкальского университета, 2017. С. 118—122.

7. Гаджиев Т. М. Следственные действия, обеспечивающие незамедлительное обнаружение, закрепление, изъятие и исследование доказательств: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2009. 200 с.

8. Барсукова Т. В. Неотложные следственные действия и ошибки при их производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 206 с.

9. Фомин С. А. Актуальные проблемы производства неотложных следственных действий // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Краснодар: Просвещение-Юг, 2016. С. 236—240.

1. Ryzhakov A. P. Preliminary Investigation. M.: Publishing House "Business and Service"; 2013: 208.

2. Grishin A. I. To Problem of Urgent Investigative Actions in Criminal Proceeding. In: The 100th Anniversary of Legal Education in the Saratov Region. Materials of the International Scientific and Practical Conference in of the International Scientific Symposium Dedicated to the 100th Anniversary of Humanitarian Education in Saratov State University. Saratov: Saratov Spring; 2018: 42—50.

3. Mushulova A. M. Problems to Contest Results Related to Urgent Investigative Actions. Rostov Scientific Journal. 2017; 12: 233—240.

4. Mamoshin M. A. On Some Problems of Certain Urgent Investigative Actions Proceeding at the Stage of Initiating a Criminal Case. New Science: Experience, Traditions and Innovations. 2017; 1—3 (123): 210—215.

5. Stelmakh V. Yu. Inquiry in the Internal Affairs Bodies. Lecture Course. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Interior Ministry of Russia; 2015: 261.

6. Pivovarova A. V., Stramilova T. P. Problems of Legal Regulation of Urgent Investigative Actions Proceeding. In: Topical Problems of State-Legal Development of Russia: All-Russian Scientific and Practical Conference. Chita: Trans Baikal State University; 2017: 118—121.

7. Gadzhiev T. M. Investigative Actions to Provide Immediate Detection, Fixation Preservation, Seizure and Investigation of Evidence. Dissertation of candidate of juridical sciences. Makhachkala; 2009: 200.

8. Barsukova T. V. Urgent Investigative Actions and Errors in their Proceeding. Dissertation of candidate of juridical sciences. Voronezh; 2003: 206.

9. Fomin S. A. Topical Problems of Urgent Investigative Actions Proceeding. In: Topical Problems of Judicial, Law Enforcement, Human Rights and Criminal and Procedural Activity and National Security. Materials of All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation. Krasnodar: Education-South; 2016: 236—240.

Токарева Екатерина Викторовна,
доцент кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: Ekaterina.tokareva.75@mail.ru

Хоршева Валентина Сергеевна,
доцент кафедры предварительного
расследования учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: Valya3107@bk.ru

Еремин Сергей Германович,
профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: sg-eremin@mail.ru

Tokareva Yekaterina Victorovna,
associate professor at the department
of criminal procedure
of St. Petersburg University
of the Interior Ministry of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: Ekaterina.tokareva.75@mail.ru

Horsheva Valentina Sergeevna,
associate professor at the department
of preliminary investigation
of the educational and scientific
complex on preliminary investigation
in the interior bodies of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia,
Candidate of Juridical Sciences;
e-mail: Valya3107@bk.ru

Eremin Sergey Germanovich,
professor at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: sg-eremin@mail.ru

К. А. Трифонова, М. А. Шматов

**ПОЛУЧЕНИЕ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

В статье рассмотрены вопросы правовой природы получения образцов для сравнительного исследования. Рассматриваются точки зрения ведущих ученых-процессуалистов по данной теме, указывается на двойственность позиций не только в теории уголовного процесса, но и в решениях высших судебных инстанций. На основе анализа ряда правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, следственной и судебной практики обосновывается правомерность применения принуждения при получении определенного вида образцов для сравнительного исследования в зависимости от процессуального статуса участника уголовного судопроизводства. В связи с несовершенством нормативной регламентации получения образцов для сравнительного исследования и необходимостью поиска путей оптимизации регулирования данного действия проводится сравнительно-правовой анализ процессуального порядка получения образцов для сравнительного исследования в зарубежных государствах. Уделяется внимание возможности получения образцов для сравнительного исследования оперативно-разыскным путем. Ввиду возможности безотлагательного получения образцов для сравнительного исследования до возбуждения уголовного дела исследуется вопрос необходимости незамедлительного обеспечения участия адвоката в данном процессуальном действии.

Ключевые слова: получение образцов для сравнительного исследования, доказательства, судебная экспертиза, допустимость принуждения, потерпевший, уголовная ответственность.

Ch. A. Trifonova, M. A. Shmatov

**OBTAINING SAMPLES FOR A COMPARATIVE STUDY:
PROBLEMS OF REGULATORY ACTIONS
AND LAW-ENFORCEMENT PRACTICE**

The article deals with the legal nature of obtaining samples for a comparative study. The authors examine the points of view of leading scholars in the criminal procedure sphere as well as consider the duality of opinions not only in theory of the criminal procedure but also in the higher court decisions. Based on the analysis of a number of legal provisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, investigative and judicial practice the authors prove the lawfulness to use coercion while obtaining a certain type of samples for a comparative study depending on the procedural status of the participant of the criminal proceeding. Because of imperfection of the regulatory actions to obtain samples for a comparative study as well as necessity to find ways to optimize rules of regulation in this sphere the authors make a comparative legal analysis of the procedural order to obtain samples for a comparative study in the foreign countries. The authors pay attention to possibility of obtaining samples for a comparative investigation by means of a detective-search method. Due to the possibility of immediate obtaining samples for a comparative study before initiating a criminal case the issue of necessity for a lawyer (a barrister) to take part in this procedural action immediately is examined.

Key words: obtaining samples for a comparative study, evidence, forensic examination, admissibility of coercion, a victim, criminal liability.

Несовершенство построения уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство получения образцов для сравнительного исследования,

вызывает дуалистичность мнений в теории уголовного процесса и ряд вопросов у правоприменителей при реализации этих положений Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) на практике. Неоднократно в научных кругах поднимались проблемы, связанные с производством данного процессуального действия, правоприменителю давались различные рекомендации, однако складывающаяся судебная практика, в том числе изменение позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) по ряду вопросов, требует вновь обратиться к этой проблеме.

Правовая природа получения образцов для сравнительного исследования в научных кругах однозначно не определена. Ряд авторов утверждает, что это следственное действие [1, с. 108; 2, с. 78], но его роль является вспомогательной по отношению к основному следственному действию — назначению и производству судебной экспертизы. Существует также позиция, что это процессуальное действие [3, с. 100], конечным результатом которого является получение различных объектов, необходимых (так же, как и в первом случае) для дальнейшего экспертного исследования. КС РФ также не выработана единая позиция. Так, в определении № 1298-О от 24 сентября 2013 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколюка Владимира Ильича на нарушение его конституционных прав ст. 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» КС РФ относит получение образцов для сравнительного исследования к процессуальным действиям, и напротив, в определении № 505-О от 28 февраля 2019 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кудымова Сергея Олеговича на нарушение его конституционных прав положениями статей 38, 47, 56, 86, 166, 177 и 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» — к числу следственных действий.

Полагаем, что однозначного ответить на данный вопрос возможно только при уяснении сущности следственных действий в узком смысле. Так, если в широком смысле следственные действия — это любые действия субъекта расследования, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством и необходимые при осуществлении производства по уголовному делу, то суть следственных действий в узком смысле заключается в их направленности на обнаружение, восприятие, закрепление (фиксацию) и проверку доказательств. Эта деятельность субъекта расследования осуществляется при помощи специфического комплекса познавательных и удостоверительных методов, приемов и операций, облеченных в особую процессуальную форму и приспособленных для

установления доказательственной информации конкретного вида и характера, которая составляет основу формирования сведений о подлежащих доказыванию по уголовному делу юридически значимых обстоятельствах [4, с. 116]. Получение образцов для сравнительного исследования не связано с собиранием доказательств, как справедливо отметил С. Б. Россинский, «носит чисто обеспечительный характер» [5, с. 274], в связи с чем вряд ли относится к числу следственных действий.

Кроме того, соотношение ч. 3 ст. 202 и ч. 1 ст. 164 УПК РФ также позволяет утверждать, что получение образцов для сравнительного исследования неверно именовать только как следственное действие. Так, ч. 3 ст. 202 УПК РФ регламентирует, что о получении образцов для сравнительного исследования следователь выносит постановление, в то же время ч. 1 ст. 164 УПК РФ перечисляет, какие следственные действия производятся на основании постановления (экспумация трупа, освидетельствование, обыск и выемка), и получение образцов для сравнительного исследования в этот перечень не входит.

Несмотря на такую двойственность уголовно-процессуальных позиций, суть одна — полученные образцы сами по себе не обладают доказательственным характером, их наличие имеет значение только в случае последующей идентификации с изъятыми объектами биологического происхождения (например, следами папиллярных узоров рук), документами, содержащими буквенно-цифровые записи, и т. д. Только после производства судебной экспертизы может быть сформировано доказательство — заключение эксперта.

Подтверждение такого вывода можно найти и в позиции КС РФ, согласно которой «сам по себе образец не является доказательством, а служит предметом для исследования, средством для проведения следственных действий и получения доказательств, которое подлежит проверке и оценке по правилам ст. 87 и 88 УПК Российской Федерации» [6]. Полагаем, что в связи с этим нет необходимости в осмотре полученных образцов для сравнительного исследования, признании и приобщении их к уголовному делу в качестве вещественных доказательств.

При расследовании уголовного дела следователь (дознатель) может столкнуться с некоторыми проблемами при получении специфических образцов, исчерпывающий перечень которых не может быть предусмотрен уголовно-процессуальным законодательством, но широко представлен в научных трудах [7]. Невозможность получения ряда опре-

деленных видов образцов для сравнительного исследования даже в принудительном порядке, таких как голос, почерк и т. д., требует от субъекта расследования дальнейшего активного поиска способов их получения. Внимательное прочтение и буквальное толкование положений ст. 202 УПК РФ приводит к выводу, что единственным законным источником получения данных образцов может быть только их носитель, т. е. физическое лицо, при условии его получения надлежащим субъектом — следователем или дознавателем. Таким образом, необходимо соблюдать специальную процедуру, на что неоднократно указывал в своих решениях КС РФ [8; 9]. В практической деятельности при невозможности получения образцов почерка, которые будут являться экспериментальными, на исследование судебной почерковедческой экспертизы предоставляются свободные и условно-свободные образцы. Однако с получением образцов голоса ситуация более сложная, если физическое лицо отказывается их предоставлять и им заблаговременно были удалены все видео- и аудиозаписи (например, бытовые видеозаписи), с целью невозможности их отыскания субъектом расследования при производстве других следственных действий.

В то же время при получении образцов голоса оперативно-разыскным путем происходит подмена порядка осуществления процессуального действия. В соответствии со ст. 202 УПК РФ начальным моментом этой деятельности является вынесение следователем постановления, а не поручения о производстве оперативно-разыскных мероприятий. Процессуальное действие должно осуществляться гласно. Таким образом, получение образцов иным путем порождает не истинные образцы, а их «суррогаты» даже при последующей легализации результатов оперативно-разыскной деятельности.

Такую позицию неоднократно высказывал КС РФ в определении от 24 января 2008 г. № 104-О-О [10], согласно которому уголовно-процессуальные действия, и оперативно-разыскные мероприятия могут осуществляться лишь определенными субъектами при наличии специальных установленных законом оснований и условий; проведение в связи с производством предварительного расследования по уголовному делу оперативно-разыскных мероприятий не может подменять процессуальные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом, в частности ст. 202 «Получение образцов для сравнительного исследования» УПК РФ, установлена специальная про-

цедура. Схожие выводы были обозначены в определении от 25 февраля 2010 г. № 261-О-О [11]. В целях законного способа получения образцов для сравнительного исследования возник иной «следственный путь» получения необходимых образцов голоса: осматривались и прослушивались фонограммы с целью выбора подходящих реплик, которые в дальнейшем направлялись для производства фоноскопической экспертизы, затем допрашивались свидетели на предмет «узнавания» голоса фигуранта [12].

Однако позже КС РФ смягчил выработанную позицию и признал легальность получения образцов устной речи ввиду необходимости назначения и производства фоноскопической экспертизы иным путем: а именно в ходе оперативно-разыскных мероприятий, выполняемых по поручению следователя. При данных мероприятиях должно соблюдаться законодательство, обеспечиваться защита прав и свобод граждан, что гарантируется судебным контролем. Такой иной путь (а именно проведение оперативно-разыскных мероприятий по поручению дознавателя, следователя) не противопоставляется следственным и процессуальным действиям, а согласуется с ними [13]. До опубликования вышеуказанного определения КС РФ аналогичный способ получения образцов голоса в ситуации «молчания» подозреваемого или обвиняемого предлагался Е. А. Зайцевой и А. И. Садовским. С целью обеспечения достоверности, т. е. несомненности происхождения голоса от проверяемого лица, следователь может допросить как свидетеля оперуполномоченного об обстоятельствах получения образцов голоса [14, с. 258—259]. Полагаем, что использование подобного способа для получения других образцов потребует переосмысления доказательственного значения результатов оперативно-разыскной деятельности. В то же время следует учесть опыт производства негласных следственных действий, регламентированных уголовно-процессуальным законодательством Казахстана, Украины и Киргизии, прежде чем приступить к реформированию концептуальных основ доказывания и видов следственных действий.

Другой не менее важной и до настоящего времени нерешенной проблемой является возможность применения принуждения при получении образцов для сравнительного исследования. Даже если допустить такую возможность, то отсутствие механизма реализации принудительного исполнения постановления о получении образцов для сравнительного исследования, вынесенного властным субъектом, ставит под сомнение его обязательность

для лица, у которого необходимо получить такие образцы. Тем не менее установленная в ч. 4 ст. 21 УПК РФ обязательность для участников уголовного судопроизводства вынесенного постановления следователя (дознателя) не позволяет разрешить проблему допустимости принудительного получения образцов для сравнительного исследования. Прямой запрет на принудительное получение образцов при этом не содержится в нормах ст. 202 УПК РФ, одновременно ч. 2 данной статьи регламентирует, что при получении таких образцов не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство.

Полагаем, что применение принуждения зависит от процессуального статуса участника уголовного судопроизводства и «конституционных идей о защите личности, ее прав и свобод» [15, с. 34].

Рассмотрим ситуацию с обвиняемым и подозреваемым, которые вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, в том числе и воспользоваться правом, предусмотренным ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации. Для обвиняемого или подозреваемого, если он не сотрудничает со следствием, вполне вероятно ситуация отказаться участвовать в получении образцов для сравнительного исследования, апеллируя к указанному конституционному праву. В теории уголовного процесса мнения ученых-процессуалистов о возможности применения принуждения, когда методы убеждения оказались недейственными, сформировались следующим образом. Применение принуждения, по мнению Д. К. Брагера, связано с применением физической силы в случае получения образцов жизнедеятельности (крови, слюны), когда обвиняемый (подозреваемый) оказывает активное сопротивление. Такой процессуальный порядок получения образцов для сравнительного исследования умаляет достоинство личности и нарушает уголовно-процессуальные принципы [16, с. 100], поэтому получение образцов должно проводиться только по судебному решению. Данная позиция близка также А. В. Смирнову, К. Б. Калиновскому [17].

В то же время возникает вопрос: стоит ли расширительно применять положения ч. 1 ст. 51 Конституции РФ, даже при условии, что бремя доказывания лежит на стороне обвинения (ч. 2 ст. 14 УПК РФ) и субъект расследования должен отыскивать иные доказательства вины? Тем более что право не свидетельствовать против самого себя в контексте принудительного изъятия образцов было предметом рассмотрения в постановлении

Европейского Суда по правам человека от 17 декабря 1996 г. «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства» (жалоба № 19187/91). В пункте 69 указано, что рассматриваемое право стоит толковать ограничительно, как право хранить молчание. Данное право не распространяется на использование в уголовном процессе материалов, которые могут быть получены от обвиняемого независимо от его воли принудительным путем, как-то: изъятие по предписанию документов, получение образцов крови, мочи и кожного покрова для проведения анализа ДНК [18, с. 309—338].

В свою очередь КС РФ, рассматривая жалобы о применении физической силы в ходе принудительного получения образцов для сравнительного исследования у обвиняемого [19; 20], также указал, что конституционное право не свидетельствовать против себя «не исключает возможность проведения различных процессуальных действий с участием подозреваемого или обвиняемого, а также использования документов, предметов одежды, образцов биологических тканей и пр. в целях получения доказательств». Ограничение права на личную неприкосновенность при получении образцов для сравнительного исследования осуществляется в целях защиты лиц, потерпевших от преступлений. УПК РФ при этом обеспечивает обоснованность и соразмерность такого ограничения, предоставляя обвиняемому право на судебную защиту прав и свобод, а также участие в судебном заседании в случае обжалования незаконности проведенного процессуального действия.

Сформировавшаяся позиция просматривается в следующем примере. В Курском областном суде 8 июля 2014 г. рассматривался материал по апелляционной жалобе на постановление Ленинского районного суда г. Курска. По мнению стороны защиты, действия следователя расценивались как незаконные, так как они были связаны с принудительным получением образцов (буккального эпителия и крови) для сравнительного исследования у обвиняемого с применением физической силы оперативными сотрудниками, сотрудниками конвоя по указанию следователя, когда обвиняемый в присутствии понятых отказался добровольно предоставлять данные образцы в бюро судебно-медицинской экспертизы. При первоначальном обжаловании суд оставил жалобу стороны защиты без удовлетворения. В судебном заседании суда апелляционной инстанции сторона обвинения настаивала, что процедура получения образцов для сравнительного исследования выполнена в рамках уголовно-процессуального законодательства.

Суд апелляционной инстанции также посчитал постановление суда законным и обоснованным, не подлежащим отмене, указав, что в рамках уголовного дела следователем было принято решение о назначении судебной экспертизы (исследование ДНК) с целью проверки доводов обвиняемого М. о том, что он является Г. и не имеет никакого отношения к личности М. В связи с этим была проведена эксгумация трупов умерших родителей М.: М. и М. На разрешение экспертизы следователем был поставлен вопрос: «Может ли М. (представляющийся Г.) являться биологическим сыном М. и М.?». Следователем были получены в принудительном порядке указанные образцы буккального эпителия (посредством забора на ватный тампон с ротовой полости) и образцы крови. Суд не нашел подтверждений, что при проведении указанного действия были нарушены конституционные права обвиняемого, несмотря на то, что при получении образцов обвиняемый отказался их добровольно предоставить, оказывал сопротивление сотрудникам полиции, которые придерживали его, и пытался вырваться [21].

В следующем примере принудительное получение образцов крови для сравнительного исследования у обвиняемого Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, проводилось в присутствии понятых, без участия защитника. В связи с активным сопротивлением обвиняемого Ш. на руки сзади были надеты наручники, а также к нему было применено адекватное физическое воздействие, необходимое для забора крови специалистом. Действия следователя были признаны не противоречащими уголовно-процессуальному закону [22].

В позиции ученых-процессуалистов, предлагающих принудительно получать образцы для сравнительного исследования по судебному решению [23, с. 103], не содержится ответа о реализации механизма принуждения и его характеристике. По сути, обязательность исполнения вынесенного постановления (как следователем, так и судом) остается все так же нереализованной. Неверно утверждать при этом, что процедура получения таких образцов в принудительном порядке, в том числе вид применяемого принуждения, станет более законной, если предварительно будет получено разрешение суда.

Следует отметить, что механизм принуждения не описан и при осуществлении других принудительных процессуальных действий, например принудительного доставления (ст. 113 УПК РФ) к следователю (дознавателю), хотя при осуществлении привода допустимо применение физи-

ческой силы и специальных средств органом дознания при пресечении правонарушения (неповиновения, сопротивления законным требованиям сотрудника полиции). Проводить аналогию в отношении совершенно разных процессуальных действий, но схожих в возможности обеспечения исполнения решения властного субъекта, все же неверно, однако в условиях «дефицита» правового регулирования иного выхода нет.

Допуская возможность применения физического воздействия в рамках закона «О полиции» в отношении подозреваемого и обвиняемого, стоит согласиться с мнением А. Б. Судницына о необходимости соблюдения ряда специальных требований при его применении, основные среди которых — «минимальный уровень суровости», т. е. лицо «не должно испытывать сильную физическую боль или страдание» и обязательное участие специалиста или врача с целью обеспечения постоянного наблюдения [24, с. 76]. Хотелось бы дополнить указанные рекомендации требованием об обязательном участии понятых при осуществлении данного процессуального действия с целью фиксации его хода и результата, а также возможности их дальнейшего допроса, например при обжаловании действий следователя (дознавателя). Помимо этого полагаем необходимой в обязательном порядке предварительную консультацию со специалистом (например, врачом) о наиболее безопасных и щадящих способах получения того или иного образца. При этом получение образцов такими способами самим следователем (дознавателем) должно исключаться.

В научной литературе мнения о возможности принудительного получения образцов для сравнительного исследования у потерпевшего и свидетеля более неоднозначные. И. В. Смолькова, предлагая решение проблемы, указывает, что в ст. 56 УПК РФ необходимо предусмотреть норму, схожую с ч. 7 ст. 42 УПК РФ, предусматривающую уголовную ответственность для потерпевшего за отказ от предоставления образцов. Обосновывая данную позицию, автор указывает, что «в ст. 308 УК РФ ответственность за отказ от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования предусмотрена и в отношении потерпевшего, и в отношении свидетеля, о чем последний обязательно должен предупреждаться» [25, с. 147]. Несмотря на иное толкование ст. 308 УК РФ в комментариях к УК РФ [26] (объективная сторона данного преступления выражается относительно свидетеля только в отказе от дачи показаний), А. Б. Судницын полагает, что опреде-

ленную в законе обязанность исключительно для потерпевшего предоставлять образцы для сравнительного исследования «следует рассматривать как недостаток законодательной регламентации, что не должно ставить остальных лиц в привилегированное положение и не может абсолютизировать их свободу в части предоставления образцов» [24, с. 76].

Заслуживает внимания замечание Е. А. Зайцевой и Т. И. Ширяевой, что уголовная ответственность потерпевшего, предусмотренная ст. 308 УК РФ, сместила ценностные ориентиры: вместо защиты нарушенных прав и законных интересов на первый план вышли интересы карательного правосудия. В связи с этим обоснованно предлагается исключить уголовную ответственность и применить правила гражданского процессуального законодательства, изложенные в ч. 3 ст. 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [27, с. 10], в соответствии с которой суд может признавать существующим или опровергнутым факт, для выяснения которого должна была бы производиться экспертиза.

Возможность применения принуждения к потерпевшему и свидетелю при получении образцов для сравнительного исследования также стоит рассмотреть исходя из положений ст. 195 УПК РФ. Субъект расследования, приняв решение о производстве судебной экспертизы в отношении свидетеля или потерпевшего, должен в первую очередь получить их согласие (за исключением случаев обязательного назначения судебной экспертизы в отношении потерпевшего — пп. 2, 4 и 5 ст. 196 УПК РФ), и только после этого приступить к следующему этапу — получению образцов для сравнительного исследования (например, назначение и производство дактилоскопической судебной экспертизы по изъятым с места совершения преступления следов папиллярных узоров рук следует считать проводимой в отношении свидетеля или потерпевшего, если на исследование предоставляются образцы отпечатков папиллярных узоров рук, изъятые у данных участников). Если письменное согласие не получено, то нет и оснований получать образцы для сравнительного исследования, в том числе и принудительно, так как несоблюдение данных предписаний закона повлечет признание заключения эксперта недопустимым доказательством. Возникает противоречие: следователь (дознатель) вправе получить образцы для сравнительного исследования у свидетеля или потерпевшего, в то же время свидетель или потерпевший вправе не дать письменное согласие

на проведение в отношении них судебной экспертизы. Разъяснение потерпевшему последствий отказа от предоставления образцов, а именно наступление уголовной ответственности, фактически становится «бессмысленным»: разве возможно привлечение к уголовной ответственности за деяние, которое носит обеспечительный характер для производства судебной экспертизы, проводимой только с согласия потерпевшего?

Вопрос о недопустимости применения принуждения к иным физическим лицам при получении образцов для сравнительного исследования в ходе процессуальной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ, полагаем, вообще не должен вызывать сомнения, так как их правовой статус как участников проверки сообщения о преступлении фактически не определен и требует повышенной правовой защищенности.

Таким образом, в условиях сложившейся правовой неопределенности полагаем, что следователю или дознавателю необходимо получать письменное согласие не только на проведение экспертизы в отношении данной категории лиц, а также свидетелей и потерпевших, но и на получение образцов для сравнительного исследования, поскольку, как было указано раньше, данное процессуальное действие обеспечивает дальнейшее назначение и производство судебной экспертизы.

Учитывая пробельность нормативного регулирования обеспечения прав и законных интересов лиц, у которых получают образцы для сравнительного исследования, безусловную практическую значимость имеет выяснение вопроса об участвующих лицах данного процессуального действия. В научной литературе в основном рассматриваются аспекты участия специалиста и определения статуса лица, в отношении которого принимается решение о получении образцов на стадии возбуждения уголовного дела. Несомненно, участие специалиста при получении ряда образцов для сравнительного исследования будет способствовать применению правильной методики и обеспечит их пригодность к дальнейшему исследованию. Наряду с принудительностью получения образцов у свидетеля или лица, статус которого не определен на этапе возбуждения уголовного дела, представляется важным разрешить вопрос об участии адвоката таких лиц.

Законодатель, разрешив проводить данное процессуальное действие до возбуждения уголовного дела, подчеркнул его безотлагательный характер. Такая безотлагательность может быть вызвана невозможностью в дальнейшем получить

образцы у определенного лица, необходимостью назначения и производства судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела и получения в дальнейшем процессуально безупречных доказательств. Кроме того, безотлагательность производства данного процессуального действия обусловлена его целью — изобличением лица, совершившего преступление. В стадии возбуждения уголовного дела его статус пока еще не определен либо, если дело возбуждено, лицо может приобрести статус свидетеля, и для оценки (проверки) его показаний субъекту расследования может понадобиться получение образцов для производства дальнейшего исследования.

Уголовно-процессуальное законодательство в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ предусматривает, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права пользоваться услугами адвоката. С целью защиты своих прав и законных интересов данные лица могут заявить ходатайство о привлечении к участию в процессуальном действии адвоката. Закономерно возникает вопрос — обязан ли субъект расследования незамедлительно обеспечить участие адвоката в этом случае? Полагаем, что нет. КС РФ выделяет несколько признаков безотлагательного процессуального действия, которые не исключают участия явившегося адвоката, но и не приостанавливают производство данного процессуального действия до обеспечения его явки. К их числу относятся: неотложность; получение образцов для сравнительного исследования, не связанное с дачей показаний лицом, у которого они отбираются; отсутствие требования о необходимости предварительного уведомления лица о подготовке и проведении получения образцов для сравнительного исследования ввиду угрозы уничтожения (утраты) доказательств [28].

Существующие проблемы нормативной регламентации данного процессуального действия требуют изучения уголовно-процессуального законодательства стран — участниц Содружества Независимых Государств с целью определения возможного вектора развития отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Достаточно подробно порядок производства рассматриваемого процессуального действия изложен в Уголовно-процессуальном кодексе Рес-

публики Казахстан (далее — УПК РК), стремительно развивающемся в последнее время в связи с последовательной реализацией основополагающих принципов уголовного судопроизводства, направленных на неукоснительную защиту основных прав и свобод человека [29]. Обращает на себя внимание обширный список получаемых образцов (ч. 2 ст. 262 УПК РК), еще более подробно и обстоятельно регламентирован порядок получения образцов для сравнительного исследования в ст. 265 УПК РК. Так, законодатель разделяет применяемые методы на две группы: с помощью научно-технических средств, не причиняющих боль и не опасных для жизни и здоровья, и с применением сложных медицинских процедур или методов, вызывающих болевые ощущения. Последние допускаются только по письменному согласию этих лиц (ст. 267 УПК РК). В УПК РК также предусмотрена возможность принудительного получения образцов для сравнительного исследования, при этом в отношении свидетеля или потерпевшего, но только по судебному решению.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. [30] (далее — УПК КР), также выбрал курс, направленный на усиление защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в соответствии с требованиями международно-правовых норм, в том числе и при получении образцов для сравнительного исследования. В ранее действовавшем УПК КР 1999 г. [31] нормативное регулирование во многом было схоже с порядком проведения данного процессуального действия по УПК РФ. Новый же УПК КР подошел к данному вопросу более обстоятельно, тем самым устранив ранее существовавшие пробелы. Во-первых, систематизированы на три группы образцы, которые могут быть получены у человека, отображающие его свойства как живого лица: биологические — кровь, волосы, слюна, выделения; психофизические — почерк; анатомические — отпечатки кожного покрова, слепки зубов, особенности голоса. Во-вторых, однозначно определены участники судопроизводства, у которых могут быть получены образцы и возможность принудительного их получения. В соответствии с чч. 3, 4 ст. 184 УПК КР образцы могут быть получены у подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также у лица, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера. У подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего образцы могут быть получены с их согласия, в случае их отказа — на основании решения следственного

судьи, за исключением случаев, когда получение таких образцов сопряжено с нарушением права на уважение чести и достоинства личности. Образцы у свидетеля могут быть получены только с его согласия. В-третьих, определены случаи, когда необходимо участие того или иного специалиста, например врача, ветеринара.

Кроме того, УПК КР предусматривает специальные следственные действия, которые производятся по тяжким и особо тяжким преступлениям в случаях, если для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном судопроизводстве, необходимо получить сведения о фактах, не информируя вовлеченных в уголовное судопроизводство лиц, интересы которых они затрагивают, когда следственными действиями установить это не представляется возможным. Данные следственные действия проводятся с разрешения следственного судьи. Среди таких следственных действий — получение образцов для сравнительного исследования в целях производства экспертизы (ст. 229 УПК КР) с использованием конспиративных приемов для получения объектов, связанных с жизнедеятельностью человека; при этом детально описана легализация полученных объектов и их использование в доказывании.

Таким образом, анализ законодательства ряда стран ЕАЭС в части регулирования вопросов получения образцов для сравнительного исследова-

ния позволяет сделать вывод, что совершенствование нормативной регламентации должно осуществляться в следующих направлениях, предусматривающих:

— законодательное установление возможности либо недопустимости принудительного получения образцов для сравнительного исследования в зависимости от процессуального статуса участника уголовного судопроизводства, в том числе по судебному решению;

— допустимые действия при отказе добровольного предоставления образцов для сравнительного исследования, которые не должны содержать угрозу жизни и здоровью, а также безопасные методы для жизни и здоровья человека, используемые только после обязательной консультации со специалистом; при этом применение физической силы должно осуществляться в соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» сотрудником органа дознания;

— получение письменного согласия свидетеля и потерпевшего на предоставление образцов для сравнительного исследования в случаях, когда судебная экспертиза проводится в отношении данных участников;

— обязательное участие понятых и специалиста при принудительном получении образцов для сравнительного исследования.

1. Галияхметов М. Р., Татьяна Д. В. Дискуссионные вопросы проведения следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Удмурдского университета. 2015. Т. 25. Вып. 3. С. 108—110.

2. Стельмах В. Ю. Получение образцов для сравнительного исследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: понятие, порядок производства и проблемные вопросы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (69). С. 78—85.

3. Пономаренко Е. В. Основания для принудительного получения образцов для сравнительного исследования // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 2. С. 99—106.

4. Уголовный процесс: учебник. В 3 ч. Ч. 2. Досудебное производство по уголовным делам / под ред. В. Г. Глебова, Е. А. Зайцевой. 5-е изд., перераб. и доп. Волгоград: ВА МВД России, 2017. 260 с.

1. Galiakhmetov M. R., Tatyana D. V. Issues of Investigative Actions at the Stage of Initiating a Criminal Case. Journal of the Udmurdt University. 2015; 25 (Issue 3): 108—110.

2. Stelmakh V. Yu. Obtaining Samples for a Comparative Study of the Criminal Procedure Legislation of the Russian Federation: Concept, Procedure and Issues. Journal of the Saint-Petersburg University of the Interior Ministry of Russia. 2016; 69 (1): 78—85.

3. Ponomarenko Ye. V Basis for Enforced Obtaining Samples for a Comparative Study. Journal of the Voronezh Institute of the Interior Ministry of Russia. 2016; 2: 99—106.

4. Criminal Procedure: Textbook. In 3 Parts. Part 2. Pre-trial Criminal Proceedings. Ed. by V. G. Glebov, Ye. A. Zaitseva. 5th ed., processed and added. Volgograd: Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia; 2017: 260 p.

5. Rossinsky S. B. Conceptual Basis for Forming the Results of "Non-Verbal" Investigative and

5. Россинский С. Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2015. 525 с.

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урванцевой Веры Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 86, 87 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 2, 6 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. № 2211-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2005. 256 с.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 104-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Немых Натальи Ивановны на нарушение ее конституционных прав статьей 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статьями 87, 186 и 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2010 г. № 261-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 104-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Немых Натальи Ивановны на нарушение ее конституционных прав статьей 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статьями 87, 186 и 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Фе-

Judicial Actions in Proving on a Criminal Case. Dissertation of doctor of juridical sciences: 12.00.09. Moscow; 2015: 525 p.

6. On Refusal to Try the Complaint of Urvantseva Vera Borisovna Related to the Violation of Her Constitutional Rights by Part 4 of Article 21, Articles 86, 87 and 89 of the Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation, Articles 2, 6 and 12 of the Federal Law "On Detective-Search Activity". Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2211-O of 28 September 2017. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

7. Rossinskaya Ye. R. Forensic Examination in Civil, Arbitrative, Administrative and Criminal Proceedings. Moscow: Norma; 2005: 256 p.

8. On Refusal to Try the Complaint of Bukhrov Dmitry Yuriyevich Related to the Violation of His Constitutional Rights by Part 4 of Article 21, Articles 84, 86 and 89 of the Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation and Articles 2 and 6 of the Federal Law "On Detective-Search Activity". Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 104-O-O of 24 January 2008. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

9. On Refusal to Try the Complaint of Nemyh Natalya Ivanovna Related to the Violation of Her Constitutional Rights by Article 12 of the Federal Law "On Detective-Search Activity", Articles 87, 186 and 202 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 261-O-O of 25 February 2010. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

10. On Refusal to Try the Complaint of Bukhrov Dmitry Yuryevich Related to the Violation of His Constitutional Rights by Part 4 of Article 21, Articles 84, 86 and 89 of the Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation and Articles 2 and 6 of the Federal Law "On Detective-Search Activity". Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 104-O-O of 24 January 2008. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

11. On Refusal to Try the Complaint of Nemykh Natalya Ivanovna Related to the Violation of Her Constitutional Rights by Article 12 of the Federal Law "On Detective-Search Activity", Articles 87, 186 and 202 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 261-O-O of 25 February 2010. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

дерации: определение Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2010 г. № 261-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Проблемы законности получения образцов для сравнительного исследования путем, отличным от установленного ст. 202 УПК РФ. URL: <https://pravorub.ru/articles/40261.html> (дата обращения: 16.01.2020).

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урванцевой Веры Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 86, 87 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 2, 6 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. № 2211-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Зайцева Е. А., Садовский А. И. Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 292 с.

15. Зайцева Е. А. Трижды потерпевший // Законность. 2015. № 1. С. 34—38.

16. Брагер Д. К. Принудительное проведение освидетельствования и получение образцов для сравнительного исследования: отдельные проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 99—101.

17. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Европейский суд по правам человека. Избранные решения. В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. 808 с.

19. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколюка Владимира Ильича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1298-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сойкина Олега Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г.

12. Problems of Legality of Obtaining Samples for a Comparative Study in the Way to be Different from One Provided by Art. 202 of the Code of the Criminal Procedure. Available from: <https://pravorub.ru/articles/40261.html>. Accessed: 16 January 2020.

13. On Refusal to Try the Complaint of Urvantseva Vera Borisovna Related to the Violation of Her Constitutional Rights by Part 4 of Article 21, Articles 86, 87 and 89 of the Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation, Articles 2, 6 and 12 of the Federal Law "On Detective-Search Activity". Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2211-O of 28 September 2017. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

14. Zaitseva Ye. A., Sadovsky A. I. Formation of Evidence by an Investigator with Using Special Knowledge and Scientific and Technical Facilities. Volgograd: Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia; 2013: 292 p.

15. Zaitseva Ye. A. Being Victim Three-Times. Legality. 2015; 1: 34—38.

16. Brager D. K. Forced Examination Making and Obtaining Samples for a Comparative Study: Some Problems. Journal of the Tomsk State University. 2013; 377: 99—101.

17. Smirnov A. V., Kalinovskiy K. B. Commentary to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (Article-by-Article). Ed. by A. V. Smirnov. 5th ed., processed and added. Moscow; 2009. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

18. European Court of Human Rights. Selected Decisions. In 2 vol. Vol. 2. Moscow: Norma; 2000: 808 p.

19. On Refusal to Try the Complaint of Sokolyuk Vladimir Ilyich Related to the Violation of His Constitutional Rights by Article 202 of the Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1298-O of 24 September 2013. Available from: reference and legal system "Consultant Plus".

20. On Refusal to Try the Complaint of Soykin Oleg Yuryevich Related to the Violation of His Constitutional Rights by Article 202 of the Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1297-O of 24 September 2013. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

№ 1297-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Апелляционное постановление Курского областного суда от 8 июля 2014 г. по делу № 22К-685/2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xlepPfr9EkLV/> (дата обращения: 21.01.2020).

22. Кассационное определение Пермского краевого суда от 7 июля 2011 г. по делу № 22-4856. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Пономаренко Е. В. Основания для принудительного получения образцов для сравнительного исследования // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 2. С. 99—106.

24. Судницын А. Б. Принудительное получение биологических образцов для сравнительного исследования: нормативная регламентация, складывающаяся практика, рекомендации правоприменителям // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 74—82.

25. Смолькова И. В. Допустимо ли принуждение при получении образцов для сравнительного исследования в российском уголовном судопроизводстве? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 146—154.

26. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К. А. Барышева, Ю. В. Грачева, Г. А. Есаков и др.; под ред. Г. А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. Зайцева Е. А., Ширяева Т. И. Представление образцов для сравнительного исследования: право или обязанность потерпевшего? // Судебная экспертиза. № 3 (39). 2014. С. 7—19.

28. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кудымова Сергея Олеговича на нарушение его конституционных прав положениями статей 38, 47, 56, 86, 166, 177 и 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2019 г. № 505-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

29. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 11.01.2020). URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852 (дата обращения: 21.01.2020).

30. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20 (с изм. и доп. по сост. на 15.05.2019). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530> (дата обращения: 21.01.2020).

21. Appeal Decision of the Kursk Regional Court on Case No. 22K-685/2014 of 8 July 2014. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/xlepPfr9EkLV/>. Accessed: 21 January 2020.

22. Cassation Decision of the Perm Region Court on Case No. 22-4856 of 7 July 2011. Available from: reference and legal system "Consultant-Plus".

23. Ponomarenko Ye. V. Basis for Forced Obtaining Samples for a Comparative Study. Journal of the Voronezh Institute of the Interior Ministry of Russia. 2016; 2: 99—106.

24. Studnitsyn A. B. Forced Obtaining Biological Samples for a Comparative Study: Regulation, Forming Practice, Recommendations for Law Enforcers. Journal of the Siberian Law Institute of the Interior Ministry of Russia. 2018; 33 (4): 74—82.

25. Smolkova I. V. Is Coercion Admissible While Obtaining Samples for a Comparative Study in the Russian Criminal Proceedings? Journal of the East-Siberian Institute of the Interior Ministry of Russia. 2018; 87 (4): 146—154.

26. Barysheva K. A., Grachyeva Yu. V., Yesakov G. A. (et al.). Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (Article-by-Article). Ed. by G. A. Yesakov. 7th ed., processed and added. Moscow: Prospect; 2017. Available from: reference and legal system "Consultant Plus".

27. Zaitseva Ye. A., Shiryayeva T. I. Demonstration of Samples for a Comparative Study: Right or Duty of a Victim? Forensic Examination. 2014; 39 (3): 7—19.

28. On Refusal to Try the Complaint of Kudymov Sergey Olegovich Related to the Violation of His Constitutional Rights by the Statements of Articles 38, 47, 56, 86, 166, 177 and 202 of the Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 505-O of 28 February 2019. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

29. The Code of Criminal Procedure of the Kazakhstan Republic No. 231-V of 4 July 2014 (as amended on 11 January 2020). Available from: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852. Accessed: 21 January 2020.

30. The Code of the Criminal Procedure of the Kyrgyz Republic No. 20 of 2 February 2017 (with Amendments and Additions on 15 May 2019). Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530>. Accessed: 21 January 2020.

31. The Code of the Criminal Procedure of the Kyrgyz Republic No. 63 of 30 June 1999. Available

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

31. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 г. № 63. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30241915#pos=6;-180 (дата обращения: 21.01.2020).

from: https://online.zakon.kz/Document/?Doc_id=30241915#pos=6;-180. Accessed: 21 January 2020.

© Трифонова К. А., Шматов М. А., 2020

© Trifonova Ch. A., Shmatov M. A., 2020

Трифопова Кристина Алексеевна,
доцент кафедры предварительного
расследования учебно-научного комплекса
по предварительному расследованию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: trifonova1102@mail.ru

Trifonova Christina Alexeevna,
associate professor at the Department
of preliminary investigation of the training
and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: trifonova1102@mail.ru

Шматов Михаил Андреевич,
профессор кафедры предварительного
расследования учебно-научного комплекса
по предварительному расследованию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: trifonova1102@mail.ru

Shmatov Mikhail Andreevich,
professor at the Department
of preliminary investigation
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of pedagogical sciences, professor;
e-mail: trifonova1102@mail.ru

С. А. Янин, Т. Н. Янина

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
ПО ФАКТУ УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
(ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ) НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье проанализированы особенности возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 243 Уголовного кодекса Российской Федерации. Отмечено, что актуальность борьбы с преступными посягательствами на объекты культурного наследия обусловлена содержанием ныне действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Сформулированы общие и частные задачи стадии возбуждения уголовного дела, представлено содержание этапов данной стадии. Сделан вывод о важности незамедлительного реагирования государства на преступление путем возбуждения уголовного дела как необходимой предпосылки успешного формирования доказательственной базы для его раскрытия и расследования. Изучены поводы и основания к возбуждению уголовных дел о преступлениях рассматриваемой категории, современные негативные тенденции правоохранительной практики, препятствующие принятию обоснованных решений по материалам проверки заявлений (сообщений) о преступлении. На основе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства, научных источников, судебно-следственной практики предложен алгоритм проверки повода к возбуждению уголовного дела по факту преступных посягательств на объекты культурного наследия народов Российской Федерации. Раскрыто содержание комплекта документов, подлежащих оценке для принятия процессуального решения, который предоставит следователю, дознавателю возможность принять законное и обоснованное решение.

Ключевые слова: культурное наследие, расследование, доследственная проверка, возбуждение уголовного дела, повод, основание.

S. A. Yanin, T. N. Yanina

**ON SOME FEATURES OF INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDING
ON THE FACT OF DESTRUCTION OR DAMAGE TO CULTURAL HERITAGE OBJECTS
(HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS) OF THE NATIONALITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

This article analyzes the features of the initiation of criminal proceedings regarding crimes under Art. 243 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is noted that the relevance of the fight against criminal attacks on cultural heritage objects is due to the content of the current National Security Strategy of the Russian Federation. The general and specific tasks of the stage of a criminal proceeding initiation are formulated, the contents of the steps taken during this stage are presented. It is concluded that immediate response of the government to a crime by initiating a criminal proceeding as a necessary prerequisite for the successful formation of evidence for its disclosure and investigation is highly important. The reasons and grounds for initiating criminal proceedings regarding crimes of this category, the current negative trends in law enforcement practice that obstruct informed decisions on the basis of verification of statements (reports) about the crime are studied. Based on the analysis of the current criminal procedure legislation, scientific sources, and judicial investigative practice, an algorithm for checking the reason to initiate criminal proceedings on the fact of criminal attacks on cultural heritage objects of nationalities of the Russian Federation is proposed. The content of a set of documents to be evaluated for making a procedural decision is disclosed, which will provide the investigator and the inquirer with the opportunity to make a lawful and reasonable decision.

Key words: cultural heritage, investigation, pre-investigation check, initiation of criminal proceeding, reason, grounds.

В конце XX — начале XXI в. в мире остро встал вопрос сохранения объектов культурного наследия — памятников истории и культуры, которые умышленно или по неосторожности уничтожаются, ветшают, приходят в негодность. Так, например, в ходе ныне длящегося конфликта на Ближнем Востоке террористами были уничтожены либо серьезно повреждены выдающиеся памятники архитектуры (статуи Будды и монастыри в Афганистане, мечеть Омейядов и город Пальмира в Сирии, древности города Мосул в Ираке и многие другие). Сделано это было с целью стереть историческую память народов и лишить человечество осязаемых подтверждений мировой истории, символами которой выступали разрушенные памятники. В недавнем пожаре во Франции серьезно поврежден знаменитый собор Парижской Богоматери.

В России при отсутствии войн и гражданских конфликтов, тем не менее, объекты культурного наследия (как правило, это памятники архитектуры) уничтожаются с завидным постоянством. Основной причиной этого негативного явления (за исключением совершения таких преступлений психически ненормальными людьми) выступает корысть — уничтожить историческое здание в центре города, чтобы на его месте построить торговый центр или развлекательный комплекс, которые будут приносить куда больший доход их владельцам; срезать с монумента цветной металл, чтобы сдать его в металлоприемку; уничтожить древнее захоронение, чтобы поживиться археологическими редкостями и продать их на «черном» рынке.

Вопросы сохранения культурного наследия народов России приобрели особую значимость ввиду важной роли такого наследия в воспитании подрастающего поколения и сохранении самобытности государства в период мировой глобализации. Подтверждением служат положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, посвященные культуре. Так, в числе угроз национальной безопасности заявлены противоправные посягательства на объекты культуры [1].

Последовательная борьба с такими посягательствами предполагает, кроме прочего, применение мер уголовно-правовой охраны объектов культурного наследия — памятников истории и культуры народов Российской Федерации, включающих производство полного и всестороннего расследования в случае совершения противоправных посягательств на указанные объекты, и привлечение виновных лиц к установленной законом ответственности. Стоит отметить при этом, что «мелочей» в расследовании не бывает, и каждый его

этап, начиная с проверки сообщения о преступлении и заканчивая направлением уголовного дела прокурору с обвинительным заключением, должен быть реализован безупречно.

Очевидно, что должным образом проведенное расследование таких посягательств предполагает строгое соблюдение положений уголовно-процессуального законодательства при формировании доказательственной базы. Последняя является результатом производства следственных действий в порядке, регламентированном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ). Однако по уголовным делам о преступлениях в отношении объектов культурного наследия содержание и качество доказательственной базы определяются не только результатами процессуальных действий в ходе расследования, но и тщательной подготовительной работой органа дознания либо следователя до его начала при закреплении следов преступления.

Такая работа обусловлена одной из особенностей российского уголовно-процессуального законодательства, позволяющего (в отличие от практики ряда зарубежных стран) большинство процессуальных действий проводить только после возбуждения уголовного дела — начальной стадии уголовного процесса.

Значение данной стадии при рассмотрении противоправных посягательств на объекты культурного наследия трудно переоценить. Оно определяется тем, что в большинстве случаев, получив заявление (сообщение) о преступлении, следователь или орган дознания сразу не может принять законное решение в порядке ст. 145 УПК РФ, так как не имеет полной информации о произошедшем (в частности, о статусе поврежденных либо уничтоженных объектов и др.). Выяснение такой информации для принятия обоснованного решения и является главным предназначением стадии возбуждения уголовного дела. Как отмечают юристы, к общим ее задачам можно отнести следующие:

— обеспечение своевременного реагирования на преступление с одновременным недопущением расследования деяний, не содержащих признаки состава преступления;

— предотвращение готовящегося и пресечение начатого преступления;

— закрепление следов преступления [2].

Частными задачами выступают необходимость проверки повода к возбуждению уголовного дела; установление круга лиц, владеющих информацией о произошедшем и обстоятельствах, подлежа-

щих доказыванию; принятие итогового решения [3, с. 24—25].

С учетом решения перечисленных задач можно сделать вывод, что одной из важнейших предпосылок для быстрого и полного раскрытия преступлений, предусмотренных ст. 243 УК РФ, является именно своевременное и законное возбуждение уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 146 УПК РФ, при наличии указанных в законе поводов и оснований и отсутствии обстоятельств, исключающих производство по делу (ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Своевременность при этом фактически означает возможность для правоохранительных органов без промедления собрать и закрепить следы преступления, т. е. сформировать необходимую начальную доказательственную базу, которая в дальнейшем станет основой расследования.

Как отмечают В. Б. Батоев и В. В. Бычков, стадия возбуждения уголовного дела состоит из пяти этапов:

- 1) поступление сообщения о преступлении и его регистрация;
- 2) проверка сообщения;
- 3) уголовно-правовая квалификация деяния (наличие основания для возбуждения уголовного дела);
- 4) определение подследственности преступления;
- 5) вынесение постановления о возбуждении (либо об отказе в возбуждении) уголовного дела [4, с. 91].

Как мы видим, особое значение в данной стадии приобретает повод — источник информации, из которого правоохранительным органам становится известно о факте совершения противоправного деяния, так как в зависимости от этого источника определяются вид и последовательность первоначальных проверочных действий. Поводы для возбуждения уголовного дела перечислены в ст. 140 УПК РФ, и для различных видов преступлений характерны свои, специфические, наиболее часто встречающиеся в правоохранительной практике.

К примеру, поводом для возбуждения уголовных дел о кражах чужого имущества в подавляющем большинстве случаев является заявление потерпевшего, а для возбуждения уголовных дел по факту незаконного оборота оружия либо наркотических средств — сообщение, полученное из иных источников (это, как правило, материалы оперативно-разыскной деятельности либо факты выявления преступлений органом дознания, не связанные с оперативно-разыскными мероприятиями).

Согласно изученным материалам судебно-следственной практики, наиболее распространенными поводами для возбуждения уголовных дел о пре-

ступлениях рассматриваемой категории являлись следующие:

1. Заявление о преступлении (в основном, такие заявления в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, направляются сотрудниками территориальных органов Минкульты России, государственной инспекции по охране культурного наследия администраций субъектов РФ, которые выступают при этом в роли потерпевших как представители государственного органа по охране объектов культурного наследия, культурных ценностей).

Так, например, 1 мая 2009 г. Л., с целью строительства жилого дома на земельном участке по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Красная Площадь, 10, не получив в установленном порядке разрешения на строительство, достоверно зная о том, что данный земельный участок находится в границах памятника археологии «Культурный слой, валы, рвы города Суздаля X—XIII, XIV—XVII вв.», который включен на основании закона Владимирской области от 9 июня 2007 г. № 65-ОЗ «О внесении изменений в приложения к закону Владимирской области “Об объявлении объектов недвижимости памятниками истории и культуры”» в перечень объектов недвижимости, объявленных памятниками археологии регионального значения на основании закона Владимирской области № 44-ОЗ от 9 октября 1998 г. «Об объявлении объектов недвижимости памятниками истории и культуры регионального значения», не проведя работ по сохранению данного памятника археологии, действуя умышленно, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде повреждения памятника археологии и желая их наступления, организовал работы по устройству котлована под фундамент дома.

5 мая 2009 г. Государственной инспекцией по охране объектов культурного наследия Администрации Владимирской области был установлен факт нарушения Л. Федерального закона № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», а также закона Владимирской области № 21-ОЗ от 6 апреля 2004 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) Владимирской области», а именно: проведение работ без согласования с государственным органом охраны объектов культурного наследия. Государственной инспекцией по охране объектов культурного

наследия Администрации Владимирской области Л. было вынесено предписание № 62 от 5 мая 2009 г. с требованием приостановления строительных и проведения спасательных археологических работ. Игнорируя законно выданное предписание, Л. продолжил выполнение работ по снятию грунта, выкопав котлован под фундамент дома глубиной 2 м и размером 24,5 × 20 м общей площадью 490 м².

Таким образом, Л. своими умышленными преступными действиями на указанном участке уничтожил культурный слой, повредив тем самым памятник археологии [5].

2. Сообщение о совершенном преступлении, полученное из иных источников (как правило, речь в данном случае идет о материалах оперативных разработок либо при задержании фигурантов с поличным при непосредственном обнаружении органом дознания факта совершенного преступления).

Так, например, Д., 1986 года рождения, гражданин Российской Федерации, зарегистрированный на территории г. Санкт-Петербурга, работавший врачом-неврологом районной поликлиники, ранее не судимый, в период времени с 20 ч 05 мин до 20 ч 10 мин 11 декабря 2017 г., находясь по адресу: г. Санкт-Петербург, Адмиралтейский район, Исаакиевская пл., д. 4 «А», металлическим ломом повредил расположенную со стороны «Восточного портика» малую дверь в алтарь Восточного фасада, нижнее левое стекло витражного оконного заполнения Восточного фасада, разбил стекло за решеткой рисунка «чешуя» малой двери Восточного фасада, расположенного на Исаакиевском Соборе, в результате чего повредил вышеуказанный объект культурного наследия федерального значения, причинив Санкт-Петербургскому государственному бюджетному учреждению культуры «Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор» материальный ущерб на сумму 100 тыс. 68 руб. 23 коп.

После совершения указанных действий Д. был задержан сотрудниками ЧОП «ООО «Комбат Северо-Запад»», когда пытался проникнуть в помещение собора, после чего был передан бывшим на место сотрудникам полиции [6].

Для принятия обоснованного решения о возбуждении уголовного дела кроме повода необходимы основания — т. е. наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Признаки преступления, как отмечают В. С. Бурданова и А. П. Филиппов, должны указывать на

объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону того преступления, которое проверяется; основными критериями оценки данных с точки зрения их достоверности являются полнота, всесторонность и объективность [7].

Установление наличия оснований по фактам совершения преступлений некоторых видов требует тщательной проверки и оценки имеющихся данных. К таким случаям относится и возбуждение уголовного дела по факту уничтожения либо повреждения объектов культурного наследия либо культурных ценностей.

Указанная проверка называется доследственной и проводится в порядке ст. 144 УПК РФ в целях объективного подтверждения фактов, изложенных в поступивших в правоохранительные органы заявлениях, материалах ведомственных и иных проверок.

Изучение практики показывает, что успех в раскрытии и расследовании преступлений рассматриваемого вида во многом определяется качеством названной проверки, в ходе которой необходимо сформировать тот массив криминалистически значимой информации, на который можно будет опираться в ходе расследования.

К сожалению, в современной практике органов внутренних дел имеют место случаи, когда несвоевременно либо некачественно проведенная доследственная проверка не позволяла принять обоснованное решение о возбуждении уголовного дела либо дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Зачастую, ввиду недостаточной профессиональной подготовленности, сотрудники органа дознания и следователи не всегда выясняют обстоятельства, подлежащие установлению, что делает проведенную проверку неполной, приводя к вышеуказанным последствиям. В ходе доследственной проверки должны быть установлены и проанализированы обстоятельства, имеющие значение для выявления преступлений конкретного вида: по насильственным — степень тяжести причиненного вреда здоровью, по имущественным — величина причиненного ущерба, по преступлениям, связанным с оборотом наркотиков, — масса изъятого вещества.

При осуществлении проверки факта совершения преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, представляется необходимым выяснение ряда обстоятельств, важных для юридической оценки содеянного. Таковыми являются следующие:

1. Наличие факта повреждения либо уничтожения объекта.

Повреждением при этом будет являться частичная утрата объектом своих свойств; уничтожени-

ем — прекращение существования объекта либо полная утрата им своих качеств.

2. Факт принадлежности поврежденного либо уничтоженного объекта к культурному наследию, культурным ценностям.

Данное обстоятельство требует использования помощи специализированных государственных органов, осуществляющих защиту таких объектов и ведущих их учет.

3. Причастность к совершению деликта конкретных лиц, их осведомленность о принадлежности поврежденного (уничтоженного) объекта к культурному наследию.

Выявить причастность к совершению преступления конкретных лиц в рамках доследственной проверки не всегда возможно, и тогда это будет одной из главных задач последующего расследования. Что же касается осведомленности данных лиц о том, что поврежденный ими объект имеет особый правовой статус, то доказать ее в ходе проверки также не всегда возможно. При этом необходимо помнить, что названное обстоятельство будет одним из определяющих при юридической оценке действий лиц, причастных к совершению деликта, так как их неосведомленность о том, что поврежденный объект находился под охраной государства, исключает уголовную ответственность по ст. 243 УК РФ, предусматривающую исключительно умышленную форму вины. Для доказывания факта осведомленности же зачастую необходимо проведение полного комплекса следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий (например, очных ставок, допросов, выемок и т. п.), которые можно осуществить только после возбуждения уголовного дела.

Установление первых двух фактов является обязательным, так как именно их наличие является основанием для возбуждения уголовного дела о совершении преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ. Для этого можно рекомендовать проведение следующих проверочных действий:

1) обследование помещений, зданий, сооружений либо осмотр места происшествия;

2) получение объяснений участников события (свидетелей-очевидцев, сотрудников правоохранительных органов, проводивших ОРМ либо задержание с поличным, представителей территориальных органов Минкультуры России и т. п.);

3) истребование документов, подтверждающих принадлежность разрушенного (поврежденного) объекта к объектам культурного наследия;

4) истребование документов относительно наличия (отсутствия) плана спасательных археоло-

гических полевых работ, разрешения (открытого листа) Минкультуры России на право проведения археологических раскопок;

5) истребование документации из администраций муниципальных образований об имевших место обращения фигурантов в целях получения разрешения на строительство либо согласования соответствующих проектов в границах объектов культурного наследия (при наличии таких обращений), ответов уполномоченных должностных лиц.

6) истребование копий документов по фактам проверок интересующего объекта государственной инспекцией по охране объектов культурного наследия.

7) истребование копий материалов административной практики по фактам проведения работ на объектах культурного наследия без согласования с государственной инспекцией по охране объектов культурного наследия.

По результатам перечисленных мероприятий для принятия обоснованного решения по факту повреждения (уничтожения) объекта культурного наследия, культурных ценностей в порядке ст. 145 УПК РФ, материалы проверки должны содержать следующие документы:

1. Протокол принятия устного заявления о преступлении либо заявление о преступлении.

2. Рапорт органа дознания об обнаружении признаков преступления.

3. Протокол осмотра места происшествия.

4. Объяснения фигурантов события.

5. Решение Правительства Российской Федерации либо органа власти субъекта Российской Федерации об отнесении к объектам культурного наследия.

6. Приказ Минкультуры России о регистрации объекта в качестве объекта культурного наследия в едином государственном реестре с присвоением регистрационного номера.

7. Паспорт объекта культурного наследия.

8. Документы, подтверждающие право владения / пользования объектом культурного наследия (свидетельство о регистрации, договор аренды, выписка из Единого государственного реестра недвижимости о правах отдельного лица на имеющиеся у него объекты недвижимости).

9. Выписка из ЕГРЮЛ в отношении юридического лица, являющегося правообладателем объекта культурного наследия, а также юридического лица, осуществляющего работы на объекте.

10. Учредительные, уставные документы указанных юридических лиц, предусмотренные ст. 52 Гражданского кодекса Российской Федерации,

определяющие в соответствии с законодательством его правовое положение (правовой статус).

11. Копии документов, устанавливающих личность физических лиц, а также в случае необходимости — свидетельство о регистрации (для индивидуальных предпринимателей) и документы, свидетельствующие о месте работы.

12. Охранное обязательство собственника или пользователя объекта культурного наследия с актами технического состояния, охранно-арендный договор, охранный договор, охранное обязательство в отношении памятника истории и культуры (при наличии).

13. План спасательных археологических полевых работ, разрешение (открытый лист) Минкультуры России на право проведения археологических раскопок на объекте культурного наследия либо ответы уполномоченных должностных лиц об отсутствии вышеперечисленных документов.

14. Документы, полученные в ходе осуществления надзорных мероприятий государственной инспекцией по охране объектов культурного наследия (акты осмотра мероприятий по контролю за состоянием объектов культурного наследия, задания на проведение мероприятий по контролю за состоянием объектов культурного наследия, материалы проверок с фотофиксацией, предписания).

15. Материалы дела об административном правонарушении в копиях (в случае проведения по факту уничтожения и / или повреждения объекта культурного наследия административного расследования) [8].

16. Ответы уполномоченных должностных лиц администраций муниципальных образований об имевших место обращениях фигурантов в целях

получения разрешения на строительство либо согласования соответствующих проектов в границах объектов культурного наследия (при наличии таких обращений).

17. Документы, касающиеся проведения на объекте культурного наследия в рамках реализации положений ст. 5.1, 45 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» различных работ (разрешения, задания, по возможности — проектную документацию) (в случаях совершения противоправного деяния в ходе выполнения работ).

Наличие предлагаемого нами комплекта документов предоставит следователю, дознавателю возможность в полной мере проанализировать и оценить все аспекты произошедшего события, что, как следствие, позволит принять взвешенное и обоснованное процессуальное решение в порядке ст. 145 УПК РФ — возбудить уголовное дело, отказать в его возбуждении либо направить материалы по подследственности.

Отсутствие же хотя бы части из представленных документов затруднит либо сделает невозможным принятие законного решения по материалу проверки.

Таким образом, исходя из специфики проверочных действий, собираемых в ходе них материалов, именно на стадии возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, в наибольшей степени проявляются те особенности, которые позволяют говорить о самостоятельной методике расследования преступлений указанного вида.

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. Малышева О. А. Возбуждение уголовного дела: теория и практика. М., 2008. 196 с.

3. Руководство по расследованию преступлений: учеб. пособие / под ред. А. В. Гриненко. М., 2002. 768 с.

4. Батоев В. Б., Бычков В. В. Раскрытие и расследование хищений средств мобильной связи: монография. М., 2013. 216 с.

5. Архив СО ОМВД России по Суздальскому району Владимирской области. 2013 г. Уголовное дело № 42366.

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of 31 December 2015 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Malysheva O. A. Criminal proceeding initiation: theory and practice. Moscow; 2008: 196 p.

3. Crimes investigation guide: a study guide. Ed. by A. V. Grinenko. Moscow; 2002: 768 p.

4. Batoev V. B., Bychkov V. V. Disclosure and investigation of mobile communications theft: Monograph. Moscow; 2013: 216 p.

5. Archive of the Investigation Unit of the Department of Russian Ministry of Internal Affairs in Suzdal district of Vladimir region. 2013. Criminal case No. 42366.

6. Архив СО УМВД России по Адмиралтейскому району г. Санкт-Петербурга. 2018 г. Уголовное дело № 1170140000702234.

7. Бурданова В. С., Филиппов А. П. Расследование телесных повреждений: учеб. пособие. Л., 1975. 134 с.

8. Методические рекомендации о порядке применения статей 243, 243-1 Уголовного кодекса Российской Федерации (утв. приказом Департамента культурного наследия города Москвы от 20.04.2015).

© Янин С. А., Янина Т. Н., 2020

Янин Сергей Александрович,

начальник учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Янина Татьяна Николаевна,

адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

6. Archive of the Investigation Unit of the Directorate of Russian Ministry of Internal Affairs in Admiralteysky district of St. Petersburg. 2018. Criminal case No. 1170140000702234

7. Burdanova V. S., Filippov A. P. Investigation of physical injuries: Study guide. Leningrad; 1975: 134 p.

8. Methodological recommendations on the procedure for applying Articles 243, 243-1 of the Criminal Code of the Russian Federation (approved by the Order of the Department of Cultural Heritage of Moscow of 20.04.2015).

© Yanin S. A., Yanina T. N., 2020

Yanin Sergei Alexsndrovich,

head of the scientific complex of preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Yanina Tatiana Nikolaevna,

associate postgraduate of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

В. Ю. Стельмах**ПРЕДУСМАТРИВАЕТ ЛИ СОВРЕМЕННЫЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЗАКОН
ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ?**

В работе анализируются нормы уголовно-процессуального закона, регламентирующие возвращение уголовного дела судом прокурору, а также полномочия прокурора по поступившему делу. Формулируется вывод о наличии в настоящий момент «восстановительного расследования», не являющегося дополнительным расследованием. Аргументируется, что само по себе возвращение уголовного дела для дополнительного расследования не противоречит Конституции Российской Федерации, если суд при этом не переходит на сторону уголовного преследования. Возвращение дела судом для обеспечения вынесения законного и обоснованного решения не может считаться проявлением в деятельности суда функции уголовного преследования. Вносятся предложения о содержании «восстановительного расследования», не противоречащие правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации: о возможности устанавливать обстоятельства, входящие в предмет доказывания по преступлению, которое было инкриминировано обвиняемому по результатам первоначального расследования. Неполнотой расследования, которую нельзя восстанавливать, является только доказывание обстоятельств, не входивших в объем обвинения, сформулированного при первоначальном расследовании дела.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, дополнительное расследование, прокурор, следователь.

V. Yu. Stelmakh**DOES THE MODERN CRIMINAL PROCEDURE LAW PROVIDE FOR THE RETURN
OF A CRIMINAL CASE BY A COURT FOR FURTHER INVESTIGATION?**

The work analyses the rules of criminal procedure law governing the return of a criminal case by the court to the prosecutor, as well as the powers of the prosecutor in the case. It is concluded that there is currently a "recovery investigation" that is not an additional investigation. It is argued that the return of a criminal case for further investigation in itself is not contrary to the Constitution of the Russian Federation if the court does not switch to the side of criminal prosecution. The return of a case to secure a judgement cannot be considered a criminal prosecution. Proposals are made on the content of the "restorative investigation", which do not contradict the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation: on the possibility to establish the circumstances included in the subject of evidence on the crime, which were charged to the accused on the basis of the results of the initial investigation. The incomplete investigation, which cannot be restored, is only the proof of circumstances that were not within the scope of the charge handed down in the initial investigation of the case.

Key words: criminal procedure, additional investigation, prosecutor, investigator.

Уголовно-процессуальное законодательство советского периода допускало возвращение судом уголовного дела для производства дополнительного расследования. В соответствии с ч. 1 ст. 232 и ч. 1 ст. 258 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РСФСР уголовное дело могло быть направлено для дополнительного расследования как в стадии подготовки к судебному заседанию, так и при рассмотрении уголовного дела по существу по следующим основаниям:

1) неполнота предварительного расследования, которую невозможно восполнить в судебном заседании;

2) существенные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные органами предварительного расследования;

3) выявление оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам

от предъявленного на предварительном расследовании;

4) установление оснований для привлечения к уголовной ответственности других лиц при невозможности выделения материалов в отношении них в отдельное производство;

5) неправильное соединение или разъединение дела.

Само наличие возможности возвращения судом дела для производства дополнительного расследования в конце 1990-х гг. стало подвергаться масштабной и разнонаправленной критике. Аргументы, которыми обосновывалась необходимость отмены права суда возвращать уголовное дело на дополнительное расследование, были диаметрально противоположны по своей сути.

Первый блок таких аргументов сводился к тому, что возвращение судом уголовного дела свидетельствует об обвинительном уклоне, вынуждает судебный орган заниматься уголовным преследованием (поскольку суд, усматривая недоработки предварительного расследования и прокуратуры, предоставляет им дополнительный шанс устранения этих дефектов и тем самым стимулирует именно уголовное преследование), нарушает базовое право гражданина подвергаться уголовному преследованию за одно и то же деяние только один раз.

Второй блок аргументов выдвигался с прямо противоположной точки зрения. Утверждалось, что возврат уголовного дела на дополнительное расследование ставит в затруднительное, а зачастую и безвыходное положение органы предварительного расследования и прокуратуры, поскольку восполнить неполноту в собирании доказательств по уголовному делу просто невозможно в силу объективных обстоятельств. Суд, возвращая дело на дополнительное расследование, уходит от ответственности за принятие по делу решения и необоснованно перекладывает эту обязанность на прокурора и следственные органы. Они же, с учетом реальной обстановки по делу, оказываются не в состоянии принять по возвращенному делу законное и обоснованное решение и вынуждены принимать решение, заведомо не соответствующее в полной мере требованиям закона [1, с. 30].

Необходимо отметить, что учеными приводились достаточно яркие аргументы в пользу как первой, так и второй точек зрения, с приведением конкретных практических примеров, зачастую действительно свидетельствующих об абсурдности возврата уголовного дела на дополнительное расследование. Конституционный Суд Российской

Федерации также сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой возвращение уголовного дела по инициативе суда для исправления ошибок дополнительного расследования противоречит роли суда как органа правосудия и поэтому не соответствует Конституции Российской Федерации.

В результате возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования было отменено и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) оно отсутствует. Вместе с тем стало ясно, что в практической деятельности возникают определенные ситуации, когда рассмотрение судом поступившего уголовного дела невозможно: по нему необходимо выполнить некоторые действия или принять процессуальные решения, которые находятся в компетенции не суда, а органов предварительного расследования и прокурора. В силу этого ст. 237 УПК РФ закрепляет основания возвращения уголовного дела прокурору судом. В отличие от советского времени, право суда направить дело прокурору прямо закреплено в законе лишь для стадии назначения судебного заседания, но не для рассмотрения дела по существу в первой инстанции, а также предусмотрено для апелляционного и кассационно-надзорного пересмотров, возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, хотя в этих стадиях нормы о возврате дела прокурору применяются по правилам процессуальной аналогии [2, с. 22; 3, с. 117; 4, с. 20].

Существующий в настоящее время возврат уголовного дела судом прокурору, в соответствии с буквальными положениями УПК РФ, отнюдь не равнозначен направлению дела на дополнительное расследование. Более того, действующий закон вообще оставляет без прямого ответа вопрос о полномочиях прокурора по поступившему к нему из суда уголовному делу.

Чтобы заполнить данный пробел, необходимо проанализировать как минимум два вопроса. Во-первых, следует понять, насколько конституциона сама возможность возвращения из суда дела для проведения по нему каких-либо дополнительных процессуальных действий. Во-вторых, каковы в настоящий момент полномочия прокурора и органов предварительного расследования по направленному им судом делу.

Ответ на первый вопрос далеко не столь очевиден, как это кажется на первый взгляд. Следует учитывать, что Конституционный Суд Российской Федерации отметил лишь недопустимость приня-

тия рассматриваемого решения по инициативе суда, но не о его принципиальной невозможности. Остальные аргументы носили зачастую весьма эмоциональный характер, наслаиваясь на специфический дискуссионный фон соответствующего времени. Более отстраненный анализ приводимых в тот момент обоснований позволяет обнаружить их слабые стороны и откровенные несообразности.

Самая очевидная из них — это утверждение о том, что возвращение уголовного дела из суда органу предварительного расследования означает двойную ответственность обвиняемого, его повторное привлечение к уголовной ответственности за одно и то же преступление. При более спокойном рассмотрении, не отягощенном эмоциями, этот аргумент не выдерживает критики. Безусловно, двойная ответственность невозможна. Об этом в случае возврата уголовного дела для дополнительного расследования не идет и речи. Двойная ответственность наступала бы в том случае, когда лицо было один раз осуждено за совершение конкретного преступления, получило уголовное наказание, после чего без отмены этого приговора был бы вынесен еще один приговор за то же самое деяние, и по этому приговору лицу было бы назначено еще одно наказание.

Возврат уголовного дела для дополнительного расследования, напротив, предпринимался, чтобы не допустить осуждения обвиняемого за то деяние, которое он фактически не совершал. Уголовное дело возвращалось, когда никакого обвинительного приговора не постановлялось, а предъявленное лицу обвинение корректировалось, после чего дело вновь поступало в суд. Видеть в этом двойное осуждение можно только при очень большом желании. Очевидно, что квалификация подобной ситуации как двойного привлечения к уголовной ответственности абсолютно неверна. Неоднократное осуждение за то же самое преступление и повторное рассмотрение уголовного дела по обвинению лица в совершении этого преступления — далеко не одно и то же. Если следовать данной логике, невозможен какой бы то ни было пересмотр вынесенного приговора, поскольку в такой ситуации суд совершенно очевидно рассматривает дело по факту, по которому ранее уже вынесено судебное решение. Однако указанный подход совершенно неверен.

Во-первых, он с полной очевидностью означает гигантский перекосяк в сторону защиты прав обвиняемого в сравнении с правами потерпевшего, что вряд ли допустимо в условиях состязательности уголовного процесса. Е. А. Зайцева справедливо

отмечает, что «приоритетность защиты прав лиц, пострадавших в результате совершения преступлений, прямо вытекает из назначения уголовного судопроизводства» [5, с. 120].

Во-вторых, это свидетельствует о полном игнорировании социально-значимых интересов, невозможности их отстаивания в рамках уголовно-процессуальной деятельности, что противоречит публичному характеру уголовного судопроизводства. Следует учитывать, что публичность уголовного процесса имеет под собой объективную природу, она не обусловлена произвольным решением законодателя. Преступление — общественно опасное деяние, посягающее не только на конкретного потерпевшего, но и охраняемые законом общественные отношения, не являющиеся при этом чем-то абстрактным. Это, по сути, интересы таких же физических и юридических лиц, которые потенциально могут стать жертвами того же лица, которое совершило первое преступление, если оно не будет вовремя остановлено правоприменительными органами государства. Иными словами, совершая преступление в отношении одного потерпевшего, виновный одновременно демонстрирует отрицательное отношение к тем принятым в обществе ценностям, которые он нарушает в рамках выполняемого им деяния. Соответственно, поскольку эти ценности не представляют для виновного никакой важности, имеются все основания предполагать, что преступная деятельность будет продолжаться, и никто не гарантирован от того, что станет следующей ее жертвой. В конкретно-исторических условиях, в 1990-е гг., в бурных и эмоциональных дискуссиях социальные ценности практически не рассматривались в качестве значимых факторов и ориентиров правосудия. Однако в настоящее время, когда общественное, в том числе профессионально-юридическое, сознание заметно «успокоилось» и возникли условия для более хладнокровного анализа, игнорирование социальных аспектов просто невозможно.

В-третьих, такой подход сложно признать верным с методологической точки зрения. Неясно, почему нельзя допускать исправление ошибок, которые в уголовном судопроизводстве имеют место точно так же, как и в любой другой сфере общественной деятельности. Напротив, право на обжалование и пересмотр судебного решения является одним из базовых, его социальная ценность не вызывает никаких сомнений. Однако в сходной, по сути однотипной ситуации пересмотр объявляется совершенно недопустимым и противоречащим всем демократическим нормам. Такая логика

как минимум неочевидна и вызывает большие сомнения.

Вряд ли можно согласиться и с тем, что принятие судом решения о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования обязательно и автоматически означает переход суда на сторону обвинения. Речь идет о явлении, имеющем принципиально иную правовую природу. Суд, сталкиваясь с ситуацией, когда он не в состоянии принять решение в рамках своих полномочий, временно «переадресует» уголовное дело тому субъекту, который такие решения принять вправе. После этого соответствующий субъект вновь направляет дело на судебное рассмотрение, при этом суд не связан никакими решениями этого субъекта. По сути вся подобная ситуация направлена на создание условий для эффективного и полноценного судебного разбирательства, что никак не может быть неконституционным и антидемократическим.

Уголовное судопроизводство нельзя отождествлять со спортивным состязанием, в котором стороне обвинения предоставляется единственный шанс для того, чтобы доказать виновность лица, причастного к совершению преступления. Такой вывод делается хотя бы из сопоставления целей уголовного процесса, который имеет социальный фундамент, и спорта, представляющего собой прежде всего развлечение (хотя это не говорит об отсутствии у спорта важных общественных целей, главным образом — оздоровления людей).

Аргументы противоположной направленности (то, что возврат уголовного дела на дополнительное расследование затрудняет работу прокуроров и следователей) также трудно признать убедительными. Разумеется, можно найти конкретные примеры, когда уголовное дело возвращалось судом необоснованно, с практически невыполнимыми указаниями, однако здесь речь идет именно о конкретных ситуациях. Предоставление прокурору права обжалования подобных судебных решений, установление в законе четких критериев возврата дела на дополнительное расследование позволяет решить указанную проблему.

Таким образом, возвращение уголовного дела из суда для производства дополнительного расследования само по себе не противоречит демократическому характеру уголовного процесса и не является антиконституционным явлением. Другой вопрос, что в конкретно-исторических условиях следует установить оптимальные границы, основания и порядок судебного возврата дела на дополнительное расследование. Совершенно не-

обязательно в полном объеме восстанавливать действовавшие в УПК РСФСР правовые конструкции, однако допустить принципиальную возможность возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования вполне правомерно.

Второй важный аспект, подлежащий изучению, заключается в определении границ полномочий прокурора и органов предварительного расследования по действующему УПК РФ в ситуации возвращения уголовного дела судом.

Исчерпывающий перечень оснований возвращения уголовного дела прокурору указан в ст. 237 УПК РФ, причем данные основания разделены на две группы.

Первую группу образуют обстоятельства, при выявлении которых решение о возврате дела может быть принято судом как по ходатайству стороны, так и по собственной инициативе:

1) составление обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления) с нарушением требований УПК РФ;

2) невручение копии данного процессуального документа обвиняемому;

3) принятие неверного решения о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, в то время как в суде выявляются основания для окончания предварительного расследования составлением обвинительного заключения (обвинительного акта);

4) выявление оснований для соединения уголовного дела с другим;

5) неразъяснение обвиняемому его прав о формах рассмотрения уголовного дела судом;

6) выявление в действиях обвиняемого более тяжкого преступления, чем то, по которому ему предъявлено обвинение.

Вторая группа оснований применяется исключительно по ходатайству стороны и включает в себя следующие обстоятельства:

1) наступление после направления уголовного дела в суд новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, не учтенных по объективным причинам при предъявлении обвинения и обуславливающих необходимость предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления;

2) выявление после отмены приговора по новым или вновь открывшимся обстоятельствам фактических данных, требующих предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Следует учитывать несколько моментов, являющихся существенными пробелами в нормативной регламентации.

Во-первых, полномочия суда по возвращению уголовного дела прокурору предусмотрены лишь для стадии назначения судебного заседания [6, с. 37]. Главы УПК РФ, регулирующие порядок судебного разбирательства по первой инстанции, подобных правил не содержат в принципе.

Вместе с тем в абз. 3 п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» говорится о полномочии суда вернуть уголовное дело прокурору при разбирательстве по первой инстанции в случае выявления обстоятельств, перечисленных в ст. 237 УПК РФ. По сути это означает применение правил процессуальной аналогии. Такой подход представляется правомерным. Аналогия процессуального закона не запрещена, если она не связана с возложением дополнительных, не установленных законом обязанностей на участников уголовного судопроизводства, не обладающих государственно-властными полномочиями. Кроме того, общественные отношения, складывающиеся в суде при назначении судебного заседания и при рассмотрении уголовного дела по существу, принципиально однотипны, возврат дела непосредственно из судебного разбирательства не отличается по своим правовым последствиям от возврата дела с подготовительной судебной стадии.

Во-вторых, суд при наличии всех предусмотренных в ст. 237 УПК РФ оснований направляет уголовное дело прокурору. Дальнейший порядок движения уголовного дела законом не установлен. Однако совершенно ясно, что прокурор не в состоянии в рамках своих надзорных полномочий исправить ни один из дефектов расследования, указанных в ст. 237 УПК РФ. Поэтому правильно допустить, что прокурор по поступившему из суда уголовному делу приобретает такие же полномочия, которые указаны в ст. 221 УПК РФ, т. е. как по делу, направленному органами предварительного расследования с обвинительным заключением.

Разумеется, такая аналогия не совсем очевидна. Во-первых, различна природа поступления уголовного дела прокурору. В одном случае оно

прибывает от органов предварительного расследования, в отношении которых у прокурора имеются надзорные полномочия. Соответственно, совершенно естественными, полностью укладываемыми в логику этих полномочий являются права прокурора на утверждение обвинительного заключения либо возвращение уголовного дела для дополнительного расследования. В другом случае дело поступает из суда, за которым у прокурора надзорных полномочий нет. Кроме того, уголовное дело имеет несколько иной вид, по нему уже приняты решения, в принципе отсутствующие при поступлении дела от органов предварительного расследования. Поэтому прокурор не может по направленному судом уголовному делу принять решение об утверждении обвинительного заключения. Хотя бы это обстоятельство свидетельствует о невозможности полной аналогии в вопросе полномочий прокурора в рассматриваемых случаях. Вместе с тем представляется, что аналогия все же возможна, и более того, применение ст. 221 УПК РФ является единственным легальным выходом из рассматриваемой ситуации. В условиях действующей нормативной регламентации именно ст. 221 УПК РФ регулирует наиболее сходные по своему содержанию правоотношения, возникающие после возврата судом уголовного дела прокурору, поэтому последний вправе реализовать те полномочия, которые принадлежат ему согласно ст. 221 УПК РФ, с учетом специфики анализируемой ситуации.

Н. Н. Давыдова утверждает о наличии «наметившейся в законодательстве тенденции к возвращению аналога института дополнительного расследования» [7, с. 28]. Такую же позицию занимает В. С. Балакшин, полагающий, что «законодатель „засекречивает“ институт дополнительного расследования, поскольку о его применении открыто напишет в своем решении прокурор, направляя уголовное дело следователю или дознавателю для перепредъявления обвинения на более тяжкое преступление и выполнения всех следственных и иных процессуальных действий, связанных с окончанием предварительного расследования» [8, с. 132]. О введении дополнительного расследования пишут и другие процессуалисты [9, с. 54—57; 10, с. 55].

Говорить о восстановлении дополнительного расследования в том виде, в каком оно было предусмотрено УПК РСФСР, и даже в несколько трансформированном состоянии все же преждевременно. В настоящее время прокурор при наличии оснований вправе вернуть уголовное дело органу предварительного расследования, однако

не в целях полномасштабного дополнительного расследования, а лишь для устранения препятствий рассмотрения дела судом. Соответственно, проблема даже не в том, что возвращение уголовного дела следователю производится опосредованно — не судом, а прокурором. Изменилась правовая природа и юридические последствия возвращения дела из судебной стадии.

Важнейшим фактором является правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой суд вправе вернуть дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом в случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, не устранимые в судебном производстве. Однако возвращение дела не может быть связано с восполнением пробелов в проведенном предварительном расследовании [11; 12].

Таким образом, прокурор вправе направить уголовное дело, возвращенное из суда в связи с выявлением существенных процессуальных нарушений, в орган предварительного расследования, тот может провести по делу процессуальные действия, которые при этом не должны быть направлены на восполнение неполноты ранее произведенного предварительного следствия или дознания.

Иными словами, возник особый порядок, который, с одной стороны, не сводится только к устранению сугубо формальных нарушений, а с другой — не является полноценным предварительным расследованием, поскольку результаты этой деятельности заведомо ограничены фактическими обстоятельствами, установленными в рамках первоначального расследования. Представляется, что рассматриваемый порядок можно с известной долей условности назвать «восстановительным расследованием» с учетом его направленности на восстановление законности по делу. Разумеется, предложенный термин имеет сугубо научное звучание и не подлежит включению в текст уголовно-процессуального закона.

Имеющаяся в настоящее время конструкция не вызывает вопросов лишь в том случае, если не пытаться представить порядок ее практической реализации. Жестко разграничить устранение допущенных нарушений закона и восполнение неполноты расследования можно лишь теоретически. Так, по уголовному делу обвиняемый был допрошен без участия переводчика, это явилось основанием для направления судом уголовного дела прокурору, а прокурором — в орган предварительного следствия. Однако нельзя полагать, что следователь должен механически записать те же самые пока-

зания, но только в присутствии переводчика. Неясно, как поступить, если обвиняемый начинает изменять эти показания. Следует учитывать, что для обвиняемого дача показаний является не только правом, но и способом защиты. В силу этого обвиняемый не связан ранее данными показаниями и не обязан придерживаться их на последующих допросах. Такая же ситуация возникает при производстве каких-либо следственных действий без защитника. Их новое проведение с участием защитника не является механическим воссозданием той же ситуации, но с добавлением в эту ситуацию еще одного участника. Повторное следственное действие объективно производится в новой реальности, поэтому нельзя просто переписать содержание протокола «старого» следственного действия, добавив при этом сведения об участии еще одного лица.

Ситуации с допросами — самые простые из возможных. Гораздо сложнее решить вопрос об устранении процессуальных нарушений при производстве обыска, выемки и многих других действий. Непонятен алгоритм действий следователя в тех случаях, когда он в рамках предъявленного обвиняемому обвинения обнаруживает явные пробелы в собранных доказательствах, например недостаточность представленных эксперту необходимых материалов, обусловившую неполноту самого экспертного заключения. Очевидно, что подобный дефект имеет двойную правовую природу. С одной стороны, это неполнота предварительного расследования, с другой — процессуальное нарушение, при наличии которого обвинительное заключение не должно было быть составлено в соответствующем виде, следовательно, имеющееся обвинительное заключение подлежит изменению. Однако при этом обвинительное заключение должно быть скорректировано не только как непосредственно процессуальный документ, но как отражение результатов предварительного расследования. Иными словами, оно подлежит изменению не в силу формальных нарушений в самом документе, а в силу дефектов предварительного расследования, из-за которых оно не соответствует требованиям закона.

Кроме того, особая ситуация складывается в случаях, предусмотренных ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ, когда после принятия уголовного дела судом к производству наступают более тяжкие последствия совершенного деяния, требующие переквалификации содеянного обвиняемым. Эта ситуация отличается от той, что указана в п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, когда необоснованно заниженная квалификация престу-

пления усматривается непосредственно из материалов уголовного дела, поступившего в суд. В части 1.2 статьи 237 УПК РФ предусмотрены ситуации, при которых органы предварительного расследования и прокуратуры полагали, что ими установлены обстоятельства уголовного дела в полном объеме, в связи с чем доказывание прекращается, и на основе имеющихся материалов лицу предъявляется обвинение. Однако позже проявляются более тяжкие последствия, которые на момент предъявления обвинения не существовали. Так, по уголовному делу о дорожно-транспортном происшествии было предъявлено обвинение водителю А. по факту причинения пассажиру В. тяжкого вреда здоровью. Обвинение было основано на заключении судебно-медицинской экспертизы, уголовное дело направлено в суд. Однако ко времени судебного заседания В. умер. Дополнительная судебно-медицинская экспертиза, назначенная судом, установила, что смерть наступила в результате последствий травм, полученных В. в дорожно-транспортном происшествии. Заключение первоначальной судебно-медицинской экспертизы ограничилось выводом о тяжести причиненного В. вреда здоровью, оставив без внимания продолжающееся лечение потерпевшего.

Если бы в подобных случаях следственные органы не имели права дополнять материалы предварительного расследования, правильная квалификация содеянного оказалась бы в принципе невозможной. Соответственно, складывалась бы неприемлемая ситуация, когда выводы предварительного расследования, даже при очевидности того, что они ошибочны, оказываются юридически непоколебимыми. Даже суд при этом не в состоянии скорректировать положения, установленные на предварительном расследовании, производимом «до суда и для суда».

Е. А. Зайцева в связи с этим справедливо обращает внимание на то, что «выявление обстоятельств, указывающих на совершение подсудимым более тяжкого преступления, осуществляется в состязательной судебной процедуре при активном участии государственного (или частного) обвинителя, потерпевшего и его представителя. Суд не сам изыскивает способ ухудшить положение

подсудимого — это установленные с помощью сторон обстоятельства дела свидетельствуют об ошибке в квалификации» [13, с. 42].

Исходя из этого представляется, что предмет «восстановительного расследования» нельзя сводить только к устранению формальных нарушений, он может быть несколько расширен в пределах, установленных Конституционным Судом Российской Федерации. Так, в рамках «восстановительного расследования» могут быть установлены фактические обстоятельства совершенного преступления, позволяющие принять по делу законное решение в рамках того обвинения, которое было предъявлено обвиняемому по результатам первоначального расследования.

Иными словами, детализация тех обстоятельств, которые были предметом изучения в пределах первоначального расследования, не может считаться устранением неполноты в том смысле, в котором это понятие употребляется Конституционным Судом Российской Федерации, поскольку без установления соответствующих фактов в принципе нельзя принять по делу законное и обоснованное решение. Направление уголовного дела в таком состоянии в суд вынудит его либо выносить заведомо незаконное решение, либо оставлять дело без фактического рассмотрения, вновь и вновь возвращая прокурору. Иными словами, деятельность по установлению определенных фактических обстоятельств органически входит в деятельность по устранению нарушений законности, допущенных при первоначальном расследовании уголовного дела.

Под неполнотой расследования, восполнение которой недопустимо, следует понимать выявление новых фактов преступной деятельности, не вмененных обвиняемому в первоначальном обвинении, т. е. расширение обвинения сверх границ, заданных по результатам первоначального расследования.

Такой алгоритм соответствует духу решений Конституционного Суда Российской Федерации, обеспечивает принятие по уголовным делам законных и обоснованных решений, а значит, восстановление конституционных прав граждан.

1. Матейкович М. С. Реализация конституционных норм и защита прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 26—35.

1. Mateikovich M. S. Implementation of constitutional norms and protection of human rights in domestic criminal proceedings. Journal of Russian Law. 2018; 5: 26—35.

2. Астафьев А. Ю. Решения контролирующих судебных инстанций в механизме обеспечения эффективности правосудия // *Российский судья*. 2017. № 8. С. 21—25.
3. Кудрявцева А. В., Дик Д. Г. Полномочия суда апелляционной инстанции в уголовном судопроизводстве // *Уголовное право*. 2018. № 2. С. 115—122.
4. Максимова Т. Ю., Ничипоренко А. А. Проблемные аспекты проверки вопросов факта судами кассационной и надзорной инстанций // *Администратор суда*. 2018. № 1. С. 18—22.
5. Зайцева Е. А. Справедливое судопроизводство и потерпевший // *Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (20—21 марта 2015 г.)*. СПб.: Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Рос. гос. ун-т правосудия»: Междунар. ассоц. содействия правосудию, 2016. С. 116—123.
6. Шестак В. А. Новеллы современной практики применения судами норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих порядок разрешения вопросов подготовительного характера // *Уголовное судопроизводство*. 2018. № 4. С. 36—41.
7. Давыдова Н. Н. Возвращение уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе // *Российский следователь*. 2019. № 6. С. 26—29.
8. Балакшин В. С. О судьбе института дополнительного расследования в российском уголовном процессе // *Российский юридический журнал*. 2017. № 6. С. 127—133.
9. Волторнист О. А. Трансформация института возвращения уголовного дела прокурору // *Вестник Омской юридической академии*. 2014. № 4. С. 54—57.
10. Тришева А. А. Возвращение уголовного дела прокурору: судьба института // *Законность*. 2015. № 4. С. 55.
11. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2003. № 51. Ст. 5026.
12. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбеки-
 2. Astafiev A. Y. Decisions of the supervisory courts in the mechanism of ensuring the effectiveness of justice. *Russian judge*. 2017; 8: 21—25.
 3. Kudryavtseva A. V., Dick D. G. Powers of the Court of Appeal in Criminal Proceedings. *Criminal Law*. 2018; 2: 115—122.
 4. Maksimova T. Yu., Nichiporenko A. A. Problematic aspects of verification of issues of fact by courts of cassation and supervisory authorities. *Administrator of the court*. 2018; 1: 18—22.
 5. Zaytseva E. A. Fair legal proceedings and the victim. In: *Justice and equality in criminal proceedings: materials of the All-Russian scientific and practical conference, 20—21 March 2015*. St. Petersburg: FGBOUVO northwest branch "Russian state university of justice": International Association for the Promotion of Justice; 2016: 116—123.
 6. Shestak V. A. Novella modern practice of the courts applying the norms of criminal procedure legislation regulating the procedure for resolving issues of a preparatory nature. *Criminal proceedings*. 2018; 4: 36—41.
 7. Davydova N. N. Return of criminal case to prosecutor in Russian criminal trial. *Russian investigator*. 2019; 6: 26—29.
 8. Balakshin V. S. On the Fate of the Institute of Additional Investigation in the Russian Criminal Process. *Russian Legal Journal*. 2017; 6: 127—133.
 9. Voltornist O. A. Transformation of the Institute of Return of Criminal Case to the Prosecutor. *Journal of the Omsk Law Academy*. 2014; 4: 54—57.
 10. Trisheva A. A. Return of criminal case to prosecutor: fate of institute. *Legality*. 2015; 4: 55.
 11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-P of 8 December 2003 "On the case of check of constitutionality of provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408 and also Chapters 35 and 39 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with inquiries of courts of law and complaints of citizens". *Russian Federation Code*. 2003; No. 51; Art. 5026.
 12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of 2 July 2013 "On the case of check of constitutionality of provisions of part one of Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen of the Republic of Uzbekistan B. T. Gadayev and inquiry Kurgan regional court". *Russian Federation Code*. 2013; No. 28; Art. 3881.

кистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 28. Ст. 3881.

13. Зайцева Е. А. Постановление КС РФ по жалобе Б. Т. Гадаева и запросу Курганского областного суда: размышления о праве суда на возвращение уголовных дел прокурору в состязательном уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2014. № 5. С. 39—43.

© Стельмах В. Ю., 2020

Стельмах Владимир Юрьевич,
профессор кафедры
уголовного процесса
Уральского юридического института
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
+7-904-983-04-55, vstelmah@mail.ru

13. Zaytseva E. A. Decision of the COP of the Russian Federation on the complaint of B. T. Gadayev and the request of the Kurgan Regional Court: reflections on the right of the court to return criminal cases to the prosecutor in adversarial criminal proceedings. Russian judge. 2014; 5: 39—43.

© Stelmakh V. Y., 2020

Stelmakh Vladimir Yuryevich,
professor at the department
of criminal proceedings
of the Ural law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
7-904-983-04-55, vstelmah@mail.ru

* * *

А. М. Субботин, Н. А. Трусов

**ПРОБЛЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА
В СВЯЗИ С ПРЕКРАЩЕНИЕМ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ**

Актуальность доктринального изучения проблемы компенсации морального вреда в связи с прекращением производства по делу об административном правонарушении обусловлена отсутствием в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях правовых норм, регламентирующих соответствующий круг правоотношений.

С учетом изложенного единственным способом устранения имеющихся пробелов в правовом регулировании является обобщение правовых позиций, высказываемых судами при рассмотрении соответствующей категории дел.

В статье в достаточно сжатом виде рассмотрены основополагающие правовые позиции, сформированные судами различных уровней судебной системы по указанной проблеме. В частности, изучены правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции в различных субъектах Российской Федерации. Выявлены сложившиеся правоприменительные подходы, позволяющие заполнить пробелы в правовом регулировании исследуемой сферы.

На основе анализа материалов судебной практики выработаны предложения, направленные на обеспечение единообразия судебной практики по компенсации морального вреда в связи с прекращением производства по делу об административном правонарушении.

Ключевые слова: компенсация морального вреда, производство по делу об административном правонарушении, судебная практика.

А. М. Subbotin, N. A. Trusov

**PROBLEMS OF COMPENSATION FOR NON-PECUNIARY DAMAGE
IN CONNECTION WITH THE TERMINATION OF PROCEEDINGS
IN AN ADMINISTRATIVE CASE**

The relevance of the doctrinal study of the problems of compensation for non-pecuniary damage in connection with the termination of proceedings in the case of an administrative offense is due to the absence in the Code of the Russian Federation of administrative offenses of legal norms governing the corresponding circle of legal relations.

In view of the foregoing, the only way to fill the gaps in legal regulation is to generalize the legal positions expressed by the courts when considering the corresponding category of cases.

The article briefly summarizes the fundamental legal positions formed by the courts at various levels of the judicial system on that problem. In particular, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation and courts of general jurisdiction in various regions of the Russian Federation have been studied. The prevailing law enforcement approaches have been identified, allowing to fill in the gaps in the legal regulation of the studied sphere.

Based on an analysis of the materials of judicial practice, proposals were developed aimed at ensuring uniformity of judicial practice for compensation non-pecuniary damage in connection with the termination of proceedings in an administrative case.

Key words: compensation for non-pecuniary damage, administrative case, judicial practice.

Проблема компенсации морального вреда в связи с прекращением производства по делу об административном правонарушении в настоящее

время выступает в качестве одной из наиболее острых не только для юридической науки, но и для правоприменительной деятельности правоохрани-

нительных органов. Приходится констатировать, что в законодательстве до сих пор не определены четкие условия и критерии компенсации морального вреда, в связи с чем судами различных инстанций принимаются прямо противоположные решения.

Спецификой правового регулирования исследуемого феномена выступает тот факт, что он лежит в плоскости правового регулирования как гражданского, так и административно-деликтного законодательства. Указанное обстоятельство в том числе обуславливается тем, что на сегодняшний день в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) отсутствуют нормы, устанавливающие возможность компенсации морального вреда в связи с прекращением производства по делу об административном правонарушении.

Вместе с тем анализ судебной практики показывает, что важным фактором при рассмотрении соответствующей категории дел в судах различных инстанций выступают правовые позиции, высказанные Конституционным Судом Российской Федерации (далее — КС РФ), которые позволяют восполнить существующие пробелы в правовом регулировании. Важную роль при этом играют нормы Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ).

Судами, в частности, отмечается, что в ст. 53 Конституции РФ закреплено право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Согласно правовой позиции, изложенной в постановлении КС РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П, прекращение производства по делу об административном правонарушении не является преградой для установления в других процедурах ни виновности лица в качестве основания для его привлечения к гражданской ответственности или его невиновности, ни незаконности имевшего место в отношении лица административного преследования в случае причинения ему вреда: споры о возмещении административным преследованием имущественного ущерба и о компенсации морального вреда или, напротив, о взыскании имущественного и морального вреда в пользу потерпевшего от административного правонарушения разрешаются судом в порядке гражданского судопроизводства [1].

Анализ содержания указанного постановления КС РФ позволяет заключить, что административное преследование по своей сути является обвинением от лица государства в нарушении закона, в связи с чем в период незаконного административного преследования гражданин подвергается

административному наказанию, осознавая свою невиновность.

Такое состояние непосредственно связано с нарушением личного неимущественного права гражданина на достоинство как самооценку своей добросовестности и законопослушности [2].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что по общему правилу в случаях прекращения производства по делу об административном правонарушении решение о компенсации морального вреда может приниматься судом при наличии одновременно нескольких факторов:

- установление незаконности действий по привлечению к административной ответственности;
- подтверждение факта нравственных страданий;
- установление причинной связи между имевшими место нравственными страданиями и нарушением личных неимущественных прав потерпевшего в результате незаконного привлечения к административной ответственности;
- вина причинителя вреда.

Наряду с этим, исходя из правовой позиции КС РФ, высказанной в определении от 17 января 2012 г. № 149-О-О, применение таких обеспечительных мер производства по делу об административном правонарушении, как доставление, административное задержание и привод, которые фактически связаны с ограничением свободы граждан, предполагает возможность компенсации морального вреда по правилам ст. 1100 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) вне зависимости от вины причинителя вреда [3].

Стоит отметить, что при наличии изложенных факторов компенсация морального вреда может быть выплачена в связи с прекращением любого дела об административном правонарушении, причем сроки давности предъявления неимущественных требований ГК РФ не установлены.

Согласно данным судебной статистики, только за 2018 г. судами общей юрисдикции было прекращено 262 860 дел об административных правонарушениях. 22 539 дел было прекращено по итогам рассмотрения жалоб на ранее вынесенные постановления о привлечении к административной ответственности [4]. Кроме того, значительное количество дел прекращается и во внесудебном порядке. Поскольку каждое из приведенных решений может породить иск о компенсации морального вреда в связи с прекращением производства по делу об административном правонарушении, важным является обобщение уже имеющейся судебной практики по исследуемой категории дел.

Отметим, что с учетом незначительной практики Верховного суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) по анализируемой проблеме подходы судов

к оценке факторов, лежащих в основании компенсации морального вреда, существенным образом отличаются. Постараемся изучить встречающиеся в судебной практике интерпретации.

В ряде случаев суды автоматически считают прекращение производства по делу об административном правонарушении основанием для признания действий должностных лиц по привлечению к административной ответственности неправомерными. Например, Волгоградским областным судом отмечается, что в рамках конкретного дела факт неправомерных действий должностных лиц по составлению в отношении С. протокола об административном правонарушении и, в соответствии с ним, последующее привлечение его к административной ответственности подтверждается вступившим в законную силу постановлением заместителя Волгоградского областного суда о прекращении производства по делу об административном правонарушении. В связи с этим истец не должен был представлять иные доказательства незаконности действий сотрудника ДПС, поскольку факт незаконного привлечения его к административной ответственности подтверждается вышеуказанным судебным актом и прекращением производства по делу по реабилитирующим основаниям [5].

Более детально схожая позиция изложена в постановлении президиума Оренбургского областного суда, где указано, что, поскольку КоАП РФ не предусматривает деление оснований для прекращения дела на реабилитирующие и нереабилитирующие, в силу презумпции невиновности лицо, в отношении которого дело об административном правонарушении прекращено ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены постановления, считается невиновным, так как государство, отказываясь от дальнейшего производства по делу в отношении этого лица, не ставит более под сомнение его статус в качестве невиновного.

В данном случае неправомерность действий органа внутренних дел подтверждается вступившим в законную силу постановлением заместителя председателя Оренбургского областного суда, в соответствии с которым производство по делу об административном правонарушении в отношении К. по статье 14.2 КоАП РФ прекращено в связи с недоказанностью обстоятельств по делу.

Указанное само по себе свидетельствует о необоснованности привлечения К. к административной ответственности, и в силу приведенных ранее норм закона, позиции КС РФ, разъяснений постановления пленума ВС РФ является достаточным основанием для возложения на указанный орган

внутренних дел обязанности по возмещению вреда, выразившегося как в расходах на оплату труда лица, оказывавшего К. юридическую помощь в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении, так и в компенсации морального вреда, что судом первой инстанции при разрешении спора оставлено без внимания [6].

Стоит также отметить, что в приведенном судебном акте предлагается не учитывать основания прекращения дела об административном правонарушении, поскольку сам КоАП РФ не делит их на реабилитирующие и нереабилитирующие.

Еще большие вопросы вызывает позиция Самарского областного суда, который, отменяя решение Октябрьского районного суда г. Самары от 5 декабря 2017 г., фактически признал неправомерными действия сотрудников полиции, несмотря на то что постановление по делу об административном правонарушении выносилось в результате фиксации административного правонарушения специальным техническим средством, работающим в автоматическом режиме, а после предоставления лицом, привлеченным к административной ответственности, новых доказательств производство было прекращено самим органом внутренних дел [7].

С другой стороны, в судебной практике высказываются и прямо противоположные интерпретации анализируемых правовых норм.

Так, Верховный Суд Республики Карелия в своем апелляционном определении указывает, что сам факт вынесения должностным лицом постановления о привлечении лица к административной ответственности не влечет безусловной компенсации гражданину морального вреда. То обстоятельство, что в действиях истца суд впоследствии не усмотрел состава правонарушения, не свидетельствует о виновности должностного лица в причинении истцу морального вреда, так как действия должностного лица по возбуждению дела об административном правонарушении неимущественных прав истца не нарушили, негативных последствий в виде физических и нравственных страданий для него не повлекли [8].

Указанное решение было принято, несмотря на то что постановление о привлечении к административной ответственности было отменено в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых оно было вынесено.

Более детально аналогичная позиция высказана в апелляционном определении Свердловского областного суда, который, в частности, отмечает, что отказывая в удовлетворении требований истца о взыскании компенсации морального вреда, суд первой инстанции верно пришел к выводу

о том, что ошибки процессуального характера, допущенные должностными лицами при оформлении и рассмотрении материалов, нельзя отнести к противоправным действиям. Кроме того, производство по делу об административном правонарушении прекращено, никаких последствий для истца в части нарушения его личных неимущественных прав либо других нематериальных прав (благ), не наступило.

Таким образом, переживания, связанные с привлечением к административной ответственности и возможными последствиями назначения наказания в виде штрафа, не отнесены законом к личным неимущественным правам и нематериальным благам, в случае нарушения которых законом предусмотрена возможность компенсации морального вреда, а также сам факт отмены постановления о привлечении лица к административной ответственности не является безусловным основанием для возмещения морального вреда [9].

В ряде случаев в целях установления вины должностных лиц органов внутренних дел в прекращении производства по делу об административном правонарушении суды говорят о необходимости оценки причин отмены постановления о привлечении к административной ответственности. Кроме того, проводится разграничение таких понятий, как «возбуждение дела об административном правонарушении» и «привлечение к административной ответственности».

Например, в апелляционном определении Ставропольского краевого суда указано, что из материалов гражданского дела и материалов административного производства не следует, что действия должностного лица по вопросам миграции отдела МВД России по Минераловодскому городскому округу по составлению протокола об административном правонарушении в отношении Н., т. е. возбуждению административного производства, признаны незаконными. Само составление протокола об административном правонарушении и направление его на рассмотрение в уполномоченный орган, т. е. возбуждение производства по делу об административном правонарушении, не свидетельствует о привлечении лица к административной ответственности [10].

В свою очередь президиум Архангельского областного суда, отменяя решения судов первой и апелляционной инстанции о компенсации морального вреда в связи с прекращением производства по делу об административном правонарушении, указал, что в рассматриваемом случае производство по делу об административном правонарушении в отношении Г. прекращено на основании п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ в связи с истечени-

ем срока давности привлечения к административной ответственности.

Сам по себе факт вынесения судом постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении, возбужденному на основании протокола об административном правонарушении, не может служить основанием для признания действий органа, его вынесшего, противоправными.

Удовлетворяя требования истца о взыскании денежной компенсации морального вреда, суды первой и апелляционной инстанции формально ограничились наличием судебного акта о прекращении производства по делу об административном правонарушении в отношении Г., не установив вины ответчика и причинно-следственной связи между наступившими последствиями и противоправным поведением ответчика [11].

В апелляционном определении Московского городского суда указывается, что сам факт вынесения должностным лицом постановления по делу об административном правонарушении не влечет безусловной компенсации гражданину морального вреда. В данном случае возмещение морального вреда могло иметь место только тогда, когда в результате незаконных действий должностного лица были причинены физические или нравственные страдания действиями, нарушающими его личные неимущественные права, либо посягающими на принадлежащие ему другие нематериальные блага. Каких-либо надлежащих и достоверных доказательств, подтверждающих указанные основания для компенсации морального вреда, истцом суду не представлено. То обстоятельство, что постановление было отменено, не свидетельствует о виновности должностного лица в причинении истцу морального вреда, так как действия должностного лица по возбуждению дела об административном правонарушении неимущественных прав истца не нарушили, негативных последствий в виде физических и нравственных страданий для него не повлекли. При привлечении к административной ответственности к истцу не применялись меры по ограничению его неимущественных прав, наказанию в виде административного ареста он не подвергался.

Соглашаясь с выводами суда, судебная коллегия также принимает во внимание, что действия сотрудников ГИБДД по возбуждению административного производства в установленном законом порядке не обжаловались и незаконными не признавались, постановление мирового судьи судебного участка № 104 Центрального района г. Сочи от 29 февраля 2016 г. о привлечении истца к административной ответственности было отменено

в связи с процессуальными нарушениями, допущенными мировым судьей при рассмотрении дела об административном правонарушении, при этом, вопреки доводам апелляционной жалобы, в судебных актах не содержится выводов о невиновности истца в совершении административного правонарушения или об отсутствии события административного правонарушения [12].

Таким образом, в рассмотренной ситуации прекращение производства по делу об административном правонарушении стало возможным в результате процессуальных нарушений, допущенных мировым судьей, а не должностными лицами административного органа. Вина в прекращении производства по делу может лежать и на иных его участниках.

Стоит также привести еще более детализированную правовую позицию ВС РФ по аналогичному вопросу. Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ в своем определении от 15 января 2019 г. № 2-КГ18-12, отменяя решения нижестоящих судов, отмечает, что административное производство в отношении О. было прекращено по результатам административного расследования самим органом внутренних дел с учетом нарушения порядка проведения медицинским учреждением освидетельствования, истец административному наказанию не подвергнут.

Действия сотрудников органов внутренних дел в процессе производства по делу об административном правонарушении в отношении истца в установленном порядке незаконными не признаны, а прекращение производства по делу об административном правонарушении само по себе не свидетельствует о незаконности действий государственного органа или должностного лица.

Основанием для прекращения производства по делу об административном правонарушении в отношении О. явились нарушения, допущенные медицинскими работниками при проведении ме-

дицинского исследования на состояние опьянения и связанные с несоблюдением порядка его проведения, установленного приказом Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933-н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)».

В связи с этим Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ полагает необходимым апелляционное определение Вологодского областного суда от 6 апреля 2018 г. отменить и направить дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции [13].

Подводя итоги, отметим, что проведенный анализ показал наличие прямо противоположных позиций судов по вопросу оценки правомерности действий должностных лиц в случае прекращения производства по делу об административном правонарушении. Одни суды считают достаточным сам факт прекращения производства по делу об административном правонарушении (иногда даже без учета оснований прекращения), другие, напротив, полагают, что прекращение производства по делу об административном правонарушении не может автоматически свидетельствовать о противоправности и виновности должностных лиц, возбудивших дело.

Выходом из сложившейся ситуации стало бы принятие Пленумом ВС РФ постановления, обобщающего и разъясняющего судебную практику по вопросам компенсации морального вреда в связи с прекращением производства по делу об административном правонарушении. Кроме того, в целях устранения пробела в правовом регулировании исследуемой группы общественных отношений возможно внесение в КоАП РФ главы, посвященной реабилитации лиц, подвергнутых административному преследованию, по аналогии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2009. № 4.

2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2016 г. № 77-КГ16-2; Апелляционное определение Омского областного суда от 13 декабря 2018 г. по делу № 33-7623/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Определение Конституционного Суда РФ от 17 января 2012 г. № 149-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Форма № 1-АП. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 10.10.2019).

1. The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 9-П of 16 June 2009. Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2009; 4.

2. Court ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 77-КГ16-2 of 13 September 2016; Appeal ruling of the Omsk Regional Court in the case No. 33-7623/2018 of 13 December 2018. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. Court ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 149-O-O of 17 January 2012. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 24 апреля 2019 г. по делу № 33-5759/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Постановление президиума Оренбургского областного суда от 12 ноября 2018 г. № 44г-126/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Апелляционное определение Самарского областного суда от 12 февраля 2018 г. № 33-1689/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 5 марта 2019 г. № 33-848/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 7 мая 2019 г. по делу № 33-7120/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 9 апреля 2019 г. по делу № 33-2262/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Постановление президиума Архангельского областного суда от 24 апреля 2019 г. № 44г-20/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Апелляционное определение Московского городского суда от 2 июля 2019 г. по делу № 33-28347/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 января 2019 г. № 2-КГ18-12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Form No. 1-АП. Available from: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>. Accessed: 10 October 2019.

5. Appeal ruling of the Volgograd Regional Court in the case No. 33-5759/2019 of 24 April 2019. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

6. The ruling of the Presidium of the Orenburg Regional Court No. 44r-126/2018 of 12 November 2018. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

7. Appeal ruling of the Samara Regional Court No. 33-1689/2018 of 12 February 2018. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

8. Appeal determination of the Supreme Court of the Republic of Karelia No. 33-848/2019 of 5 March 2019. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

9. Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court in the case No. 33-7120/2019 of 7 May 2019. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

10. Appeal ruling of the Stavropol Regional Court in the case No. 33-2262/2019 of 9 April 2019. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

11. The ruling of the Presidium of the Arkhangelsk regional court No. 44r-20/2019 of 24 April 2019. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

12. Appeal ruling of the Moscow City Court in the case No. 33-28347/2019 of 2 July 2019. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

13. Court ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2-КГ18-12 of 15 January 2019. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

© Субботин А. М., Трусов Н. А., 2020

© Subbotin A. M., Trusov N. A., 2020

Субботин Антон Михайлович,

начальник кафедры
административного права и процесса
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: sam1981@yandex.ru

Subbotin Anton Mikhailovich,

head of the department
of administrative law and procedure
of the Nizhny Novgorod academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: sam1981@yandex.ru

Трусов Николай Александрович,

начальник кафедры
конституционного и международного права
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: trusov.na@gmail.com

Trusov Nikolai Alexandrovich,

head of the department
of constitutional and international law
of the Nizhny Novgorod academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: trusov.na@gmail.com

МАТЕРИАЛЫ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ М. С. КОЛОСОВИЧ

22 января 2020 г. на базе Волгоградской академии МВД России состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук профессора кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел кандидата юридических наук, доцента М. С. Колосович.

УДК 343.13
ББК 67.410.2

DOI 10.25724/VAMVD.NCDE

РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ М. С. КОЛОСОВИЧ «ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЛАСНОСТИ И ТАЙНЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ»

Изменение в конце XX в. в Российской Федерации общественных отношений и политической идеологии повлекло за собой признание международных правовых актов частью отечественной правовой системы. Это позволило правам личности приобрести ранее не свойственное им в России качество приоритетности, сделавшее неизбежной трансформацию концептуальных подходов к российскому уголовному судопроизводству.

Принятие Конституции Российской Федерации и ратификация Россией в 1998 г. Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) стали свидетельством приверженности нашей страны признанным мировым сообществом правам и свободам человека и гражданина, в число которых вошли право каждого на открытое судебное разбирательство (ст. 123 Конституции Российской Федерации), а также право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23 Конституции Российской Федерации). Вместе с тем стала очевидна неспособность принятого в 1960 г. Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (УПК РСФСР) нивелировать проявившуюся к концу 1990-х гг. неудовлетворенность ученых, правоприменителя и общественности нормативной регламентацией процедурных вопросов уголовного судопроизводства и механизмами обеспечения прав и законных интересов его участников. Базовой установкой последовавшей реформы стало приведение российского законодательства в соответствие с положениями Конституции Российской Федерации и международными стандартами и усиление прав участников уголовно-процессуальных отношений. В результате в 2001 г. принимается Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), с появлением которого впервые в России механизмы обеспечения прав личности приобрели более основательное процессуальное закрепление. Названные изменения получили свое отражение и в положениях, регламентирующих гласность судебного разбирательства.

Проблемы, связанные с обеспечением в уголовном судопроизводстве гласности и тайны, всегда находились в сфере интересов как ученых-процессуалистов, так и правоприменителей, поскольку названные правовые явления оказывают прямое воздействие на реализацию прав участников процесса и пределы действия государственных правоохранительных и судебных органов в уголовном судопроизводстве. К сожалению, положения, регламентирующие гласность и ее ограничения, в ныне действующем УПК РФ сформулированы не вполне корректно и не отражают всего содержания указанного правового явления, а по факту существующая гласность предварительного расследования не получила процессуального признания. В УПК РФ не уделено внимание средствам массовой информации, доводящим до гражданского общества данные о ходе и результатах предварительного расследования и судебного разбирательства. При этом нормы, ранее закреплявшие в УПК РСФСР участие представителей общественности, были вообще устранены. Ничтожно малой стала практика проведения выездных судебных заседаний.

Снижение уровня общественного контроля за деятельностью государственных правоохранительных и судебных органов в уголовном судопроизводстве совпало с сокращением объема предоставленных прокурору полномочий по отношению к органам предварительного следствия. В этих условиях представляется закономерным стабильно высокое количество поступающих в адрес Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации обращений по вопросам защиты прав граждан в уголовно-процессуальной сфере (рис. 1), из которых 39 % связаны с обоснованностью и справедливостью приговоров и иных судебных решений, а 37 % — с объективностью, полнотой, длительностью сроков предварительного расследования и доследственных проверок [1, с. 158—160].

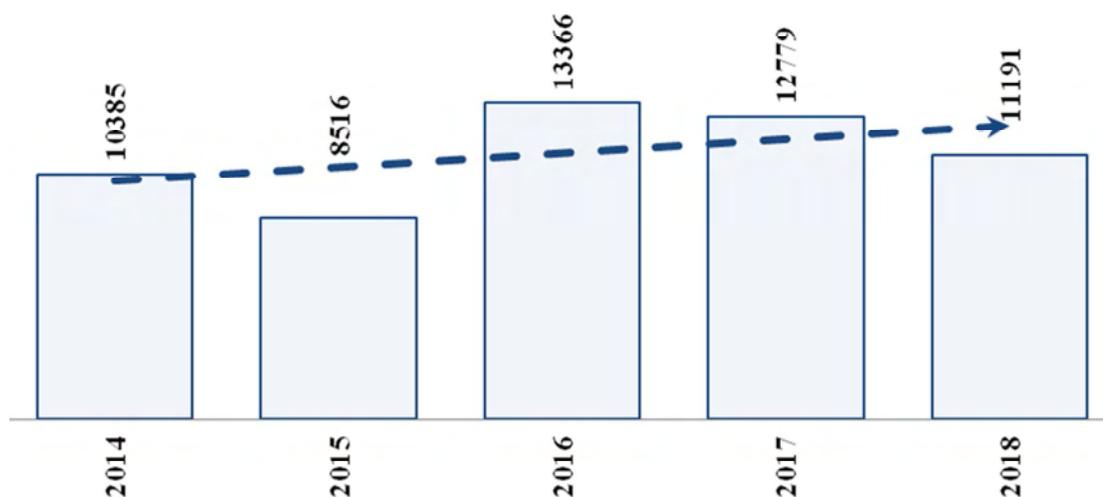

Рис. 1. Количество поступивших в адрес Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации обращений по вопросам защиты прав граждан в уголовно-процессуальной сфере с 2014 по 2018 г.

Вынуждены отметить, что в условиях ослабления позиции гласности остаются стабильно высокими показатели количества поступивших в порядке ст. 125 УПК РФ жалоб на неправомерность действий должностных лиц, осуществляющих уголовное производство [2] (рис. 2).

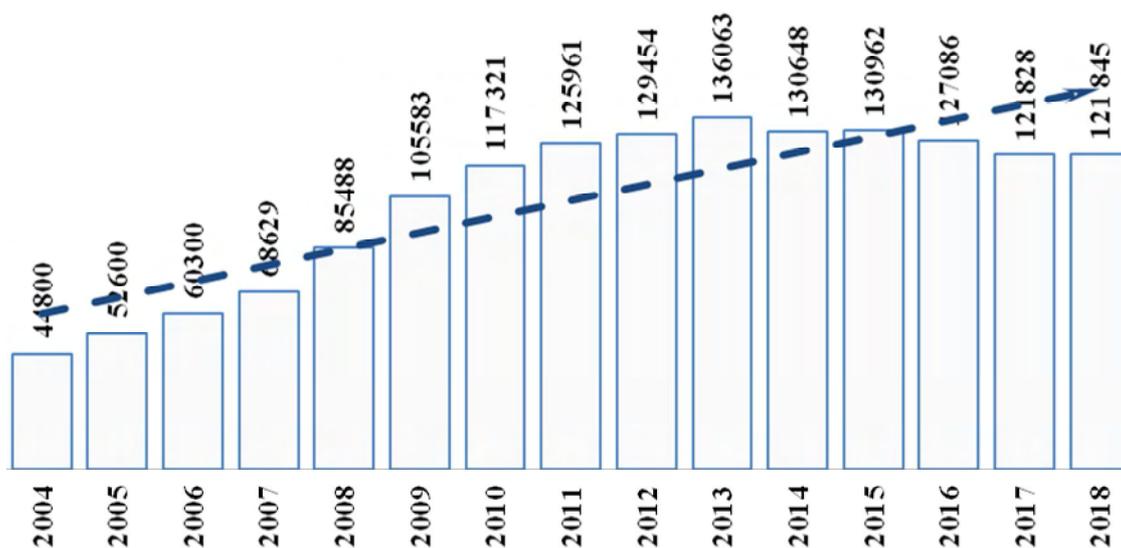

Рис. 2. Количество жалоб, направленных в Российской Федерации в порядке ст. 125 УПК РФ с 2004 по 2018 г.

Усугубляет ситуацию тот факт, что указанная стабильность проявляется на фоне снижения количества регистрируемых в стране преступлений [3] (рис. 3).

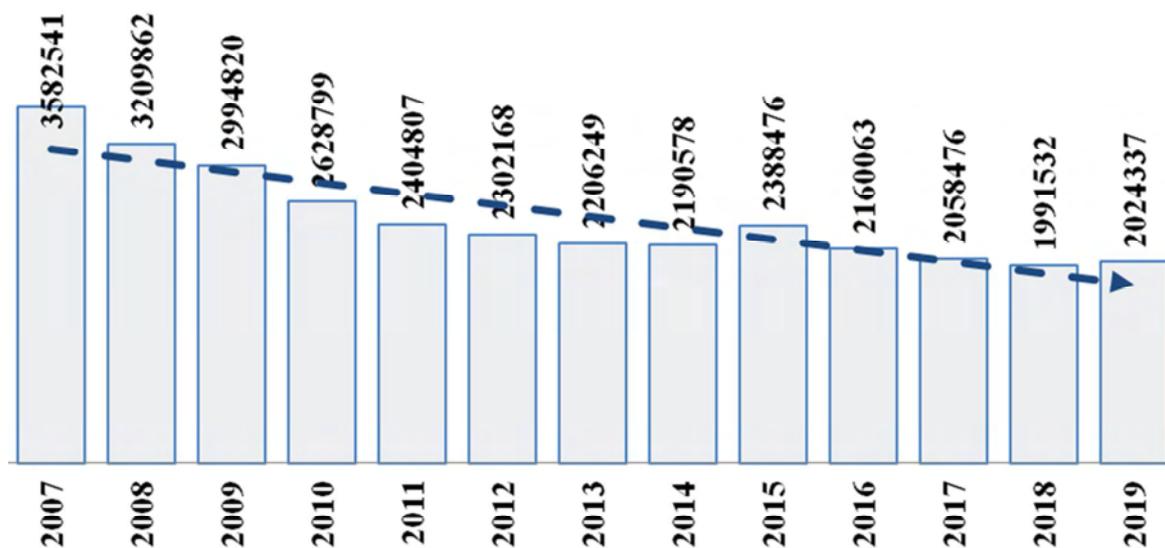

Рис. 3. Количество зарегистрированных в Российской Федерации преступлений с 2007 по 2019 г.

Значительна доля и поступивших в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) жалоб на нарушение Российской Федерацией провозглашенных ЕКПЧ прав и свобод человека. Так, из 22 535 жалоб, рассмотренных ЕСПЧ с 1959 по 2019 г., 2 699 — против России [4]. Находясь под юрисдикцией ЕСПЧ с 1993 г., российское государство успело занять второе место по количеству направленных против государственных участников жалоб. При этом каждая третья жалоба на Россию связана с нарушением права на справедливое судебное разбирательство (881 жалоба), к основным средствам реализации которого ч. 1 ст. 6 ЕКПЧ отнесла его публичность, а каждая двенадцатая (220 жалоб) — с нарушением права на уважение частной и семейной жизни (ст. 8 ЕКПЧ).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что контролирующие и надзирающие за предварительным расследованием и судебным разбирательством уполномоченные законом государственные органы с поставленной задачей не справляются и не готовы занять освобожденную представителями общественности нишу. В связи с этим актуализируются вопросы совершенствования процессуальных средств обеспечения гласности, создающих такой правовой режим уголовного судопроизводства, который способствует реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. Данная позиция получила поддержку в работах ученых, высказавшихся за открытость как предварительного расследования, так и судебного разбирательства, предоставление населению полной и достоверной информации об уголовном деле (например, А. И. Александров [5, с. 33—40], А. С. Ургалкин [6, с. 38]). Другие исследователи (например, В. М. Бозровым [7, с. 34—35], В. Ф. Луговиком [8, с. 80—84], О. А. Сегал [9, с. 15], И. В. Смольковой [10, с. 16—17]) справедливо указывают на способность недозированной гласности нанести непоправимый ущерб конституционным правам и свободам человека и гражданина, интересам общества и государства, эффективности расследования.

На фоне ослабления позиции гласности в отечественном уголовно-процессуальном праве в последние десятилетия в мире отмечается интенсивное развитие института тайны, обусловленное потребностью в появлении новых средств противодействия активно развивающемуся криминалу, особыми приметами которого стали организованность, информированность, вооруженность, техническая оснащенность, наличие собственной разведки и контрразведки и тщательная подготовка к преступлениям.

Несмотря на многовековое (начиная с середины XV в. и заканчивая серединой XIX в.) существование в России негласного и практически никому не поднадзорного уголовного судопроизводства и годы жесточайших репрессий в середине XX в., ни у кого не вызывает сомнений необходимость сохранения и развития правового института тайны. Исторически обеспечение тайны в уголовном судопроизводстве связывается с его негласностью, воспринимаемой в разные периоды развития нашей страны как средство ее сохранения (например, И. П. Николаев [11, с. 5], И. В. Смолькова [10, с. 229], А. И. Тамбовцев [12, с. 170—178], И. Я. Фойницкий [13, с. 107, 111], М. А. Чельцов [14, с. 258], А. С. Ургалкин [15, с. 38]).

Следствием роста значимости тайны стало появление в УПК РФ негласных следственных действий, связанных с применением познавательных приемов оперативно-разыскного характера, воспринимаемых одной частью научного сообщества как чужеродные элементы [16, с. 39—40], разрушающие систему следственных действий, а другой — как модель достойной основы реформирования уголовно-процессуального закона [17, с. 10; 18, с. 140]. Весомым аргументом в пользу последней точки зрения является успешная, по мнению Организации Объединенных Наций (ООН) [19], практика насыщения УПК многих стран мира нормами, предоставившими уполномоченному лицу право на производство действий, по своей природе и порядку производства схожих с оперативно-разыскными мероприятиями (негласными процессуальными действиями), обогащенных дополнительными механизмами обеспечения прав их участников (например, ст. 281—284, 286, 289, 290 УПК Армении, § 100a, § 100b, § 100c, § 100f и др. УПК ФРГ, раздел VIII гл. 2 УПК Китая, ч. 1 ст. 246 УПК Украины, п. 12 ст. 7 УПК Казахстана, гл. 11 УПК Латвии, ст. 132.1—132.17 УПК Молдовы, глава 3¹ УПК Эстонии, глава XVI¹ УПК Грузии, гл. 31 УПК Кыргызстана, ч. 1 ст. 158, 159 УПК Литвы).

Анализ уголовно-процессуального законодательства позволил ученым (например, Б. Я. Гаврилову [20, с. 19—23], С. В. Зуеву [21, с. 193—198], Н. В. Павличенко и В. И. Третьякову [22, с. 186—190], А. И. Тамбовцеву [23, с. 170—178]) указать на наличие негласной деятельности и в УПК РФ (наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка — ст. 185 УПК РФ, контроль и запись переговоров — ст. 186 УПК РФ, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами — ст. 186.1 УПК РФ, тайна предварительного расследования — ст. 161 УПК РФ).

Разделяя позицию ученых о наличии в УПК РФ норм, регламентирующих производство негласных следственных действий, вынуждены указать, что отечественная правоприменительная практика вскрыла серьезные недостатки законодательной регламентации негласных следственных действий, связанные с отсутствием должного контроля со стороны следователя (дознателя), несовершенством механизмов обеспечения прав их участников, неопределенностью процессуального статуса должностных лиц, непосредственно осуществляющих их производство, и др. Сказанное свидетельствует об их уязвимости и неконкурентоспособности другим следственным действиям. Несмотря на выявленные недостатки, нами отмечается устойчивый рост количества произведенных в последние десять лет негласных следственных действий (рис. 4).

Отметим еще одну тенденцию нашего времени — рост производства оперативно-разыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, право на неприкосновенность жилища [3] (рис. 4), а также увеличение влияния оперативно-разыскных данных на вынесение приговоров по тяжким и особо тяжким преступлениям. Практически 100 % опрошенных в последнее десятилетие нами [24, с. 342—343] и другими учеными [25, с. 73; 26, с. 42—46] судей назвали результаты ОРД одним из наиболее значимых доказательств по таким категориям дел, как взяточничество, терроризм, убийство по найму, вымогательство, незаконный оборот наркотических средств и оружия. Значимость при рассмотрении дела доказательств, полученных посредством производства ОРМ, признается В. А. Азаровым и В. В. Константиновым [27, с. 20—24], Б. Я. Гавриловым [20, с. 19—23], П. И. Ивановым и А. М. Кустовым [28, с. 135—140], Н. В. Павличенко [29, с. 112], М. П. Поляковым [30, с. 182—184] и другими российскими учеными.

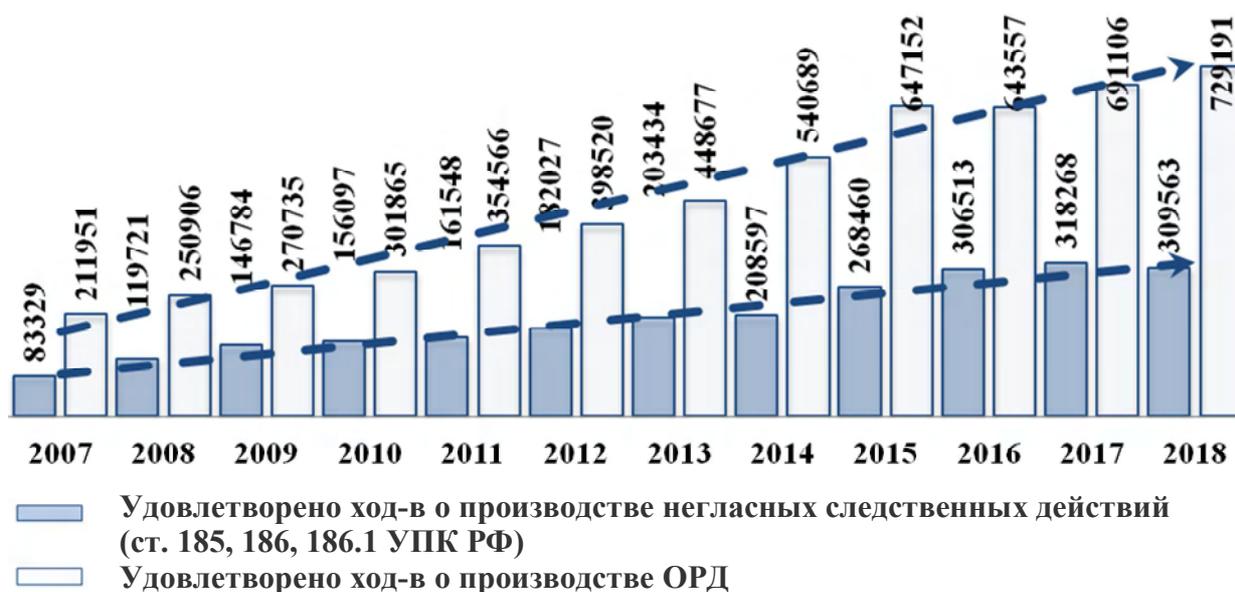

Рис. 4. Количество удовлетворенных в Российской Федерации судом ходатайств о производстве негласных следственных действий (ст. 185, 186, 186.1 УПК РФ) и оперативно-разыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина с 2007 по 2018 г.

Вызывает беспокойство то обстоятельство, что резкий рост производства негласных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий происходит на фоне снижения совершения тяжких и особо тяжких преступлений [3] (рис. 5).

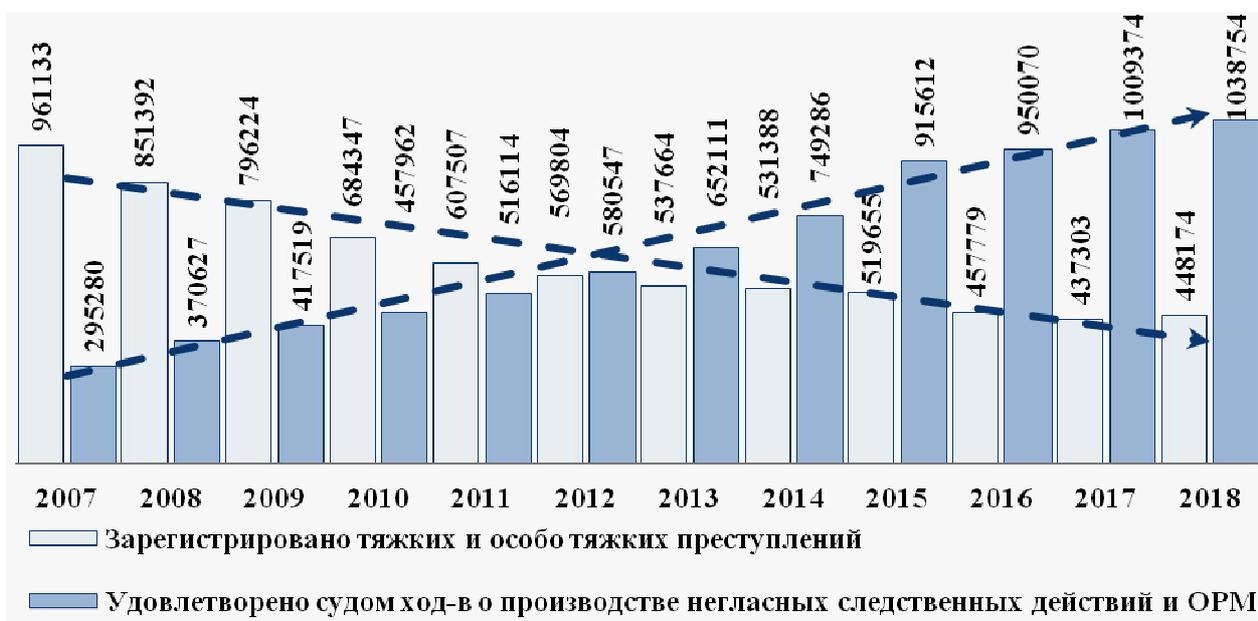

Рис. 5. Количество зарегистрированных в Российской Федерации тяжких и особо тяжких преступлений с 2007 по 2018 г.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что контролирующие правомерность следственной и судебной деятельности уполномоченные законом органы в условиях снижения статуса гласности и увеличения доли негласной деятельности по уголовному делу с поставленной задачей не справляются и не готовы занять освобожденную представителями общественности нишу. В связи с этим актуализируются вопросы совершенствования процессуальных средств обеспечения гласности и тайны уголовного судопроизводства, а также необходимость нахождения баланса их производства на различных стадиях процесса для создания правового режима, способствующего достижению задач уголовного судопроизводства при соблюдении конституционных прав и свобод его участников.

Тенденции роста значимости института тайны в уголовном судопроизводстве побуждают продолжить работу ученых: обратиться к истокам рассматриваемых правовых явлений, исследовать их сущность и средства обеспечения, выявить особенности и дефекты нормативной регламентации в разные периоды развития нашей страны, а также природу их диалектического противоречия, проанализировать существующие научные точки зрения и практику применения законоположений.

Сказанное обусловило проведение нами диссертационного исследования [24], цель которого заключалась в совершенствовании процессуальных средств обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве путем разработки теоретических положений, позволивших улучшить правовое регулирование негласной деятельности по уголовному делу, создать предпосылки для оптимального функционирования рассматриваемых правовых явлений, эффективной деятельности уполномоченных государственных правоохранительных и судебных органов по уголовному делу и обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Для отыскания оптимального баланса между процессуальными средствами обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве нормативная и теоретическая база предпринятого исследования включает период с начала зарождения гласности первобытнообщинного строя по настоящее время. Премущественность исследований достигалась на основе обобщения результатов научных изысканий по уголовно-процессуальному и оперативно-разыскному праву, криминалистике, арбитражному и гражданскому процессу. С учетом многогранности изучаемых правовых явлений объяснимо обращение к материалам представителей философии и историко-правовых наук.

Эмпирической базой диссертационного исследования являются данные, полученные при обобщении материалов, опубликованных на официальных интернет-сайтах Верховного Суда, Министерства внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации, а также материалов судебной практики, размещенных на интернет-портале ГАС «Правосудие», при изучении архивных материалов судов. По специально разработанным анкетам опрошен 1 241 сотрудник ОВД из 75 субъектов Российской Федерации, проанкетированы 94 судьи судов общей юрисдикции. Изучено 3 935 уголовных дел, а также 5 214 судебных решений.

Теоретические выводы и практические предложения, вытекающие из содержания диссертации, были неоднократно представлены на международных научно-практических конференциях, при издании монографий, в опубликованных учебниках, препринтах и статьях (в том числе в журналах, индексируемых в базе данных Web of Science). По теме диссертации разработаны методические рекомендации, которые внедрены в практическую деятельность следственных подразделений органов внутренних дел. Выработанные в ходе исследования предложения о внесении изменений в УПК РФ зарегистрированы в модуле «Мониторинг» сервиса обеспечения деятельности правовых подразделений ИСОД МВД России.

Диссертационное исследование состоит из введения, 5 глав, объединяющих 11 параграфов, заключения, библиографического списка, а также приложений, содержащих отдельные пояснения и иллюстративные дополнения к тексту исследования, эмпирический материал, проекты федеральных законов. Структура диссертации обусловлена целью, задачами и логикой научного исследования, в связи с чем положения, выносимые на защиту, взаимосвязаны и взаимозависимы. К наиболее существенным мы отнесли:

1. В работе поддержано мнение ученых, рассматривающих гласность в качестве принципа уголовного судопроизводства, при этом гласностью мы называем регламентированную уголовно-процессуальным законодательством доступность каждому лицу хода и результатов уголовного судопроизводства, а также их обсуждения, способствующую правомерности и качеству деятельности должностных лиц государственных правоохранительных и судебных органов по уголовному делу, реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, правовому просвещению и воспитанию гражданского общества, усилению превентивного воздействия уголовного процесса.

2. В зависимости от адресата доступности хода и результатов уголовного судопроизводства гласность дифференцируется на общую гласность (доступность каждому лицу) и гласность для его участников (доступность только лицам, участвующим в деле). Доступность участникам уголовного судопроизводства данных о его ходе и результатах зависит от их процессуального статуса, стадии уголовного процесса и ее отдельных этапов.

3. Сформулирован вывод о том, что закрепление в УПК положений о гласности и тайне является свидетельством дуалистического характера уголовного судопроизводства, с одной стороны, регламентирующих доступность данных о ходе и результатах уголовного судопроизводства его участникам и общественности, а с другой — ограничивающих ее в связи с необходимостью обеспечения государственной и иной охраняемой законом тайны, а также иных конституционно значимых ценностей.

4. Исследование вопросов содержания и значения транспарентности и ее законодательной регламентации в разных отраслях права позволило сделать вывод, что, несмотря на необъективированность идеи транспарентности в самостоятельный принцип уголовно-процессуального права, она получила свое отражение в некоторых положениях УПК.

Впервые в уголовно-процессуальном праве сформулировано определение транспарентности уголовного судопроизводства, рассматриваемой нами в качестве свойства функционирования государственных правоохранительных и судебных органов и их должностных лиц, наделенных полномочиями в уголовном судопроизводстве, выражающегося в своевременном предоставлении общественности и участникам названной деятельности достоверной, полной и понятно изложенной информации о них посредством ее опубликования (размещения) в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и/или других общедоступных местах, позволяющего контролировать эту деятельность, формировать адекватное представление о ее эффективности и легитимности.

В зависимости от адресата предоставления информации обоснована дифференциация транспарентности на транспарентность для неограниченного круга лиц и транспарентность для участников уголовного судопроизводства, дано определение указанных видов транспарентности, выявлены нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие доступность неограниченному кругу лиц и участникам уголовного судопроизводства информации, подлежащей обязательному предоставлению, раскрыты средства обеспечения транспарентности в уголовном судопроизводстве.

5. Анализ отечественного уголовно-процессуального законодательства позволил выявить нормы, регламентирующие негласную деятельность по уголовному делу, представляющую собой двуединый процесс, состоящий из негласной деятельности следователя (дознавателя) и негласной деятельности органа дознания, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность по поручению следователя (дознавателя) или в целях обнаружения лица, совершившего преступление.

Под негласной деятельностью следователя (дознавателя) понимаются регламентированные УПК действия следователя (дознавателя), производство которых сопряжено с сохранением в тайне от сторон и других участников предварительного расследования данных об их подготовке, о получении в суде разрешения на их производство, а в некоторых случаях самого факта их производства и лицах, их производящих, а также связанных с применением негласных методов и средств, присущих оперативно-разыскной деятельности.

Негласная деятельность следователя дифференцирована: на негласные следственные действия, относительно негласные действия следователя (дознавателя) и деятельность следователя (дознавателя), осуществляемую на основе конфиденциальности.

К негласным следственным действиям отнесены: наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; контроль и запись переговоров и получение информации о соединениях между абонентами и/или абонентскими устройствами.

К относительно негласным действиям следователя (дознавателя) отнесены запрет на предание гласности данных предварительного расследования; сохранение в тайне факта задержания подозреваемого; наложение ареста на имущество; обыск и выемка.

На основе конфиденциальности следователем (дознавателем) осуществляется деятельность, связанная с применением мер по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства.

6. Доказана уязвимость негласных следственных действий, связанных с отсутствием должного контроля со стороны следователя (дознавателя), несовершенством механизмов обеспечения прав их участников, неопределенностью процессуального статуса должностных лиц, осуществляющих их производство, и др. В связи со сказанным представляется целесообразным исключение из УПК РФ ст. 185, 186 и 186.1.

Между тем качественное изменение преступности и стабильно низкие показатели раскрываемости преступлений свидетельствуют о невозможности игнорирования потенциала негласного производства по уголовному делу. Для этого предлагается унифицировать нормативные предписания уголовно-процессуального и оперативно-разыскного законодательства в единый институт негласной деятельности по уголовному делу, называемый специальными розыскными мероприятиями.

В разработанной нами концептуальной модели Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения специальных розыскных мероприятий)» выстроена четкая система норм, регламентирующих виды, порядок, основания и условия производства специальных розыскных мероприятий. В ней предусмотрены дополнительные механизмы обеспечения прав участников рассматриваемых мероприятий; расширены контрольные полномочия следователя (дознателя); усовершенствован порядок взаимодействия следователя (дознателя) и должностных лиц органов, осуществляющих специальные розыскные мероприятия.

7. В целях разрешения выявленных в ходе исследования проблем взаимодействия следственных органов и органов дознания, производящих оперативно-разыскную деятельность, повышения эффективности расследования и сохранения неприкосновенности государственной тайны и тайны предварительного расследования предлагается закрепить в УПК РФ право создания следственно-оперативной группы для расследования преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений с момента получения информации о готовящемся преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд в порядке ст. 222 УПК РФ. При этом ее руководителя предлагается наделить:

- правом координации взаимодействия следователей и оперуполномоченных, участвующих в следственно-оперативной группе;

- правом определения вида, последовательности, совокупности и согласованности производства следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий;

- правом направления в суд ходатайств о производстве оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища;

- правом руководства, координации и контроля проведения оперативно-разыскных мероприятий, формулирования задания оперативно-поисковым и оперативно-техническим подразделениям, а также лицам, привлеченным к содействию на конфиденциальной основе.

1. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 г. URL: <http://ombudsmanrf.org/> (дата обращения: 20.03.2020).

2. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2004—2018 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.03.2020).

3. Состояние преступности в России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 20.03.2020).

4. Violations by Article and by State. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Overview_19592019_-ENG.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

5. Александров А. И. Проблемы организации предварительного следствия в Российской Федерации: направление реформирования // Российский следователь. 2011. № 1.

6. Ургалкин А. С. Причины необходимости применения гласной модели предварительного следствия в России // Российский следователь. 2009. № 23.

7. Бозров В. Гласность и тайна в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2002. № 2.

8. Луговик В. Ф. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Полицейское право. 2006. № 2.

9. Сегал О. А. Проблемы реализации гласности в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004.

10. Смолькова И. В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 1998.

11. Николаев И. П. Краткий курс уголовного судопроизводства: сост. применит. к прогр., принятой в юрид. испытат. комис. по курсам проф. Фойницкого, Случевского, Тальберга и др. / И. Николаев, И. Харламов. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Типо-лит. СПб. тюрьмы, 1912.

12. Тамбовцев А. И. Негласный потенциал уголовно-процессуального законодательства России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78).
13. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. 4-е изд. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1912. Т. 1.
14. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс: учебник. 2-е изд., перераб. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951.
15. Ургалкин А. С. Причины необходимости применения гласной модели предварительного следствия в России // Российский следователь. 2009. № 23.
16. Зайцева Е. А. С. А. Шейфер о системе следственных действий // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4.
17. Александров А. С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5.
18. Сумин А. А., Химичева О. В. Специальные следственные мероприятия в уголовном судопроизводстве зарубежных государств: монография. М.: Юрлитинформ, 2019.
19. Ход осуществления Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. Криминализация, правоохранительная деятельность и международное сотрудничество. 2-е изд. Вена: Организация Объединенных Наций, 2017. URL: <http://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2018/V1704681r.pdf> (дата обращения: 20.03.2020).
20. Гаврилов Б. Я. Проблемы законодательного регулирования легализации результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // ГлаголЪ правосудия. 2018. № 3 (17).
21. Зуев С. В. Негласные формы уголовного судопроизводства 1864 года в расследовании преступлений и их современное развитие // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 1 (3).
22. Третьяков В. И., Павличенко Н. В. Понятие оперативно-разыскной деятельности как теоретическая проблема // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 4 (27).
23. Тамбовцев А. И. Негласный потенциал уголовно-процессуального законодательства России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78).
24. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2020.
25. Луговик В. Ф., Давыдов С. И., Пономаренко О. Н. Оперативно-розыскное обеспечение государственного обвинения: монография. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2007.
26. Мазунин Я. М. Использование результатов ОРД в доказывании нуждается в законодательной регламентации // Инновационное образование и экономика. 2010. Т. 1. № 7.
27. Азаров В. А., Константинов В. В. Особенности использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Российский следователь. 2013. № 11.
28. Иванов П. И., Кустов А. М. Оперативно-разыскное сопровождение расследования уголовных дел и использование при этом результатов ОРД (организационно-тактический аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40).
29. Павличенко Н. В., Лобачева Г. К. Инновационные технологии в оперативно-разыскной деятельности: монография. Волгоград: Бланк, 2014.
30. Поляков М. П. Использование результатов ОРД в доказывании // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания: материалы междунар. науч.-практ. конф. (27—28 октября 2003 г.). М.: Изд-во МГЮА, 2004.

© Колосович М. С., 2020

В. Ф. Луговик,

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

**НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО:
О ДИССЕРТАЦИИ М. С. КОЛОСОВИЧ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
«ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЛАСНОСТИ И ТАЙНЫ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ»**

Выступая научным консультантом или руководителем соискателей, работающих над диссертационным исследованием, неизбежно сталкиваешься с необходимостью предварительной оценки не только заявленной для исследования проблемы с точки зрения ее актуальности, социальной значимости и возможности научного решения, но и профессиональной готовности, интеллектуальных возможностей претендента на научную степень. Эти условия представляются первичными при принятии решения об участии в исследовании и, соответственно, в судьбе диссертанта. Изначально совместно с соискателем определяется общее направление исследования и возможные пути решения научной проблемы.

Что касается М. С. Колосович, то, приступая к изучению концептуальных основ процессуальных средств обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве, она уже обладала как навыками сбора и обработки эмпирического материала, так и дедуктивным мышлением, выступающим обязательным условием подготовки докторской диссертации по правовым наукам. Все это вкупе с научной добросовестностью и упорством позволило ей провести качественное исследование и решить поставленную проблему.

Может показаться странным включение соискателем в «тело» диссертации рассуждений о негласных следственных действиях и оперативно-разыскных мероприятиях. Однако это, скорее, непривычно, нежели необычно и просто не вполне вписывается в традиции уголовно-процессуальной науки. Сейчас совершенно очевидным является несоответствие современного состояния нормативной регламентации средств обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве международным стандартам и криминальной обстановке в России. Действительно, ратифицированные конвенционные и двусторонние международно-правовые акты обязывают Россию осуществлять и участвовать в осуществлении негласных тайных (специальных) операций по борьбе с преступностью, но до настоящего времени в отечественном законодательстве уголовно-процессуальный и оперативно-разыскной порядок их проведения детально не регламентирован. Здесь нельзя игнорировать многочисленные решения Европейского Суда по правам человека, в которых не только констатируется нарушение отдельных положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, но и формулируется правовая позиция относительно проведения негласных операций и соответствия норм российского законодательства общепризнанным принципам международного права. При этом для Российской Федерации важны правовые позиции Европейского Суда по правам человека, изложенные в решениях по жалобам на действия властей других стран, так как они разъясняют отдельные нормы Конвенции о защите прав человека и основных свобод. На это обстоятельство справедливо обращает внимание автор диссертации.

В последние годы в научной литературе активно обсуждается проблема совершенствования досудебного следствия, в том числе негласного расследования преступлений, а, по существу, все ярче проявляющейся тенденции «перемещения» в уголовно-процессуальное законодательство приемов и методов оперативно-разыскной деятельности. Сравнительный анализ законодательства, регламентирующего уголовное преследование на постсоветском пространстве, позволяет выделить четыре подхода к правовому регулированию уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности:

1. В нормах доказательственного права отсутствует упоминание об оперативно-разыскной деятельности и ее результатах, существуют специальные законы об ОРД.

2. Правовое регулирование средств обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве по смыслу и содержанию близко УПК РФ.

3. При схожести регламентации ОРД в уголовном процессе с законодательством России получаемая в ходе осуществления этого вида деятельности информация именуется не сведениями, а доказательствами, а ее носители — источниками доказательств.

4. Негласные оперативно-разыскные мероприятия трансформированы в специальные (негласные) следственные действия, а сведения, получаемые в результате этой деятельности, именуется доказательствами.

В уголовно-процессуальное законодательство ряда постсоветских стран заложены революционные идеи, меняющие устаревший и не отвечающий духу времени подход к доказыванию. Регламентация негласных следственных действий по-новому стала проявлением новой правовой идеологии и нового подхода к восприятию результатов негласной деятельности по борьбе с преступностью. Анализ показывает, что законодатель этих государств позитивно и в самом широком стандарте воплотил доктрину негласности расследования и раскрытия преступлений. Реализация этих идей в уголовно-процессуальном законодательстве стала неожиданной для российской правовой науки и превзошла самые смелые ожидания как ученых, так и практических работников. На фоне преобладающего скептического, а иногда и пренебрежительного отношения российских ученых-процессуалистов к результатам оперативно-разыскной деятельности и их использованию в доказывании это — несомненный «прорыв» в правосознании законодателя и правоприменителя. В частности, новые уголовно-процессуальные законы регламентируют и достаточно успешно, казалось бы, неразрешимую проблему одновременного использования в уголовном процессе данных, полученных процессуальным и оперативно-разыскным путем, которая является одной из наиболее актуальных в российском уголовном судопроизводстве. Конечно, не все проблемы решены, и степень эффективности новых УПК покажет время, но уже сейчас можно констатировать появление совершенно новой парадигмы расследования и обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве. В связи с этим актуальность и значимость диссертационного исследования М. С. Колосович не вызывает сомнения.

Анализ работы показывает, что в ней поставлена и решена научная проблема, имеющая большое значение как для уголовно-процессуальной, так и оперативно-разыскной науки. Ее структура и содержание свидетельствуют о полном решении поставленных задач исследования. Выводы и основные положения, выносимые на защиту, достаточно полно аргументированы в соответствующих разделах исследования и коррелируют с поставленными задачами. Таким образом, можно констатировать валидность исследования.

Работа написана хорошим научным стилем, полемика ведется корректно, автор демонстрирует уважительное отношение к оппонентам и обеспечивает преемственность исследования. К числу безусловных достоинств относятся глубокая научная проработка мельчайших деталей проблемы и деликатность в оценке спорных суждений. Диссертация выполнена автором самостоятельно, логична, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о безусловном личном вкладе М. С. Колосович в науку.

Во время работы над диссертацией М. С. Колосович показала себя как зрелый исследователь научных проблем, обладающий высокой профессиональной компетентностью.

Полагаю, что диссертационное исследование Марины Сергеевны Колосович на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы» (специальность 12.00.09 «Уголовный процесс») вносит существенный вклад в развитие правовой науки, а высказанные идеи будут предметом дискуссий на страницах научных изданий.

© Луговик В. Ф., 2020

В. А. Азаров,

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

**ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ М. С. КОЛОСОВИЧ
«ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЛАСНОСТИ И ТАЙНЫ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ»**

Кардинальные изменения государственного строя и политической идеологии в России повлекли за собой смену приоритетов и социальных ценностей во всех сферах взаимодействия личности, общества и государства. Права и свободы человека объявлены наивысшей ценностью, что имеет определяющее значение при реформировании уголовного судопроизводства. А ведь известно, что именно здесь вступают в противоречие, а то и в прямой конфликт интересы отдельной личности с интересами государства и общества.

Конституция Российской Федерации закрепила в ст. 123 право каждого на открытое судебное разбирательство, а также право граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Последовавшая за этим реформа отраслевого, в том числе уголовно-процессуального законодательства, привела к принятию в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), не содержащего системного регулирования вопросов соотношения гласности и тайны уголовного судопроизводства. Так, гласность представлена в ст. 241 УПК РФ в ранге общего условия судебного разбирательства, в то время как негласная процессуальная деятельность фрагментарно и бессистемно отражена в отдельных нормах, касающихся в основном досудебного уголовного производства.

Ситуация с правовой регламентацией вопросов соотношения гласности и тайны при производстве по уголовному делу усугубляется резким снижением уровня общественного контроля за деятельностью правоохранительных и судебных органов, а также существенным сокращением объема средств прокурорского надзора за законностью действий и решений органов предварительного расследования.

Названные причины формируют потребность определения статуса как гласности, так и тайны в уголовном судопроизводстве, диктуют необходимость нахождения их баланса и оптимального соотношения на различных стадиях процесса.

Одновременно актуализируются вопросы совершенствования процессуальных средств обеспечения гласности и тайны, создающих правовой режим уголовного судопроизводства, способствующий охране и обеспечению реализации прав его участников. Вот здесь-то в доктрине уголовного процесса нет единства взглядов, более того, высказаны диаметрально противоположные суждения и оценки. Так, ряд ученых ратует за открытость как судебного разбирательства, так и предварительного расследования, предоставление населению полной и достоверной информации об уголовном деле (А. И. Александров, А. С. Ургалкин). Другие исследователи обоснованно указывают на способность недозированной гласности (особенно на досудебных стадиях) нанести непоправимый ущерб эффективности судопроизводства, интересам государства и общества, а в конечном счете конституционным правам и свободам отдельной личности. В то же время в последние годы в условиях роста преступности и ее транснациональных проявлений укрепляет свои позиции тенденция внедрения в национальное уголовно-процессуальное законодательство в целом ряде государств негласных методов расследования. С учетом высокой эффективности негласной деятельности следователь, дознаватель наделяются правом производства действий, по своей природе и порядку схожих с оперативно-разыскными мероприятиями.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве имеются отдельные нормы, позволяющие властным субъектам досудебного производства осуществлять негласную деятельность. Речь идет о формально следственных действиях, таких как контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и/или абонентскими устройствами и др. В то же время в отличие от традиционных следственных действий названные их аналоги, формально поставленные с ними в один ряд, «отягощены» неопределенностью статусов их участников, отсутствием возможности у следователя контролировать должностных лиц, фактически осуществляющих познавательную деятельность, безупречностью механизмов обеспечения прав и законных интересов их участников.

Перечисленные проблемы требуют приложения усилий исследователей в целях отражения сущности и систематизации средств обеспечения, а также моделирования направлений развития правовых институтов гласности и тайны, гласной и негласной деятельности в уголовном процессе.

Изложенное свидетельствует о высокой актуальности темы диссертационного исследования, сама постановка которой позволяет прогнозировать получение серьезных научных результатов.

М. С. Колосович впервые в доктрине уголовного процесса предложена и обоснована убедительная авторская концепция оптимизации соотношения процессуальных средств обеспечения гласности и тайны при производстве по уголовному делу. Полагаю, что именно с этого вывода (а он «напрашивается» исходя из содержания работы) автору следовало бы начать самооценку новизны обсуждаемой диссертации.

Действительно, научная новизна полученных М. С. Колосович результатов заключается прежде всего в отыскании оптимального баланса процессуальных средств обеспечения как гласности, так и тайны, позволяющего смоделировать эффективный правовой режим достижения задач уголовного процесса при соблюдении конституционных прав и свобод его участников.

Новаторский подход М. С. Колосович позволил размежевать гласность и транспарентность уголовного судопроизводства, интерпретировать последнюю как самостоятельное свойство уголовно-процессуальной формы, при этом убедительно раскрыть ее содержание, значение и виды.

В диссертации выявлены и проанализированы общемировые тенденции развития уголовно-процессуальной формы предварительного расследования, объективно обусловленные увеличением значимости тайны в уголовном судопроизводстве и закреплением в уголовно-процессуальном законодательстве ряда стран такого правового режима негласной деятельности по уголовному делу, который, обоснованно и дозированно ограничивая гласность уголовного судопроизводства, обеспечивает реализацию прав и свобод его участников.

М. С. Колосович впервые в теории уголовного процесса сформулировано определение процессуальной негласной деятельности следователя (дознателя) по уголовному делу. Даны авторское понимание и классификация негласных следственных действий.

Значимые новые теоретические результаты получены М. С. Колосович при определении направлений совершенствования правового регулирования негласной деятельности по уголовному делу. Здесь автором унифицированы и консолидированы нормативные предписания уголовно-процессуального и оперативно-разыскного законодательства, что дало возможность смоделировать единый правовой институт негласной деятельности следователя (дознателя) по уголовному делу, на основе которого разработана концептуальная модель федерального закона, позволяющего внести в УПК РФ комплекс специальных розыскных мероприятий (с. 3—14).

Перечисленное однозначно подтверждает и оригинальность самой постановки темы, и новизну полученных М. С. Колосович научных результатов. Так, обладает очевидной научной новизной авторское понимание гласности уголовного судопроизводства как регламентированной одноименным законодательством доступности каждому лицу хода и результатов уголовного судопроизводства, а также их обсуждения, способствующей правомерности и качеству деятельности должностных лиц государственных правоохранительных органов по уголовному делу, реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, правовому просвещению и воспитанию гражданского общества, усилению превентивного воздействия уголовного процесса.

Отличается своеобразием и представляет научный интерес выявленное диссертантом содержание гласности уголовного судопроизводства, включающей такие основные элементы, как:

1) доступность каждому лицу и представителям средств массовой информации открытого судебного разбирательства;

2) доступность каждому лицу информации о ходе и результатах уголовного судопроизводства, предоставляемой должностными лицами государственных правоохранительных и судебных органов, другими его участниками и средствами массовой информации;

3) право каждого лица обсуждать данные о ходе и результатах уголовного судопроизводства, полученные посредством личного присутствия в судебном разбирательстве, оглашенные участниками уголовного судопроизводства и/или опубликованные в средствах массовой информации (с. 14—15, 187—188).

В силу предложенной аргументации убедительны выводы М. С. Колосович, сделанные на основе историко-правового анализа генезиса гласности в уголовно-процессуальном законодательстве и соответствующих доктринальных источниках, о том, что гласность в зависимости от адресата доступности

хода и результатов производства по делу можно разделить на общую гласность (доступность каждому лицу) **и гласность для его участников** (доступность только лицам, участвующим в деле, в пределах, зависящих от их процессуального статуса). При этом **пределы доступности** хода и результатов уголовного судопроизводства **варьируются** в зависимости от стадии уголовного судопроизводства и ее отдельных этапов (с. 15, 214).

Опора на приведенные выводы позволила автору предложить новую научную классификацию процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, способствующих доступности им информации о его ходе и результатах. В связи с этим **все субъективные права участников, обеспечивающие им доступность значимой информации, обоснованно поделены на следующие группы:**

1) право на непосредственное присутствие при производстве следственных действий (производимых по их ходатайству и с разрешения следователя (дознателя)), в судебных заседаниях и при оглашении приговора;

2) право на получение уведомления, извещения, объявления о принятых по уголовному делу решениях в той части, в какой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их права и законные интересы;

3) право на получение копий процессуальных решений, подлежащих обязательному предоставлению участникам должностным лицом, а также право на ознакомление с материалами уголовного дела, в том числе с обвинительным актом (постановлением), протоколом судебного заседания, приговором и особым мнением судьи (с. 15—16, 214—215).

Новые теоретические обретения М. С. Колосович связаны с продуктивным применением ею общенаучной методологии к изучению сущности, природы и корреляции средств обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве. Убедителен, поэтому может быть поддержан, вывод о том, что закрепление в УПК РФ положений о гласности и тайне является свидетельством дуалистического характера уголовного судопроизводства. С одной стороны, УПК РФ устанавливает и регламентирует систему средств доступности данных о ходе и результатах производства по делу его участникам и общественности, а с другой — ограничивает ее в связи с необходимостью обеспечения государственной и иной охраняемой законом тайны, а также иных конституционно значимых ценностей.

Действительно, совмещение (я бы еще добавил «оптимальное сочетание») полярных категорий корреспондирует с диалектическим законом единства и борьбы противоположностей, в соответствии с которым противоречие (а также конкуренция — В. А.) двух правовых явлений **создает особый правовой режим** деятельности государственных органов по уголовному делу, способствуя обеспечению прав и свобод его участников разумным ограничением пределов как гласности, так и охраняемой законом тайны (с. 16, 187—188).

Обогатили арсеналы уголовно-процессуальной теории новые научные результаты, полученные М. С. Колосович при исследовании транспарентности современного уголовного судопроизводства России и ее соотношения с гласностью.

Системный анализ норм УПК РФ позволил автору выявить ряд предписаний, направленных на информирование как участников производства по уголовному делу, так и общественности (неопределенного круга лиц — В. А.) о деятельности властных субъектов. **На этой основе в диссертации сформулировано весьма содержательное определение понятия транспарентности, рассматриваемой в качестве свойства функционирования государственных правоохранительных и судебных органов и их должностных лиц, наделенных полномочиями в уголовном процессе, выражающегося в своевременном предоставлении общественности и участникам названной деятельности достоверной, полной и понятно изложенной информации о них посредством ее опубликования (размещения) в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и/или других общедоступных местах, позволяющего контролировать эту деятельность, формировать адекватное представление о ее эффективности и легитимности** (выделено нами — В. А.) (с. 17, 277—278).

Несомненной теоретической новизной отличаются выводы диссертанта о наличии тенденции дифференциации транспарентности в уголовном судопроизводстве.

Безупречен с научной точки зрения критерий размежевания транспарентности «в зависимости от адресата предоставления информации» (с. 17). В частности, транспарентность препарирована на разновидности, дано определение ее видов, выявлены нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие доступность неограниченному кругу лиц и участникам уголовного судопроизводства информации, подлежащей обязательному предоставлению, раскрыты средства обеспечения транспарентности в уголовном судопроизводстве (с. 17, 277—278, 295—296).

Убедительны выводы М. С. Колосович, явившиеся научным результатом исследования соотношения и взаимовлияния категорий гласности и транспарентности. Так, установлена их принадлежность к одному логическому ряду, наличие у них общих характеристик, позволяющих определить степень информированности общественности и участников уголовного судопроизводства в первом случае **о ходе и результатах производства по делу**, во втором — **о функционировании властных субъектов уголовного процесса**, наделенных в этой сфере государственными полномочиями (с. 17—18, 290—292).

Содержательны и теоретически результативны итоги сравнительного анализа уголовно-процессуального законодательства ряда стран ближнего и дальнего зарубежья, позволившего выявить наличие у лица, осуществляющего расследование, двуединой системы процессуального инструментария. Это гласные следственные действия и негласные действия. К последним отнесены негласные следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия. Характерной чертой процессуальной регламентации негласной деятельности по уголовному делу в этих странах стало наполнение УПК нормами оперативно-разыскного законодательства (с. 18, 324).

Понимая под негласной деятельностью следователя (дознателя) регламентированные УПК РФ действия, сопряженные с сохранением в тайне от сторон и других участников расследования данных об их подготовке, о получении в суде разрешения на их производство, а в некоторых случаях самого факта их производства и лицах, их осуществляющих, также связанных с применением негласных методов и средств, присущих оперативно-разыскной деятельности, **М. С. Колосович обосновала новую научную классификацию процессуальных действий негласного характера.** Так, с точки зрения автора, последние могут быть разделены на следующие группы:

1) негласные следственные действия: наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ); контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ); получение информации о соединениях между абонентами и/или абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ);

2) относительно негласные действия следователя (дознателя): запрет на предание гласности данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ); сохранение в тайне факта задержания подозреваемого (ч. 4 ст. 96 УПК РФ); наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ); обыск (ст. 182 УПК РФ); выемка (ст. 183 УПК РФ);

3) деятельность следователя (дознателя), осуществляемая на основе конфиденциальности, — применение мер по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства (п. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 9 ст. 193 УПК РФ) (с. 19—20; 387—388).

Серьезными новыми научными результатами, полученными М. С. Колосович, являются снабженные убедительным обоснованием выводы о целесообразности систематизации и унификации нормативных предписаний уголовно-процессуального и оперативно-разыскного законодательства в единый институт негласной деятельности по уголовному делу. Считаю вполне уместным предлагаемое диссертантом наименование этого правового института — «Специальные розыскные мероприятия».

Действительно, в условиях качественного изменения преступности при стабильно низких показателях раскрываемости преступлений формируется объективная потребность создания дополнительных, более эффективных (по сравнению с традиционными следственными действиями) уголовно-процессуальных средств противодействия преступности. Диссертантом выявлена высокая результативность негласной деятельности и установлен постоянный рост значимости ее результатов в формировании доказательственной базы по уголовному делу. **В связи с этим положительно оценивается предлагаемая М. С. Колосович теоретическая модель формирования института специальных розыскных мероприятий.** Правовое регулирование в системе этого института, по идее автора, должно включать:

1) четкое формулирование норм, регулирующих виды, основания, порядок и условия производства специальных розыскных мероприятий;

2) создание дополнительных механизмов защиты конституционных прав и свобод их участников;

3) расширение контрольных полномочий следователя (дознателя) при их производстве;

4) совершенствование норм, регулирующих взаимодействие следователя/дознателя и должностных лиц органов, осуществляющих специальные розыскные мероприятия (с. 21, 389—392).

Особую ценность для теории и практики уголовного процесса представляет разработанная М. С. Колосович концептуальная модель Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения специальных розыскных мероприятий)», которая может стать для законодателя продуктивным вариантом унификации нормативной регламентации негласной деятельности по уголовному делу (с. 522—536).

Есть в диссертации М. С. Колосович и другие новые теоретические выводы, оценки, положения, абсолютное большинство которых **в достаточной степени обосновано и снабжено убедительной аргументацией.**

Достоверность и обоснованность результатов докторского исследования М. С. Колосович неоспоримы и подтверждаются анализом использованных автором методик, внушительным теоретическим и нормативным материалом и сформированной эмпирической базой. В частности, исследование опиралось на диалектическую методологию, познание правовых явлений уголовного судопроизводства осуществлялось с позиции системного и междисциплинарного подходов.

Методологическими принципами для автора послужили объективность и историзм, приверженность которым обеспечила получение достоверного знания о предмете исследования благодаря всесторонности его изучения в развитии с учетом взаимосвязей с иными объектами и структурами.

С помощью формально-юридического метода анализировались нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие правовой режим доступности общественности, представителям средств массовой информации и участникам уголовного судопроизводства его хода и результатов.

На теоретическом уровне применялись абстрагирование и обобщение, позволившие систематизировать выделенные факты и дать им единое истолкование.

На всех этапах исследования для обеспечения достоверности выводов и предложений использовались такие общелогические методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия.

Теоретическую основу исследования составили научные труды российских и зарубежных ученых-правоведов, специалистов в области уголовно-процессуального права, общей теории права, теории оперативно-разыскной деятельности, современные концепции социологии, философии. Объем изученных научных источников внушителен.

Нормативно-правовую базу диссертационного исследования образуют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, содержащие положения о гласности и тайне в уголовном судопроизводстве, международные договоры Российской Федерации, федеральные законы, иные нормативные акты Российской Федерации, проекты отдельных нормативных правовых актов. В работе анализируются соответствующие теме исследования положения нормативных актов России X—XIX вв., СССР, РСФСР, а также современного уголовно-процессуального и оперативно-разыскного законодательства стран Евразии. При осуществлении исследования учтены правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, постановления Пленума Верховного Суда СССР, РСФСР и Российской Федерации по избранной теме.

Эмпирическая основа исследования состоит из данных, в том числе статистических, опубликованных на официальных интернет-сайтах Верховного Суда Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, материалов судебной практики, размещенных на интернет-портале государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» и результатов изучения архивных материалов. В частности, по специально разработанным анкетам опрошен 1 241 сотрудник органов внутренних дел (следователи, дознаватели, их руководители, оперуполномоченные) из 75 субъектов Российской Федерации. Проведено анкетирование 94 судей судов общей юрисдикции Волгоградской области. Изучено 3 935 уголовных дел, рассмотренных Волгоградским областным судом с 1961 по 2018 г., а также 5 214 решений по уголовным делам судов общей юрисдикции Российской Федерации.

Основные идеи и выводы М. С. Колосович опубликованы в научных изданиях, в том числе входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, ученой степени кандидата наук; апробированы и обсуждены на 8 международных научно-практических конференциях. По теме исследования опубликовано 62 научные работы. В их числе: 2 монографии; 2 статьи в журналах, индексируемых в базе данных Web of Science; 24 статьи в изданиях Перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, ученой степени кандидата наук. Результаты исследования обсуждались на совместных заседаниях кафедры уголовного процесса и кафедры организации следственной работы Волгоградской академии МВД России. Отдельные положения и выводы внедрены в практическую деятельность следственных подразделений Волгоградской области и учебный процесс волгоградских вузов.

Теоретическое значение полученных М. С. Колосович результатов определяется разработкой и убедительным обоснованием авторской концепции оптимизации соотношения процессуальных средств обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве.

В диссертации предложено решение крупной научной проблемы. В частности, новые теоретические выводы и положения, ставшие итогом интеллектуальных усилий М. С. Колосович, позволяют кардинальным образом модернизировать существующие представления и позиции о гласности и тайне в уголовном судопроизводстве, найти между ними баланс, стимулирующий процессуальные средства достижения в этой сфере государственных задач при гарантированном обеспечении конституционных прав и свобод человека, в том числе в ходе осуществления негласной деятельности по уголовному делу.

Полученные М. С. Колосович новые научные знания могут быть использованы в исследованиях в сфере уголовно-процессуального права.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности использования положений диссертации и полученных при ее подготовке выводов для совершенствования уголовно-процессуального законодательства (с. 21—24, 192—193, 384—385; 391—392; 406—407 и др.).

Особую ценность для правотворческой деятельности представляет концептуальная модель Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения специальных розыскных мероприятий)», реально позволяющая законодателю принципиально определиться с наиболее эффективным направлением правовой регламентации негласной деятельности по уголовному делу (с. 520—536).

Материалы диссертационного исследования М. С. Колосович могут быть использованы в преподавании в высших учебных заведениях курсов «Уголовный процесс» и «Актуальные проблемы отдельных отраслей права».

Докторская диссертация М. С. Колосович содержит совокупность научных результатов и положений, имеющих внутреннее единство, вкпе свидетельствующих о завершенности работы, ее самостоятельности и личном крупном вкладе автора в уголовно-процессуальную науку.

Работа написана хорошим литературным и научным языком, выдержана стилистически, ее оформление полностью отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Автореферат диссертации адекватно отражает главные идеи и выводы автора.

Вместе с тем, как и во всякой фундаментальной монографической работе, охватывающей обширный круг проблем теории и практики, в представленной диссертации имеются спорные, недостаточно аргументированные выводы и положения, продиктовавшие следующие замечания:

1. Не вполне убедительна аргументация М. С. Колосович, ратующей за придание гласности ранга принципа российского уголовного судопроизводства (с. 4, 7, 20, 189 и др.). Мы не разделяем сожаления автора о «низведении» в УПК РФ гласности до уровня общего условия судебного разбирательства. И вряд ли здесь уместны ссылки на опыт «мирового сообщества», якобы признавшего гласность фундаментальным положением уголовного судопроизводства (с. 4). **Действительное положение и значимость данного феномена непосредственно зависят от исторической формы и уровня развития законодательства об уголовном судопроизводстве.** В связи с этим российский законодатель вполне обоснованно посчитал гласность всего лишь одним из общих условий судебного разбирательства, правильно определив его место в ст. 241 УПК РФ.

Все досудебное производство в нашей стране традиционно (исторически) протекает по розыскным канонам, которые не смогли поколебать искусственные «прививки» состязательности в виде расширения поля деятельности в нем защитника, наделения его фиктивным «правом собирать доказательства» и т. п.

В большой мере негласный (розыскной) характер предварительного расследования определен содержанием ст. 161 УПК РФ, закрепившей систему правил сохранения в тайне его хода и результатов. На страже тайны расследования стоит и Уголовный кодекс Российской Федерации (ст. 310 УК РФ). Именно это фундаментальное начало уголовного досудебного производства России традиционно позволяет решать государственные задачи в сфере деятельности органов уголовной юстиции.

2. Соглашаясь с выводом о том, что «в скором будущем тайна сможет... претендовать на закрепление в системе принципов уголовного судопроизводства» (с. 7), в основном поддерживая понимание М. С. Колосович «негласной деятельности следователя (дознателя)» (с. 19 и др.), все же **отметим нарушение автором логических канонов дифференциации действий следователя негласного характера.** Виною тому выступает предложенный для этого не вполне четкий (а скорее, размытый) критерий их ранжирования: «В зависимости от наделения следователя (дознателя) правом или обязанностью сохранения в тайне факта производства процессуальных действий, характера примененных при этом тактических приемов, методов и средств, а также необходимости привлечения сотрудников оперативных и оперативно-

технических подразделений» (с. 19). Именно в силу неопределенности избранного критерия в рамках предложенной научной классификации в один логический ряд у автора попадают разнопорядковые явления: сохранение в тайне факта задержания подозреваемого, наложение ареста на имущество, обыск и выемка — с одной стороны, и **вся система правил, фиксирующих тайну предварительного расследования** (ст. 161 УПК РФ) — с другой. Очевидно, что последняя, «претендующая на ранг принципа уголовного процесса», во многом и сегодня определяет исторически разыскной характер досудебного производства России, поэтому **является гораздо более масштабным феноменом по сравнению с действиями**, перечисленными с ней в одном логическом ряду в данной классификации.

3. Вызывает вопросы, а вслед за ними обоснованные сомнения оценка автора целесообразности закрепления в УПК РФ (в условиях увеличения значимости тайны в уголовном процессе, с чем вряд ли нужно спорить), «такого правового режима негласной деятельности по уголовному делу, который **без глобального искажения принципа гласности** (выделено нами — В. А.) обеспечивает реализацию конституционных прав и свобод человека и гражданина» (с. 14, 18).

Во-первых, главным приоритетом процессуальной (в том числе негласной) деятельности является **выполнение государственных задач** в сфере уголовного судопроизводства, а права его участников могут быть ограничены в той мере, в которой этого требует защита прав иных субъектов, безопасность общества и государства (см. Конституцию Российской Федерации).

Во-вторых эта позиция автора продуцирует вопрос: а что оправдан и допустим такой правовой режим негласной деятельности по уголовному делу, который (по логике М. С. Колосович), **«с локальным искажением принципа гласности»**, но все же обеспечит реализацию прав и свобод участников производства по уголовному делу. В связи со сказанным вряд ли обсуждаемый вывод может быть признан корректным и безупречным.

4. Поддерживая предложенное диссертантом определение понятия «гласность уголовного судопроизводства», отметим логическую уязвимость схемы, отражающей его содержание. С точки зрения автора, оно состоит из «трех **основных** (выделено нами — В. А.) элементов: доступность... открытого судебного разбирательства; доступность... информации о ходе и результатах уголовного судопроизводства и право каждого лица обсуждать данные о ходе и результатах уголовного судопроизводства...» (с. 15).

Предложенная характеристика содержания гласности вызывает закономерный вопрос: а что **наряду с основными существуют дополнительные (факультативные, иные...) элементы содержания гласности в уголовном судопроизводстве?** Полагаем, что главные теоретические положения, выносимые на публичную защиту, должны быть лишены двусмысленности, а значит, отработаны более тщательно, как логически, так и стилистически.

5. Представляется излишне громоздкой и сложной предлагаемая в диссертации схема контроля и определения доказательственного значения сведений, полученных в ходе негласных следственных действий, специальных розыскных и оперативно-розыскных мероприятий (с. 382—384).

Во-первых, сомнительно предложение о создании специального «Комитета Российской Федерации по контролю за производством негласных следственных действий, специальных розыскных и оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, подотчетного Президенту Российской Федерации» (с. 383). Такие предложения, чтобы считаться обоснованными, должны быть «просчитаны» финансово и организационно. К тому же предлагаемые новшества не могут дублировать уже имеющиеся, апробированные средства и возможности. Речь идет о судебном, ведомственном контроле, а также о прокурорском надзоре.

Во-вторых, предложение автоматически признавать недопустимым доказательство, полученное без регистрации в Едином реестре постановления суда, разрешающего производство следственных действий, специальных розыскных и оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, **прямо противоречит принципу свободной оценки доказательств, в силу которого «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» (ст. 17 УПК РФ).**

Высказанные замечания в основном касаются дискуссионных вопросов и не влияют на общий вывод и высокую положительную оценку диссертации.

Обсуждаемая работа является завершенным, цельным монографическим исследованием сложной и важной в теоретическом и практическом отношении темы.

По своей актуальности, методологии и методике исследования, научной новизне, глубине проработки проблемы, самостоятельности, обоснованности и достоверности теоретических выводов и рекомендаций диссертация «Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы» отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 1 октября 2018 г. № 1168), а ее автор Марина Сергеевна Колосович заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.09 «Уголовный процесс».

© Азаров В. А., 2020

В. В. Николук,

заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

**ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ М. С. КОЛОСОВИЧ
«ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЛАСНОСТИ И ТАЙНЫ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ»**

Актуальность диссертационного исследования. В соответствии с Конституцией РФ разбирательство дел во всех судах открытое, при этом «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени» (ч. 1 ст. 123 и ст. 23 Конституции РФ). Право на гласное судебное разбирательство и невозможность вмешательства в личную и семейную жизнь, произвольного посягательства на неприкосновенность жилища, тайну корреспонденции или на честь и репутацию отражено и в нормах международного права (например, ст. 10 и ст. 12 Всеобщей декларации прав человека). Иными словами, как национальное, так и международное право предусматривает некий баланс между публичным осуществлением правосудия и соблюдением неприкосновенности частной жизни. Отсутствие названного баланса неминуемо влечет неправомерные ограничения прав участников уголовного судопроизводства и появление сомнений у общества в легитимности принятых уполномоченными должностными лицами решений по уголовному делу. Определенным гарантом правомерности ограничения действия как института гласности, так и института тайны в уголовном судопроизводстве является процессуальное закрепление средств их обеспечения. Между тем до настоящего времени в уголовно-процессуальной теории нет единой позиции по вопросу о том, является ли гласность принципом уголовного судопроизводства, присуща ли гласность его досудебным стадиям, как она соотносится с тайной предварительного расследования и каковы ее пределы? В последние десятилетия очевиден рост (и в мире и в России) значения института тайны в уголовном судопроизводстве, а также значения результатов негласных мероприятий в доказывании при раскрытии и расследовании сложных, тщательно замаскированных и подготовленных преступлений.

К сожалению, названные вопросы исследуются в современной теории уголовного процесса фрагментарно, комплексных и целевых исследований реализации норм рассматриваемых правовых институтов и их соотношения не проводилось, не уделено должного внимания процессуальным средствам их обеспечения. Между тем кроме качественного изменения преступности диссертант также указывает, что каждая третья жалоба на Российскую Федерацию в Европейский суд по правам человека связана с нарушением права на справедливое судебное разбирательство, к основным средствам реализации которого ч. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод отнесла его гласность, а каждая тринадцатая — с нарушением права на уважение частной и семейной жизни, закрепленной ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

С учетом сказанного тему диссертации М. С. Колосович следует признать актуальной, а саму работу серьезным и практически значимым научным исследованием, в котором с высокой степенью обоснованности, достоверности и новизны сформулированы положения, выводы и рекомендации научного и практического характера по совершенствованию процессуальной обеспеченности средств гласности и тайны в уголовном судопроизводстве, позволив соискателю решить крупную научную проблему, соответствующую критериям, предъявляемым к докторским диссертациям.

Методология и методика диссертационного исследования. Соискателем использовался комплекс общенаучных и специальных методов, включающих сбор и анализ статических данных, характеризующих ход и результаты предварительного расследования и судебного разбирательства, с помощью формально-юридического метода анализировались нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие правовой режим доступности общественности, представителям средств массовой информации и участникам уголовного судопроизводства хода и результатов предварительного расследования и судебного разбирательства, практически на всех этапах исследования использовались общелогические методы. В своей совокупности обозначенные методологические установки позволили получить целостное восприятие изучаемой предметной области и на этой основе сформулировать и обосновать положения,

выводы и рекомендации научного и практического характера, сформировать концепцию процессуальной регламентации негласной деятельности по уголовному делу.

Репрезентативность исследования. Нормативная и эмпирическая основа положений, выводов и рекомендаций, составляющих теоретическое и практическое значение выполненной работы, в основном удовлетворяют предъявляемым требованиям. Диссертант оперирует данными, полученными в результате анкетирования 1 241 сотрудника ОВД из 75 субъектов Российской Федерации и 94 судей судов общей юрисдикции Волгоградской области, а также изучения 3 935 уголовных дел, рассмотренных Волгоградским областным судом в период с 1961 по 2018 г. и 5 214 решений по уголовным делам судов общей юрисдикции Российской Федерации.

Содержание диссертации и автореферата. Изучение текстов диссертации и ее автореферата позволяет констатировать, что научная новизна рецензируемого исследования состоит в том, что оно является монографической работой, в которой М. С. Колосович сформулировала и обосновала новые идеи, в своей совокупности представляющие концептуальные основы процессуальных средств обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве. Как наиболее интересными с точки зрения научной новизны, оригинальности, содержательности и аргументированности оппонентом воспринимаются следующие блоки диссертации.

1. Анализ зарождения и развития институтов гласности и тайны в уголовном судопроизводстве России, начиная со времени существования общинного строя и заканчивая современной регламентацией в УПК РФ. Данный подход позволил диссертанту выявить историческую обусловленность и закономерности возникновения, становления и функционирования названных правовых институтов, выявить пробелы их нормативной регламентации и проблемы правоприменительной практики, смоделировать перспективы их дальнейшего развития (с. 50, 74, 96, 122, 389).

2. Следует поддержать соискателя в части приведения ею аргументации и выводов относительно статуса гласности, рассматриваемой автором (и другими процессуалистами) в качестве общепроцессуального принципа, а не условия судебного разбирательства, проявление которого имеет место в различных стадиях уголовного процесса (с. 185). Нельзя не согласиться с выводами автора о дуалистичности закрепленных в ст. 241 УПК РФ положений, по сути состоящих из двух частей, регламентирующих гласность и тайну. Вполне логичен вывод автора о том, что противоречие двух правовых явлений создает особый правовой режим деятельности государственных правоохранительных и судебных органов по уголовному делу, тем самым способствуя обеспечению прав и свобод участников уголовного судопроизводства разумным ограничением пределов как гласности, так и охраняемой законом тайны (с. 123, 187).

3. Одним из ключевых в диссертации является вывод о том, что недавно закрепленная в ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ непосредственность участия в судебном заседании подсудимого отнесла к адресату гласности не только общественность, но и самого подсудимого. В совокупности с другими положениями УПК РФ (обязывающими независимо от стадии уголовного судопроизводства уведомлять стороны и других участников уголовного судопроизводства о принятых по делу решениях, затрагивающих их права) нововведение сместило акценты относительно адресата доступности хода и результатов предварительного расследования и судебного разбирательства. Данный вывод позволил диссертанту обосновать авторскую классификацию гласности уголовного судопроизводства, разделяемую на общую гласность и гласность для его участников (с. 142, 203).

4. Научный интерес и новизну представляет система взаимосвязанных выводов, касающихся понятия, содержания, видов и средств обеспечения транспарентности в уголовном судопроизводстве (с. 278, 296).

5. Несомненный интерес вызывают результаты проведенного соискателем анкетирования, позволившего выявить проблемы взаимодействия следователей (дознавателей) с органами, наделенными правом производства оперативно-разыскной деятельности (ОРД): их обоюдную неудовлетворенность существующим порядком взаимодействия; дефицит у лиц, инициировавших ОРД, действенных контрольных полномочий за их производством и отсутствие полного доступа к полученным результатам (с. 165, 354—355). Проведенное исследование позволило соискателю предложить свое видение процессуальной регламентации рассматриваемого взаимодействия в виде авторского проекта ст. 163 и 223.2 УПК РФ, наделяющего дополнительными полномочиями руководителя следственно-оперативной группы и вводящего нового участника уголовного судопроизводства — руководителя оперуполномоченных, входящих в состав следственно-оперативной группы (с. 518—521).

6. Научную и практическую ценность представляют полученные соискателем результаты анализа УПК ряда стран Евразии (Армении, Грузии, Казахстана, Китая, Кыргызстана, Латвии, Молдовы, Украины, ФРГ и Эстонии), позволившего выявить две модели интегрирования норм оперативно-разыскного законодательства в УПК названных стран: 1) фактическое дублирование норм оперативно-разыскного законодательства, их полное перемещение в УПК, переадресация в положениях УПК к нормам оперативно-разыскного законодательства, регламентирующего производство оперативно-разыскных мероприятий; 2) процессуальное закрепление производства негласных следственных действий, познавательные приемы которых носят оперативно-разыскной характер (с. 320—323).

7. Особого внимания заслуживают выводы автора, опиравшегося на результаты анализа уголовно-процессуального законодательства ряда стран Евразии и выявленную природу негласных следственных действий, а также подвергнутого аналогичному исследованию положения УПК РФ, которое позволило подтвердить наличие в нем норм, регламентирующих производство негласной деятельности по уголовному делу. Продолжая работу в данном направлении, соискатель впервые в науке уголовно-процессуального права предложила авторскую классификацию негласной деятельности по уголовному делу, дифференцированную на: 1) негласную деятельность следователя (дознавателя) по уголовному делу (негласные следственные действия; относительно негласные действия следователя (дознавателя); деятельность следователя (дознавателя), осуществляемую на основе конфиденциальности); 2) негласную оперативно-разыскную деятельность по уголовному делу, осуществляемую органом дознания по поручению следователя (дознавателя) или в целях обнаружения лица, совершившего преступление (абсолютно негласная, относительно негласная). При этом к негласным следственным действиям М. С. Колосович справедливо отнесла наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку; контроль и запись переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (с. 346, 347).

8. Заслуживает поддержки вывод соискателя об отсутствии четкой процессуальной формы названных выше негласных следственных действий, о наличии у следователя (дознавателя) дефицита контрольных полномочий при их производстве, об уязвимости и неконкурентоспособности доказательств, полученных посредством их производства (с. 361). Сказанное позволило М. С. Колосович сделать обоснованный вывод о необходимости внесения в УПК РФ главы, регламентирующей производство специальных розыскных мероприятий (по своей сути аналогичных негласным следственным действиям), положения о которых усилены автором дополнительными механизмами обеспечения прав участников уголовного судопроизводства и контрольными полномочиями лиц, их инициировавших, — следователя или дознавателя (с. 384, 520—536). Представляется, что восприятие законодателем указанных в проекте рассматриваемой главы положений способно оптимизировать интеграцию норм оперативно-разыскного законодательства в УПК РФ.

9. По мнению оппонента, обоснована постановка М. С. Колосович и вопроса о реализации гласности на стадии исполнения приговора, связываемой автором с доступностью заинтересованным лицам не только самой процедуры приведения его в исполнение, но и деятельности (ее результатов) государственных правоохранительных и судебных органов, а также других участников уголовного судопроизводства после вынесения приговора (например, в связи с реализацией положений, закрепленных в ст. 397, 398, ч. 2 ст. 399, 400, 417, 463 и 470 УПК РФ). Соискателем правильно обозначена проблема отсутствия должного информирования населения о названной деятельности, вызывающая у населения сомнения в достижении целей уголовного судопроизводства. Данные выводы удачно иллюстрированы примерами расследования и судебного разбирательства преступлений, вызвавших общественный резонанс.

Во взаимосвязи обозначенные и другие представленные в рецензируемой работе рассуждения, положения, выводы и рекомендации, отражающие отечественное и зарубежное законодательство, большой массив литературных источников, практическую сторону реализации изучаемых правовых институтов, в достаточной мере раскрывают тему диссертации.

К несомненным научным достоинствам оцениваемого исследования относятся его всесторонность, комплексность, сочетание глубокой теоретической проработки конкретных проблем, тщательного анализа российского и зарубежного законодательства в его динамике, изучения судебной и следственной практики, статистики, позиции правоприменителей, непосредственно участвующих в процессе применения соответствующих норм УПК РФ. Обоснованность и достоверность защищаемых положений определяются примененной методологией исследования, а практическая значимость результатов монографического труда прежде всего обусловлена авторскими предложениями о внесении изменений и дополнений в УПК РФ.

Результаты исследования М. С. Колосович и сформулированные на их основе положения, выводы и рекомендации научного и практического характера были надлежащим образом апробированы и нашли отражение в целом ряде научных трудов, опубликованных автором, из которых 2 монографии и 2 статьи в журналах, индексируемых в базе данных Web of Science.

Структура работы, ее построение, последовательность и объем изложения материала позволяют отметить высокий научный уровень диссертационного исследования. Весьма информативны и полезны в силу их наглядности и конкретности 5 приложений к диссертации (с. 498—538).

Как представляется, автору удалось достичь и решить поставленные во введении цели и задачи диссертационного исследования, о чем свидетельствуют положения, выводы и рекомендации, представленные к защите.

Однако некоторые выводы и рекомендации рецензируемой монографической работы представляются оппоненту дискуссионными, нуждаются в уточнении с позиции их перспективности в плане дальнейшей научной разработки проблематики, связанной с реализацией положений правовых институтов гласности и тайны в уголовном судопроизводстве. Остановимся на некоторых из них более детально.

1. Разделяя позицию автора о необходимости совершенствования механизмов противодействия преступности и в целом поддерживая предложение соискателя о введении Единого реестра лиц, ранее осужденных за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также лиц, неоднократно осужденных за совершение особо тяжких насильственных преступлений (с. 182), вынуждены подчеркнуть невозможность игнорирования мнения некоторых ученых, указавших на риск стигматизации осужденного, пытающегося встать на путь исправления и стать полноправным членом общества, а также на опасность ограничения конституционно гарантированного права на неприкосновенность частной жизни лица и недопустимость распространения информации о ней без его согласия (ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ).

2. Не бесспорно высказанное автором суждение о доступности после вынесения приговора материалов уголовного дела не только сторонам процесса, но и каждому лицу, проявившему интерес к судебному разбирательству (с. 142). Действительно, в ряде стран (например, в США) депонирование материалов судебного разбирательства получило определенное признание, предоставив, например, журналистам или студентам право ознакомления с ними. К сожалению, в рецензируемом исследовании не предложен авторский проект соответствующих изменений в УПК РФ. Вызывает также сомнение способность названными соискателем мерами обеспечить конфиденциальность данных, содержащихся в материалах судебного разбирательства (например, фамилии, имени, отчества, адреса проживания или работы, обстоятельств частной жизни или семейных отношений лиц, фигурирующих в материалах дела).

3. Во второй главе исследования автор при рассмотрении вопросов реализации гласности на этапе исполнения вступившего в законную силу приговора справедливо связывает гласность не с самим порядком его исполнения, а с доступностью гражданскому обществу и участникам уголовного судопроизводства деятельности суда и органов (учреждений), исполняющих уголовное наказание (с. 184). Между тем соискатель в работе обозначает существующую в науке дискуссию относительно уголовно-исполнительного судопроизводства, связанного с деятельностью суда и органов (учреждений), исполняющих уголовное наказание. В исследовании значительное внимание уделено аргументации необходимости признания гласности в качестве принципа всего уголовного судопроизводства, однако представляется, что более детальное внимание к исполнению приговора как к самостоятельному особому производству в уголовном процессе, несомненно, украсило бы исследование, повысило бы его значимость и позволило бы на монографическом уровне: 1) определить правовую природу деятельности суда, связанной с исполнением приговора; 2) подвергнуть ее более детальному анализу; 3) рассмотреть связанные с указанной деятельностью вопросы реализации норм институтов гласности и тайны в уголовном судопроизводстве.

Кроме того, диссертант оперирует выражением «приведение приговора в исполнение» (с. 179), которая перестала носить нормативный характер в связи с введением в действие УПК РФ и УИК РФ, в тексте последних уже не встречается. В уголовно-процессуальной доктрине исполнения приговора как стадии уголовного судопроизводства оно сохранилось как операционное понятие, однако часто интерпретируется исследователями вольно, смешивается с процессуальной деятельностью суда по обращению приговора к исполнению. Доктринальное представление о том, что приведение приговора в исполнение включает случаи исполнения оправдательного приговора самим судом с освобождением подсудимого из-под стражи в зале судебного заседания, не имеет под собой соответствующей нормативной базы и научно

обоснованной аргументации. При таком подходе придется признать, во-первых, что на стадию судебного разбирательства накладывается стадия исполнения приговора и границы между ними стираются, и, во-вторых, исполнение обвинительного приговора, постановленного в отношении подсудимого, не содержащегося под стражей, сводится к провозглашению приговора. Оба обозначенных варианта теоретически и практически бессмысленны. Термин «приведение приговора в исполнение» в принципе не применим к оправдательному приговору.

Термин «приведение приговора в исполнение», увязываемый его сторонниками практически со всеми этапами исполнения наказания, а также со случаями исполнения оправдательного приговора в судебном заседании, будучи «размытым», неопределенным, неприспособленным для всей линейки наказаний, утратив нормативное значение, превратился из законодательной конструкции в своеобразный правовой призрак. По этим причинам он перестал быть привлекательным для законодателя, реже стал встречаться в научной литературе.

4. Нуждается в пояснении соискателя предложение (в ч. 1 ст. 163 проекта изменений УПК РФ, с. 518) об обязанности следователя, возглавляющего следственно-оперативную группу, объявить подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему ее состав. Учитывая, что по предложению автора в состав группы, кроме следователей, могут входить сотрудники органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, требуют более детальной конкретизации вопросы эффективности и целесообразности проведения в дальнейшем оперативно-разыскных мероприятий (особенно негласных). В связи со сказанным важными являются вопросы: на каком этапе досудебного производства необходимо данное уведомление и какова его форма? К сожалению, соискателем в должной мере названные вопросы не детализированы.

Высказанные замечания носят дискуссионный характер и не снижают общей положительной оценки диссертационного исследования М. С. Колосович.

Автореферат полностью отражает содержание диссертации.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что диссертация М. С. Колосович на тему «Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы», является самостоятельно написанной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение актуальной для развития теории уголовного процесса проблемы, имеющей как теоретическую, так и практическую значимость. Она обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, заслуживает публичной защиты и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку уголовного процесса. Основные положения, выводы и научные рекомендации по их использованию в достаточной мере аргументированы, оценены, отличаются научной новизной и опубликованы в 2 монографиях, 2 статьях в журналах, индексируемых в базе данных Web of Science, 24 статьях в изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук и приравненные к ним свидетельства на программы для электронных вычислительных машин.

По своему содержанию и оформлению диссертационное исследование в полной мере отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям (пп. 9—14 положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (в ред. от 30 июля 2014 г., от 21 апреля 2016 г., от 2 августа 2016 г., от 29 мая 2017 г., от 28 августа 2017 г., от 1 октября 2018 г.)), а ее автор Марина Сергеевна Колосович заслуживает присуждения ей ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.09 «Уголовный процесс».

© Николук В. В., 2020

М. П. Поляков,
доктор юридических наук, профессор

**ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ М. С. КОЛОСОВИЧ
«ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЛАСНОСТИ И ТАЙНЫ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ»**

Актуальность темы. В науке современного уголовного процесса есть множество разных тем и направлений. Встречаются среди них темы практические, теоретические, фантастические и просто темы для исследовательской души. И в этом ярком хитросплетении поднимаемых и опускаемых проблем и вопросов образуются своеобразные узелки «брендовых» методологических тем, в которых постоянно вызревают «икринки» новых научных концепций, призывающие к себе плодотворных исследователей и требующие от них нестандартного способа оживления концептов с помощью новых научных подходов и оригинальных исследовательских схем.

Темы эти весьма своеобразны; их нельзя назвать ни модными, ни конъюнктурными; они не сулят научного первенства банальным заявлением о том, что на монографическом уровне исследуется впервые. Они не просто узнаваемы, они хорошо знакомы; на «склонах» этих тем видны дорожки, протоптанные далекими и близкими предшественниками. При этом экзистенциальная специфика этих тем такова, что все предшественники (сколько бы их ни было) при всем своем желании и громаде таланта ни исчерпать, ни забрать с собой актуальность тем не могут, ибо темы эти несут на себе печать вечной научной и социальной значимости, неиссякаемой теоретической и практической потребности. И откуда будет жив уголовный процесс, будут жить и нуждаться в концептуальном осмыслении эти научные темы, в которых живет сущее и должное.

Именно такой «брендовой» темой является тема идеологических, методологических, нормативных, нравственных и всяких прочих оснований и предпосылок проявления и сосуществования в уголовном процессе концептов гласности и тайны. Эти концепты всегда вместе, всегда в видимой конкуренции и незримом содружестве. Они есть потомки какой-то общей идеи, до которой наука пока не добралась, но обязательно доберется. Гласность и тайна — это условные метки, показывающие, где нужно копать исследователю, чтобы отыскать «концептуальные клады».

Тема постоянных «маятниковых» метаморфоз гласности и тайны крайне актуальна. актуальна во все времена и у всех народов. Истинная ее актуальность вырастает не из политической обстановки сегодняшнего дня, рождается не из сиюминутных экономических и социальных потребностей; истинная актуальность темы парадоксальна: с одной стороны, она уходит вглубь веков, а с другой, — постоянно программируется зовом из далекого будущего. И в этой ретроспективно-перспективной обстановке тема не перестает быть загадочной. Ни предания, ни грезы не выдают всех тайн, не дают полного доступа к сущности этих переплетающихся явлений. Там, в седой архаической дымке истории уголовного процесса трудно разглядеть, что было раньше — идеи гласности и тайны или сама идея уголовного процесса. В свою очередь будущее тоже лишь намекает на то, в какую крайность может вывести уголовное судопроизводство все еще не расшифрованный до конца генетический код гармонии «инь» гласности и «ян» тайны.

Гласность и тайна — для теории уголовного процесса не просто слова. Это особые идеологемы. Поэтому подобно тому, как автомобильный бренд «Мерседес» может быть ярко презентован одной лишь фразой: «Просто Мерседес», обоснование темы рецензируемой диссертации вполне могло бы обойтись простым упоминанием двух ключевых слов — гласность и тайна. И сами эти слова, и порядок их иерархического расположения уже обозначают актуальную проблему.

Однако жанр докторской диссертации даже в этой «брендовой» ситуации не позволяет ограничиваться правилом «sapiienti sat». Несмотря на то, что научно-квалификационные работы ориентируются на умную аудиторию, здесь более приветствуется принцип избыточной аргументации. По этой причине и традиции утаивать аргументы актуальности нецелесообразно и в случае обоснования злободневности «брендовых» тем. Более того, в контексте ключевых концептов их непременно нужно сделать достоянием гласности.

Заметим, что диссертант прекрасно справился с этой задачей. Его представление об актуальности темы опирается на три «кита» — историю, право и практику. Может показаться, что автор видит актуаль-

ность только в феноменальных проявлениях гласности и тайны, не особо заботясь об их «эзотерической» подоплеке. Однако это не совсем так. Дело в том, что М. С. Колосович поместила себя в очень непростую исследовательскую ситуацию. Мало того, что сложность исследования задается самой во многом неведомой спецификой взаимодействия концептов гласности и тайны, так автор усугубил ее дополнительными методологическими тисками. Будучи вынужденным двигаться в фарватере, задаваемом «Сциллой» гласности и «Харибдой» тайны, диссертант взял на себя еще одну миссию — выдержать баланс прагматизма и концептуализма. По сути, в рамках заявленной темы появляются две конкурирующие пары — гласность и тайна; процессуальные средства и концептуальные основы.

Но именно поиск решений в этой методологической «битве» на два фронта дают автору истинное понимание того, что нужно копать еще глубже и смотреть еще дальше. Он об этом заявляет буквально, призывая самого себя «обратиться к истокам рассматриваемых правовых явлений, исследовать их сущность». И в таком сложном контексте актуальности исподволь рождается концепция археолого-футурологического подхода к гласности и тайне, пролог к авторской прагматической концепции процессуальных средств обеспечения соответствующих концептов. И все это воплощается не только в скромных намеках автора, но и в конкретных теоретически и эмпирически проверенных доводах.

Автор совершенно справедливо выводит актуальность темы из диалектической взаимосвязи и взаимобусловленности гласности и тайны. Именно здесь и скрывается источник научной новизны и практической значимости темы. Подобный подход позволяет автору не скрывать того факта, что к этой теме наука обращалась много раз. Диссертант обстоятельно и уважительно вспоминает предшественников, но это не только не убавляет актуальности темы, но, напротив, придает ей еще больший вес. Таково свойство темы, которая, как мы уже заметили, относится к числу вечных «брендовых» тем.

Актуальность темы подтверждается и полученными лично диссертантом научными результатами.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, соответствует научным критериям достоверности и объективности. Методология и методика исследования в целом отвечают целям и задачам исследования. Диссертант в своем исследовании широко применяет общенаучные и частные методы научного познания. Обоснованность результатов обеспечивается и тем положительным обстоятельством, что автор использует диалектический подход не номинально, а операционально. Закон диалектического противоречия и взгляд через призму развития феноменов гласности и тайны во времени и пространстве позволяют автору разглядеть особое существо проблем, выйти на новые нюансы и детали исследуемой проблематики, которые актуализирует современная российская и зарубежная действительность. Подобный прикладной диалектический подход позволяет по-новому понять и исконную сущность этих идей и перспективу их прикладного использования для формирования концептуальных оснований процессуальных средств обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве.

Для аргументации выводов использован широкий круг доктринальных, нормативных и иных научных источников. Автором изучено почти восемь сотен научных работ по интересующей проблематике, что подтверждает глубину и тщательность исследования актуальных аспектов работы, а также позволяет сопоставить личный вклад диссертанта с достижениями предшественников.

Широкий теоретический базис и обширная нормативная база, включающая и зарубежные источники, в значительной мере усиливаются проверенными эмпирическими данными. В своих выводах автор опирается на результаты проведенного им эмпирического исследования, которые являются репрезентативными. Достоверность полученных результатов опирается на результаты опроса 1 241 сотрудника ОВД, осуществляющих предварительное расследование и оперативно-разыскные мероприятия, из 75 субъектов Российской Федерации. При этом в качестве респондентов выступили весьма ответственные сотрудники, прошедшие переподготовку и повышение квалификации в ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». Кроме того, проведено анкетирование 94 судей судов общей юрисдикции Волгоградской области. Изучено 3 935 уголовных дел, рассмотренных Волгоградским областным судом с 1961 по 2018 г., а также 5 214 решений по уголовным делам судов общей юрисдикции Российской Федерации, размещенных в ГАС «Правосудие».

В качестве позитивного момента следует отметить, что вся «эмпирическая лаборатория» и результаты обработки эмпирических данных подробным образом представлены в основном тексте и приложениях к диссертации.

Научная новизна исследования в диссертации М. С. Колосович обнаруживается достаточно легко. Новым является сам подход к теме гласности и тайны. Предшественники диссертанта затрагивали эти вопросы, используя несколько иные методологические схемы. Как правило, концептуальные вопросы рассматривались в индивидуально-иерархическом ключе. Концепты гласности и тайны исследовались либо обособленно, либо в режиме соподчинения концептов. Диссертант отважился на смелый шаг — создать концептуальные основы комплексной уголовно-процессуальной реализации концептов гласности и тайны. И хотя в сугубо концептуальном плане этот шаг выявил некоторые пока не разрешимые проблемы, он оказался крайне полезен для науки. Эти проблемы (часть из которых стали поводом для следующих ниже замечаний) являются несомненным достижением в плане научной новизны, ибо сама постановка новых научных проблем является бесспорным фактором продвижения к истине.

Впрочем, решенных научных задач, позволяющих в своей совокупности говорить о том, что цель исследования, заключающаяся в «решении научной проблемы совершенствования процессуальных средств обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве», в диссертации вполне достаточно. Анализ текста диссертации позволяет подтвердить авторскую самооценку научной новизны, представленную во введении к работе, а также сделать вывод о том, что автор внес заметный и важный вклад в развитие теории уголовного процесса, в частности, в углубление учения о влиянии концептов гласности и тайны на уголовно-процессуальную форму, а также в системное осмысление и усовершенствование правовых основ обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве.

Научная новизна работы находит содержательное выражение в положениях, выносимых на защиту. Большинство из них являются оригинальными и содержат новые научные результаты и положения, свидетельствующие о **личном вкладе автора** диссертации в юридическую науку.

Оппонент полностью разделяет и поддерживает выводы диссертанта о том, что:

— гласность в зависимости от адресата доступности хода и результатов уголовного судопроизводства можно разделить на общую гласность (доступность каждому лицу) и гласность для его участников (доступность только лицам, участвующим в деле, в пределах, зависящих от их процессуального статуса);

— закрепление в УПК РФ положений о гласности и тайне является свидетельством дуалистического характера уголовного судопроизводства, с одной стороны, регламентирующих доступность данных о ходе и результатах уголовного судопроизводства его участникам и общественности, а с другой, — ограничивающих ее в связи с необходимостью обеспечения государственной и иной охраняемой законом тайны, а также иных конституционно значимых ценностей;

— негласная деятельность по уголовному делу представляет собой двуединый процесс, состоящий из негласной деятельности следователя (дознавателя) и негласной деятельности органа дознания, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность по поручению следователя (дознавателя) или в целях обнаружения лица, совершившего преступление.

Оппоненту импонирует концептуальный авторский подход диалектически интегрирующий полярные категории гласности и тайны в единую систему, создающую в свою очередь предпосылку особого непротиворечивого правового режима деятельности государственных правоохранительных и судебных органов по уголовному делу, способствующего обеспечению прав и свобод участников уголовного судопроизводства разумным ограничением пределов как гласности, так и охраняемой законом тайны.

Оппонент поддерживает большинство предложений автора по изменению действующего уголовно-процессуального законодательства, затрагивающих спорные и неурегулированные вопросы уголовно-процессуальных средств реализации концептов гласности и тайны.

Теоретическую значимость сам автор обстоятельно определил во введении к работе. Нам лишь остается подтвердить, что диссертант обосновал комплекс новых теоретических положений применительно к сущностным основам гласности и тайны в российском уголовном процессе. Данные положения позволяют существенным образом скорректировать и конкретизировать сложившиеся научные представления о гласности и тайне в уголовном судопроизводстве и сформировать теоретическую базу для формирования правового режима, позволяющего решать задачи уголовного судопроизводства негласными средствами и при этом не ущемлять конституционных прав и свобод человека и гражданина. Работа вносит интересный и заметный вклад в теорию уголовного процесса, ликвидирует ряд пробелов в разделах, посвященных принципиальным основам обеспечения гласности отечественного уголовного судопроизводства и создания режима охраны важнейших видов тайн.

Практическая значимость. Диссертант попытался сделать все, чтобы его теоретические, правовые и эмпирические находки нашли возможность повысить эффективность деятельности правоохранительных органов и создать новые правовые гарантии для обеспечения защиты прав личности. Оппонент подтверждает, что положения и выводы, касающиеся процессуальной регламентации гласности и тайны в уголовном судопроизводстве и средств их обеспечения могут быть полезны для преобразования уголовно-процессуального законодательства, использованы в правоприменительной практике, научно-исследовательской работе и образовательном процессе при преподавании учебных дисциплин «Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс)» и «Актуальные проблемы отдельных отраслей права».

Диссертант сумел обеспечить **хороший уровень апробации полученных результатов**. Основные положения диссертационного исследования опубликованы в 62 научных трудах. В их числе: 2 монографии; 2 статьи в журналах, индексируемых в базе данных Web of Science; 24 статьи в изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Результаты своего исследования автор докладывал на 8 международных научно-практических конференциях, что свидетельствует о достаточном уровне их апробации.

Оценивая работу в целом, подчеркнем, что диссертационное исследование М. С. Колосович в достаточной мере раскрывает все параметры исследования, включая методологические, теоретические и правовые основы, эмпирическую базу; оно выделяется достаточной новизной полученных результатов, обоснованностью и достоверностью сформулированных выводов и предлагаемых рекомендаций.

Диссертация написана грамотно, добротным научным стилем. Диссертант демонстрирует широкую научную эрудицию. В работе представлены точки зрения известных ученых — специалистов в области теоретических и прикладных проблем, затрагивающих прямые и косвенные аспекты юридической реализации концептов гласности и тайны. Обширные ссылки на работы процессуалистов, вместе с тем, не затеяют собственной оригинальной позиции автора. Диссертант твердо и корректно отстаивает результаты исследования, проявляя тщательность и корректность в обосновании выносимых на защиту тезисов.

Выводы, полученные автором, непротиворечивы и обоснованны. Структура работы соответствует объекту, предмету, цели и задачам исследования. Объем диссертации и апробация результатов проведенного исследования оцениваются как достаточные. Текст автореферата соответствует содержанию и структуре диссертации.

Актуальность и научная оригинальность авторского подхода к проблеме концептуальных основ процессуальных средств обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве в значительной мере подтверждается тем обстоятельством, что в диссертации содержится немало дискуссионных (следовательно, новых и нестандартных) моментов.

Оппонент, причисляющий себя к последователям уголовно-процессуальной концептологии, взял на себя задачу сосредоточиться на замечаниях концептуального свойства. Как это ни парадоксально, но все сформулированные ниже замечания и пожелания по большей части являются констатацией побочных эффектов, вытекающих из достоинств диссертации.

Первое концептуальное замечание. Главное достоинство диссертации — это практическая направленность исследования, его нацеленность на решение крупной научной проблемы. Диссертант прямо заявляет об этой цели в телеологической рубрике введения. «Целью диссертационного исследования — пишет он, — является решение научной проблемы совершенствования процессуальных средств обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве путем разработки теоретических положений, позволивших усовершенствовать правовое регулирование негласной деятельности по уголовному делу, создать предпосылки для оптимального функционирования рассматриваемых правовых явлений, эффективной деятельности уполномоченных государственных правоохранительных и судебных органов по уголовному делу и обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства».

На первый взгляд, в подобной формулировке нет противоречия. Оно там не обнаруживается и при последующем анализе: формулировка логична и прагматична. Но именно в этой логичности и прагматичности скрываются исследовательские пристрастия диссертанта, которые создают психологические ограничения на глубину теоретического поиска. Желание в первую очередь решить практическую проблему (желание вполне справедливое и законное) ставит теорию вопроса в достаточно подчиненное положение: новое знание, обличенное в форму теории, становится не целью, а лишь средством.

Есть ли в этом недочет? И да, и нет. Если рассматривать цель диссертации в общем контексте нормативных требований, предъявляемых к научно-квалификационным работам, то недочета нет, ибо п. 9 Положения о присуждении ученых степеней весьма мудро предоставляет претенденту на докторскую степень возможность самому выбирать приоритеты в сторону теории или ее прикладного применения в форме решения крупной проблемы. М. С. Колосович совершенно честно выбрала прикладной аспект. И за это ее можно хвалить и благодарить, если бы не один нюанс — подзаголовок работы, сконцентрированный в формуле «концептуальные основы». Этот подзаголовок, по нашему (допускаем, что излишне придирчивому) мнению, есть своеобразное обязательство «глубокого теоретического бурения», как минимум до уровня сущности концептов гласности и тайны.

Впрочем, сам текст диссертации здесь пытается возразить оппоненту, подчеркивая, что уровень концептуальных обязательств автора несколько иной, о чем свидетельствуют, в частности, такие формулировки, как: «сформулировать концептуальные основы процессуальных средств обеспечения рассматриваемых правовых явлений», «сформировать концепцию процессуальной регламентации негласной деятельности по уголовному делу». Но эти возражения лишь отчасти ослабляют это замечание, поскольку и для названных чуть выше концептуальных конструкций весьма полезны свои глубокие концептуальные основы.

Второе замечание также концептуально-методологического свойства. Оно связано с предыдущим и в какой-то мере является его следствием. На наш взгляд, диссертант односторонне понимает сосуществование и взаимодействие концептов тайны и гласности. Анализ работы склоняет нас к выводу о том, что автор, помещая эти феномены в сферу диалектического осмысления, полагает, что именно в идее противоречивости и выражается их взаимное бытие. Однако сама диалектика даже в законе противоречия не предусматривает автономного существования конкурирующих элементов; она лишь предполагает, что они являются свойствами сущности более высокого порядка. Закон единства и борьбы противоположностей есть в основе своей путь к пониманию единства объекта. Все сказанное должно быть применимо и к проблеме соприкосновения гласности и тайны.

Понимая данное методологическое правило, диссертант, тем не менее, отдает предпочтение анализу, а не синтезу исходных концептов и по возможности разводит категории гласности и тайны в разные «исследовательские углы». Для научного исследования это, конечно, очень удобный и продуктивный метод, но без синтеза он не дает четкой объективной картины. Однако диалектика синтеза концептов носит завуалированный характер. Иными словами, на поверхности мы видим желание развести гласность и тайну, а при невидимом срезе дает о себе знать желание найти точки для конвергенции. Поэтому внутреннее стремление диссертанта к концептуальному синтезу феноменов, определенных им же преимущественно в качестве противоположностей, постоянно дает о себе знать характерными «синтетическими» оговорками. Например, автор говорит о «двуединой системе процессуального инструментария», объединяющей в себе гласные и негласные действия. Сам термин «двуединство» здесь призывает в методологию исследования все стороны диалектического метода.

Отметим, что сам диссертант ощущает и осознает потребность в этом. Стремление к синтезу гласности и тайны заявлено в защищаемых положениях. «Совмещение полярных категорий корреспондирует к закону диалектики — единства и борьбы противоположностей, в соответствии с которым противоречие двух правовых явлений создает особый правовой режим деятельности государственных правоохранительных и судебных органов по уголовному делу, способствуя обеспечению прав и свобод участников уголовного судопроизводства разумным ограничением пределов как гласности, так и охраняемой законом тайны».

Однако попытка соединить эти, по определению диссертанта, «полярные категории» в правовом поле без предварительного их соединения на более высоком концептуально-методологическом уровне не может достигнуть высокого уровня эффективности. Диалектика взаимоотношений гласности и тайны, на наш взгляд, как раз и заключается в их единстве. Но единство здесь более широкое понятие, нежели простое совмещение или компромисс. Так, сама по себе гласность не существует без тайны, ибо гласность есть не что иное, как определенное состояние тайны. Можно выразить сущность единства и в обратном порядке — тайна есть определенное состояние гласности. Эти феномены находятся в очень гибком взаимодействии, что диссертант замечает даже на уровне права. Не случайно в его формулах дифференциации появляются такое некатегоричное понятие, как «относительно негласные действия следователя».

Думается, что сам подход, заставляющий смотреть на гласность и тайну как на исключительно полярные категории нужно последовательно преодолевать. По нашему мнению, они вовсе не являются антагани-

стическими концептами. И даже такие типологические принципы, как «тайна предварительного расследования» и «открытость судебного разбирательства», не могут рассматриваться как классическая пара противоположностей. И в природе взаимодействия последних есть множество настоящих тайн, которые можно уложить во взаимосвязанные образы «вынашивания» и «рождения». К поиску подобного рода тайн и формированию концепций непротиворечивых отношений оппонент и призывает диссертанта в дальнейшем исследовании.

Третье концептуальное замечание вытекает из второго. И в основе его лежит опять же парадоксальное сосуществование в уголовном процессе концептов гласности и тайны. И парадокс заключается даже не в том, что оба этих концепта просятся в систему принципов, а в том, что оба они теоретически достойны, чтобы в эту систему быть включенными. Поэтому нет ничего удивительного в том, что диссертант ощущает на себе давление этих концептов и уступает им в их принципиальных притязаниях.

Так, он безоговорочно рекомендует в систему нормативных принципов гласность, что вполне логично вытекает из его идеологических и методологических установок. Эта мысль отражена в положениях, выносимых на защиту. В четвертом положении автор пишет: «Поддержано мнение ученых, рассматривающих гласность в качестве принципа уголовного судопроизводства. На основании сделанного вывода предложено закрепление в УПК РФ ст. 7.1, нормативно выразившей рассматриваемое правовое явление». Однако чуть ниже, в тех же положениях (положение 14) мы читаем, что «в скором будущем тайна сможет наравне с гласностью претендовать на закрепление в системе принципов уголовного судопроизводства».

Закономерен вопрос: можно ли здесь упрекнуть диссертанта за наличие противоречия между его концептуальными позициями? Полагаем, что это вполне возможно. Без развернутого методологического обоснования глубинной природы двуединства гласности и тайны, воплощенного в рамках более общей идеи, констатации о равнозначной принципиальной зрелости концептов гласности и тайны, увы, впадают в логическое противоречие. Современная наука, не имея пока глубокого синергетического знания о материнской идее гласности и тайны, избегает этого противоречия. Это достигается либо путем «территориального» разведения этих концептов по разным этапам, что предполагает и снижение их идеологического статуса (при подобном взгляде помещение гласности в статус общего условия вовсе не выглядит «разжалованием» фундаментального принципа гласности, как полагает диссертант), либо путем соединения их в рамках логического отношения правила и исключения. Система принципов отечественного уголовного процесса признает конкуренцию идей, но она не может допустить в круг своих элементов идеи, находящиеся в отношениях правила и исключения, присвоив им равный статус принципов. Есть даже мнение, что если принцип уголовного процесса содержит в себе исключение, то он в сущности и не принцип вовсе.

Четвертое концептуальное замечание также связано с предыдущими. Оно касается защиты одного важного неписаного методологического правила построения системы принципов отечественного уголовного процесса. Правило это было воспринято оппонентом от своего Учителя — профессора В. Т. Томина. Оно предельно конкретно: «Чем меньше принципов, тем они принципиальнее». В наше время это правило постоянно игнорируется. Сегодня окрепла другая тенденция — расширения нормативной системы принципов. Каких только принципов в нее не предлагается. И диссертант тоже не избежал «модного зова» этой тенденции. По сути, в диссертации прямо и косвенно предлагается включить в нормативную систему три принципа. Первый (неновый) — гласность уголовного судопроизводства; второй (новый) — тайна уголовного судопроизводства и третий (модерновый) — транспарентность.

И здесь у меня снова всплывает предложение, вокруг которого вращались предыдущие замечания: нужно искать общую идею, объединяющую все оттенки тайны-гласности и уже эту общую идею и рекомендовать в качестве кандидата в систему принципов. Как сказал в свое время профессор А. В. Агутин, «принципы уголовного процесса есть духовные ценности народа». С этим утверждением можно спорить в нюансах, но не по существу. Подобный онтологический подход к системе принципов обязывает нас остерегаться перегрузки этой системы частными идеями и «колючей» заимствованной терминологией.

В этих четырех концептуальных замечаниях мы попутно высказали гораздо больше претензий, среди них и весьма частные пожелания. И в дополнение к этим частностям добавим еще пару поводов для дискуссии.

Пятое замечание касается участия общественности в реализации идеи гласности. Диссертант пытается выразить тенденции в этом направлении, используя понятие эволюции, и пишет: «За последние десяти-

летия понятие общественности, участвующей в делах государства и контроле за деятельностью правоохранительных и судебных органов, эволюционировало от участия наиболее активных членов трудового коллектива до участия каждого индивида».

На этот счет советский человек профессор М. П. Поляков хочет выразить сомнение. Понятие общественности может быть и эволюционировало, а вот реальное его воплощение движется по совершенно иной траектории. Во всяком случае в уголовном судопроизводстве дело обстоит именно так. Эволюционировавшая общественность получила право много знать о судопроизводстве и много рассказывать о нем в Интернете, но она совершенно лишена процессуальных институтов, позволяющих спокойно и размеренно влиять на судопроизводство в рамках уголовно-процессуальной формы.

Непроцессуальные же формы влияния общественности, выражающиеся порой в «гипергласности» и информационной кампанейщине, идут явно не в ногу с целями уголовного процесса и нередко вынуждают правоохранительные органы принимать решения в угоду так называемому общественному мнению, которое по факту является мнением не самых многочисленных социальных групп. Таким образом, говоря об общественности как субъекте социального контроля за уголовным судопроизводством не стоит эту общественность идеализировать, равно как не следует забывать и об издержках, которые влечет за собой неразумное посвящение ее во все секреты производства по уголовным делам.

Шестое замечание. В силу своей «научной родословной» оппонент не может не высказаться по вопросу об унификации уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности. Диссертант настаивает на том, чтобы «унифицировать нормативные предписания уголовно-процессуального и оперативно-разыскного законодательства в единый институт негласной деятельности по уголовному делу, называемый специальными разыскными мероприятиями».

Не оценивая концептуальные предпосылки этого предложения и нормативную модель их реализации (с точки зрения научного обоснования, представленного диссертантом, они заслуживают высокой положительной оценки), оппонент выскажет определенные сомнения о целесообразности предполагаемой унификации.

Идеологические основания для сомнений кроются в том, что диссертант называет «общемировой тенденцией». Всякие тенденции подобного рода непременно несут в себе «злокачественные клетки», способные вызвать неблагоприятные последствия, если не в самом уголовном процессе, то в общегосударственном подходе в борьбе с преступностью. Оппонент пока не может научно критиковать эту тенденцию, но на уровне интуиции отчетливо осознает, что излишняя «оэрдэризация» уголовного процесса так же нежелательна, как и излишняя процедуризация оперативно-разыскной деятельности. Это, на наш взгляд, лишь длинные пути к решению задачи, которая может быть легко решена на политическом уровне — допущение прямого использования результатов ОРД в доказывании. Методологическое обоснование для этого давно создано группой отечественных ученых. Пока этого политического решения нет, то и всяким хитрым и нехитрым путям и проектам путь в закон заказан. ОРД, предварительное расследование, судебное разбирательство — вот три кита, на которых держится отечественная традиции борьбы с преступностью. Не думаем, что всевозможные гибриды (ОРД с расследованием, расследования с судом) будут эффективнее представителей «исконной породы».

Высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку диссертационной работы. Более того, они придадут ей новые оттенки теоретической и практической значимости.

Исходя из вышеизложенного, оппонент делает однозначно положительный вывод. Диссертация на тему «Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы» соответствует всем требованиям, предъявляемым пп. 9—14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 г. (в ред. от 1 октября 2018 г.), а ее автор Марина Сергеевна Колосович заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 12.00.09 «Уголовный процесс».

© Поляков М. П., 2020

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ»

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — 22761

ISSN 2074-8183

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Роспечать».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

— представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;

— представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;

— информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;

— обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных учреждений;

— аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Современные проблемы государства и права.

2. Уголовное право и криминология.

3. Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-разыскная деятельность.

4. Страницы истории.

5. Научная дискуссия.

Представляемая к изданию рукопись должна:

— по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;

— содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;

— предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- коды библиотечно-библиографической классификации (ББК) и универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте sgoliatina@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,
журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: sgoliatina@mvd.ru

Тел. (8442) 24-83-50, 24-83-55.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакционно-издательский отдел направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, после устранения замечаний проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакционно-издательский отдел отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования редакционная коллегия принимает окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА³
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »
название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения, размещение в сети «Интернет», включение в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)) аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденным приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, перечню служебных сведений ограниченного распространения и документов их содержащих, образующихся в деятельности органов внутренних дел, образовательных и научно-исследовательских учреждений МВД России, утвержденным приказом МВД России от 15 декабря 1997 г. № 825 дсп. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения⁴:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20 ____ *подпись* *фамилия, инициалы⁵*

³ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

⁴ Таблица заполняется на каждого автора.

⁵ Заявка подписывается каждым автором.